WB 62

549

РЭ
Е-615

СЛОВАРЬ

ФИЗИЧЕСКАГО и НРАВСТВЕН

ВОСПИТАНІЯ.

41264

Составленный

Княземъ Пароспѣмъ Енгалычевымъ.

Rois, magistrats, législateurs suprêmes,
Princes, guerriers, simples citoyens mêmes,
Dans ce sincère et fidèle miroir
Peuvent apprendre et lire leur devoir.
J. B. Rousseau.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Александра Смирдина.
1827.

1994 г.
9783
WB 62

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Главный Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для доставленія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній.

Санктпетербургъ, 5 Генваря 1827 года.

Цензоръ Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ
Иродіонъ Вѣтринскій.

СЛОВАРЬ

ФИЗИЧЕСКАГО и НРАВСТВЕННАГО ВОСПИТАНІЯ.

НАБОЖНОСТЬ, *благочестіе.*

Въ древнія времена, одинъ знаменитый Философъ сказалъ, что онъ сомнѣвается въ существованіи боговъ; тогда Аѳиняне, напавъ на него, сожгли его рукописи, изгнали его изъ своего города, и обѣщали награду тому, кто бы его убилъ: это было въ прежніе вѣки, которые мы называемъ временемъ заблужденія и невѣжества; но — тогда единое колебаніе человѣка въ вѣрѣ не могло избѣжать наказанія! — Въ самомъ дѣлѣ, какой безумецъ, возведши глаза свои къ небу, не удостовѣрится въ бытіи Бога? Красота вселенной, порядокъ тѣлъ небесныхъ, правильное теченіе солнца, луны и звѣздъ, при первомъ воззрѣніи достаточно свидѣтельствуютъ, что всё сіе не есть произведеніе случая, и побуждаетъ насъ признавать власть Всевышняго, предъ Кото-

рымъ единственно долженъ благоговѣть родъ человѣческій. Есть Богъ, ибо нѣтъ дѣйствія безъ причины.

Мы должны благоговѣть къ Виновнику толикихъ чудесъ, и въ храмъ Его вступать съ чистосердечіемъ, съ благонамѣреніемъ и съ непорочностію; ибо человѣкъ есть образъ Бога, Существа чистѣйшаго.

Хотя Божество и всюду обитаетъ, и всевидящее око Его проникаетъ до глубины сердецъ нашихъ, однакожъ всѣ народы закономъ опредѣляли посвящать Ему особенныя зданія, чтобъ, такъ сказать, имѣть Его близъ себя, и, воспаряя въ горняя, питать свою набожность присутствіемъ Его.

Прежде имѣли такое уваженіе ко храмамъ, что не позволяли никому въ нихъ разговаривать. Нынѣ же входятъ въ чертоги Царскіе, или даже какого-нибудь вельможи, не иначе, какъ съ открытою головой, и наблюдая благопристойность въ словахъ и поступкахъ, стараются оказывать почтительность и вѣжливость; между тѣмъ какъ предъ очами Того, предъ Кѣмъ великіе міра сего суть ничто, многіе не обуздываютъ своевольства и предаются всякимъ излишествамъ.

Религія положила разуму мудрые предѣлы: смиреніемъ онъ возвышается, ограниченіе утверждаетъ его, а чрезъ обузданъ-

ность онъ просвѣщается. Разумъ, озаренный Религіею, удостовѣряется въ сей полезной необходимости; онъ сознается, что только всевышнее Существо можетъ знать начало его заблужденій и конецъ, каковый могутъ имѣть его предпріятія.

Всегда мудрые Властители защищали Религію и покровительствовали ей. Ею утушаются преступныя желанія, и наклонности получаютъ направленіе къ пользѣ общественной и частной. Она дѣлаетъ значительнѣйшій перевѣсъ противъ самолюбія, которое бываетъ столь горделиво, взыскательно, безчеловѣчно, а иногда даже подло, ослѣпленно и презрѣнно. Единственно она можетъ убѣдить человѣка отказаться отъ чужой принадлежности, и возвратить подобному себѣ отнятое имѣніе и честь. Законы гражданскіе имѣютъ силу наказывать преступленія, или по крайней мѣрѣ исправлять явныя изъ оныхъ; Религія не только дѣлаетъ людей правдолюбивыми, но требуетъ еще, чтобъ добродѣтели были не по одной наружности, но происходили бы отъ сердца и существовали бы во всемъ ихъ превосходствѣ. Она всегда имѣетъ средства обращать къ добру заблудшагося, когда только велѣнія ея касаются до сердца; напротивъ того — злобный нечестивецъ не внемлетъ гласу истины, ниже угрызенію

совѣсти. Человѣкъ, непріемлющій никакого участія въ своемъ ближнемъ, неимѣющій ни страха Божія, ни упованія на Творца вселенныя, упорствуетъ въ своемъ ожесточеніи, которое отъ беззаконій происходитъ. Кроткими внушеніями, сладостнымъ обнадеживаніемъ, обѣщаніемъ лучшаго будущаго въ злосчастіи, Религія въ жизни сей облегчаетъ неизбѣжныя бѣдствія всякому человѣку, а болѣе добродѣтельному. Наипаче при неравенствѣ состояній, при несоразмѣрности почестей и вознагражденій, даетъ она чувствовать кротость своего могущества и мудрости своихъ законовъ. Всякое зло въ глазахъ Христіанина есть напасть преходящая, чрезъ которую онъ можетъ заслужить небесное воздаяніе.

Благочестіе и справедливость суть двѣ подпоры государства.

Истинно-набожный человѣкъ занимается только Небомъ; онъ поклоняется только высочайшему Существу, поклоняемому всѣми, и видитъ съ большимъ удовольствіемъ всѣ Его судьбы выполняемыя; онъ гнушается ласкательства, и стремится только къ спокойствію душевному. Добрыя его дѣла не сопровождаются желаніемъ быть возна-

граждену отъ людей. Онъ смотритъ равнодушно на всѣ приключенія въ жизни, и свое имѣніе почитаетъ имѣніемъ бѣдныхъ.

Истинно набожные люди кротки, простодушны и справедливы; но часто случается, что отъ набожнаго по наружности человѣка до истиннаго христіанина находится разстояніе во сто разъ болѣе, нежели отъ сѣвернаго полюса до южнаго.

Англійскій Философъ *Невтонъ* почерпнулъ изъ созерцанія міра, коего многіе законы онъ открылъ, такое истинное увѣреніе о бытіи и всемогуществѣ Божіемъ, что никогда не случалось, чтобъ при семъ высочайшемъ имени не оказалъ онъ величайшаго благоговѣнія. Онъ судилъ людей по ихъ поведенію, и почиталъ дурными христіанами только коварныхъ и порочныхъ людей. Сей великой человѣкъ, какъ скоро слышалъ кого-нибудь произносящаго имя Божіе, тотчасъ дѣлалъ низкое наклоненіе, которое означало и благоговеніе его и удивленіе къ дѣламъ Создателя.

Истинная набожность заключается болѣе въ дѣлахъ, нежели въ словахъ, и существенно-набожнымъ должно признавать того, кто дѣлаетъ добро своимъ ближнимъ.

Привыкши къ безбожію *Наполеона*, Французы весьма удивлялись благочестію Императора Александра I, видя, что Онъ, на Страстной недѣлѣ, пѣшкомъ ходилъ въ церковь, и говорили: вотъ истинно-Христіанскій Государь.

НАГЛОСТЬ,

дерзость, буйство, безчинство.

Учтивость, вѣжливость налагаютъ на насъ законы — соображаться съ нравами и принятыми обычаями во всѣхъ мѣстахъ и временахъ. Слѣдственно наглый человѣкъ оскорбляетъ всякое приличіе: онъ, такъ сказать, оказываетъ себя бунтовщикомъ противъ общества; но какъ во всякомъ родѣ брани долженъ быть одинъ побѣдителемъ, а другой побѣжденнымъ, то весьма часто наглецъ принужденъ терпѣть участь послѣдняго; также нерѣдко плеча и бока его платятъ контрибуцію.

Надменный человѣкъ достоинъ посмѣянія и несносенъ: дерзкій ненавистенъ и достоинъ наказанія; убѣгаютъ надменнаго, а дерзкаго прогоняютъ.

Большое несчастіе — не имѣть довольно ума, чтобъ умѣть кстати хорошо говорить, ни довольно разсудка, чтобъ молчать: вотъ первая причина всякой дерзости.

Дерзкій человѣкъ есть тотъ, который почитаетъ себя выше другихъ, потому что онъ, можетъ быть, имѣетъ дорогія мебели, экипажи, богатство, знатные чины или протекцію, и потому не уважаетъ ни кого.

Примѣръ.

Однажды на какомъ-то публичномъ гуляньѣ въ одномъ большомъ городѣ, нѣкоторый старикъ, шедшій позади молодаго франта, началъ зѣвать. Модникъ, оборотясь къ нему, сказалъ: „*Не сѣшь меня!*“ — *Не бойся, милой мой!* возразилъ старикъ, *я не люблю свинины!*“

НАДЕЖДА, *упованіе.*

Надежда услаждаетъ жизнь нашу, мечты украшаютъ ее — а страсти сокращаютъ.

Кто веселитъ себя надеждою на будущее, тотъ похищаетъ много часовъ у несчастія.

Но какъ несчастенъ человѣкъ, у котораго уже нѣтъ болѣе надежды! Для него

Природа — не имѣетъ своихъ прелестей, земля — пустыня.

Делиль сказалъ: Esperer c'est jouir, т. е. — *надежда есть наслажденіе.*

Сегюръ говоритъ: „Съ надеждою никакъ не должно разставаться: безъ нея бытіе тяготило бы человѣка; съ нею жизнь длится, какъ пріятное мечтаніе.

Надежда есть единственное благо, общее всѣмъ смертнымъ. Человѣкъ, лишенный всѣхъ даровъ счастія, можетъ еще безпрепятственно ею пользоваться.

Тѣ только, кои много потеряли, знаютъ, сколь нужна человѣку надежда.

Но горе тому, кто бываетъ игрушкой своихъ надеждъ.

Упованіе на Бога есть внутреннее увѣреніе, что при добродѣтели нашей и непорочной совѣсти, все устроитъ намъ Богъ во благое. Сія истина не только для христіанина, но и для всякаго, хотя нѣкоторымъ свѣтомъ разума одареннаго, ни мало не сомнительна. Не менѣе справедливо и то, что упованіе на людей суетно и ненадежно.

Никто не уповай во вѣки
На сильну власть Князей земныхъ;
Ихъ тѣжъ родили человѣки
И нѣтъ спасенія отъ нихъ;
Когда съ душею разлучатся

И тлѣнна плоть ихъ въ прахъ падетъ,
Высоки мысли сокрушатся
И гордость ихъ и власть минетъ.

(Ломоносовъ.)

НАДМЕННОСТЬ. — *Чит.:* ГОРДОСТЬ.

НАЗОЙЛИВОСТЬ,

докучливость, настойчивость.

Многіе на семъ свѣтѣ получали удачу отъ назойливости своей гораздо болѣе, нежели по своимъ достоинствамъ.

Que de gens ici-bas doivent leur réussite
A l'importunité bien plus qu'à leur mérite.

НАРУЖНОСТЬ ЧЕЛОВѢКА.

Тайны природы тонки, нѣжны, непостижимы. Горбунъ, уродъ — часто великій человѣкъ; красавецъ — часто дуракъ! Наружность человѣка ничего не значитъ, и надобно остерегаться отъ заключеній по физіогноміи.

НАСЛАЖДЕНІЯ.

Мудрость учитъ наслаждаться, а добродѣтель велитъ доставлять наслажденія другимъ.

Единственная цѣль Морали есть наше благополучіе или удовольствіе. Человѣку можно наслаждаться: но должно знать и мѣру, — знать, гдѣ и какъ обязаны мы жертвовать чувственными пріятностями совершенству нашей лучшей, духовной части.

Несправедливо думать, что физическія наслажденія несовмѣстны съ душевными, съ прочными. Кто пользуется всѣми своими силами, и во всякомъ отношеніи, тотъ умножаетъ оныя. Мудрый желаетъ быть здравъ духомъ и тѣломъ; онъ знаетъ, что между всѣми частями животнаго образованія есть сочувствіе (симпатія), тайная связь; что физическая сила, пріобрѣтенная умѣренною тѣлесною дѣятельностію, имѣетъ благотворное вліяніе на душевныя способности, и что совершенство ума возвышаетъ цѣну физическихъ наслажденій.

Истинное образованіе ума есть одна изъ главныхъ причинъ, которыя заставляютъ насъ быть умѣренными въ чувственныхъ наслажденіяхъ! ибо всего болѣе порабощаетъ насъ излишняя склонность къ онымъ и ложныя, мнимыя, вымышленныя потребности. Истинная добродѣтель учитъ насъ наслаждаться только тѣмъ, что имѣемъ, и быть въ готовности всего лишиться; она довольна, весела въ бѣдности, и въ самыхъ

несчастныхъ обстоятельствахъ находитъ способъ утѣшаться и быть покойною.

Какая польза, что душевныя склонности человѣка добры, если онъ рабъ своей чувственности и роскошныхъ наслажденій? Случаю, а не внутренней силѣ души, обязанъ сластолюбецъ сохраненіемъ чести своей; впрочемъ прелестію нѣкоторыхъ удовольствій и пресыщеній онъ можетъ быть доведенъ до самыхъ злыхъ дѣлъ, подобно тѣмъ животнымъ, изъ которыхъ можно все сдѣлать приманчивымъ кускомъ мяса или хлѣба.

Кто хочетъ сохранить въ цѣлости свою добродѣтель, долженъ быть доволенъ малымъ; долженъ обращать пріятности чувствъ къ цѣли своего бытія, но не почитая ихъ сею цѣлію.

НАСМѢШКИ, НАСМѢШЛИВОСТЬ.

Никто не любитъ, чтобы надъ нимъ насмѣхались. Насмѣшливость есть низкій и пагубный порокъ; не рѣдко одно необдуманное острое слово стоило дорого многимъ. Вы думаете, что пошутили просто и безъ намѣренія, но, напротивъ, вы поразили печалью душу вашего ближняго! Насмѣшка много сходствуетъ съ обидою. — Кто старается смѣшить другихъ острыми и язвительными шутками, тотъ всегда отличает-

ся умомъ съ утратою доброты сердечной. Особенно же если кто-нибудь дуренъ лицемъ, и къ тому жъ дѣлаетъ какія-либо смѣшныя тѣлодвиженія, тогда увеличиваетъ неблагопріятство Природы своими насмѣшками. Таковые неосторожные имѣютъ бо́льшее право только на ваше сожалѣніе Кто будетъ сострадателенъ къ вамъ, если вы безжалостны къ другимъ? И такъ, не должно издѣваться ни надъ кѣмъ. Но если будутъ смѣяться надъ вами, то не гнѣвайтесь, — а обратите въ шутку колкое слово, вамъ непріятное; тогда вы возьмете верхъ надъ насмѣшникомъ, и онъ не посмѣетъ болѣе на васъ нападать. Вообще, чтобы избѣгать язвительныхъ стрѣлъ злорѣчія, показывайте себя къ нимъ нечувствительными; ибо всегда болѣе смѣются надъ тѣмъ, кто огорчается шутками.

Не осмѣивай въ обществѣ никого, хотя бы онъ имѣлъ величайшія слабости. Если онъ дѣйствительно глупъ, то ты мало получишь чести отъ твоего острословія; — ежели онъ только въ твоемъ мнѣніи таковъ, то можетъ быть ты самъ содѣлаешься предметомъ его насмѣшекъ; — если онъ добросердеченъ и чувствителенъ, то ты оскорбляешь его;—наконецъ, если онъ злобенъ и мстителенъ, то можетъ быть со време-

немъ заставитъ тебя дорого заплатить за твои насмѣшки.

Никого, даже самыхъ искреннихъ друзей своихъ, не надобно стращать и задорить какими-либо ложными извѣстіями, колкими шутками, или чѣмъ другимъ, могущимъ кого-нибудь встревожить. Въ жизни сей, и безъ того уже обремененной непріятностями и огорченіями, священнѣйшею должно почитать обязанностію удалять всё, чтобы могло хотя на одну малѣйшую песчинку увеличить сіе бремя дѣйствительныхъ и воображаемыхъ золъ.

Явной насмѣшникъ есть бичъ общества; всѣ его опасаются и убѣгаютъ.

Дураки всегда готовы осердиться, и могутъ думать, что смѣются надъ ними, или ихъ презираютъ.

Не должно никогда наудачу насмѣхаться ни надъ кѣмъ; даже позволительныя шутки можно говорить однимъ только умнымъ людямъ.

Самая колкая насмѣшка есть та, на которую нельзя сердиться, не сдѣлавъ себя еще смѣшнѣе.

Чтобы надъ вами не подшучивали, то вы не должны тотчасъ сердиться за шутки или обижаться ими. Понимать шутку, или насмѣшку, есть вѣрный знакъ просвѣщеннаго ума. Одни дураки обижаются

всемъ; одни только презрительные люди опасаются быть презираемы. Есть люди, кои принимаютъ почти всякое слово на свой щетъ, и малѣйшею шуткою обижаются; съ такими никогда не должно шутить.

Если насмѣхаются надъ вашимъ ростомъ, или лицемъ, то начните вы сами первые надъ онымъ смѣяться. Чтобъ воспротивиться насмѣшкамъ, вся тайна состоитъ въ томъ, что надобно предупредить оныя.

Сколь мудрено смѣяться надъ другими, не оскорбляя ихъ, что гораздо лучше воздержаться совершенно отъ онаго. — Насмѣшникъ пріобрѣтаетъ много враговъ и ни одного друга; нравъ насмѣшника есть самый худшій. Часто онъ перемѣняетъ даже лучшихъ своихъ друзей въ непримиримыхъ враговъ. Можно шутить съ такимъ человѣкомъ, который любитъ шутки. Но стыдно насмѣхаться надъ дуракомъ, и также глупо шутить надъ недостатками тѣлесными и природными. Глупые и худовоспитанные люди всегда насмѣхаются надъ оными.

Одни глупые люди и невоспитанные сердятся за шутку, или отвѣчаютъ обиднымъ ругательствомъ. Но не должно также допускать надъ собою смѣяться какъ надъ дуракомъ, или казаться нечувствительнымъ

къ язвительнымъ шуткамъ; а должно ошшучиваться прилично.

Примѣры.

Въ одной многолюдной компаніи дивились острому уму малолѣтнаго Пика Мирандоля. Но одинъ Кардиналъ при семъ случаѣ сказалъ съ презрительною насмѣшкой: чѣмъ больше кто въ младенчествѣ имѣетъ ума, тотъ менѣе онаго будетъ имѣть подъ старость. — *Если справедливо это, что вы сказали,* отвѣчалъ ему тотчасъ ребенокъ, *то вы должны быть преразумнов дитя вѣ свое время.*

Одинъ Профессоръ Краснорѣчія читалъ своимъ ученикамъ надгробную рѣчь Маршалу Тюреню, сочиненную Флешье. Бывшій тутъ ученикъ, понявшій красоты рѣчи, сказалъ съ насмѣшкой другому своему товарищу: *Послушай! когда ты напишешь такую превосходную рѣчь?* — „*Тогда, когда ты будешь Тюренемъ!*“ отвѣчалъ ему товарищъ.

Нѣкоторый человѣкъ, имѣвшій разныя должности въ Македоніи, уличенъ былъ въ невѣрности. Обижаясь, что называли его

измѣнникомъ, онъ жаловался Архелаю, Царю Македонскому. „*Какъ вы можете обижаться,* отвѣчалъ Царь, *словами сихъ негодяевъ? Развѣ вы не знаете какъ они грубы, ибо называютъ вещи собственными ихъ именами?*

Одинъ глупецъ подсмѣялся, что у другаго были уши длинны. „*Это правда,*“ отвѣчалъ ему другой, „*что я имѣю уши весьма большія для человѣка; но согласитесь также, что и ваши уши очень малы для осла.*“

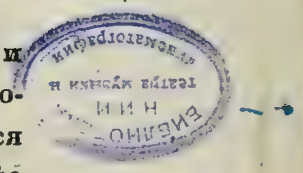
Одинъ пустомеля, который имѣлъ честь разговаривать съ *Аристотелемъ*, замѣтивъ, что сей Философъ ничего ему не отвѣчалъ, спросилъ у него: не безпокою ли я васъ? можетъ быть, мои разговоры васъ отвращаютъ отъ какихъ-нибудь высокихъ занятій. — „Нѣтъ, вы можете ихъ продолжать: я ихъ не слушаю,“ отвѣчалъ Философъ.

Генералиссимусъ Князь *Суворовъ* былъ отмѣнно добръ и снисходителенъ къ подчиненнымъ; но насмѣшки отъ равныхъ отражалъ острыми стрѣлами иронiи. Одинъ вельможа, увидя изъ окна во дворцѣ — ѣду-

щаго его въ каретѣ, сказалъ всѣмъ тутъ бывшимъ: „посмотрите, господа, въ какое замѣшательство приведу я Суворова; я поздравлю его съ днемъ ангела супруги его, съ которою онъ въ разладѣ.“ При входѣ же его тотчасъ подошелъ съ поздравленіемъ; но Суворовъ отвѣчалъ: „спасибо тебѣ, что ты помнишь именины: тебѣ досужно сидѣть за святцами; а у меня много именинъ: Туртукай, Кинбурнская коса, Измаилъ, Прага,—много! много! не упомнишь;“ и побѣжалъ отъ него.

41264

НЕБЛАГОДАРНОСТЬ.



Неблагодарность подобна фальшивой и въ великомъ множествѣ пущенной въ употребленіе монетѣ. На нее всякой жалуется и всякой стараешся какъ можно скорѣе сбыть съ рукъ.

Нѣтъ закона для наказанія за неблагодарность. Древніе полагали ее въ число тѣхъ ужасныхъ преступленій, коихъ казнь предоставлена богамъ. Они думали, что угрызенія совѣсти и стыдъ были праведнымъ воздаяніемъ даже въ сей жизни.

Цицеронъ почиталъ неблагодарность гнуснѣйшимъ порокомъ, вмѣщающимъ въ себѣ всѣ другіе пороки.

Одинъ Философъ, котораго воспитанникъ хотѣлъ его осмѣять, сравнивая его

съ подлымъ животнымъ, отвѣтствовалъ наглецу: „Я не знаю, похожу ли на животное, объ коемъ ты говоришь; но знаю только то, и цѣлый свѣтъ согласится со мною, что ты походишь на неблагодарнаго, который есть презрѣннѣйшее и ненавистнѣйшее изъ всѣхъ животныхъ.“

Впрочемъ неблагодарность есть порокъ столько обыкновенный, сколько и безчестный. Сколько мы видимъ сихъ гнусныхъ пресмыкающихся, кои, получивши помощь и значительныя услуги, стараются ужалить нѣдро, ихъ согрѣвшее! Это чудовища, достойныя небеснаго мщенія и прокляттія на землѣ!

Примѣры.

Императоръ Калифатъ, усыновленный и возведенный на тронъ Императрицею Зоею, спустя четыре мѣсяца послѣ сего, осудилъ ее на изгнаніе. Народъ, раздраженный сею гнусною неблагодарностью, взбунтовался противъ него; ему выкололи глаза и заключили его въ монастырь.

Въ общей Исторіи о путешествіяхъ разсказываютъ, что Мандоа, одинъ изъ Государей Индостанскихъ, упавши въ рѣку, былъ счастливо извлеченъ невольникомъ, который, бросившись въ глубину, схватилъ его за волосы и спасъ. Пришедъ въ чувство,

первое его стараніе было — спросить имя его спасителя. Тотчасъ ему сказали, что онъ симъ обязанъ невольнику, и всякой думалъ, что сей награжденъ будетъ соотвѣтственно его заслугѣ. Но Мандоа вопросилъ: какъ онъ дерзнулъ наложить руку на главу своего Государя? и тотчасъ повелѣлъ умертвить его. Сей самый Монархъ, однажды, пьяный, сидя на краю лодки съ одною изъ своихъ женъ, нечаянно свалился въ воду. Эта женщина легко могла бы его спасти, но она оставила его погибнуть. Когда жъ ее въ томъ упрекали, то она сказала: „я вспомнила исторію невольника.“

НЕВѢЖДА.

Изображеніе невѣжды или худо-воспитаннаго человѣка.

Невѣжда разговариваетъ въ компаніи очень громко; показываетъ себя дерзкимъ, и любитъ шумѣть, конечно почитая шумъ за веселость.

Онъ нерѣдко свищетъ въ обществѣ и напѣваетъ пѣсни.

Чихаетъ изо всей мочи, громко.

Ходя по комнатѣ, стучитъ ногами.

Смѣется изо всей силы.

Въ компаніи перешептывается съ нѣкоторыми на счетъ другаго и насмѣхается.

Разговариваетъ и кричитъ, когда музыка играетъ, и тѣмъ препятствуетъ другимъ слушать оную.

Онъ не старается о чистотѣ и опрятности, никогда не чиститъ свой ротъ, и отгоняетъ отъ себя несноснымъ запахомъ.

Зѣваетъ, не закрывая рукою рта. — Зѣвать въ чужой комнатѣ есть также невѣжливость.

Онъ грызетъ, обрѣзываетъ и вычищаетъ свои ногти, въ компаніи.

Сморкаетъ въ платокъ и потомъ смотритъ на свои возгри, или втягиваетъ оныя въ себя; а иногда и на полъ сморкаетъ.

Онъ часто ковыряетъ пальцами у себя въ носу; и иногда не умываетъ рукъ своихъ.

Онъ часто имѣетъ запачканныя рубашку и бѣлье; и платье его въ пятнахъ или въ пыли.

Онъ плюетъ и харкаетъ на полъ и на ковры, или на улицу черезъ окно.

Облокачиваясь на лучшія мебели, маратъ ихъ и даже портитъ.

Онъ, и за чужимъ обѣдомъ, кладетъ локти на столъ.

Разрѣзываетъ хлѣбъ на скатерти; обтираетъ ножъ и вилку салфеткой или скатертью.

Онъ чиститъ въ зубахъ ножемъ или вилкою.

Обнюхиваетъ почти всякое кушанье, даже и то, которое другіе должны ѣсть или пить.

Онъ ѣстъ съ жадностію, запыхавшись, и громко чавкаетъ.

Ворочаетъ на столѣ ножъ, вилку и ложку — съ большимъ стукомъ.

Онъ облизываетъ свои пальцы, ножикъ свой, ложку, вилку.

Обтираетъ свои зубы салфеткою или скатертью, иногда даже и носъ свой.

Онъ кладетъ въ блюдо кушанья, которое должно подаваться другимъ, и ложку, бывшую у него во рту.

За столомъ часто плюетъ и сморкаетъ носъ.

Напоминаетъ за столомъ объ омерзительныхъ вещахъ.

Дѣлаетъ за столомъ шарики изъ хлѣба и бросаетъ въ другихъ.

Ѣстъ за столомъ долѣе другихъ, и они принуждены бываютъ его дожидаться, чтобъ выдти изъ-за стола.

Дѣлаетъ непристойныя гримасы (кривлянья) всякаго рода.

Онъ въ чужомъ домѣ качается, сидя на стулѣ и со стуломъ вмѣстѣ.

Сидитъ тогда, когда другіе, лучшіе его, стоятъ.

Онъ подходитъ очень близко къ тому мѣсту, гдѣ считаютъ деньги.

Не смотритъ иногда на тѣхъ, которые съ нимъ говорятъ, устремляя взоры на другіе предметы.

Онъ присвояетъ себѣ качества или поступки, совсѣмъ ему несвойственные.

Бываетъ не внимателенъ въ слушаніи разговора въ компаніи, и часто переспрашиваетъ.

Онъ заставляетъ долго себя дожидаться тамъ, гдѣ ожидаютъ его пріѣзда.

Скоро дружится, и откровенно говоритъ съ новымъ другомъ, хотя и мнимымъ.

Онъ играетъ въ большія игры не по своему состоянію.

Всегда боится проходить черезъ темныя комнаты.

Часто говоритъ сквозь зубы и не ясно, бормочетъ, не довольно открываетъ ротъ; и иногда говоритъ такъ тихо, что никто не слышитъ.

Онъ повторяетъ свои слова и запинается.

Говоритъ о банкрутствѣ съ тѣмъ, кто самъ имѣетъ это несчастіе, о ссылкѣ съ тѣмъ, у кого отецъ или родственникъ былъ сосланъ, о простолюдинахъ съ тѣмъ, кто

недавно получилъ дворянство или выдаетъ себя за дворянина — по своему богатству.

Онъ даетъ совѣты тѣмъ, кои отъ него не требуютъ ихъ; ибо не знаетъ того, что давать совѣты другимъ, значитъ — себя выказывать благоразумнѣе и искуснѣе другихъ.

Хвалитъ голосъ отсутствующаго тому, кто передъ нимъ поетъ.

Онъ спрашиваетъ о чемъ-либо одного, и, не дождавшись отвѣта его, начинаетъ говорить съ другимъ.

Онъ спѣшитъ отвѣчать за другаго.

Говоритъ въ компаніи безъ разборчивости состоянія и характера тѣхъ, кои ее составляютъ. Онъ говоритъ о театрѣ съ духовною особою, или о врачебной Наукѣ съ военнымъ человѣкомъ.

Онъ говоритъ о какой-либо добродѣтели такому человѣку, который со всѣмъ чуждъ ея.

Переноситъ вѣсти изъ одного дома въ другой.

Онъ начинаетъ разсказывать о чемъ-либо и не старается вспомнить именъ лицъ или мѣстъ.

Напоминаетъ прежнія огорченія и непріятности тѣмъ, съ коими онъ говоритъ.

Онъ говоритъ о веселостяхъ и балахъ тому, кто огорченъ; о забавахъ и удоволь-

ствіяхъ тѣмъ, кои не имѣютъ средствъ, доставитъ себѣ оныхъ.

Говоритъ о красотѣ, о здоровьи и проч. тѣмъ людямъ, кои безобразны, изуродованы, или хворы и немощны.

Разговариваетъ о своемъ богатствѣ и изобиліи, о своихъ доходахъ, роскоши, съ такимъ человѣкомъ, которой не имѣетъ ни порядочнаго жилища, ни дохода.

Онъ тщеславится своимъ счастіемъ предъ злосчастнымъ и бѣдственнымъ.

Споритъ противъ закона и разговариваетъ въ церкви.

Повторяетъ часто тѣ же анекдоты и исторіи, кои онъ много разъ уже пересказывалъ.

Онъ осуждаетъ какой-нибудь порокъ людямъ, кои оному подвержены.

Перебиваетъ чей-либо разговоръ, любитъ спорить и продолжаетъ очень долго матерію объ одномъ предметѣ. Говоритъ долго, ничего дѣльнаго не сказавъ: не зная, что умные люди, напротивъ, имѣютъ даръ много сказать въ коротких словахъ.

Онъ ругаетъ своихъ подчиненныхъ при компаніи своей.

Часто говоритъ о такихъ вещахъ, кои всѣмъ уже извѣстны.

Онъ часто разсказываетъ пустяки и вздоръ.

Очень часто говоритъ о предметахъ и вещахъ, касающихся и интересныхъ только для него: (*я не имѣю аппетита, — я не довольно сдѣлалъ тѣлодвиженія, — я очень дурно спалъ, — я просыпался много разъ во время ночи.*)

Охотно говоритъ о разбойникахъ, о привидѣніяхъ, о страшилищахъ, о мертвецахъ, которые являются — по мнѣнію простаго народа. Долго пересказываетъ о болѣзняхъ, несчастіяхъ и приключеніяхъ злополучныхъ.

Онъ часто божится, дабы подкрѣпить сказанное имъ, хотя бы и никто съ нимъ не спорилъ о томъ.

Кричитъ и приходитъ въ отчаяніе, когда собака у него пропадетъ или чашка фарфоровая разобьется.

Онъ говоритъ словами и тѣлодвиженіями. (Благоразумно тѣ сдѣлаютъ, кои близко къ нему не подойдутъ.)

Чтобъ забавлять компанію, онъ дѣлаетъ непристойныя гримасы, коситъ глаза, поддѣлывается пьянымъ, и играетъ роль шута, не зная, что никто не долженъ унижать себя, чтобъ заставить другихъ смѣяться.

Онъ имѣетъ излишне-вольное и грубое обхожденіе въ своихъ разговорахъ и поступ-

кахъ: ибо не знаетъ, что слишкомъ свободное обхожденіе раждаетъ презрѣніе.

Часто ходитъ въ распутную компанію, гдѣ пріобрѣтаетъ пороки и дурныя привычки.

Онъ вчера осыпалъ васъ учтивостями и комплиментами, а сегодня ужѣ не узнаетъ васъ.

Чрезмѣрно льститъ тѣмъ, отъ коихъ надѣется что-нибудь получить.

Въ игрѣ онъ кажется очень жаднымъ къ выигрышу, или весьма чувствительнымъ къ проигрышу. — Для уплаты проигрыша, онъ занимаетъ деньги, и забываетъ отдать ихъ.

Онъ робѣетъ, приходитъ въ смятеніе и столбенѣетъ при малѣйшемъ несчастномъ приключеніи.

Онъ часто бываетъ противнаго мнѣнія съ другими.

Всегда сердится, когда ему противорѣчатъ. (Можно бы ему сказать, что онъ опасается повстрѣчаться съ истиною.)

Онъ часто и не кстати себя выхваляетъ.

Непрестанно поправляетъ свои волосы на головѣ, и часто въ зеркало смотрится.

Онъ кладетъ накрестъ ноги, то есть: одну на другую, въ присутствіи знаменитыхъ вельможъ.

Часто говоритъ о богатствѣ своемъ, о знатности своихъ предковъ, и проч. Не упуститъ, чтобъ не сказать, что онъ имѣетъ замокъ или великолѣпный домъ, славныя мебели, карету, наконецъ: что онъ удивительно богатъ. (Такими разговорами онъ можетъ унижать или посрамлять тѣхъ, кои не имѣютъ оныхъ выгодъ.)

Онъ чрезвычайно тщеславится своими удовольствіями, роскошью, увеселеніями, наслажденіями. (Болѣе старается увѣрить всѣхъ о своемъ счастіи, нежели содѣлаться подлинно счастливымъ.)

Желаетъ казаться ученымъ болѣе, нежели каковъ въ самомъ дѣлѣ.

Когда получитъ онъ какой-нибудь успѣхъ, то безпрестанно объ ономъ говоритъ.

Онъ беретъ на себя видъ господственный, барскій, внушающій къ себѣ уваженіе отъ его подчиненныхъ.

Столь взыскателенъ, что оскорбляется, если не сдѣлаютъ ему визита.

Онъ часто принимаетъ шутку за обиду и за неуваженіе къ его особѣ.

Безпрестанно говоритъ о себѣ; его любимыя слова: — *я*, — *мой*, — *моя*, — *мои*.

Онъ ни о чемъ болѣе съ вами не будетъ говорить, какъ только о томъ, что онъ сдѣлалъ, или что хочетъ дѣлать.

Онъ показываетъ себя нечувствительнымъ къ скорбямъ и страданіямъ другихъ.

Онъ въ чужомъ омѣ ищетъ для себя самое удобнѣйшее и пріятнѣйшее, какъ то: лучшую постель, лучшую комнату, мѣсто опличнѣйшее за столомъ: все это должно соотвѣтствовать его прихоти.

Онъ часто не обращаетъ вниманія къ тѣмъ, кои съ нимъ говорятъ, и даетъ имъ ясно чувствовать, что они ему наскучили своими разсказами. Въ это время онъ смотритъ въ окно или на потолокъ, играетъ съ своею собачкою или тростью и проч.

Онъ часто думаетъ, что другіе насмѣхаюпся надъ нимъ или его презираютъ.

Позволяетъ себѣ рвать плоды и цвѣты въ саду такого человѣка, съ коимъ онъ мало знакомъ.

Онъ, кланяясь со знатными особами, спрашиваетъ о состояніи ихъ здоровья.

Любитъ насмѣхаться, и имѣетъ холодность и равнодушіе почти ко всякому.

Показываетъ себя нечувствительнымъ къ потерѣ своихъ родныхъ и пріятелей, оставляя другимъ попеченіе оплакивать ихъ.

Дѣлаетъ жестокіе выговоры другимъ даже за бездѣлицы, и не довольно снисходителенъ къ ихъ недостаткамъ или проступкамъ.

Никогда не извиняетъ другихъ и даже увеличиваетъ ихъ ошибки.

Онъ старается приводить въ робость или въ замѣшательство тѣхъ, кои говорятъ съ нимъ.

Если кто разсказываетъ какое обстоятельство, то онъ непремѣнно скажетъ барски, съ презрительнымъ видомъ: я давно ужь это знаю!

Онъ не прощаетъ безобразію лица; оно почитается почти порокомъ въ его глазахъ. Также издѣвается надъ горбатыми, хромыми и проч.

Говоритъ колкія слова почти всякому, не щадя даже и друзей своихъ.

Онъ шутитъ всегда колко и обидно, не зная, что любятъ овцу, которая не кусается, и боятся собаки, которая можетъ расперзать.

Любитъ давать прозвища и ругательныя имена своимъ пріятелямъ. (Ему не извѣстно, что прозвище остается на всю жизнь, и ругательное и смѣшное имя переходитъ въ роды родовъ, и симъ можно чувствительно оскорбить того, кому оно дается.)

Онъ всегда хочетъ занимать почетнѣйшее мѣсто, во всякомъ случаѣ.

Упрекаетъ благодѣяніемъ, которое онъ кому-либо сдѣлалъ.

Не укрощаетъ своего гнѣва, и ни за что горячится и сердится.

Онъ часто вынимаетъ гребень изъ кармана и чешетъ свои волосы, въ компаніи.

Упорно поддерживаетъ свое мнѣніе: ибо не знаетъ, что ему надобно умѣть иногда уступать, когда даже увѣренъ въ своей справедливости.

Охотно вмѣшивается въ чужія ссоры.

Часто споритъ о томъ, что не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія.

Въ бесѣдахъ онъ показываетъ себя сварливымъ и спорливымъ. Если судятъ о нравственности или политикѣ, то онъ хочетъ говорить о театрѣ или о веселостяхъ; ежели разговариваютъ о модахъ, тогда онъ начнетъ разсуждать объ Астрономіи.

Если кто начнетъ шутить съ нимъ, то онъ отвѣчаетъ грубостью.

Онъ не рѣдко опровергаетъ все то, о чемъ другіе говорятъ.

Онъ дремлетъ въ обществѣ, и тѣмъ показываетъ, что скучаетъ имъ.

Любитъ передразнивать тѣхъ, кои имѣютъ природные пороки или недостатки.

Позволяетъ себѣ говорить двусмысленныя слова (экивоки) и обиняки — даже и съ дамами.

Если онъ увидитъ пьянаго, лишившагося разсудка отъ излишняго употребленія

вина, тогда онъ забавляется симъ унизительнымъ позорищемъ (вмѣсто того, чтобъ сожалѣть объ одномъ изъ подобныхъ ему, который унизилъ себя до степени несмысленнаго животнаго.)

Онъ никого не хвалитъ, а ругаетъ почти всѣхъ на свѣтѣ.

Онъ куритъ трубку въ компаніи — при дамахъ и дѣвицахъ.

Однако жъ, молодой человѣкъ, худо-воспитанный, прочитавши сіе изображеніе невѣжды, узнаетъ въ немъ нѣкоторыхъ изъ своихъ знакомыхъ; но — къ себѣ самому не присвоитъ ни одного изъ сказанныхъ отношеній.

НЕВѢЖЕСТВО,

невѣжливость, глупость, дурачество.

Невѣжество унижаетъ человѣка, покоряя его слѣпому стеченію обстоятельствъ.

Если ты обращеніемъ грубымъ, гордымъ и высокомѣрнымъ сдѣлаешься несноснымъ всѣмъ, съ коими имѣешь какую-либо связь: то нижніе тебя возненавидятъ, высшіе станутъ презирать, а всѣ вообще смѣяться.

Невѣжливость и грубость нѣкоторыхъ людей портятъ добро, дѣлаемое ими; они ослабляютъ чувство благодарности. — Сынъ мой! говоритъ мудрый, не примѣшивай упре-

ковъ къ твоимъ благодѣяніямъ; не прибавляй къ твоему дару грубыхъ и оскорбительныхъ словъ. Кротость выраженій твоихъ еще драгоцѣннѣе твоего подарка!... Небезполезно иногда обходиться съ людьми неучтивыми, дабы научиться, какъ быть къ нимъ снисходительными и не походить на нихъ. Чѣмъ грубѣе ихъ ошибки, тѣмъ они отвратительнѣе, тѣмъ стыднѣе уподобляться имъ. Когда *Сократу* совѣтовали требовать удовлетворенія за обиду, нанесенную однимъ грубіяномъ; то сей Философъ сказалъ: „Какъ! если лошадь или оселъ ударитъ меня копытомъ, то ужѐ ли должно искать на нихъ правосудія?“

Большая часть ошибокъ противъ вѣжливости происходитъ отъ того, что не хотимъ обратить вниманія на самихъ себя, — не хотимъ стѣснить себя принужденіемъ говорить и дѣйствовать по правиламъ учтивости, или по крайней мѣрѣ молчать, если слова не могутъ прикрыть чувствъ. — Маршалъ *Дюксель* не имѣлъ сей благоразумной предосторожности, что доказываетъ отвѣтъ его Лудовику XIV. Сей Государь, въ присутствіи многихъ Дамъ, спросилъ нѣкогда у него, для чего онъ не женится? — „Государь! отвѣчалъ онъ, для того, что я еще не нашелъ женщины, которой бы хотѣлъ быть мужемъ.“ — Люди великаго ума

рѣдко бываютъ много вѣжливы; они почитаютъ за трудъ — покоряться безчисленнымъ мелочамъ и утонченностямъ, необходимымъ при семъ похвальномъ качествѣ; если же умной человѣкъ учтивъ, то онъ учтивѣе всякаго другаго, и заключаетъ въ своемъ обращеніи много истинно-пріятнаго и восхитительнаго. Онъ вездѣ находитъ случай сказать какую-либо вѣжливость, которую всегда сопровождаетъ привлекательнѣйшимъ остроуміемъ.

Сколь презрительно невѣжество, особливо когда оно добровольное! — Грубой и необразованный человѣкъ имѣетъ глаза — и не видитъ; имѣетъ уши — и не слышитъ; почитая чуждымъ себѣ все, вокругъ его находящееся, онъ немногимъ отличается отъ животнаго; участь его близко подходитъ къ тѣмъ прозябеніямъ, которыя раждаются, растутъ и исчезаютъ такъ, что едва примѣтно было ихъ существованіе.

Глупцы, говорилъ Басенникъ *Локманъ*, учатъ меня мудрости: я никогда не дѣлаю того, что мнѣ не нравится въ нихъ.

Невѣжество есть смерть прежде смерти, всѣмъ уготованной.

Невѣжество унижаетъ человѣка, покоряя его слѣпому стеченію обстоятельствъ.

Но можно извлекать свою пользу и изъ глупости другихъ людей.

Глупый человѣкъ выигрываетъ — умирая, потому что онъ тогда только начинаетъ жить.

Примѣры.

Кардиналъ *Полиньякъ*, человѣкъ умный и вѣжливый, однажды находился въ гостяхъ у Герцогини дю-Менъ. Тамъ составился родъ особенной забавной игры изъ пріятныхъ и остроумныхъ отвѣтовъ на вопросы, которые предлагали одни другимъ. Герцогиня вздумала спросить его: какое различіе между ею и часами? — Онъ отвѣчалъ: „Часы, Ваша Свѣтлость, показываютъ время, а вездѣ васъ объ немъ забываютъ.“

Князь *Суворовъ*, увидя лѣкаря, къ которому въ арміи не довѣряли, сказалъ ему: „перестань обогащать Харона.“ Лѣкарь отвѣчалъ, что онъ въ первый разъ слышитъ сію фамилію. Александръ Васильевичъ, разсердясь на такое невѣжество въ Миѳологіи, убѣжалъ въ другую горницу и — растворивъ дверь, закричалъ: „не мечите бисера передъ свиньями.“

НЕДОВѢРЧИВОСТЬ.

Недовѣрчивость заставляетъ насъ худо заключать о ближнемъ; для честнаго же сердца сіе чувство самое тяжелое и ужасное! Лучше, кажется, для него быть жертвою своей доброты, нежели снѣдаться непрестанными подозрѣніями. — Не вѣрь тому, кто самъ недовѣрчивъ: онъ опасается обмана — отъ привычки обманывать другихъ. Недовѣрчивый легко заставишь думать, что онъ самъ способенъ обманывать другихъ. Онъ не употреблялъ бы такихъ предосторожностей, если бы ему не говорила совѣсть: „человѣкъ нечувствительный! съ тобою также поступятъ, какъ ты поступаешь съ другими.“ — Излишняя недовѣрчивость чаще заводитъ въ обманъ, нежели довѣренность неограниченная.

Примѣръ.

Одинъ знатный проныра, пріѣхавъ въ лавку и выбравъ лучшую шляпу, сказалъ купцу: „Эй братъ! я эту шляпу возьму, а ты деньги получишь послѣ.“ Купецъ отвѣчалъ: „нельзя, сударь.“ А тотъ — — „какъ ты смѣешь невѣрить мнѣ въ такой бездѣлицѣ.“ — „Не погнѣвайтесь, сударь, сказалъ купецъ, мнѣ нужда въ деньгахъ, и при томъ я не привыкъ всякой день бродить на поклонъ къ моей шляпѣ.“

*

НЕДОРАЗУМѢНІЯ.

Въ обстоятельствахъ человѣческихъ часто зло смѣшано съ добромъ. Все въ нихъ противоположно. Какая между людьми противоположность богатства и бѣдности, униженія и величія! Жизнь, страсти, имѣютъ также свою хорошую и худую стороны. Супружество имѣетъ свои пріятности и огорченія: оно бываетъ источникомъ ежедневныхъ удовольствій и тихихъ наслажденій, и почти всегда неизбѣжною причиной заботъ, горестей. — Должно стараться различать и выбирать въ каждой вещи, въ каждомъ обстоятельствѣ, добро, или то, что полезно и хорошо, дабы употреблять его къ своей выгодѣ или пользѣ; потомъ извлекать изъ нее и отдѣлять все, что она имѣетъ вреднаго, а иногда даже стараться самое зло употребить въ свою пользу.

Недоразумѣнія производятъ въ нравственности, политикѣ и въ наукахъ величайшую часть бѣдствій, отъ коихъ страждетъ родъ человѣческій и которыя онъ долженъ приписывать самому себѣ. „Вездѣ, говоритъ *Баконъ*, гдѣ вижу я много пролитой крови, узнаю тамъ ложную цѣль или ложныя мѣры.“

Зло, которое люди дѣлаютъ одни другимъ, есть всегда *недоразумѣніе*. Они не могутъ иначе вредить другъ другу, какъ обманывая себя и измѣняя самимъ себѣ.

Сія истина служитъ опорою нравственности, коей одно изъ главнѣйшихъ правилъ есть слѣдующее: дѣлай другому то, что самъ желаешь отъ него получить.

Пороки, предразсудки, заблужденія, невѣжество, злодѣянія, война суть нѣкоторымъ образомъ только *недоразумѣнія*. То же можно сказать о жестокихъ страстяхъ, которыя дѣлаютъ людей несчастными, возмущаютъ и разрушаютъ общества; онѣ суть всегда худо-управляемыя привязанности.

Одинъ худо понимаетъ вопросъ о славѣ и заблуждаетъ на ложномъ пути. *Геростратъ*, ослѣпленный глупымъ желаніемъ прославиться, думаетъ, что достигнетъ безсмертія, ежели сожжетъ храмъ Эфесскій. Сей ошибается въ значеніи счастія и истинной Философіи, и становится несчастенъ самъ и дѣлаетъ несчастіе другимъ. Третій пожираетъ свое и дѣтей своихъ имущество — отъ того, что онъ не умѣлъ понять цѣну хозяйства или совершенно нерадитъ о бережливости. Четвертый, увлеченный ревнивымъ бѣшенствомъ и преданный несправедливымъ подозрѣніямъ, отрав-

ляетъ собственными руками брачную чашу; отъ того, что онъ не умѣлъ хорошо постигнуть нѣжнаго и важнаго вопроса: въ чемъ состоитъ семейственное согласіе? Каждый изъ нихъ видѣлъ вещь, привлекающую его вниманіе и озабочивающую его, только съ одной особенной точки зрѣнія; онъ взялъ изъ нее то, что она имѣла вреднаго, и не умѣлъ извлечь для своей пользы того, что она имѣла хорошаго и полезнаго.

Ежели мы хотимъ быть откровенны сами съ собою, то принуждены будемъ признаться, разсмотрѣвъ жизнь свою, что только чрезъ собственную погрѣшность мы были несчастливы, и что наши упреки и жалобы на судьбу должны по большой части относиться къ намъ самимъ, а не къ природѣ или счастію.

Молодой человѣкъ, вступающій въ свѣтское общество! размысли о сей важной истинѣ: разсмотри тѣхъ, коихъ различныя заботы гнетутъ и сокрушаютъ; поищи причины ихъ печали,—и ты узнаешь, что почти всегда они сами были первою виною оной.

Богъ, говоритъ *Юнгъ*, посылаетъ намъ печали, чтобъ изгнать изъ души нашей обманчивую тищину порока и возстановить въ ней сладостный миръ добродѣтели.

Почерпнемъ изъ самыхъ горестей нашихъ спасительныя мысли, имѣющія силу исцѣлять бѣдствія душевныя . . . . *Скорбь* есть *благо* въ нѣкоторомъ смыслѣ; она испытуетъ терпѣніе наше и бодрость, и научаетъ насъ быть добродѣтельными.

Огорченія, гоненія, несчастія всякаго рода, во множествѣ обуревающія краткое появленіе наше на землѣ, и которыя тягостію своею часто подавляютъ существа, одаренныя душею великою и рѣдкими добродѣтелями, даютъ сильный поводъ принять съ истинною увѣренностью утѣшительное ученіе о *будущей жизни* и *безсмертіи души*. Чувство любви къ порядку, начало коего кроется въ сердцахъ нашихъ, и родится вмѣстѣ съ нами, заставляетъ насъ чувствовать нужду безсмертной жизни въ мірѣ лучшемъ, гдѣ бы добродѣтель могла получить воздаяніе и награду за лишенія и пожертвованія, претерпѣнныя въ мірѣ здѣшнемъ.

НЕЗАВИСИМОСТЬ.

Чтобъ наслаждаться независимостію, имѣйте какъ можно мало нуждъ.

Камень философскій гордости человѣческой; химера, за которою самолюбіе гоняется — закрывши глаза; состояніе, — ко-

тораго люди всегда добиваются и котораго почти никогда не достигаютъ, есть *независимость*.

Нѣкто сказалъ: я гораздо болѣе предпочитаю мудраго ходящаго пѣшкомъ, но довольнаго своимъ состояніемъ, богачу, позорно погруженному въ рабское или подлое изобиліе.

Кто презираетъ гордость, роскошь и изобиліе,
кто доволенъ малымъ, тотъ знакомъ нѣкоторымъ образомъ съ независимостью.

Qui foule aux pieds l'orgueil le luxe et l'abondance,
Qui vit content de peu, connait l'indépendance.

НЕЛОВКОСТЬ.

Нѣкто представилъ въ одинъ знатный домъ молодаго деревенскаго жителя, который имѣлъ всѣ потребныя качества, чтобъ привлечь къ себѣ почтеніе въ свѣтѣ, но, къ несчастію, былъ крайне застѣнчивъ: представитель входитъ впередъ; деревенскій же житель за нимъ слѣдуетъ, и — при первомъ шагѣ въ комнату, застѣнчивость его смущаетъ, видъ многолюднаго общества приводитъ его въ безпорядокъ; онъ нелов-

кимъ образомъ зацѣпляетъ ногою за коверъ, чувствуетъ препятствіе, силится итти далѣе, но — влечетъ за собою коверъ, опрокидываетъ нѣсколько стульевъ, которые его останавливаютъ, и подходитъ къ хозяйкѣ;—кланяясь ей, онъ поскользывается и падаетъ, встаетъ, извиняется; люди какъ можно скорѣе оправляютъ сей безпорядокъ; подаютъ ему стулъ, — но онъ, по ошибкѣ, садится на другой, на хозяйкину гитару, которую въ дребезги изломалъ, — вскакиваетъ — весь перепуганный, бросается въ другія кресла, придавливаетъ маленькую собачку, — отъ этого опять приходитъ въ замѣшательство, смущается, и не видитъ инаго способа, какъ убѣжать — не говоря ни слова; но—бѣжа стремительно, онъ толкнулъ слугу, несшаго подносъ съ шеколадомъ, — чашки разбиваются, а шеколадъ проливается на платья нѣкоторыхъ дамъ; сходя съ лѣстницы, онъ набѣжалъ на мужа хозяйки, котораго почти сшибъ съ ногъ: другъ его выходитъ послѣ него, и приходитъ весьма кстати — поднять бѣднаго хозяина; но неловкій бѣглецъ скрылся.

НЕНАВИСТЬ.

Умѣйте лучше все переносить, нежели питать ненависть. Сіе ужасное чувство

должно быть чуждо честному и доброму сердцу: сколь сладко любить, столь тяжело и мучительно ненавидѣть; одна минута ненависти можетъ иногда составить несчастіе цѣлой жизни.

Ненавистникъ не можетъ причинить другимъ такого зла, какое самъ себѣ причиняетъ терзаніями злобнаго сердца.

НЕОСТОРОЖНОСТЬ,

непредусмотрительность, неблагоразуміе.

Подумай прежде, нежели что-нибудь скажешь. Сколько людей, заплатившихъ дорого за свою неосторожность! Будьте благоразумны и осмотрительны въ дѣлахъ и въ словахъ. Всякой предметъ требуетъ размышленія. Древніе говорили: во всякомъ дѣлѣ должна быть поспѣшность, но поспѣшность медленная, обдуманная, благоразумная.

Одна минута неосторожности часто заставляетъ проливать слезы, которыхъ даже самое время не можетъ осушить.

Un moment d'imprudence a souvent fait verser
Des larmes que le tems n'a pu faire cesser.

НЕПОКОЛЕБИМОСТЬ ДУХА.

Вступивъ въ Москву, Наполеонъ прислалъ къ Императору Александру съ предложеніемъ о мирѣ. „*Я скорѣе соглашусь перенести столицу Мою на берега Иртыша и ходить съ смуроломъ кафтанѣ, нежели заключу теперь миръ съ разорителемъ Отечества*—“ отвѣтствовалъ Александръ I.

Не нужно распространяться о высокихъ чувствахъ Его, изображенныхъ въ рескриптѣ и приказѣ. Чувство правоты своего дѣла и упованія на Провидѣніе преобладаютъ въ оныхъ: *на зачинающаго Бога*, сказалъ пророчески Александръ I. И какъ славно исполнилъ Онъ обѣтъ свой—не положить оружія, доколѣ хотя одинъ непріятельскій воинъ останется въ Царствѣ Его!

НЕПОСТОЯНСТВО, *вѣтреность.*

Непостоянство примѣчается въ натурѣ человѣческой. Есть такіе люди, которые съ каждою минутой перемѣняютъ свои мысли, желанія, виды и намѣренія; вкусъ ихъ непостояненъ; они въ одинъ мигъ переходятъ отъ бѣлаго къ черному, — ихъ утреннія мысли не согласуются съ вечерними: они досадны другимъ, скучны самимъ себѣ. Чтобы не уподобиться имъ, поста-

раемся опредѣлять характеръ своихъ мыслей и чувствованій; добродѣтель будетъ нашей цѣлію, къ коей устремимся неуклонно. Сіе стремленіе сдѣлаетъ насъ постоянными и твердыми въ образѣ нашей жизни. Мы не будемъ съ вѣтреностію перебѣгать отъ одного предмета къ другому, а тѣмъ менѣе еще можемъ нанесть какой-либо вредъ нашимъ ближнимъ.

Извѣстно, что наши и объ одной вещи умствованія бываютъ весьма между собою несогласны: одинъ разсуждаетъ о ней такъ, другой иначе; ибо одинъ имѣетъ о ней такое понятіе, другой иное, одинъ неправильное, а другой пристрастное, а почти всѣ недостаточное,—потому, что едва ли есть такая вещь въ свѣтѣ, которую бъ мы совершенно понимали въ ея внутреннемъ существѣ и во всѣхъ малѣйшихъ отношеніяхъ.

Одинъ къ тому стремится, а другой къ иному. Въ чемъ поставляетъ одинъ все свое счастіе и удовольствіе, другой то отвергаетъ, и находитъ въ томъ же свое несчастіе. Что одному добро, то другому кажется зломъ. Что одинъ почитаетъ за истину, другой въ томъ же находитъ одинъ обманъ. Въ таковой нашихъ понятій и желаній разнообразности можно ли что найти твердое и постоянное? Не должно ли со-

стояніе наше и дѣла наши еще бо́льшимъ подвержены быть перемѣнамъ, нежели земля, воздухъ и вода, коими управляетъ самъ Зиждитель?

Всѣ мірскія веселости смѣшаны съ скукою, всѣ радости растворены слезами. Въ жизни сей нельзя найти совершеннаго покоя: ибо человѣкъ отъ Творца своего созданъ доспойнѣйшимъ и вышшимъ, нежели чтобъ сіи видимыя непостоянныя вещи удовольствовать могли его.

И такъ надлежитъ міръ сей презрѣть, то есть — жить въ мірѣ, а думать, что онъ не моя отчизна, и что я живу для Неба. Трудно имѣть глаза, а не прельщаться красотою мірскою; имѣть уши, а лестью мірскою не уловляться; имѣть сердце, а сладостей мірскихъ не пожелать! Но сію трудность побѣдили бъ мы, ежели бы имѣли кого во образъ такого, который бы все сіе точно на себѣ показалъ. Но не дала ли намъ Божія благость совершенный Образецъ, которому въ семъ случаѣ послѣдуя, можемъ научиться преходить отважно всякія искушенія, всякія противности почитать за ничто? Что есть Христосъ и самая жизнь Его, какъ не совершенный образецъ добродѣтельнѣйшаго житія, какъ не чистѣйшее зерцало, въ которомъ мы усматриваемъ недостатки свои, усмотрѣвъ — исправля-

емъ, исправивъ — усовершаемся? Христосъ есть оный путь, по которому слѣдуя, до желаннаго дойдемъ отечества. Христова жизнь есть единое истинное правило, по которому мы можемъ себя исправлять. Христова жизнь есть пресвятая, пресовершенная; всякое Христово дѣйствіе есть всему нашему житію полный образецъ: праведныя дѣла Его да исправятъ наши худыя дѣла; слова Его преистинныя да перемѣнятъ наши лжи и обманы; богомыслія Его пресвятыя да изгонятъ наши худые помыслы, непристойныя намѣренія; Его о спасеніи душъ нашихъ подвиги да возбудятъ насъ пещися о своемъ и ближняго спасеніи; Онъ, какъ самая истина, да научитъ внимать Его ученію; незлобивое Его сердце да искоренитъ нашу злобу; кроткая душа Его да посрамитъ насъ—гордыхъ; нелихоимные и нехитростные Его нравы да отвратятъ наше ненасытство и коварныя обхожденія; Его ко всѣмъ снисхожденіе и пріятная бесѣда да воспалятъ насъ ко взаимной любви; Его терпѣніе да склонитъ насъ сносить великодушно все ради Его жъ; Его смерть, и страшная и спасительная, да сотворитъ насъ дерзновенными всякой ради Христа подвигъ проходить, и никакая смерть насъ да не устрашитъ. Нѣтъ такого дѣла, котораго бы Христосъ на Себѣ не показалъ, а по-

казавши его—къ подражанію не предложилъ бы намъ. Вся Христова жизнь есть законъ, и кто живетъ съ нимъ сообразно, тотъ истинный Христовъ служитель,—а кто не слѣдуетъ оному, тотъ далеко отходитъ отъ пути спасенія.

НЕСКРОМНОСТЬ.

Нескромный человѣкъ есть — распечатанное письмо для всѣхъ.

НЕСТЯЖАТЕЛЬНОСТЬ

и упованіе на Бога.

Взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ. Не гораздо ли вы лучше ихъ? И кто изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту хотя на одинъ локоть? И объ одеждѣ что заботитесь? Посмотрите на полевыя лиліи, какъ онѣ растутъ? не трудятся, не прядутъ: но я вамъ говорю, что и Соломонъ, во всей славѣ своей, такъ не одѣвался, какъ всякая изъ нихъ. (Лук. 12, 22 — 34.)

НЕСЧАСТІЯ, *бѣдствія, бѣды.*

Несчастіе лучшая школа для человѣка.

Несчастія можно почесть благодѣяніями для человѣка. Онѣ придаютъ душѣ его силу, твердость и рѣшительность; дѣлаютъ его предусмотрительнымъ, благоразумнымъ, отважнымъ и умѣряютъ гордость его въ счастіи. Прекрасно и справедливо сказалъ *Сенека: Я не знаю, кто можетъ быть несчастнѣе того, который никогда не былъ во несчастіи.*

Есть Французская пословица: le malheur est bon à quelque chose, то есть, *несчастіе къ чему-нибудь годится.*

Таковъ есть жребій человѣка, что должно почти всегда отказываться отъ удовольствій, дабы избѣгать несчастій.

Чѣмъ бѣдственнѣе испытанія, которыя терпимъ въ жизни, тѣмъ они полезнѣе для самихъ насъ.

Поелику не всегда отъ насъ зависитъ быть въ счастіи, но, напротивъ того, въ возможности нашей состоитъ — сносить терпѣливо злоключеніе; то мудрый забываетъ ложное сіяніе перваго, и услаждаетъ непріятности втораго, не занимаясь и не веселясь ни чѣмъ, кромѣ вещей, съ его состояніемъ сходственныхъ. Счастіе утѣшаетъ своихъ любимцевъ тор-

жествами, хвалою, изобиліемъ и проч.; а несчастіе тяготитъ своихъ только печалью, мученіями, злословіемъ, бѣдностію: но ни то, ни другое изъ сихъ обоихъ состояній, не можетъ быть полнымъ властителемъ надъ разумомъ мудраго, который не находитъ ни вкуса, ни горести во всемъ томъ, что не отъ него зависитъ. Онъ не скорбитъ о своей печали, представляя себѣ краткость оныя, и облегчаетъ мученія свои основательною надеждою впредь лучшаго жребія; смѣется клеветамъ, во вредъ ему устремленнымъ, — зная, что презрѣніе обидъ истребляетъ озлобленія; не почитаетъ онъ себя бѣднымъ, — вѣдая, что нѣтъ истиннаго богатства на землѣ; ограждаетъ себя равнодушіемъ, и забавляется дурачествами смертныхъ; не прекословитъ никогда глупымъ упрямцамъ, дабы не истощать свѣта своего для слѣпцовъ; молчаніемъ своимъ вникаетъ въ разговоры разумныхъ людей, и оные подтверждаетъ; учтивостьми своими удаляетъ отъ себя вертопраховъ. Напослѣдокъ, онъ знаетъ, сколь плачевны обстоятельства человѣческія, и что нѣтъ ничего прочнаго подъ луною; а вмѣсто того все подвержено непреспаннымъ превратностямъ и всегдашнимъ перемѣнамъ, что всякое удовольствіе людское въ самомъ дѣлѣ печаль; знаніе ихъ — цѣпь заблужде-

ній, пышность ихъ — мечта, могущество — слабость; что протекшее время причиняетъ имъ горесть, настоящее — скуку, а будущее — страхъ.

Несчастливъ, кто, мало зная, презираетъ ученіе; несчастливъ и тотъ, кто, довольно научась, дурно поступаетъ.

Ничто не можетъ насъ столько подкрѣпить противъ напастей, какъ размышленіе о состояніи великаго множества несчастныхъ, кои претерпѣваютъ еще болѣе, нежели мы.

Несчастіе есть жестокій, но полезный опытъ: оно *извѣряетъ* силу души нашей и опредѣляетъ намъ настоящее мѣсто.

Въ несчастіи ничего столько не надобно страшиться, какъ отчаянія и безнадежности въ пособіяхъ. Если жизнь бѣдственна, то трудно сносить ее терпѣливо; если же она счастлива, то ужасно лишишься ея: одно другому соотвѣтствуетъ. — Терпѣніе есть лекарство отъ всѣхъ бѣдъ и скорбей. Забвеніе — лекарство противъ обидъ и оскорбленій.

Вѣра и терпѣніе суть лучшія опоры въ несчастіяхъ, и предающійся безропотно волѣ Всемилосердаго, обрѣтаетъ въ душѣ своей неизсякаемый источникъ отрады и утѣшенія.

Умѣй терпѣть! Придетъ награды время:
Въ смиреніи величья зрѣетъ сѣмя.

Человѣкъ, умѣющій трудиться, не можетъ быть совершенно несчастливъ.

Счастливые все благополучіе приписываютъ своему благоразумію или достоинствамъ. — Но несчастный имѣетъ за то свои выгоды. Несчастіе знакомитъ его съ моральными успѣхами: онъ удобряетъ свою душу. „Несчастливъ: слѣдовательно безсмертенъ!“ говаривалъ одинъ добродѣтельный, но злополучной человѣкъ. Въ свѣтѣ есть несчастные — для того, что есть злые.

Болѣе всякой тайны старайтесь скрывать ту, что вы несчастливы. Въ противномъ случаѣ всѣми будешь оставленъ.

Сегюръ говоритъ: „Три главныя причины всѣхъ несчастій человѣческихъ: забвеніе настоящаго, безпокойство о будущемъ, и зависть, дѣлающая насъ равнодушными къ тому, что имѣемъ, когда видимъ, что другіе люди имѣютъ больше.“

„Потребно благоразуміе, чтобъ избѣгнуть несчастія, и мужество, дабы оное перенести,“ — сказалъ *Жанъ-Жакъ Руссо*.

Чтобъ не почитать себя несчастнымъ на семъ свѣтѣ, должно смотрѣть на тѣхъ, кои несчастнѣе насъ.

Кто помогаетъ несчастнымъ, тотъ угождаетъ Богу.

Бѣды и злоключенія отъ величія и славы не облегчаются: чѣмъ болѣе кто возвышенъ, тѣмъ больше у того заботъ и безпокойствъ.

Человѣкъ начинаетъ жизнь свою плачемъ, а оканчивается она мучительнымъ разлученіемъ души отъ тѣла; средина жизни полна горестей, печалей, напастей и всякихъ несчастій; и потому всякой день слышимъ мы человѣческія жалобы и вопли, оглашающіе воздухъ: одинъ жалуется на нищету; другой на жестокость своихъ непріятелей; третій на невѣрность своихъ друзей; иной борется съ мучительными болѣзнями, или отъ печальной ослабѣваетъ старости; другой неутѣшно плачетъ о смерти дѣтей или сродниковъ своихъ; сей скучаетъ, будучи отягощаемъ вседневными трудами, которымъ скораго не предвидитъ конца; тотъ рыдаетъ, что кровавыми трудами снисканное имѣніе похитили воры, или истребилъ огонь, или потопила вода, или, что и того жалостнѣе, неправедный похитилъ судія, да еще его же и обвинилъ. Къ умноженію несчастія, часто случается, что

мы печалимся о томъ, о чемъ не должно, или по крайней мѣрѣ сокрушаемся больше, нежели чего то стоитъ. По истиннѣ самыя человѣческія увеселенія смѣшаны съ скукою; самыя радости разтворены слезами: не успѣетъ возсіять утро благополучія, какъ тотчасъ и помрачается оно страшными облаками несчастій и бурею напастей. Лучше бы, кажется, желать не родиться, нежели на таковыя родиться бѣдствія, или и родившись, скоро смертнымъ мракомъ покрыту быть, нежели столь страдательную влечь жизнь.

Но труды и соединяемыя съ ними на краткое время скуки необходимо нужны какъ для добродѣтели, такъ и для будущей жизни; слѣдственно благополучію сей жизни они не только не препятствуютъ, но еще и споспѣшествуютъ. Несчастіямъ, какъ слѣдствіямъ худыхъ дѣлъ, подвергаются люди сами собою, и слѣдовательно должны винить сами себя. Несчастія же, за истину и добродѣтель претерпѣваемыя, не суть несчастія, или только мнимыя: ибо не только внутренняго совершенства не нарушаютъ, но паче оное устрояютъ, а при томъ истинную у Бога и добрыхъ людей снискиваютъ себѣ славу и мздовоздаяніе.

Да умолкнутъ же человѣческія жалобы. Мы, имѣя премудраго Создателя и небесна-

го Отца, можемъ ли подумать, чтобъ Онъ въ самое то время, когда держитъ въ рукахъ своихъ чашу правосудія, не растворялъ оную милосердіемъ? Можемъ ли подумать, чтобъ Онъ попускалъ быть несчастіямъ ко всекончной нашей погибели, не имѣя притомъ благаго о пользѣ нашей намѣренія? Я не испытываю, и испытывать не могу всѣхъ тѣхъ причинъ, для которыхъ премудрость Божія попускаетъ намъ впадать въ нѣкоторыя злоключенія; но — со всѣмъ тѣмъ не сомнѣваюсь, *яко любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое.* Премудрый Божій Промыслъ часто насъ бѣдствіями руководствуетъ къ добродѣтели, и терпѣніемъ возводитъ въ высшія достоинства. Насылаемыми несчастіями также смиряетъ Онъ нашу гордость, уменьшаетъ самолюбіе, пресѣкаетъ прихоти, не допускаетъ до душевнаго разслабленія и вразумляетъ насъ, чтобъ мы не на земли, но на небеси искали истиннаго своего блаженства.

Васъ называютъ великимъ человѣкомъ: какъ же я могу въ томъ удостовѣриться, если счастіе не предоставило вамъ случая поддержать ваше мужество въ напасти.

Счастіе дѣлаетъ только глупыхъ гордецовъ, несчастіе же усовершенствуетъ людей.

Примѣры.

Одинъ бѣдный дервишъ (Турецкій монахъ) не имѣя никакой обуви, пошелъ босикомъ на поклоненіе въ Мекку; пришедши къ воротамъ главной мечети Куфской, онъ видитъ одного несчастнаго безъ ногъ, кои были отняты; взоръ на сего человѣка, который былъ несчастнѣе его, утѣшилъ и вразумилъ его, что несчастіе — быть безъ обуви — гораздо сноснѣе, нежели быть безъ ногъ.

Князь *Суворовъ* однажды говорилъ, что онъ никогда, ни въ мирное, ни въ военное время не былъ несчастнымъ. Одинъ изъ гостей отважился ему намѣкнуть, что солнце и его не всегда согрѣвало. „А, понимаю васъ, сказалъ онъ: это испытанія Божіи; за то никогда такъ усердно не молился бы я съ *Давидомъ*: Господи! благо мнѣ, яко смирилъ мя еси.“

НЕУМѢРЕННОСТЬ ЖЕЛАНІЙ.

Вольтеръ сказалъ: Изобильный богатствомъ имѣетъ излишекъ, богатый — довольство, бѣдный — нужное, и ни одинъ не говоритъ — что ему довольно.

Почему люди больше просятъ Бога объ изліяніи новыхъ щедротъ, нежели благодарятъ Его за то, что уже пріемлютъ отъ милосердой Его десницы? Не потому ли, что они никогда и ничѣмъ не довольствуются?

Если бъ почести и богатства могли насытить, тогда бы слѣдовало оныя пріобрѣтать; но жадность умножается, пріобрѣтая оныя, и тотъ, кто болѣе имѣетъ желаній, всегда есть бѣднѣйшій.

Соедините всѣ несчастія, случившіяся на свѣтѣ, разсмотрите каждое отдѣльно, и вы увидите, что изо ста, девяноста девять произошли отъ того, что человѣкъ хочетъ имѣть — десять комнатъ вмѣсто одной, великолѣпный домъ—вмѣсто хижины, пиръ—вмѣсто обѣда, и такъ далѣе. Эта прогрессія ужасна! Но если бъ каждый довольствовался необходимымъ, то этотъ свѣтъ былъ бы жилищемъ блаженства.

Горацій сказалъ правду: Никто не доволенъ своимъ состояніемъ.

Тотъ, который домогается всего, часто не получаетъ ничего.

Желаніе наше всегда къ чему-нибудь простирается, но притомъ столь далеко, что ничѣмъ въ мірѣ удовольствовано быть не можетъ, и касается одной только поверхности благъ, но ничѣмъ совершенно не

насыщается. Сердце человѣческое перебираетъ одну вещь за другою, и — нѣсколько ими полюбовавшись, оставляетъ; но между тѣмъ непрестанно къ чему-нибудь большему стремится. Пусть протекаютъ предъ нами рѣки богатства; пусть оглашаетъ уши наши громъ славы: но рѣки богатства изсыхаютъ, и громъ славы, умолкая, оканчивается нѣкоторымъ пустымъ и непріятнымъ звукомъ. Все преходитъ; но чрезъ то не только не проходитъ желаніе наше, но еще паче раздражается: оно тѣмъ болѣе усиливается, чѣмъ менѣе удовлетворяется.

Но надобно, чтобъ непрестанно-движимое сердце наше имѣло желаніямъ своимъ предѣлъ. Сія сила души нашей вліяна отъ Бога; и такъ она не напрасна: она должна чѣмъ-либо удовольствована быть; но — не услажденіями міра сего: ибо душа безсмертна; посему ищетъ она такого добра, которое бы съ нею и по смерти пребывало. Пусть бы насъ міръ здѣсь совершенно удовольствовалъ, но какъ онъ насъ и мы его должны нѣкогда оставить, то какая намъ польза во временномъ благополучіи, если мы потеряемъ блаженную вѣчность?

Однако со всѣмъ тѣмъ многіе не понимаютъ, что когда душа ничѣмъ здѣсь удовольствовать себя не можетъ, то надобно бы подумать о совершенномъ ея добрѣ.

Старики наслаждаются лишь прошедшимъ, молодость занимается однимъ настоящимъ, честолюбивые думаютъ о будущемъ. Нѣтъ въ свѣтѣ человѣка, который не желалъ бы узнать, какимъ богатствомъ и какими почестями онъ будетъ обладать: Государь думаетъ, долго ли продолжится его царствованіе и будетъ ли оно достохвально и мирно; вельможа, получитъ ли онъ милости отъ Государя; Министръ, лишится ли онъ милости или нѣтъ; Генералъ желаетъ побѣды; государственный Казначей желаетъ денегъ; красота желаетъ многихъ обожателей и прелестей, которыя бы не перемѣнялись; писатель — большихъ успѣховъ; бѣдный — богатства; чувствительный человѣкъ — нѣжнаго друга; а счастливый — долголѣтней жизни!

НЕУТОМИМОСТЬ,

неусыпность, дѣятельность.

Аксіома Князя Александра Васильевича *Суворова* была: деньги для войны нужны, но драгоцѣннѣе время. „Однажды — разсказывалъ онъ: „Матушка Царица изволила мнѣ говорить: вы будете мнѣ нужны въ Финляндіи. Я поклонился ей въ ноги, тотчасъ на квартиру, а оттуда на перекладныхъ въ Выборгъ. Изъ Выборга пишу донесеніе:

„Всепресвѣтлѣйшая Государыня! я здѣсь, и ожидаю Высочайшихъ Вашихъ повелѣній.“ Императрица, какъ я послѣ узналъ, изволила отозваться: съ нимъ надобно говорить поосторожнѣе; и въ тотъ же день я удостоился получить Высочайшій рескриптъ — о построеніи и приведеніи въ оборонительное состояніе крѣпостей въ Финляндіи. Тамъ быстро воздвигнулъ я, что быстро разрушалъ.“

НЕЧЕСТИВОСТЬ, *нечестіе.*

Тотъ, кто не страшится оскорблять Творца своего, есть сынъ мятежный, незаслуживающій никакой пощады. Онъ призываетъ на главу свою мщеніе Неба; и если человѣческое правосудіе будетъ безгласно въ отношеніи его, то да трепещетъ онъ явиться нѣкогда предъ судилище Бога, праведно раздраженнаго! —

Нечестивость побуждаетъ къ злобѣ и къ наглости, возмущаетъ умы и доводитъ до несправедливостей и смятеній.

Нечестивцы хотятъ, чтобъ развратные не имѣли ни воздержности, ни обузданности. Помрачать всякую истину, опровергать всѣ законы, разстроивать всякую власть, давать свободу всѣмъ страстямъ, преобразовывать людей въ толикихъ же

изверговъ, — вотъ въ послѣдствіи какой бываетъ плодъ ихъ богопротивныхъ умствованій.

НИЗОСТЬ ДУШИ, *униженіе.*

Низость есть большая дорога, по которой честолюбіе бѣжитъ къ славѣ. Сколь достоинъ презрѣнія тотъ честолюбецъ, который, чтобы успѣть въ безразсудныхъ предпріятіяхъ своихъ, не страшится опуститься даже до низости. Прежде, нежели начнешь пресмыкаться предъ подобнымъ себѣ, размысли, малодушный: Высочайшее Существо склонило ли чело твое къ землѣ? сотворило ли оно тебя такимъ, какъ пресмыкающіяся живопіныя, коимъ ты не стыдишься уподобляться? — Во имя человѣчества дерзай наконецъ воспріять то положеніе, которое приличествуетъ тебѣ. Предъ однимъ только Богомъ преклоняютъ колѣна!

Въ какомъ бы положеніи въ жизни мы ни находились, униженіе никогда не должно доходить до нарушенія законовъ чести или справедливости: оно содѣлалось бы тогда дѣйствіемъ подлости и трусости.

Кто превозносится, тотъ повѣса и глупъ; а кто унижается, тотъ дуракъ.

Униженіе пристойно только одному преступнику.

Человѣкъ самый низкій не тотъ, который проситъ у дверей куска хлѣба; но который — ни въ чемъ не нуждаясь, ползаетъ въ переднихъ, для полученія мѣста, знака, или даже для того только, чтобы обратить на себя взоръ вельможи.

НИЧТОЖЕСТВО, *ничтожность.*

Чѣмъ болѣе человѣкъ просвѣщенъ, тѣмъ болѣе онъ видитъ свое ничтожество: онъ увѣренъ, что ничего не знаетъ; въ этомъ сознается, и поставляетъ себѣ за славу слушать гласъ Божій и оному вѣритъ.

Plus l'homme est éclairé, plus il voit son néant:
Il sait qu'il ne sait rien; il l'avoue, et sa gloire
Est celle d'écouter, quand Dieu parle, et de croire.

НРАВОУЧЕНІЕ ХРИСТІАНСКОЕ.

Если ты ненавидишь кого, то ты не христіанинъ. Всякое человѣконенавидѣніе возмущаетъ источникъ жизни.

Будь ласковъ ко всѣмъ.

Научись отъ Христа — служить всѣмъ.

Исполненіе воли Божіей есть пища для жизни вѣчной.

Истинная и чистая любовь ко Христу свидѣтельствуется исполненіемъ его воли.

Если отъ всего сердца можешь молиться: *Господи, да будетъ воля твоя!* то всегда будешь услышанъ.

Христосъ посредѣ высочайшихъ страданій молился Отцу Своему за враговъ своихъ, и за нихъ умеръ. — Такъ учись любить!

Истинное смиреніе есть дщерь самопознанія.

Скупой есть нищій, ибо онъ ничѣмъ не пользуется.

Никто не платитъ такъ вѣрно процентовъ, какъ бѣдные: ибо за нихъ платитъ самъ Христосъ.

Будь уступчивъ, кротокъ, благосклоненъ, смиренъ и дружелюбивъ: тогда вездѣ побѣдишь. —

Смертный! Молодъ ли ты или старъ, богатъ или бѣденъ, многомощенъ или слабъ, невѣжда или просвѣщенъ: ты долженъ быть справедливъ предъ всѣми смертными.

Вы желаете, чтобъ никто не лишилъ васъ имущества, не обидѣлъ вашей личности и чести; то также уважайте чужое имущество, личность и честь.

Говорите о себѣ только вашему другу, вашей супругѣ, вашимъ дѣтямъ; говорите всѣмъ людямъ то только, что ихъ лично

интересуетъ, или всѣхъ вообще интересуетъ.

Нравственность выше всѣхъ гражданскихъ законовъ, и судъ ея гораздо страшнѣе, нежели судъ законовъ. Она требуетъ не только, чтобъ мы избѣгали зла, но чтобъ дѣлали добро; не только чтобъ мы *казались* добродѣтельными, но чтобъ *были* таковыми; ибо она не утверждается на уваженіи общенародномъ, которое можно обмануть и обольстить, но основывается на нашемъ собственномъ уваженіи, которое никогда насъ не обманываетъ.

Одно правило нравственности можетъ замѣнить всѣ другія; а именно: *Не дѣлай и не говори никогда того, чего бы ты не желалъ, чтобъ всѣ видѣли и слышали.*

Китайскія нравоучительныя правила.

„Во дни изобилія всегда помышляй о бѣдности; не допусти, чтобы нужда напала на тебя и заставила съ горестію вспоминать время изобилія.“

„Когда сердце внутри просвѣщено и ясно, это небесный чертогъ (рай); когда сердце внутри темно и мрачно, это земная тюрьма (адъ).“

„Предупрежденіе болѣзни лучше леченія.“

„Скромность сопровождается пользою; высокомѣріе навлекаетъ погибель.“

„Куда нагнешь юную отрасль, туда будетъ наклонено и дерево.“

„Сомнѣніе и развлеченіе — на землѣ свѣтлость истины — въ небѣ.“

„Изъ смертныхъ кто безъ погрѣшностей?“

„Въ учености старость и молодость ничего не значатъ; наиболѣе свѣдущій получаетъ предпочтеніе.“

„Надѣвая платье, вспоминай о трудахъ ткача; съѣдая хлѣбъ ежедневный свой, думай о трудныхъ работахъ земледѣльца.“

Древняя Китайская пословица говоритъ: гдѣ мечи заржавѣли, а плуги свѣтлы, тюрьмы пусты, а житницы полны, ступени церковныя въ грязи, а дворы судилищъ поросли травою, врачи ходятъ пѣшкомъ, а мясники ѣздятъ верхомъ, тамъ стариковъ и младенцевъ много, и государство благо управляется.

Кого всѣ хвалятъ, или никто не хвалитъ, тотъ человѣкъ опасной; безъ коварства нельзя нравиться, и не нравиться вдругъ честнымъ людямъ и злымъ.

Строгой и грубой человѣкъ можетъ имѣть доброе сердце; но чьи слова хитро-

сплетенны, чье обращеніе прелестно, у того рѣдко доброе сердце.

Истинная мудрость въ томъ состоитъ, чтобъ просвѣщать свой разумъ и очищать сердце свое, любить людей и вселять въ нихъ любовь къ добродѣтели, преодолѣвать всѣ препятствія къ соединенію себя съ высочайшимъ благомъ, и къ нему единому только прилѣпляться.

Есть три вещи, сказалъ писатель *Агатонъ*, которыхъ Владыки земные не должны никогда забывать: что они управляютъ людьми, что они должны поступать по законамъ, и — что они не навсегда будутъ управлять.

Спросили *Агазиклеса*, Царя Спарпанскаго: какое есть средство царствовать безъ тѣлохранителей? „Оно состоитъ въ томъ, отвѣчалъ Царь, чтобъ управлять своими подданными точно такъ, какъ хорошій отецъ управляетъ дѣтьми своими.“

НРАВСТВЕННОСТЬ, *Мораль.*

Нравственность народа зависитъ отъ воспитанія и законовъ. Первое приуготовляетъ нравы, вторые содержатъ ихъ въ чистотѣ и непорочности.

Римляне долгое время были трудолюбивы и воздержны, тверды въ несчастіяхъ, неустрашимы въ опасностяхъ, благоразумны въ управленіи государственными доходами, и вотъ средства, чрезъ которыя покорили они толикое множество народовъ.

Народы процвѣтаютъ до тѣхъ поръ, пока законы находятся въ гармоніи съ благонравіемъ; упадаютъ, когда нравы испорчены; и въ подобныхъ обстоятельствахъ, законы чаще обращаютъ сѣти на невинность, вмѣсто того, чтобы укрощать ими буйство.

Доколѣ не уразумѣете вы, что Евангеліе заключаетъ въ себѣ не токмо полную нравственность, но и указуетъ живый путь возрожденія и *живота сокровеннаго въ Богѣ* (къ Колос. 3, ст. 3); что оно одно, посредствомъ вѣры, дѣлаетъ насъ причастными благодати, которая одна въ состояніи преодолѣть врожденное наше развращеніе; что не довольно того, чтобъ исполнять кое-какъ внѣшнія обязанности, но необходимо должно нападать на ветхаго человѣка во всѣхъ его изворотахъ, открывать всѣ его въ насъ убѣжища и сокровенныя ущелія, въ коихъ онъ прячется и кои неприступны для глазъ натуры и безсильнаго разсудка? Доколѣ не уразумѣете вы, что дѣятельное

христіанство есть дѣло Духа Святаго, а не разума, умѣющаго *очищать* токмо *внѣшняя*, — Духа Святаго, который проходитъ, проницаетъ даже до послѣднихъ изгибовъ сердецъ нашихъ, *отчаянно злыхъ?* какъ говоритъ Священное писаніе (Іерем. 17, ст. 9.) Познайте единожды, что христіанство есть чистый свѣтъ, открывающій безмѣрную нашу бѣдность, а не ложное богатство человѣческой нравственности, столь много Философами и учеными людьми проповѣдуемой, превозносимой и столь худо ими исполняемой, которая токмо распещряетъ нашу наготу, и такимъ образомъ скрываетъ отъ насъ рану, уязвляющую всѣхъ чадъ Адамовыхъ и единымъ Духомъ Божіимъ исцѣляемую. Познайте, что нѣтъ иной истинной нравственности, кромѣ Евангельской.

Во всѣхъ дѣлахъ твоихъ и намѣреніяхъ не выпускай изъ памяти и вида Божію вездѣсущность.

Взирайте на ложное любочестіе, какъ на дымъ; на уваженіе людей, какъ на дѣтскую игру; на почести, какъ на ужасную тягость; на утѣхи жизни и богатство, какъ на сновидѣніе.

Не противорѣчьте никому, и не спорьте въ вещахъ малозначущихъ; а уступайте

всякому, чрезъ что завсегда одержите побѣду.

Знаете ли, говорилъ Женевскій Философъ, что можетъ сдѣлать вашего дитя несчастнымъ? Это пріученіе его выпрашивать все: ибо его желанія возрастаютъ безпрестанно, по удобности ихъ удовлетворенія; рано или поздно невозможность принудитъ васъ невольно отказать ему, и сей необыкновенный отказъ причинитъ ему болѣе досады, нежели лишеніе того, чего онъ желаетъ; сперва онъ захочетъ имѣть трость, которую вы держите, потомъ часы ваши, и наконецъ онъ захочетъ имѣть птицу, которая летаетъ и все то, что ни увидитъ. Какъ же вы его удовлетворите? Нѣкоторые дѣти были такъ воспитаны, что кричали, не слушая никого, какъ скоро не исполняли ихъ желаній и отказывали имъ въ такихъ вещахъ, на которыя невозможно было согласиться.

Примѣръ.

Авторъ Историческаго Словаря воспитанія, приводитъ по сему случаю одинъ поступокъ, который скорѣе можетъ исправить многихъ матерей, нежели всѣ наставленія, которыя можно имъ преподать. Одна женщина имѣла сына, и боясь, что

онъ занеможетъ отъ противурѣчія, позволяла ему всякія шалости, такъ, что онъ приходилъ въ бѣшенство при малѣйшемъ сопротивленіи желаніямъ его. Мужъ сей женщины, ея родственники и пріятели представляли ей, что она губитъ своего любимаго сына: все было тщетно! Нѣкогда она была въ своей комнатѣ и услышала, что ея сынъ плакалъ на дворѣ. Онъ царапалъ лице свое отъ ярости, потому что слуга не давалъ ему того, чего онъ требовалъ.“ Ты большой грубіянъ, сказала она сему слугѣ; почему ты не даешь ребенку, что онъ проситъ? выполни тотчасъ, что ему угодно.“ „Повѣрьте моей чести, сударыня, отвѣчалъ слуга, — онъ можетъ кричать до завтра, но не получитъ.“ При сихъ словахъ, женщина сія такъ ожесточилась, что едва не получила спазмы: она бѣжитъ, и — проходя черезъ залу, гдѣ былъ ея мужъ съ своими пріятелями, проситъ его за ней слѣдовать и выгнать негодяя, который не повинуется. Мужъ, который имѣлъ слабость къ женѣ такую, какую имѣла она къ своему сыну, за ней слѣдуетъ, а прочіе всѣ подошли къ окну, чтобъ видѣть, что́ случилось. „Дерзкій, сказалъ онъ слугѣ, какъ ты смѣешь неповиноваться госпожѣ, отказывая ребенку въ томъ, чего онъ проситъ?“ — „По истинѣ, сударь, сказалъ слуга, госпо-

жа, если можетъ, пусть сама ему дастъ оное. Вотъ съ четверть часа, какъ видѣлъ онъ луну въ ведрѣ воды, и хочетъ, чтобъ я ее далъ ему.“ При сихъ словахъ, мужъ ея и всѣ зрители не могли удержаться отъ смѣху. Барыня сама, не смотря на свой гнѣвъ, не могла также не смѣяться. Она была такъ пристыжена сею сценою, что послѣ этого исправилась, и сдѣлала ребенка любезнымъ — изъ гнуснаго и самовольнаго. Сколько есть матерей, которыя имѣли бы нужду въ семъ урокѣ!

Правила, руководствующія къ лучшей нравственности. (Соч. Франклина.)

Принявъ смѣлое и трудное намѣреніе достигнуть нравственнаго совершенства, я желалъ провести мою жизнь такъ, чтобъ никогда не дѣлать ни малѣйшей погрѣшности; хотѣлъ преодолѣть все, что могло меня увлекать ко злу. Какъ уже я зналъ, или по крайней мѣрѣ думалъ, что знаю различать *добро* отъ *зла*, и потому не находилъ причины, для чего я не могъ всегда дѣлать первое и избѣгать втораго; но скоро замѣтилъ, что я предпринялъ подвигъ труднѣйшій, нежели какъ я воображалъ сначала. Обращая все мое вниманіе на одинъ порокъ

и стараясь убѣгать его, я впадалъ непримѣтно въ другой. Привычка превозмогала мое невниманіе, или—лучше сказать, наклонность была сильнѣе моего разсудка.

Наконецъ заключилъ я, что хотя мы твердо увѣрены, что собственная наша польза убѣждаетъ насъ быть добродѣтельными, но сего убѣжденія еще не довольно для предупрежденія нашихъ паденій; что надобно совершенно оставить привычки дурныя, пріобрѣсть хорошія, и въ оныхъ утвердиться, и тогда ужѣ надѣяться, что будемъ вести себя всегда одинаково добродѣтельно. Въ слѣдствіе чего, чтобы достигнуть сей цѣли, я изобрѣлъ способъ слѣдующій:

Чтобъ быть совершенно добродѣтельнымъ, должно приучить себя къ выполненію самонужнѣйшихъ 14-ти добродѣтелей; и къ каждой изъ нихъ я присовокупилъ краткое правило, объясняющее въ полной мѣрѣ смыслъ оной.

Вотъ названія сихъ добродѣтелей, и правила:

1. *Трезвость.* — Не употребляйте пищи до пресыщенія; не пейте столько, чтобы голова разстроилась.

2. *Молчаливость.* — Говорите только то, что можетъ быть полезно другимъ и вамъ. Убѣгайте пустыхъ разговоровъ.

3. *Порядокъ.* — Чтобы каждая вещь была у васъ на своемъ мѣстѣ, и всякое ваше дѣло имѣло опредѣленное для него время.

4. *Рѣшительность.* — Рѣшайтесь дѣлать то, что должно, и непремѣнно исполняйте то, на что вы по своей должности или обязанностямъ званія рѣшились.

5. *Бережливость.* — Дѣлайте расходы только для пользы другихъ и своей, то есть: не расточайте напрасно.

6. *Прилѣжаніе.* — Не теряйте времени; всегда занимайтесь чѣмъ-нибудь полезнымъ; воздерживайтесь отъ всего безполезнаго.

7. *Искренность.* — Не употребляйте никакого притворства и лицемѣрія вреднаго; мысли ваши да будутъ невинны и справедливы; соображайте съ ними слова свои.

8. *Справедливость.* — Не дѣлайте зла никому. — Зло одинаково, когда вредите, или пропускаете случай дѣлать добро.

9. *Умѣренность.* — Убѣгайте крайностей; не оскорбляйтесь поступками другихъ, хотя бы вы и имѣли къ тому достаточныя причины.

10. *Чистота.* — Не терпите нечистоты ни на тѣлѣ, ни на платьѣ, ни въ домѣ.

11. *Спокойствіе.* — Не возмущайтесь ни бездѣлицами, ни случаями обыкновенными или неизбѣжными.

12. *Цѣломудріе.* — Сохраняйте свято законъ цѣломудрія и чистоту супружескаго ложа. Рѣдко предавайтесь удовольствіямъ; употребляйте ихъ столько, сколько нужно для здоровья, или для отдохновенія, но никогда до того, чтобъ уподобиться скотамъ и истощить силы ваши, или нарушить спокойствіе и добрую славу другихъ и свою.

13. *Смиреніе, скромность.* — Подражайте Іисусу Христу.

14. *Человѣколюбіе.* — Ты человѣкъ; ничто, касающееся твоихъ ближнихъ, не должно быть для тебя чуждымъ. — Къ сей добродѣтели принадлежитъ и всеобщее доброжелательство, которое человѣкъ обязанъ питать ко всѣмъ ему подобнымъ и изъ которой проистекаетъ множество добродѣтелей, какъ то: *снисходительность, милосердіе, прощеніе обидъ, сострадательность, благотворительность* и проч.

Желая пріобрѣсть всѣ сіи добродѣтели, я думалъ, что лучше будетъ нѣсколько времени обращать все свое вниманіе на одну изъ нихъ, нежели раздѣлять его, стараясь пріобрѣсть всѣ вмѣстѣ, и—увѣрясь уже въ одной, переходить къ другой до тѣхъ поръ, пока пройду всѣ.

Привычка къ одной добродѣтели можетъ способствовать къ пріобрѣтенію дру-

гой; и для того расположилъ я ихъ такъ, какъ выше показано. *Трезвость* поставилъ я первою, потому, что она доставляетъ хладнокровіе и благоразуміе, столь нужныя, когда надобно быть непрестанно бдительнымъ, безпрестанно бороться съ привлекательностью закоренѣлыхъ привычекъ и силою безпрестанныхъ искушеній.

Утвердясь въ этой добродѣтели, легче уже привыкать къ *молчаливости*. Желая вмѣстѣ съ добродѣтелями пріобрѣтать и познанія, и увѣренный, что для этаго надобно въ разговорахъ болѣе прибѣгать къ пособію ушей, нежели языка, я рѣшился истребить привычку мою болтать, стараться блеснуть умомъ и шутишь, что могло меня сдѣлать пріятнымъ только въ обществахъ пустыхъ, и потому далъ второе мѣсто *молчаливости*.

Посредствомъ молчаливости и слѣдующимъ за нею *порядкомъ*, я надѣялся выиграть болѣе времени, чтобы слѣдовать моему плану. Привыкнувъ быть *рѣшительнымъ*, я утвердился бы въ намѣреніи пріобрѣсть всѣ прочія добродѣтели. *Бережливость* и *прилѣжаніе*, избавивъ меня отъ остальныхъ моихъ долговъ и доставя мнѣ довольство, облегчили бы для меня исполненіе въ *искренности* и *справедливости* и проч.

Тогда заключилъ я, что слѣдуя мнѣнію Пиѳагора, содержащемуся въ *золотыхъ* стихахъ его, необходимо нужно дѣлать себѣ ежедневное испытаніе, и для того изобрѣлъ я слѣдующую методу:

Я сдѣлалъ книжку, въ которой назначилъ для каждой добродѣтели по листочку, разлиневанному красными чернилами такимъ образомъ, чтобы на каждомъ было 7 столбцовъ, по одному для всякаго дня, и отличилъ ихъ начальными буквами; въ этихъ столбцахъ сдѣлалъ я 14 красныхъ поперечныхъ линій, и въ началѣ каждой поставилъ по одной добродѣтели. Такимъ образомъ въ приличныхъ столбцахъ и линіяхъ могъ я отмѣчать небольшой чертою погрѣшности, сдѣланныя мною въ день противъ какой-либо добродѣтели.

ФОРМА СТРАНИЦЪ.

ТРЕЗВОСТЬ.

Не употребляйте пищи до пресыщенія и не пейте столько, чтобы голова разстроилась.

	Воскр.	Понед.	Вторн.	Среда.	Четв.	Пятн.	Субб.
1. Трезвость							
2. Молчаливость .							
3. Порядокъ							
4. Рѣшительность							
5. Бережливость .							
6. Прилѣжаніе . .							
7. Искренность .							
8. Справедливость							
9. Умѣренность .							
10. Чистота							
11. Спокойствіе . .							
12. Цѣломудріе . . .							
13. Смиреніе							
14. Человѣколюбіе .							

Я рѣшился обращать все вниманіе мое въ продолженіе недѣли на каждую добродѣтель постепенно. Такимъ образомъ въ первую недѣлю я старался не погрѣшить противъ *трезвости,* не заботясь о прочихъ добродѣтеляхъ; а замѣчалъ только ошибки, въ цѣлый день противъ нихъ сдѣланныя.

Если достигалъ я того, что могъ въ теченіи первой недѣли содержать въ совершенной чистотѣ первую строку моей таблицы, означенную словомъ *трезвость*, то почиталъ привычку къ сей добродѣтели довольно уже утвердившеюся и противныя ей склонности достаточно обезсиленными, дабы осмѣлиться простирать далѣе мое вниманіе, присоединить къ ней слѣдующую по порядку добродѣтель и стараться получить въ будущую недѣлю двѣ строки безъ всякихъ замѣшокъ.

Переходя такимъ образомъ отъ одной къ другой добродѣтели, я могъ въ 14 недѣль, окончить первый курсъ и сдѣлать въ годъ почти четыре курса. Я подражалъ человѣку, желающему устроить свой садъ и который не старается вырвать всѣ дурныя травы въ одинъ разъ потому, что это было бы свыше силъ его; но трудится сначала надъ одною частью и, очистивъ ее, переходитъ къ другой. Я думалъ, что буду наслаждаться удовольствіемъ видѣть на

таблицахъ успѣхи мои въ добродѣтеляхъ, уничтожая понемногу сдѣланные прежде знаки до того, чтобы въ продолженіе 14 недѣль, дѣлавъ себѣ ежедневное испытаніе, имѣть счастіе видѣть наконецъ тетрадку свою совершенно чистою.

Книжка моя имѣла эпиграфомъ слѣдующіе стихи Аддиссонова Катона:

„Твердъ буду въ моемъ намѣреніи: ежели существуетъ власть выше насъ (а вся природа во всѣхъ своихъ твореніяхъ возвѣщаетъ ее), то добродѣтель должна быть ея наслажденіемъ, а то, что составляетъ ея наслажденіе, должно быть благополучіе.“

Почитая Бога источникомъ премудрости, я думалъ, что должно и нужно просить Его помощи, для пріобрѣтенія оной. Въ слѣдствіе чего сочинилъ я слѣдующую за симъ краткую молитву, и написалъ ее въ заглавіи тетрадки — для вседневнаго чтенія:

„О благость всемогущая! Отецъ благотворительный! Путеводитель милосердый! Умножь во мнѣ мудрость, дабы позналъ я истинное мое благо; утверди меня въ намѣреніи исполнять то, чего она требуетъ; пріими молитвы мои за всѣхъ прочихъ дѣтей Твоихъ, какъ единую дань благодарности, въ моихъ силахъ находящуюся, за

безпрестанныя милости, Тобою мнѣ оказываемыя.“

Я употребилъ также и сію молитву, извлеченную изъ поэмъ Томсоновыхъ:

„Отецъ свѣта и жизни! О ты, всевысочайшее благо! научи меня познанію добра, познанію Тебя самаго; избавь меня отъ безразсудности, суетности, пороковъ, преступленія, низкихъ склонностей, и наполни душу мою познаніемъ, внутреннимъ спокойствіемъ и чистою добродѣтелью, счастіемъ священнымъ, истиннымъ, никогда непомрачающимся!“

Правило *порядка* требовало, чтобы каждая часть моихъ занятій имѣла назначенное для нея время, и для того на одной страницѣ моей тепрадки написано было слѣдующее распредѣленіе сутокъ.

Планъ для употребленія двадцати четырехъ часовъ сутокъ.

Вопросъ утренній. — Какое добро могу я сего-дня сдѣлать?

5. } Вставъ, умыться и призвать на
6. } помощь высочайшую благость; распо-
7. } рядить дѣла на цѣлой день; продолжать обыкновенныя занятія; завтракать и прогуливаться.

8.
9. Работать или трудиться.
10.
11.

Полдень. Чтеніе, или разсматриваніе моихъ счетовъ, и обѣдъ.
1.

2.
3. Работать или трудиться.
4.
5.

6.
7. Прибрать все на свое мѣсто; ужинать; музыка и забавы; или разговоръ; разсмотрѣніе прошлаго дня и прогулка или пѣлодвиженіе.
8.
9.

10.
11.
Полночь.
1. Сонъ.
2.
3.
4.

Вопросъ вечерній. Какое добро я сего-дня сдѣлалъ?

Я началъ исполненіе сего плана ежедневнымъ разсмотрѣніемъ себя и продолжалъ его нѣсколько времени, прерывая въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Я удивился, замѣтивъ, что во мнѣ несравненно болѣе недостатковъ, нежели я думалъ; наконецъ однако же имѣлъ удовольствіе видѣть, что число ихъ уменьшается.

Всего труднѣе было мнѣ привыкнуть къ *порядку* — прибирать мои вещи, бумаги и проч. Въ молодости меня къ этому не пріучали, а имѣя превосходную память, я и не чувствовалъ въ этомъ неудобства. Сія статья принуждала меня къ многотрудному вниманію; проступки мои противъ сей добродѣтели такъ много мучили меня, успѣхи мои были такъ малы, а погрѣшности такъ часты, что я ужѣ рѣшился-было оставить сей порокъ безъ исправленія.

По истинѣ, я не могъ исправить себя вразсужденіи *порядка;* и теперь, какъ я уже состарѣлся и память моя ослабѣла, чувствую въ немъ сильную нужду. Какъ бы то ни было, хотя никогда я не доходилъ до той степени совершенства, къ которой стремился, и даже остался отъ нея очень далеко; однако же старанія мои сдѣлали меня лучшимъ и несравненно счастливѣйшимъ, нежели каковъ бы я былъ, если бы я не дѣлалъ сего предпріятія: подобно тому, который старается улучшить свой почеркъ, списывая печатныя прописи, и хотя не достигаетъ до совершенства, но по крайней мѣрѣ начнетъ писать лучше.

Потомству моему будетъ, можетъ быть, полезно знать, что предокъ ихъ, посредствомъ сего способа, при помощи Божіей, дожилъ счастливо до 79 года, на ко-

торомъ онъ это пишетъ. Несчастія, которыя могутъ послѣдовать при концѣ его жизни, въ рукахъ Провидѣнія; но если они приключатся, то воспоминаніе прежняго благоденствія поможетъ ему перенесть ихъ безропотно. Онъ приписываетъ *трезвости*— продолжительное и постоянное свое здоровье и остатокъ крѣпкаго сложенія, которымъ теперь наслаждается; *прилѣжанію* и *бережливости* — достаточное состояніе, заблаговременно имъ пріобрѣтенное, умноженіе своихъ доходовъ и познаній, давшихъ ему возможность быть полезнымъ гражданиномъ и доставившихъ нѣкоторую извѣстность между учеными; *искренности* и *справедливости* — довѣренность соотечественниковъ и почетныя должности, на него возложенныя.

Наконецъ, вліянію всѣхъ сихъ добродѣтелей, хотя пріобрѣтенныхъ несовершенно, приписываетъ онъ всегдашнее свое спокойствіе и веселость въ разговорѣ, которая и теперь заставляетъ искать его общества даже людей гораздо его моложе. Онъ надѣется, что нѣкоторые изъ его потомковъ послѣдуютъ его примѣру, и будутъ за то благодарны.

Ничего нѣтъ полезнѣе, какъ быть добродѣтельнымъ: и, смотря въ свѣтѣ на многихъ богатыхъ купцовъ, вельможъ, кото-

рые, для управленія своихъ дѣлъ, имѣютъ нужду въ честныхъ людяхъ, встрѣчающихся рѣдко, я бы могъ доказать молодымъ людямъ, что *доставить богатство бѣдному человѣку всего скорѣе можетъ честность и безкорыстіе.*

Сначала мой списокъ добродѣтелей содержалъ ихъ только 13; но одинъ мой пріятель открылся мнѣ искренно, что всѣ меня почитаютъ гордымъ, и часто подавалъ къ тому доказательства; что въ спорахъ, не довольствуясь тѣмъ, что я правъ, я еще стараюсь доказать, что другой виноватъ; что—сверхъ того—я дерзокъ и наглъ, въ чемъ онъ меня убѣдилъ, приведя нѣсколько примѣровъ. Послѣ сего я рѣшился избавиться, если возможно, отъ сего порока или глупости, и прибавилъ къ моему списку *смиреніе.*

Не могу похвалиться большимъ успѣхомъ въ совершенномъ пріобрѣтеніи сей добродѣтели; но по крайней мѣрѣ я исправился по наружности. Я положилъ себѣ правиломъ неопровергать прямо мнѣнія другихъ, и запретилъ себѣ всякое утвердительное увѣреніе въ пользу моего спора; я даже запретилъ себѣ употреблять всякое выраженіе слишкомъ рѣзкое, какъ на-примѣръ: *подлинно, точно, безъ сомнѣнія, непремѣнно*—и вмѣсто того рѣшился говорить: *я полагаю,*

догадываюсь, думаю, что это такъ-то, или: *теперь мнѣ кажется, что* и проч. Если кто утверждалъ положеніе, которое мнѣ казалось ложнымъ, то я лишалъ себя удовольствія вдругъ его оспорить, или показать какую-нибудь сказанную имъ нелѣпость, и въ отвѣтѣ моемъ всегда говорилъ, что хотя мнѣніе его въ нѣкоторыхъ случаяхъ и справедливо, но что въ томъ, о которомъ идетъ дѣло, *мнѣ казалось, что была нѣкоторая разница.*

Я увидѣлъ вскорѣ пользу сей перемѣны; разговоры мои сдѣлались отъ того пріятнѣе; скромное изложеніе моихъ мнѣній доставляло безпрекословное оныхъ принятіе; и я не чувствовалъ уже столько непріятностей, когда случалось, что былъ не правъ, а когда справедливость была на моей сторонѣ, то мнѣ легко было уговаривать другихъ оставить ихъ заблужденіе.

Таковое расположеніе, къ которому мнѣ сначала трудно было привыкнуть, потому, что надобно было побѣдить *природную наклонность,* — сдѣлалось для меня наконецъ столь легкимъ и привычнымъ, что, я думаю, въ продолженіе 50 лѣтъ никто не замѣтилъ, чтобы у меня вырвалось хотя одно колкое выраженіе. Сей-то привычкѣ вмѣстѣ съ доброю славою о моемъ безкорыстіи, наиглавнѣйше обязанъ я тѣмъ, что заблаговременно увѣ-

ренъ былъ въ довѣренности моихъ соотечественниковъ, когда предлагалъ имъ новыя постановленія или нѣкоторыя перемѣны въ прежнихъ, и столь сильнымъ вліяніемъ въ общественныхъ собраніяхъ, когда сдѣлался я членомъ оныхъ; ибо я былъ худой оратоpъ, весьма некраснорѣчивый, часто запинался въ рѣчахъ моихъ, рѣдко приличныя выраженія употреблявшій, и однако же почти всегда мое мнѣніе превозмогало.

Никакое изъ нашихъ природныхъ расположеній съ такимъ трудомъ не побѣждается, какъ *гордость*. Тщетно вы ее унижаете, ведете безпрестанную съ нею брань, низлагаете и умерщвляете ее: время отъ времени она снова показывается и оживаетъ. Вы безъ сомнѣнія уже не разъ замѣтили во мнѣ порокъ сей въ теченіе сего разсказа; можетъ быть, даже въ ту самую минуту, когда я говорю о истребленіи онаго, находите меня гордымъ въ самомъ моемъ смиреніи.

Правила, руководствующія къ христіанской нравственности.

Каждый день вставай и ложись въ одно время. Кто не слѣдуетъ сему правилу, тотъ всегда проводитъ жизнь въ безпорядкѣ. Не должно ложиться позже десяти часовъ, а вста-

вать позже семи; но съ прибавленіемъ годовъ твоихъ не мѣшаетъ вставать и ранѣе.

Какъ скоро проснешься, то первую мысль свою обрати къ Богу; посвяти Ему начало дня твоего.

Вставши, займись молитвою; не упускай въ праздности ни одной минуты—предаться мыслямъ о высочайшемъ величествѣ Божіемъ.

Вставъ съ постели, хотя съ полчаса пробудь на утренней молитвѣ. Моли, да будетъ главнѣйшимъ стремленіемъ твоимъ непрестанное послушаніе твое къ Божескимъ заповѣдямъ. Когда же во всякомъ случаѣ ты подчинишь себя Божественной сей волѣ, тогда, побѣдивъ себя, истинно владычествовать надъ собою будешь.

Одѣвайся, какъ можно, скорѣе; не теряй время, которое намъ дается для хорошаго употребленія, а не для траты его; удаляйся неопрятности; остерегайся пышности и лишняго щегольства въ одеждахъ твоихъ, равно какъ и неприборчивости; будь опрятенъ, чтобъ не возбудить презрѣнія въ окружающихъ тебя; но остерегайся лишнихъ издержекъ; отличайся добродѣтелью, честностью и хорошимъ поведеніемъ, а не одеждами твоими. Уповательно, что только тѣ люди, которые не могутъ обратить на достоинства свои вниманія, стараются отличить себя цвѣтными платьями, или богатыми уборами.

Читай мало, но съ выборомъ, размышленіемъ, дабы напитаться тебѣ сущностью изложенныхъ въ книгахъ благочестивыхъ мыслей.

Изъ любви къ Богу, должно терпѣть всѣ непріятности жизни, по волѣ Провидѣнія встрѣчающіяся съ нами, какъ то: стужу, зной, худое пристанище, слабое здоровье, неуваженіе людей, живущихъ съ нами, дурное расположеніе ихъ, язвительныя ихъ насмѣшки и злословіе. Чрезъ сіе возможешь преодолѣть собственные свои пороки, искоренить дурныя привычки.

Законъ Христіанскій требуетъ отъ насъ постояннаго и непрерывнаго повиновенія нашего, въ принятіи за благо все то, что съ нами ни повстрѣчается: горькое, сладкое ли, утѣшающее, по Божеской волѣ, или наказующее гонителей и оскорбителей нашихъ; или наказующее насъ по собственнымъ нашимъ дерзостямъ и проступкамъ? Нѣтъ сомнѣнія, что, кромѣ нашихъ грѣховъ, съ нами случающееся содѣлывается по волѣ Божіей.

Все, чтобы съ вами ни повстрѣчалось, отъ людей ли то, или отъ естественныхъ случаевъ, все за благо принимайте, почитая ихъ видимыми и волею Божіею устроемыми вамъ путями. Должно почитать за существенную и непре-

ложную для всѣхъ истину, что, за исключеніемъ грѣховъ, все случающееся съ нами, бываетъ по власти Божіей!

Да не поколеблетъ духъ твой смущеніе, ужасы, соблазны, заботы и безпрерывныя превратности, коимъ родъ человѣческій подвергается; но—кротким терпѣніемъ превозмогая все преходящее, да научишься находить свое спокойствіе и миръ внутри себя самаго.

Взирай на все, случающееся съ тобой, какъ на Божеское опредѣленіе; волю Его пріемля съ благоговѣніемъ, будь всѣмъ доволенъ, и предайся совершенно руководству благаго промысла Божія.

Разговоръ твой долженъ быть тихъ, благопристоенъ и безъ всякихъ споровъ; уступай свободно, никого никогда не огорчай, и будь снисходителенъ къ недостаткамъ другихъ.

Никогда не своди дружбы съ людьми дерзкаго обращенія, и убѣгай ихъ сообщества.

Подавай милостыни по мѣрѣ состоянія своего. Посѣщай временно больныхъ. Помогай бѣднымъ. Утѣшай печальныхъ; не огорчай никого и твори благія дѣла скромно и милостиво.

Будь кротокъ, тихъ, веселъ; остерегайся быть своенравнымъ; не наказывай безъ причины и съ запальчивостью.

Не поноси никого ругательными словами; даже въ шуткахъ не употребляй ихъ; не говори съ намѣреніемъ никому колкостей; не мсти поносителямъ своимъ; не насмѣхайся надъ другими.

Призывай чаще Бога въ помощь; благоговѣй къ Матери Божіей; чти и подражай святымъ Угодникамъ Божіимъ; и когда ты будешь жить сходно сему наставленію, то будешь блаженствовать въ семъ свѣтѣ и будущемъ.

НУЖДА.

Чѣмъ у кого менѣе нуждъ, тѣмъ меньше и желаній, меньше заботъ и страха, меньше неудовольствій. — Чит.: *Бѣдность.*

ОБИДА. — *Чит.*: ОСКОРБЛЕНІЕ.

ОБМАНЪ.

Одинъ обманщикъ, жившій долго въ нѣкоторомъ большомъ городѣ, передъ своимъ отъѣздомъ, на дорогу имѣлъ нужду въ сапогахъ; но какъ у него денегъ не было, то выдумалъ онъ слѣдующій обманъ, который ему и удался: онъ пошелъ къ одному сапожнику, и заказалъ себѣ сдѣлать пару хорошихъ сапоговъ, съ тѣмъ, чтобъ они готовы были неотмѣнно въ 7

часовъ поутру, къ которому времени сапожникъ и обѣщался; помѣшкавъ малое время, пошелъ обманщикъ къ другому сапожнику, у котораго заказалъ онъ другую пару одинакаго съ первой фасона, и договорился съ нимъ, чтобъ онъ также изготовилъ сапоги къ другому дню, и принесъ бы ихъ въ 3 часовъ поутру, къ которому сроку и другой сапожникъ взялся приготовить обувь; первой съ своими сапогами пришелъ точно въ 7 часовъ поутру; обманщикъ примѣрялъ ихъ поочасъ: одинъ сапогъ пришелъ впору, а другой, по его словамъ, былъ нѣсколько узокъ и будто бы это отъ того, что онъ забылъ сказать, что одна нога его больше; но, при всемъ томъ, притворясь, будто за всякую бездѣлицу кричать не любитъ, сказалъ сапожнику: *какъ мнѣ ѣхать надобно еще послѣ обѣда, то росколоти пожалуй-ста узкой сапогъ хорошенько; а другой между тѣмъ, который мнѣ впору, оставлю я у себя.* Едва первой сапожникъ успѣлъ уйти съ двора, то пришелъ и другой также съ сапогами: съ послѣднимъ обманщикъ поступилъ также какъ и съ первымъ, то есть, одинъ сапогъ былъ ему по ногѣ, а другой должно было порасколотить и принесть послѣ обѣда: а какъ такимъ образомъ обманщикъ увидѣлъ себя съ новыми сапогами, то—ни мало не мѣшкая, расплатившися съ трактирщи-

комъ, уѣхалъ изъ города; послѣ обѣда жъ оба сапожники, каждой съ своимъ сапогомъ спѣшили за деньгами; они у воротъ сошлись оба вмѣстѣ; но какъ тотъ, которому они сапоги дѣлали, давно уже уѣхалъ, и они увидѣли себя обманутыми, то принуждены были кинуть между собою жеребій о томъ, кому изъ нихъ и другой сапогъ достанется.

Польская поговорка: Обманомъ можно пройти свѣтъ, а ворошиться нельзя.

ОБХОЖДЕНІЕ СЪ ЛЮДЬМИ.

Величайшее искуство обращенія съ людьми состоитъ въ томъ, чтобы умѣть примѣняться къ тону всякаго общества, и быть въ состояніи, смотря по обстоятельствамъ, сообразоваться съ онымъ.

Знаніе свѣтскаго обхожденія есть совершенство воспитанія; оно не столько пріобрѣтается теоретическими правилами, сколько практическими примѣрами, принятыми въ обращеніи просвѣщенныхъ обществъ.

Примѣръ.

Юлій Цезарь былъ кротокъ и привѣтливъ. Однажды, въ Миланѣ, у одного изъ знатнѣйшихъ жителей, подали ему спаржу, приготовленную съ масломъ, которое имѣ-

ло дурной запахъ: онъ принудилъ себя ѣсть оную болѣе, нежели другія кушанья, въ уваженіе своему хозяину, которому въ противномъ случаѣ далъ бы почувствовать свою ошибку и свою оплошность; послѣ обѣда же, онъ осуждалъ своихъ пріятелей, что они явно изъявляли свое негодованіе. „Вы могли, сказалъ онъ имъ, отказаться и не ѣсть спаржи, а не негодовать на то.“

ОБЪЯДЕНІЕ, *пресыщеніе.*

Человѣкъ превозноситъ себя какъ совершеннѣйшее твореніе, но часто дѣлается рабомъ своего чрева: онъ существуетъ какъ бы только для наполненія себя кушаньями, коихъ достоинство часто состоитъ въ одной рѣдкости, — и, въ своемъ безуміи, скотское удовольствіе почитаетъ выше всего благороднаго и высокаго.

Довольно справедливо замѣчаетъ одинъ древній Писатель, относительно сего предмета: съ изобрѣтенія всѣхъ сихъ упонченностей, дѣлающихъ насъ обжорливыми, то, что было пищею, сдѣлалось ядомъ; — стали употреблять нѣкоторыя кушанья для возбужденія, а не для утоленія голода: вотъ первое печальное послѣдствіе! Болѣзнь рано или поздно наказываетъ объяденіе. Спросите развращеннаго богача, у коего жестокая по-

дагра отнимаетъ употребленіе членовъ; спросите у него причину ужасныхъ страданій его: онъ скажетъ, что платитъ долгъ невоздержности.

Многочисленность кушаньевъ умножаетъ болѣзни.

Нельзя не признаться однако жъ, что имѣть лакомую пищу очень пріятно: какъ-будто яснѣе мыслишь, горячѣе чувствуешь. Пламя духа требуетъ масла для своей лампады.

ОБЯЗАННОСТИ БРАТЬЕВЪ.

Зрѣлище прекрасное! жизнь благоденственная! когда братья и сестры живутъ въ мирѣ и любви.

Самый опытъ доказываетъ, сколь необходима любовь въ единокровномъ семействѣ. Гдѣ сердечное, неразрывное согласіе соединяетъ братьевъ и сестръ, юныхъ и взрослыхъ, тамъ обитаютъ радость и благоденствіе. Ихъ родители наслаждаются жизнію, и безъ смущенія отходятъ за предѣлы гроба; даже они, кажется, не умираютъ: ибо остаются живы въ приверженности своихъ дѣтей другъ къ другу.

Но несогласные братья въ юности своей не знаютъ тѣхъ радостей, которыя услаждаютъ время ихъ занятій и время невин-

ныхъ забавъ: въ совершенномъ возрастѣ подвергаются всѣмъ неудобствамъ одинокаго человѣка и слабѣютъ отъ раздѣловъ. Ихъ распри столь же пагубны для дома, сколько пагубны для отечества распри гражданъ. *Всякое царство, раздѣлившееся само въ себѣ, опустѣетъ*, сказалъ Господь, *и всякой градъ или домъ, раздѣлившійся самъ въ себѣ, не устоитъ:* между тѣмъ какъ *братья, другъ отъ друга вспомоществуемые, подобны граду твердому и высокому;* сіе благословенное семейство укрѣпляется какъ царство, основанное на взаимной любви и мудрости законовъ. Соединенные союзомъ любви, первые Маккавеи не только сами были славны, но и свое отечество прославили: внуки ихъ, вооружась братъ на брата, и сами погибли смертію безчестною, и свою отчизну предали въ добычу непріятеля.

Старшіе братья! берегите и наставляйте младшихъ; юные! уважайте и повинуйтесь старшимъ. Сей нравственный союзъ украситъ поздные дни ваши сладостными воспоминаніями, и взаимная благодарность всегда болѣе и болѣе будетъ укрѣплять союзъ, устроенный природою между вами. Старшій изъ братьевъ! если родитель твой покоится вѣчнымъ сномъ, заступи мѣсто нѣжнаго отца для юнѣйшихъ братьевъ, и со всею заботливостью тщись, чтобы твоя

родительница невсегда съ горькими слезами вспоминала смерть своего супруга и ихъ отца. Если ты получилъ нѣкоторыя преимущества въ свѣтѣ, употребляй въ пользу ихъ заслуги твои, доброе имя, благопріятство друзей и знакомыхъ; пользуйся всѣми невинными средствами, чтобы и они стали въ обществѣ — каждый на своемъ мѣстѣ.—Единокровная подруга! если Господь благословилъ тебя счастливымъ супружествомъ, будь для нихъ второю матерью; твои семейственныя добродѣтели сильны поставить и твоего супруга на мѣстѣ ихъ отца. Восхитительное зрѣлище, когда малютки увиваются около старшей сестры, какъ около своей матери!

ОБЯЗАННОСТИ БѢДНЫХЪ ЛЮДЕЙ И НИЩИХЪ.

Неблагодарная душа неспособна чувствовать всю цѣну блага, слѣдовательно недостойна и принимать благодѣяній. Не досадуйте на скудное подаяніе: милостынидавецъ каждый день что-либо удѣлитъ, можетъ быть, пятидесяти человѣкамъ; а бѣдный что либо получитъ отъ пятидесяти человѣкъ. Безъ разбора щедрое даяніе можетъ подвергнуть благотворителя двумъ крайностямъ: или надобно будетъ разорить самаго себя, или

давъ много одному, ни съ чемъ отпуститъ другихъ. Перваго самъ Богъ, сколько васъ ни любитъ, отъ милостынидавца не требуетъ: послѣднее запрещаетъ; ибо любитъ всѣхъ равно.

Порокъ въ каждомъ состояніи презрителенъ, но еще презрительнѣе въ состояніи нищеты. Израильскій мудрецъ между тремя зрѣлищами, которыя возненавидѣла душа его, находитъ человѣка убогаго и вмѣстѣ гордаго. Что здѣсь сказано о гордости нищаго, тоже надобно сказать и о прочихъ его порокахъ. Если человѣкъ пороченъ въ нищетѣ, что́ изъ него будетъ, когда получитъ всѣ средства къ удовлетворенію своихъ пороковъ? Сама совѣсть не боится сказать, что развращенный бѣднякъ недостоинъ лучшаго счастія.

Первый и болѣе обыкновенный порокъ нищеты есть роптаніе на свою участь.... Но развѣ изъ Евангелія вы не знаете, что Богъ вашъ Отецъ? развѣ не знаете, сколько Онъ заботится о васъ? Вручая каждому человѣку извѣстное число талантовъ, неужели Онъ оставилъ васъ безъ всего? Сколько богатый славенъ своимъ богатствомъ, столько нищій можетъ быть славенъ своимъ благоразуміемъ и добродѣтелями.

Успокойтесь, братья меньшіе, и скажите съ обнищавшимъ, изнеможеннымъ и

осиротѣвшимъ *Іовомъ*: *буди имя Господне благословенно во вѣки!* Самая ваша нищета есть таланть Господень: ибо это крестъ, который долженъ васъ прославить предъ Богомъ: только несите его во славу Божію. Какъ богатые заслуживаютъ царство небесное, снабдѣвая бѣдныхъ, такъ бѣдные заслуживаютъ оное, снося нищету свою великодушно. Вспомните убогаго *Лазаря*: алчущій и жаждущій, изнуренный старостью и болѣзнями, иногда до костей проникнутый дождемъ, иногда дрожащій отъ хлада, иногда сожигаемый солнцемъ, жаловался ли онъ, что Господь положилъ столь великое различіе между имъ и богачемъ, въ порфиру и виссонъ одѣвающимся? Жаловался ли на то, что сей пресыщается за роскошными столами, а онъ лежитъ въ рубищѣ и гладенъ предъ вратами дома его? Онъ несъ тяжелый свой крестъ безъ роптанія. Видя столь радостное окончаніе глада и наготы добродѣтельнаго труженика, можете ли вы скорбѣть и о томъ, что иногда презираетъ васъ свѣтъ? Это обыкновенное чувствованіе тѣхъ, которые забываютъ, что они люди. Истина говоритъ инако: богатъ ли кто, славенъ ли, или нищъ? похвала ихъ — только страхъ Господень. Меньшіе братья Іисуса Христа! одно сіе безцѣнное имя, кото-

рымъ Онъ васъ нарекъ, выше всѣхъ отличныхъ именъ Свѣта.

ОБЯЗАННОСТИ ВОСПИТАТЕЛЕЙ И НАСТАВНИКОВЪ.

Воспитаніе, въ совершенной его чистотѣ и обьятности понимаемое, для дѣтей должно быть наукою будущей жизни ихъ въ Свѣтѣ, или глубоко начертаннымъ въ душѣ ихъ уставомъ, какъ исполнять свои обязанности въ отношеніи къ Богу, къ самимъ себѣ и къ ближнимъ. Для сихъ обязанностей человѣкъ раждается, для нихъ долженъ и воспитываться. Въ противномъ случаѣ родители поступаютъ равно, какъ бы бросили ихъ безъ всякаго наставленія и руководства въ какомъ-нибудь неизвѣстномъ мѣстѣ. Отсюда видно, какого вниманія достойны тѣ особы, съ которыми родители раздѣляютъ священный долгъ воспитанія, поручая имъ—любезнѣйшую часть самихъ себя привесть въ возрастъ человѣка, сколько можно, совершеннаго, въ какомъ бы званіи Всевышній ни поставилъ его. Сіи особы суть кормилицы или няни, дядьки или мамы, и учители.

Говорятъ, что есть дѣти упрямыя, даже злобныя. И мнѣ случалось видѣть, что сіи малютки иногда плюютъ въ глаза сво

имъ нянькамъ. Отъ чего же это происходитъ? Не отъ вашего ли неумѣнья, безпечности, злонравія? Чего ожидать добраго для младенца, если сердце няньки вѣтренно и языкъ невоздержанъ? Ты, шутя, произносишь что-нибудь неблагопристойное, и это врѣзывается въ памяти младенца. Ты показываешь на лицѣ гнѣвъ, досаду, злобу: дитя перенимаетъ и на тебя первую изливаетъ то чувствованіе, которому у тебя научился.

Предки оставили намъ сколько простую, столько и мудрую пословицу, что болѣзнь входитъ пудами, а выходитъ золотниками: тоже надобно сказать и о порокахъ, наипаче въ юномъ возрастѣ.

Благонравіе есть первый и святѣйшій урокъ, который воспитатели должны преподавать своему воспитаннику. Счастливы дѣти, говоритъ *Василій* Великій, если родители воспитывали ихъ съ возможнымъ попеченіемъ и въ страхѣ Господнемъ; и также учители наставили въ наукахъ и общеполезныхъ свѣдѣніяхъ, а особливо чрезъ внушеніе божественныхъ заповѣдей образовали ихъ разумъ и сердце! Они во все теченіе жизни могутъ идти непреткновенно, и всегда будутъ болѣе и болѣе успѣвать на пути добродѣтели. „Сіе тѣмъ нужнѣе, что, по закону самой природы, глубже укореняет-

ся въ сердцѣ и съ нимъ вмѣстѣ, такъ сказать, возрастаетъ то, что человѣкъ видитъ достойнаго замѣчанія или слышитъ въ нѣжномъ возрастѣ, какъ о себѣ говоритъ одинъ древній и святый Писатель: „я въ глубокой старости лучше помню то, что въ моей юности происходило между святыми мужами, нежели то, что случилось недавно. Всѣ ихъ дѣла и слова, съ помощью Божіей, я усердно слушалъ и понялъ и записалъ не на бумагѣ, но на моемъ сердцѣ, и теперь непрестанно повторяю.“ Сколь утѣшительна для всѣхъ наставниковъ должна быть мысль, что ихъ питомцы нѣкогда будутъ подобнымъ образомъ благословлять ихъ память.

Съ какою легкостью дѣти перенимаютъ у своихъ руководителей все хорошее, съ такою же легкостію научаются и всему дурному. Я, не помню, гдѣ-то читалъ, что осьмнадцатилѣтній юноша въ крайней опасности на всю жизнь, если нравственность его дурна. Сія опасность тѣмъ очевиднѣе, что въ это время молодые люди обыкновенно появляются въ свѣтѣ. Что же будетъ съ юношею, если онъ изъ рукъ дядьки или учителя выдетъ съ дурнымъ сердцемъ и душею, напоенною ложными мыслями о вѣрѣ и нравственности? Можетъ ли онъ исправить себя въ вихряхъ свѣта, если не

старались сдѣлать его лучшимъ въ тишинѣ домашняго воспитанія и ученія.

Каждый учитель долженъ быть подобенъ пчелѣ, которая гдѣ ни летаетъ, на какіе цвѣты ни садится, но всегда приноситъ сладкій медъ: сей медъ есть — благочестіе. Учитель долженъ чрезъ каждый учебный предметъ вести своего воспитанника всегда ближе и ближе къ Богопознанію, безъ котораго человѣкъ и самаго себя узнать не можетъ. Такъ точно поступали древніе христіане: они учились и дѣтей своихъ учили единственно для того, чтобы — имѣя просвѣщенный умъ, тѣмъ совершеннѣе воздавать Кесарева Кесареви и Божія Богови. Въ составъ ихъ ученія входили также Математика, Геометрія и Астрономія, какъ извѣстно объ *Оригенѣ*: но они учились только для того, чтобы въ прекраснѣйшей гармоніи, царствующей въ мірѣ, видѣть славу Вседержителя. Словомъ: они любили всѣ науки, но не терпѣли въ нихъ излишняго и безполезнаго любопытства, а наипаче ихъ злоупотребленія. Для сего Апостолъ, изъявляя свое безкорыстіе Коринѳянамъ, говоритъ: „я ищу не вашего, а васъ.“ Вотъ истинный наставникъ!

Не требуй отъ дѣтей ничего суровымъ голосомъ; ибо это можетъ ожесточить или привесть въ уныніе юную душу, которая

еще мало понимаетъ истинную свою пользу. Строгость должна быть употребляема только для безчувственнаго лѣнивца или шалуна. Не принуждай воспитанниковъ учиться тогда, когда надобно отдыхать. Всего лучше, если умѣешь самое отдохновеніе обратить въ уроки дѣтямъ. Уважай ихъ слабости, хотя впрочемъ столько жъ опасайся дать волю ихъ упрямству или безпечности.

Сіи совершенства въ каждомъ наставникѣ необходимы для пользы воспитанника, а особенно примѣръ добрыхъ дѣлъ.... Вникай въ себя и въ ученіе; занимайся симъ постоянно; ибо, такъ поступая, и самъ себя спасешь и слушающихъ тебя: У древнихъ христіанъ учители избирались некорыстолюбивые, невысокомѣрные, нероскошные, невспыльчивые, но терпѣливые, снисходительные, кроткіе, трудолюбивые, а наипаче богобоязненные, которыхъ бы дѣти могли любить всѣмъ сердцемъ.

ОБЯЗАННОСТИ ВСЯКАГО ЧЕЛОВѢКА ВЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ГОСТЕПРІИМСТВУ.

Человѣкъ, который любитъ тихую и пріятную бесѣду съ людьми добрыми, непримѣтно заимствуетъ отъ нихъ добрыя качества, и разговоры ихъ бываютъ для не-

го всегда пособіемъ, болѣе и болѣе успѣвать въ духовной жизни. Но какую пользу приносятъ домашнему обществу тѣ молодые вертопрахи и, къ удивленію, старые люди, которые ежедневно навѣщаютъ васъ, или по одной привычкѣ несидѣть дома, или для вашего обѣда, или для своекорыстія за карточнымъ столомъ, или только для того, чтобы въ другомъ домѣ выпустить больше вѣстей изъ одного рта, нежели сколько у васъ получили ихъ въ оба уха. Вы сами по себѣ, то есть, какъ отецъ и мать семейства, для нихъ ни что; въ семъ отношеніи они васъ и знать не хотятъ. Между тѣмъ однако отнимаютъ время у полезныхъ занятій, пріучаютъ вашихъ дѣтей къ безполезному любопытству, къ всякимъ новостямъ, къ разсѣянности и часто научаютъ искусству, будто безъ вреда, говорить вредное о другихъ. Правда, ихъ разговоры и поступки кажутся пріятны: но гдѣ кроется вредъ, тамъ пріятность подобна черемховому дереву: цвѣтъ его красивъ и благоухающъ, но — обвиваясь паутиною, сообщаетъ сію заразу и другимъ плодовымъ деревьямъ.

Но само собою разумѣется, что объ стороны, какъ хозяева, такъ и гости, должны цѣнить угощеніе не по изобилію и драгоцѣнности яствъ, но по взаимнымъ любви и усердію. Въ первыя времена Христіан-

ства думали такъ: „Христіанинъ подъ предлогомъ гостепріимства не долженъ дѣлать дорогихъ и великолѣпныхъ пиршествъ; ибо это хитрость искусителя, который хочетъ разстроить наше состояніе и чрезъ то возмутить душевное спокойствіе. Но обхожденіе простое и непринужденное, взаимная другъ къ другу внимательность, радушіе, усердіе и веселость лучше дорогихъ яствъ, и въ домашнемъ обществѣ должны быть первымъ и необходимымъ блюдомъ. Когда имѣешь умѣренную хлѣбъ-соль, то уже можешь угощать твоихъ друзей, если самъ одушевленъ истиннымъ дружелюбіемъ. Кто же будетъ за это осуждать тебя, тотъ достоинъ, чтобы предъ нимъ навсегда запереть столовую.

Будь словохотенъ; ибо угрюмое молчаніе покажетъ, что тебѣ кто-нибудь изъ присутствующихъ не нравится: но опасайся быть пустословомъ; особенно жъ не оскорбляй имени ближнихъ. Святые мужи, при всей строгости своихъ поступковъ, оказывали вѣжливость и веселость. О преподобномъ *Morcel* сказываютъ, что онъ встрѣчалъ съ радостію всякаго посѣтителя, угощалъ всѣмъ, что у себя имѣлъ, разговаривалъ съ благоразумною откровенностію и, прощаясь, изъявлялъ сердечное желаніе, чаще съ нимъ видѣться.

Одушевляйте бесѣды ваши словоохотливостью; но чтобы она не походила на обыкновенную въ свѣтѣ болтливость, которая говоритъ все безъ разбора и часто по внушенію духа непріязненнаго. Кротость ваша, услужливость, снисхожденіе къ недостаткамъ другихъ, да будутъ извѣстны всѣмъ, васъ окружающимъ. Для сего, какъ скоро начнутся разговоры хотя нѣсколько оскорбительные для совѣсти, пусть хозяева и гости запечатлѣютъ уста свои молчаніемъ, чтобы невиннымъ образомъ не сдѣлаться участниками празднословія, пересудовъ и клеветы. Молчаніе въ такомъ случаѣ весьма сильно; оно можетъ какъ громомъ низложить дерзкаго, равно какъ малѣйшая ему поблажка можетъ противъ воли завести насъ весьма далеко. Столь же хорошо сдѣлаютъ хозяинъ и хозяйка, или кто-нибудь изъ гостей, если вредное пустословіе прервутъ, обративъ рѣчь на что нибудь лучшее.

Чтобы успокоиться отъ заботъ, хлопотъ и трудовъ, сообщить другъ другу полезныя замѣчанія, воспользоваться взаимными совѣтами — вотъ та истинная цѣль, для чего умные и постоянные люди должны раздѣлять между собою время. Кто же не видитъ и кто не испыталъ, что для сего способенъ только тѣсный, небольшой кругъ друзей,

ибо здѣсь только имѣетъ мѣсто искренность и сладчайшая отрада; здѣсь даже дѣти непримѣтно научаются другъ отъ друга.... Но если въ свѣтѣ сдѣлались уже необходимы взаимныя посѣщенія и визиты изъ одного только приличія или этикета: не презирай ихъ совершенно, хотя они причиняютъ больше усталости и скуки, нежели отдохновенія и удовольствія. Довольно, если не станешь привязываться къ нимъ съ излишнею заботливостью. Не будь грубъ, но также не будь и легкомысленъ: наблюдай такъ называемыя поздравленія, визиты, но отнюдь не по пристрастію, а только потому, что приличіе и свѣтская вѣжливость требуютъ отъ тебя сей жертвы; посѣщай невинныя веселыя собранія и, если позволяетъ состояніе, не запирай для нихъ и твоего дома: но не обращай ночь въ день и назавтра день въ ночь. Легкомысленная разсѣянность и нелюдимость суть крайности, которыхъ должно избѣгать въ обществѣ. Первые христіане всегда предпочитали шумнымъ забавамъ труды и семейственныя удовольствія; но отнюдь не запрещали себѣ и другимъ всякую пристойную забаву; они жили свободно, весело и вмѣстѣ благочестиво, такъ, что и дѣла ихъ были богоугодны и удовольствія небогопротивны. Самъ Іисусъ Христосъ и Его Пречистая Матерь не от-

казались быть на брачномъ пиршествѣ въ Канѣ Галилейской и не препятствовали общему веселію: но оно — безъ сомнѣнія — было невиннѣйшее.

ОБЯЗАННОСТИ ГОСПОДЪ.

Вы, которымъ Предвѣчный далъ право пользоваться служеніемъ подобныхъ вамъ людей! послушайте, что сей небесный Благотворитель говоритъ вамъ: господа, доставляйте рабамъ должное и справедливое; умѣряйте строгость, зная, что и надъ вами, какъ и надъ ними, есть на небесахъ Господь, у котораго нѣтъ лицепріятія.“ Сколько наставленій заключается въ семъ изреченіи Духа Святаго!

Вы ихъ господа, но сами имѣете Господа на небесахъ; сей Господь имѣетъ равную власть надъ ихъ и вашей жизнію и смертію; сей Господь награждаетъ и наказываетъ, не взирая на лица, господинъ ли кто или рабъ; сей Господь всесиленъ—рабу даровать свободу и свободнаго обременить рабствомъ.

При толь сильныхъ убѣжденіяхъ неужели найдутся между нами такіе господа, которые въ своихъ рабахъ видятъ особыхъ

людей, природою на вѣчное рабство осужденныхъ, и думаютъ, что они не могутъ и недостойны наслаждаться свободою? Не всегда и язычники такъ думали; и они старались усмирить высокомѣріе и жестокость господъ. Не всѣ ли люди рабы? говоритъ одинъ изъ ихъ мудрецовъ: одинъ рабъ сладострастія, другой скупости, третій честолюбія, и всѣ суть рабы болзни.

Домовладыки! все показываетъ, что рабы — ваши братья; и однако вамъ служатъ! употребляютъ въ вашу пользу разумъ и волю, силы и терпѣніе. Ихъ безпокойства доставляютъ вамъ покой, ихъ труды — изобиліе, ихъ усердіе — порядокъ и чистоту въ домѣ, ихъ потъ — прохладу. Вы не можете безъ нихъ обойтись: какъ же вамъ не чувствовать къ нимъ благодарности? Древніе христіане столь глубоко чувствовали права человѣчества, что равноапостольный *Константинъ*, даруя миръ Церкви, между прочими установленіями повелѣлъ и своимъ примѣромъ подтвердилъ, чтобы господа содержали своихъ рабовъ, какъ братьевъ. Одна знатная Римская госпожа, съ домашними обоего пола обходилась такъ кротко, что посѣщающіе домъ ея, въ слугахъ и служанкахъ видѣли ея братьевъ

и сестръ. Святый Павлинъ говоритъ объ одномъ господинѣ своего времени, что онъ имѣлъ сердце столь усовершенное въ Божественной любви, что всегда былъ сослужителемъ своего слуги, слугою своего брата и неутомимымъ помощникомъ всѣхъ требующихъ помощи. Идите и вы, хотя издалека, по слѣдамъ древнихъ христіанъ: обходитесь съ рабами какъ съ братьями, будьте кротки, повелѣвайте снисходительно, возлагайте труды съ умѣренностью, показывайте довольство и благодарность; необходимость ихъ успокоенія измѣряйте потребностію вашего тѣла, старайтесь о пищѣ ихъ и одеждѣ; если они сдѣлали проступокъ, строгость растворяйте милостію; вмѣсто угрозъ, употребляйте совѣты, вмѣсто наказаній—отеческія угрозы; къ наказаніямъ прибѣгайте только въ крайней необходимости, и это дѣлайте, не столько уважая ваши мірскія права и выгоды, сколько пользу ихъ души.

Служители имѣютъ разумъ; слѣдовательно жестокость и страхъ не могутъ повелѣвать ими. Строгое взысканіе за бездѣлицы заставитъ твоего слугу проклинать свое состояніе и вмѣстѣ смѣяться надъ твоею безразсудностію: вотъ первый шагъ къ неуваженію тебя и къ развращенію слугъ! Создатель всѣхъ тварей повелѣлъ кротко обходиться и съ животными, на службу нашу

созданными, какъ съ тварями, которыя чувствуютъ наслажденіе и болѣзнь, и употребляютъ ихъ съ благодарностію, воздавая имъ пищею и отдохновеніемъ.

Такъ; все обязываетъ васъ, и справедливость, и честь и польза, показывать предъ ними всегда доброе сердце и здравый разумъ, и поступать съ тою кротостію, съ тою твердостью, которыя пріобрѣтаютъ любовь и почтеніе. Подумай самъ, благоразумно ли изъявлять гордость предъ тѣмъ, надъ кѣмъ имѣешь полную власть, и кто знаетъ и уважаетъ твои права? Не стыдно ли казаться безразсуднымъ въ глазахъ того, кому самое состояніе заставляетъ тебя служить примѣромъ? Позволяя бездѣлицамъ раздражать себя, почто не вспомнишь, что и ты дѣлаешь проступки, часто вреднѣйшіе для тебя и для семейства, нежели какіе дѣлаютъ твои рабы? Слуга твой разбилъ какой-нибудь сосудъ, и ты жестоко наказываешь его: между тѣмъ какъ самъ на карту ставишь тысячи рублей. Слуга твой опоздалъ къ тебѣ явиться, — и ты готовъ замучить его: а самъ, оставляя жену и дѣтей, прогуливаешь ночи .... Одно изъ прекраснѣйшихъ зрѣлищъ, когда господинъ или госпожа повелѣваютъ своими слугами такъ, что они смотрятъ на нихъ—болѣе какъ на отца и мать, нежели какъ на своихъ пове-

лителей: тогда свою должность исправляютъ они по любви, а не изъ принужденія. Сіе повиновеніе гораздо вѣрнѣе и лучше, нежели то, которое внушается страхомъ; ибо здѣсь не можетъ быть не только измѣны, но и малѣйшаго притворства. Особливо ласкайте и отличайте тѣхъ слугъ, которые боятся Бога; въ противномъ случаѣ, вы покажете, что не боитесь Того, кто имѣетъ такую же власть надъ вами какъ и надъ ними. Повѣрьте, что ихъ молитвы низводятъ благословеніе на вашъ домъ; ибо Господь приходитъ обитать между нами, взирая на призываніе — не лица, но чистой души.

Но чтобы ваши служители были благочестивы, это зависитъ отъ васъ.... Стоитъ только, услаждая ихъ состояніе кротостью и приличнымъ содержаніемъ, не забывать состоянія ихъ души. Вы поставлены отъ Бога попечителями не только о ихъ временныхъ нуждахъ, но и особенно о ихъ блаженствѣ въ будущей жизни.

Не обременяйте ихъ работами въ дни праздничные, и ежедневно оставляйте имъ извѣстное время на Богослуженіе. Крайне сожалѣть должно, когда господинъ самъ, желая быть христіаниномъ, не приводитъ къ этому христіанскихъ слугъ и не размышляетъ, что они хотя по состоянію служители, но по благодати—его братья. Это зна-

чинъ самому разрушать воздвигаемое зданіе своего христіанства; ибо приметъ ли Богъ ваше прибѣжище въ Его церковь и услышитъ ли ваши молитвы, когда, когда слуги ваши ссорятся, сквернословятъ, ропщутъ на Бога, и это дѣлаютъ только отъ того, что вы сами желая слушать общественныя молитвы, имъ предоставили домашнія работы, и при томъ по большей части такія, которыя удовлетворяютъ одну суетность или пустыя прихоти.

Пусть они постятся, приносятъ покаяніе и пріобщаются Святымъ Тайнамъ: сіи дѣйствія вѣры, возбуждая въ нихъ любовь къ Іисусу Христу, тѣмъ больше возбудятъ въ нихъ и къ вамъ любви, и вѣрности и послушанія: не думайте, что это будетъ имъ въ тягость; опытъ доказываетъ, что слуги всегда охотно исполняютъ христіанскія обязанности, когда есть на то воля ихъ господъ.

Ничто такъ не можетъ сдѣлать ихъ добрыми и непорочными, какъ примѣрная жизнь домовладыкъ. Будьте благочестивы, благотворительны, въ обхожденіи кротки, въ приказаніяхъ тверды и ласковы, невспыльчивы, къ ихъ болѣзнямъ чувствительны: тогда увидите, что и слуги ваши будутъ имѣть къ вамъ истинно

сыновній страхъ: будутъ бояться, чтобы чѣмъ-нибудь васъ необезпокоить.

ОБЯЗАННОСТИ ДРУЗЕЙ.

Другъ есть—другой я: слѣдовательно и другъ принадлежитъ къ домашнему обществу. Конечно есть друзья, которые усердствуютъ намъ во время радости и удаляются во время печали; есть друзья, которые, подобно хозяевамъ, распоряжаются въ нашемъ домѣ и простираютъ власть свою даже на нашихъ служителей: но какъ скоро счастіе перестанетъ благопріятствовать, первые смѣются и говорятъ: „глупой хозяинъ терпитъ по дѣламъ!“ Есть друзья, которые измѣняются во враговъ и, открывая тайны, бываютъ виновниками нашего безславія. Но это не должно охлаждать сердецъ нашихъ къ дружбѣ; ибо есть и истинные друзья. Кто въ дружбѣ предполагаетъ свои выгоды или какое-нибудь удовольствіе, тотъ напрасно жалуется на измѣну друзей, ибо выгоды и удовольствія, смотря по времени, перемѣняются: одна истинная добродѣтель неизмѣнна; а потому и друга истиннаго и неизмѣннаго могутъ найти только люди богобоязненные.

Если другъ твой добродѣтеленъ, научайся его добродѣтелямъ. Ежели онъ заблуж-

дается, наставляй его съ кротостію, и всѣми средствами, какія можетъ изобрѣсть твоя любовь, старайся привесть на путь истины. Но если твои стараніе безполезны, если онъ упорствуетъ на пути къ пагубѣ; хотя со слезами, но оставь его. Съ перемѣною добрыхъ нравовъ, дружество исчезаетъ, и добрые нравы отъ тѣсной связи съ развратнымъ человѣкомъ, подвергаются великой опасности. Но для сего старайся и самъ имѣть тѣ добродѣтели, которыя любишь и уважаешь въ твоемъ другѣ. Что̀ есть дружба? Это есть — взаимная любовь, особеннаго рода; почтеніе не къ тѣлеснымъ совершенствамъ, не къ дарованіямъ ума, но къ добродѣтелямъ, украшающимъ сердце; склонность добрыхъ душъ, имѣющихъ однѣ чувствованія, выгоды и намѣренія, но такъ, чтобы все это клонилось не только къ собственному ихъ, но и къ общему всѣхъ людей благополучію; союзъ двухъ благочестивыхъ сердецъ, заключенный съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы больше успѣвать въ добродѣтели. Безъ сего нѣтъ дружбы; безъ сего люди — не друзья, но самозванцы дружбы.

ОБЯЗАННОСТИ ДѢТЕЙ.

Дѣти! подражайте Господу вашему Іисусу Христу: имѣйте къ родителямъ уваже-

ніе, покорность, благоговѣйную приверженность и чувствованіе глубокой блогодарности. *Чти отца твоего и матерь*: это первая степень благочестія, и первая заповѣдь съ обѣтованіемъ: *да будетъ тебѣ благо, и будешь долголѣтенъ на земли.* — *Сыне*, говоритъ мудрый Сирахъ, *вспомни, что ты ими рожденъ; что же воздашь имъ, какъ они тебѣ?* Они даровали тебѣ жизнь, пеклись о твоемъ безпомощномъ младенчествѣ, берегли въ заблужденіяхъ юности; утѣшались трудами, чтобы тебѣ доставить покой; воспитывали, просвѣщали и съ нѣжною заботливостью помышляли о твоемъ будущемъ благоденствіи!

Дѣти! съ самаго младенчества начинайте исполнять священныя обязанности къ родителямъ. Израильскій мудрецъ говоритъ: *дѣломъ и словомъ чти отца твоего и матерь, да снидетъ на тебя благословеніе отъ нихъ.* И такъ страшитесь не только поступковъ, но и словъ, изъявляющихъ хотя нѣкоторую тѣнь досады; ибо что для другихъ кажется только равнодушіемъ, то для нихъ будетъ несносное жестокосердіе. Страшитесь не только дѣлать, но и говорить при нихъ (разумѣется: и безъ нихъ) что-нибудь неблагопристойное; ибо всякой грѣхъ, всякая слабость дѣтей, подобно сѣрнымъ искрамъ пламенника, падаютъ на

сердце истинныхъ родителей. „Если чѣмъ нибудь вы оскорбили ихъ, тотчасъ раскайтесь, и хотя бы они, по своей нѣжности, не взыскивали сдѣланной имъ обиды, сами падите предъ ними и смиренно просите у нихъ прощенія. Когда наказываютъ васъ за какіе-нибудь проступки, признавайте свою вину, и съ кротостію принимайте наказаніе. Если въ семъ случаѣ оправдываетъ васъ совѣсть, доказывайте свою невинность съ вѣжливостью и смиреніемъ, отнюдь не сомнѣваясь и тогда, что они желаютъ вамъ счастія.“

Опасайтесь, какимъ бы ни было образомъ, лишиться родительскаго благословенія; безъ него и благочестивыя намѣренія остаются безуспѣшны. *Благословеніе отчее утверждаетъ домы дѣтей, клятва же матерня искореняетъ до основанія.*

Дѣти! почитайте священнѣйшимъ долгомъ—утѣшать вашихъ родителей: вашими желаніями жертвуйте ихъ желаніямъ, вашими удовольствіями ихъ удовольствію, вашимъ покоемъ ихъ покою, и всегда помните, что ваше угожденіе, въ чемъ бы то ни было имъ оказанное, *назабвенно будетъ предъ Богомъ, и въ день молитвы вашей услышаны будете.*

Особенно страшитесь произнесть на отца или мать ругательство или насмѣшку

не только языкомъ, но и сердцемъ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ написанъ приговоръ: *кто злословитъ отца своего или матерь, смертію да умретъ.*

Дѣти! страшитесь злословить своихъ родителей. Духъ Святый говоритъ: *у злословящаго отца или матерь, угаснетъ свѣтильникъ разума, и зѣницы его узрятъ тьму.* Страшитесь на ихъ выговоры или на какія-нибудь требованія показывать презрительный взоръ. Духъ Святый говоритъ: *око, ругающееся отцу и досаждающее матери, да исторгнутъ враны отъ дебрія и да снѣдятъ его птенцы орлины.*

Видите, какія обязанности къ родителямъ возлагаются на васъ въ юношествѣ: вы должны возрастать такъ, чтобы ни малѣйшая тѣнь прискорбія отъ вашего поведенія не падала на ихъ сердце. Достигнувъ совершеннаго возраста, вы обязаны быть подпорою старости ихъ: помогайте имъ отъ всего сердца и всѣми возможными средствами; всегда помните слабость вашего дѣтства, и съ терпѣніемъ и любовію облегчайте бремя ихъ старости.

Жалостное и отвратительное зрѣлище, когда сынъ пируетъ посреди своего

семейства и друзей, а отецъ или мать исчезаетъ отъ глада! Внимайте прилежно слову Божію: *иже отвергаетъ отца или матерь, сей причастникъ есть мужу нечестивому; безчествуяй отца и отрѣвалй матерь, свою срамоту пріиметъ и поношеніе; коль хуленъ оставляяй отца и проклятъ Господемъ раздражаяй матерь свою!* Небесный Судія изліетъ на главу неблагодарнаго сына всѣ злосчастія: Онъ попуститъ вашимъ дѣтямъ отплатить вамъ тою же неблагодарностію. — Одинъ церковный Писатель разсказываетъ слѣдующее: „сынъ бѣднаго человѣка, чрезъ торговлю разбогатѣвшій, выгналъ отца своего изъ дома; несчастный старичекъ принужденъ былъ кормиться подаяніемъ добрыхъ людей: но вскорѣ съ печали занемогъ, и не имѣя гдѣ приклонить своей головы, помѣстился въ общественной больницѣ. Оттуда, Христа ради просилъ у сына двухъ рубашекъ. Сынъ послалъ ихъ чрезъ своего семилѣтняго сына, но мальчикъ своему дѣдушкѣ отнесъ только одну. Когда же отецъ, узнавъ о томъ, спросилъ: для чего онъ это сдѣлалъ? дитя отвѣчалъ: „другую рубашку я сберегъ для тебя, батюшка, когда будешь лежать въ этой же больницѣ.“ Дѣти! понимаете ли всю разительность и ужасъ сей повѣсти? Семилѣтній мальчикъ конечно самъ не по-

нималъ, что говорилъ: но онъ говорилъ по вдохновенію Того, кто во громѣ и молніи возвѣстилъ намъ *пятую заповѣдь*. . . . И вѣроятно, что невольное предвѣщаніе дитяти, хотя подъ другимъ образомъ, исполнилось. Богъ неблагодарныхъ сыновъ и дочерей часто наказываетъ—неблагодарностію сыновъ и дочерей. Здѣсь-то наипаче исполняется приговоръ Іисуса Христа: *въ нюже мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ*.

Иной, можетъ быть, скажетъ: „Я имѣю несноснаго отца; онъ выводитъ меня изъ терпѣнія.“ Почтожъ твой отецъ не выходилъ изъ терпѣнія отъ твоего крика въ младенчествѣ, отъ твоего упрямства въ отрочествѣ, отъ твоихъ шалостей въ юношествѣ? Онъ терпѣлъ для тебя все, готовясь еще къ большему терпѣнію въ будущемъ времени: а ты не хочешь успокоить немногіе дни, которые твоимъ родителямъ остаются на свѣтѣ!

Дѣти! великая неблагодарность и тяжкое беззаконіе презирать своихъ благодѣтелей и зло воздавать за добро; но—по Богѣ — нѣтъ бо́льшихъ у насъ благодѣтелей, какъ отецъ и мать: и такъ страшитесь быть неблагодарными. Нѣтъ съ вашей стороны столь великой жертвы, которую бы, касательно ихъ, можно было назвать

благодѣяніемъ: все, что бы вы для нихъ ни сдѣлали, будетъ не что иное, какъ небольшая уплата чрезвычайныхъ, неуплатимыхъ долговъ.

Дѣти! я оканчиваю мои наставленія вамъ чувствительнѣйшимъ примѣромъ: „одна мать, на смертномъ одрѣ благословляя своего сына, при всѣхъ сродникахъ и знакомыхъ такъ прославляла его любовь и повиновеніе: „Я никогда не слыхала отъ него не только грубаго, но и неласковаго слова; никакой отказъ не огорчилъ меня; ни одинъ пасмурный взглядъ не былъ обращенъ на меня.“ Потомъ, обратясь къ сыну, умирающимъ голосомъ сказала ему: *да будетъ тебѣ благо! да будешь долголѣтенъ на земли.*—Дѣти! подражайте сему благословенному сыну.

Примѣры.

Одинъ молодой пажъ *Фридриха* II, Короля Прусскаго, будучи дежурнымъ по своей службѣ, заснулъ передъ утромъ. Король позвонилъ въ колокольчикъ очень рано, и какъ никто не приходилъ, Фридрихъ выходитъ тотчасъ изъ своего кабинета, входитъ въ переднюю комнату, въ которой находитъ молодаго пажа спящаго на скамьѣ. Первое движеніе Короля было — разбудить

спящаго; но, увидавъ бумагу, которая высунулась изъ его кармана, желалъ полюбопытствовать и узнать о содержаніи письма; онъ вынулъ его тихонько — и прочелъ. Это было письмо благодарное отъ бѣдной матери молодаго пажа, за деньги, отъ него присланныя къ ней, получаемыя отъ своихъ товарищей, за наемъ дежурить за нихъ. Восхищаясь добродѣтелію сего достойнаго сына, Король пошелъ взять большой свертокъ золотой монеты, и положилъ оный вмѣстѣ съ письмомъ въ тотъ же карманъ. Возвратясь же послѣ въ свою комнату, онъ началъ звонить такъ сильно, что молодой пажъ проснулся въ испугѣ и побѣжалъ за приказаніемъ. Но чувствуя нѣчто тяжелое, которое билось по его ногамъ, онъ засунулъ руку въ карманъ, и увидалъ, что это былъ свертокъ, сходный съ тѣми, кои были ему препоручаемы относить иногда разнымъ офицерамъ. Объятый нечаяннымъ страхомъ, онъ краснѣетъ и блѣднѣетъ поперемѣнно. Фридрихъ, замѣтивъ это, сказалъ ему: „*что со тобою сдѣлалось, другъ мой? ты дрожишь?*“ — Ахъ, Боже мой! *Всемилостивѣйшій Государь*, отвѣчалъ юный пажъ — запинаясь, „*я не знаю, кто положилъ вотъ эти деньги въ мой карманъ*.....— „*Ты видишь*, отвѣчалъ Король, *что счастіе приходитъ иногда къ намъ во*

время спа. Ну! пошли это своей матери, и напиши къ ней, что я буду имѣть попеченіе объ ней и объ твоихъ сестрахъ.

Одинъ ребенокъ девятилѣтній лишился своего отца, единственной подпоры своего семейства: осталась у него чувствительная къ страданію мать его, и съ нѣкотораго времени она изнемогала въ чрезвычайной бѣдности; тяжкая болѣзнь присоединилась къ вящшей ея нищетѣ, и — въ семъ ужасномъ ея положеніи, она нуждалась въ самыхъ необходимыхъ вещахъ. Сей молодой сынъ ужѣ чувствовалъ ужасное состояніе, въ коемъ находилась его мать; но какъ ей помочь? Онъ имѣлъ прекрасные бѣлокурые волосы: думая про себя, что они могутъ ему доставить нѣсколько денегъ, онъ уходитъ въ одно утро, прибѣгаетъ къ парикмахеру, и продаетъ ихъ ему за 12 франковъ: въ полномъ удовольствіи сердца, милый сынъ возвращается домой, зажавши крѣпко въ руку сіи деньги и подходитъ къ кровати бѣдной своей матери!.... „маменька, сказалъ онъ ей, ты на меня не осердишься.... вотъ возьми, я тебѣ принесъ 12 франковъ, полученные мною за волосы мои.“

ОБЯЗАННОСТИ ЖЕНЫ.

Ты должна сохранять къ мужу вѣрность до гроба. Твоя честь неразлучна съ цѣломудріемъ: будь же какъ можно ревнительнѣе къ своему доброму имени и не позволяй себѣ никакою безчинною вольностію помрачить его. Особенно не терпи лести; кто слишкомъ хвалитъ твою красоту, твой разумъ, твою чувствительность, тотъ для тебя подозрителенъ; и ты подвергаешь себя большой опасности, если охотно его слушаешь. Положимъ, что ты въ душѣ своей, чувствуешь всю твою невинность: однако убѣгай и малѣйшихъ поводовъ, которые могли бы дать твоему супругу какое-нибудь подозрѣніе: безъ намѣренія сдѣланный соблазнъ можетъ навлечь несчастіе и тебѣ, и ему, и вашимъ дѣтямъ. Старайся вести себя такъ, чтобы языкъ дерзкаго мущины былъ нѣмъ не только въ твоихъ глазахъ, но и за глазами; чтобы почтеніе къ твоей добродѣтели обуздывало самыя мысли его. И это еще не все: полагай твою вѣрность не только въ священной обязанности жить непорочно и безъ соблазна, но и въ сердечной увѣренности, что ты, какъ подруга и совѣтница, не имѣешь у себя никакихъ тайнъ, которыя бы опасалась или стыдилась открыть твоему супругу.

Апостолъ говоритъ: *жена пусть учится въ безмолвіи, со всякою покорностію; а учить женѣ не повелѣваю, ни властвовать надъ мужемъ; но пусть пребываетъ въ безмолвіи.* Ты видѣла, что мужъ есть глава жены: послѣ сего разсуди, можно ли тебѣ быть госпожею надъ твоимъ мужемъ? Если между христіанскими супругами, говоритъ блаженный *Іеронимъ*, необходимое условіе есть то, что бы они какъ можно меньше другъ предъ другомъ оказывали свое господство: то сіе наипаче требуется отъ тебя; ты обязана особенно уважать его, чтобы весь домъ отъ тебя научился, какое должно имѣть къ домовладыкѣ почтеніе." Двѣ главы, гдѣ бы то ни было, производятъ только безпорядокъ и ссоры; жена можетъ брать верьхъ надъ своимъ мужемъ не иначе, какъ установляя въ своемъ домѣ порядокъ и наблюдая благоразумную бережливость.

Старайся избѣгать гнѣва въ небольшихъ размолвкахъ, какія иногда могутъ между вами произойти, и еще болѣе опасайся досаждать ему: напротивъ, твоею кротостію усмиряй его вспыльчивость, твоею веселостію замѣняй его угрюмость, твоими пріятностями умягчай его холодность. Можно показать ему свое огорченіе, но отнюдь недолжно оказывать своего гнѣва;

послѣ размолвки немедленно говори и поступай съ такимъ же удовольствіемъ, какъ будто между вами ничего не случилось. Жена неуступчивая, брюзгливая, вздорная обыкновенно жалуется, что мужъ не любитъ ее; между тѣмъ какъ сими-то пороками и заставляетъ ненавидѣть себя. Такія жены всегда жалуются на строптивость своихъ мужей. Но когда видишь, что мужъ твой въ гнѣвѣ, почто не молчишь? Ты, прекрасный, но скромный цвѣтокъ: не желай быть кедромъ; василёкъ подъ сильнымъ вѣтромъ остается невредимъ, а кедръ часто сокрушается; молчи — когда мужъ твой въ гнѣвѣ, и сей вихрь пройдетъ мимо тебя. У матери блаженнаго *Августина* супругъ былъ весьма крутъ нравомъ; но она жила съ нимъ согласно и спокойно, такъ, что подруги ея, часто ссорившіяся съ мужьями, просили у нее совѣта, какъ бы умягчить ихъ строптивый нравъ?—„Любезныя подруги! отвѣчала она: вы сами виновны, что терпите досады отъ своихъ мужей: сіи досады происходятъ не столько отъ ихъ, сколько отъ вашихъ пороковъ; вы на каждое досадное слово отвѣчаете съ такою жъ досадою, и тѣмъ больше ихъ огорчаете: а я — когда вижу, что мужъ мой сердитъ, молчу и только въ душѣ своей, втайнѣ молюсь Богу, чтобы возвратилась ти-

шина въ его сердце; его вспыльчивость проходитъ сама собою; и я всегда спокойна. Любезныя подруги! подражайте мнѣ; и, безъ сомнѣнія, будете столько же спокойны."

Изъ сего кроткаго и благоразумнаго отвѣта извлеки и другое правило для твоего поведенія: старайся всячески скрывать недостатки твоего мужа, сколь бы велики они ни были. Пусть порядокъ въ домѣ, спокойствіе семейства, даже его добрая слава будутъ нѣкоторымъ образомъ обязаны твоему поведенію и хозяйству: но все это приписывай добродѣтелямъ твоего мужа. Это такое средство, которое можетъ смягчить самый крутый нравъ; въ самомъ холодномъ сердцѣ пробудитъ любовь къ тебѣ и нерадиваго домовладыку иногда заставитъ оглянуться на свои поступки. Напротивъ того, самохвальство можетъ разрушить всѣ твои намѣренія, сколь бы хороши они ни были, и при всѣхъ домашнихъ твоихъ добродѣтеляхъ возродитъ къ тебѣ ненависть. Опасно оскорблять самолюбіе и во всемъ равнаго тебѣ друга: тѣмъ опаснѣе оскорблять такого друга, который никогда не можетъ забыть своего права — быть главою жены.

Будучи первою помощницею твоего мужа въ дѣлѣ благочестія, будь ему первою же помощницей и въ дѣлахъ житейскихъ.

Апостолъ, предписывая правила Христіанскаго благоустройства или хозяйства, возлагаетъ попеченіе о домѣ на женъ. Въ самомъ дѣлѣ, благочестивыя жены способнѣе къ наблюденію домашняго порядка, нежели мужья, хотя столь же благочестивые, но занятые болѣе внѣшними дѣлами. — „Настоящая жизнь, говоритъ *Іоаннъ Златоустъ*, составлена изъ общественныхъ и частныхъ обязанностей; для сего Богъ поручилъ однѣ мужу, другія женѣ: первому общественныя дѣла и пріобрѣтеніе въ пользу семейства, послѣдней попеченіе о внутреннемъ домоустройствѣ.“ Довольно — если твой супругъ содержитъ свой домъ, довольствуетъ, защищаетъ, распоряжаетъ всѣмъ вообще; ты обязана смотрѣть за подробностями: украшай твой домъ, разливай въ немъ невинное веселіе, старайся сдѣлать его пріятнымъ, чтобы мужъ твой возвращался въ него всегда съ удовольствіемъ, какъ въ тихое пристанище. Самое дурное съ твоей стороны дѣло, если онъ — возвращаясь отъ заботъ по своему званію, долженъ будетъ еще заботиться объ отвращеніи домашнихъ безпорядковъ и ссоръ между слугами; безсовѣстно недорожитъ покоемъ того, кто долженъ быть для тебя дороже всего. Самое изобиліе въ домѣ часто зависитъ отъ благоразумія хозяйки; безпечный мужъ, безъ

сомнѣнія, много дѣлаетъ зла въ семействѣ; но это зло нѣсколько поправляется попеченіемъ супруги, и домъ кажется благословеннымъ. Но гдѣ властвуетъ безпечная жена, тамъ уже зло неисцѣльно: *гдѣ нѣтъ ограды, расхищено будетъ имѣніе; и гдѣ нѣтъ благоразумной хозяйки, несчастный мужъ возвращается домой, какъ въ пустыню.*

Помогая мужу въ невинномъ пріобрѣтеніи, въ необходимыхъ случаяхъ не жалѣй разстаться съ чѣмъ бы то ни было изъ твоего имущества; на-примѣръ, если онъ, по нуждѣ хочетъ продать вещи, къ украшенію дома или тебя принадлежащія, ты не должна ссориться или противорѣчить. Презрѣніе сихъ вещей докажетъ твою любовь къ мужу и увеличитъ его любовь къ тебѣ. Если примѣтишь въ немъ опасеніе оскорбить тебя чрезъ сіе: вызовись сама и, презрѣвъ все, докажи, что мужъ любезнѣе тебѣ всѣхъ драгоцѣнностей. Въ семъ-то наипаче случаѣ, услаждай его горести твоею привѣтливостью и употребляй всѣ средства, чтобы онъ, изливая сердце свое въ твои нѣдра, получалъ отраду и утѣшеніе. Будь увѣрена, что жена не покажется мужу своему противною и безъ драгоцѣнныхъ нарядовъ, если она, при первомъ выборѣ, показалась ему любезною — по красотѣ лица и по красотѣ души своей.

Помни каждая супруга, что благочестіе будетъ дѣлать тебя всегда любезною мужу, не смотря даже на его вѣтреность. Минуются его мечты, и онъ познаетъ все твое достоинство.

ОБЯЗАННОСТИ КЪ БѢДНЫМЪ ЛЮДЯМЪ И КЪ НИЩИМЪ.

Страннолюбіе есть сладчайшій и священнѣйшій союзъ любви, утвержденный Предвѣчнымъ Богомъ на землѣ, непосредственно послѣ родства. Домовладыки! наслаждаясь всѣми благами жизни, не забывайте тѣхъ братій, которые, можетъ быть, только по слуху знаютъ, что есть наслажденія въ жизни; не забывайте бѣдныхъ людей, пріемлющихъ пропитаніе отъ человѣколюбія другихъ. Они, не меньше единокровныхъ, принадлежатъ къ вашему домашнему обществу. Іисусъ Христосъ есть Глава всякаго Христіанскаго семейства; всѣ убогіе суть братья Его меньшіе: слѣдовательно они должны быть и вашими братьями. Изгоняя ихъ изъ домашняго сообщества, вы изгоняете изъ дому самаго Христа. Онъ же, безъ своихъ меньшихъ братьевъ, между вами не останется.

Вспомните, что Онъ всякое подаяніе убогимъ — почитаетъ даяніемъ Себѣ Самому,

и всякой отказъ — отказомъ Себѣ самому: *поелику вы сдѣлали милость одному изъ сихъ братьевъ моихъ меньшихъ, то мнѣ сдѣлали: поелику вы не сдѣлали милости одному изъ сихъ братьевъ моихъ меньшихъ, то не сдѣлали мнѣ.* Сіи слова Спасителя нашего первые Христіане хранили глубоко въ сердцѣ своемъ и — во имя Его, всегда помогали бѣднымъ.

Флакилла, супруга Ѳеодосія Великаго, имѣла у себя нарочныхъ людей, честныхъ и попечительныхъ, которые непрестанно навѣдывались, не приключилось ли кому какое несчастіе; правители отдаленнѣйшихъ областей обязаны были доносить ей о всѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалась ея матерняя помощь; вдовы, сироты, недужные и разорившіеся составляли семейство сей благочестивой Императрицы. Вообще въ тѣ времена столько уважали и старались заслужить имя отца и матери убогихъ, что не страшились за то самыхъ гоненій.

Не извиняйтесь вашими недостатками. Всемогущій видитъ состояніе каждаго человѣка и каждому велитъ благодѣтельствовать по силамъ и возможности. Когда между приношеніями богатыхъ людей, одна вдова положила въ церковное сокровище только двѣ лѣпты, то Іисусъ Христосъ сказалъ: сія бѣдная вдовица больше всѣхъ положила.

Такъ благословляетъ Онъ даяніе и братьямъ Его меньшимъ, то есть, взирая на доброхотство милостынидавца: если у тебя много, подавай богатую милостыню; если мало, не бойся подавать малую милостыню; если не можешь помочь деньгами, помоги лишними одеждами твоего тѣла, лишнею пищею твоего стола; помоги совѣтомъ, состраданіемъ, утѣшеніемъ; уговори другаго подать помощь просящему у тебя. Преподобный *Паисій* одному вельможѣ, который принесъ ему и братіи его большую милостыню, не открывая своего имени, сказалъ: „Не въ пустынѣ, но въ городѣ Господь простретъ къ тебѣ Свою руку и пріиметъ подаяніе. Тамъ много найдешь убогихъ и нищихъ, недужныхъ и разоренныхъ, вдовъ и сиротъ. Согрѣй, напитай, одѣнь ихъ, и получишь воздаяніе отъ Господа.“

Не откладывай твоей милостыни до другаго времени; не говори: теперь поди и приди послѣ; я завтра тебѣ дамъ; — отнюдь такъ не говори, когда сегодня можешь сдѣлать благодѣяніе. Можетъ быть, просящій у тебя, съ каждымъ днемъ подвергается большей опасности; можетъ быть, его мать, жена, дѣти умираютъ отъ глада. Не жестокосердіе ли это, когда продолжаешь мучительное состояніе бѣдняка — только потому, что не хочешь на минуту остановить игру

или разговоръ съ пріятелемъ? Сверхъ того, ты не знаешь, что породитъ наступающій день: можетъ быть, ты самъ принужденъ будешь просить милости у другихъ. „Кто затыкаетъ уши свои, чтобы не услышать просящаго милости, и самъ призоветъ и некому будетъ услышать его.“ Сія истина разительными чертами изображается въ поступкѣ *Іоанна* Милостиваго: въ одно время, когда шелъ онъ въ церковь, остановила его бѣдная женщина и со слезами просила защиты отъ притѣснителя; а какъ было ужѣ время начать Литургію, то сопровождавшіе Іоанна совѣтовали ему выслушать просительницу тогда, какъ возвратится домой; но Іоаннъ, посмотрѣвъ на нихъ съ сожалѣніемъ, сказалъ: „я иду теперь молиться Господу: послушаетъ ли Онъ меня, если я не захочу теперь ее выслушать?“ И не двинулся съ мѣста, пока разобралъ дѣло и приказалъ удовлетворить бѣдную женщину. — Всегда поставляй себя на мѣстѣ просящаго милости, и поступай съ нимъ такъ, какъ хочешь, чтобы съ тобою въ подобныхъ случаяхъ поступали.

Особенно щади чувствительность тѣхъ, которые не могутъ просить милостыни; ищи сихъ несчастныхъ, узнавай ихъ нужды, и спѣши помогать такъ, чтобы не вѣдала шуйца, что дѣлаетъ твоя десница. У древ-

нихъ христіанъ, при раздаваніи милостыни, главное правило было слѣдующее: „и милостыня безъ благоразумія мало приноситъ пользы.“ Если хочешь быть истиннымъ благотворителемъ, то благотвори особенно тѣмъ, которые стыдятся принимать и на сіе рѣшаются съ великою горестію, и которые лучше хотятъ молчать и втайнѣ страдать, нежели просить явно, краснѣя отъ стыда. Такъ одинъ вельможа послалъ къ другу своему 30,000 златницъ для раздачи бѣднымъ, и просилъ его наиболѣе поправить состояніе тѣхъ, которые по непредвидимымъ случаямъ разорились; при чемъ съ христіанскимъ благоразуміемъ напоминаетъ ему, чтобы думалъ только о томъ, какъ бы утѣшить несчастнаго человѣка.

Человѣкъ, который богатство и разумъ употребляетъ съ пользою, любезенъ Богу, и истинно-счастливъ и счастіемъ своимъ наслаждается богоугодно; ибо оно доставляетъ ему способы дѣлать добро. Можно сказать, что сей счастливецъ не узкимъ и не прудным путемъ достигаетъ Царствія Небеснаго; онъ, услаждая горести другихъ, и самъ услаждается истинными радостями, какія только могутъ быть въ сей жизни.

Такимъ образомъ благодѣтельствуя, подражай древнимъ христіанамъ и въ безкорыстіи. Во имя Вседержителя и по чистой любви надѣляя убогихъ братьевъ, они вѣрили, что отдаютъ Господу; ихъ милостыня была даръ, за который они не предполагали на земли никакого вознагражденія: они слышали только привѣтствіе Іисуса Христа: блаженъ будешь, если облагодѣтельствованные тобою не могутъ воздать тебѣ; ибо воздастся тебѣ въ воскресеніе праведныхъ.

Особенно пріучайте дѣтей вашихъ къ дѣламъ милосердія: старайтесь благотворить въ ихъ присутствіи и, гдѣ можно, ихъ руками, и при воззрѣніи на бѣднаго, съ чувствительностію повторяйте имъ слова Христовы: *„поелику вы сдѣлали милость одному изъ сихъ братьевъ моихъ меньшихъ, то и мнѣ сдѣлали; поелику вы не сдѣлали милости одному изъ сихъ братьевъ моихъ меньшихъ, то и мнѣ не сдѣлали,“* — не оставляя безъ замѣчанія, что сіи слова Христовы суть приговоръ, которымъ рѣшится судьба наша на всю неизмѣримую вѣчность. Напоминайте имъ, что лучше быть отцемъ, матерью, братомъ и сестрою вдовъ и сиротъ, нежели господиномъ нѣсколькихъ тысячъ золота и серебра; что милостыня родителей никогда не разоряла ихъ дѣтей;

что Господь столько щедръ и славенъ, что никакого добраго дѣла безъ награды не оставляетъ, и сію истину подтверждайте примѣрами.

Наконецъ представьте, что самъ Господь вамъ говоритъ: „Я сотворилъ васъ изъ ничего, и далъ вамъ все, что ни имѣете: для чего же вы столь неблагодарны, что не хочете изъ моихъ даровъ удѣлить и малой части моимъ и вашимъ братіямъ? Для чего присвояете однимъ себѣ то, что я даю и вамъ и бѣднымъ вмѣстѣ? Облагодѣтельствованный мною! не думай, что ты господинъ твоего имѣнія. Нѣтъ! ты къ нему только приставленъ, чтобы давать пищу и пособіе твоимъ друзьямъ и братіямъ. Я все поручилъ тебѣ на время, и во всемъ потребую отъ тебя строгаго отчета.“

ОБЯЗАННОСТИ МУЖА.

Отъ добраго порядка, господствующаго между супругами, происходитъ порядокъ всего домашняго общества.

Какія пріятныя узы соединяютъ благочестивую чету! одинъ надежды, одинъ желанія, одинъ обязанности, одинакое поведеніе; они — какъ братъ и сестра; они друзья, неразлучные душею и тѣломъ; они вмѣстѣ молятся и вмѣстѣ пекутся о семействѣ;

другъ друга руководствуютъ, другъ другу напоминаютъ свои ошибки; неразлучны въ церкви и неразлучны дома; одинъ отъ другаго не таитъ ни печали, ни радости; одинъ другаго не чуждается; одинъ другому не досаждаетъ; оба охотно посѣщаютъ больныхъ и помогаютъ бѣднымъ; подаютъ милостыню, не жалуясь на свои недостатки; приносятъ жертвы Богу, не сомнѣваясь въ чистотѣ своей совѣсти; пекутся о хозяйствѣ, ни въ чемъ другъ другу не прекословя; одинъ предъ другимъ не ходитъ украдкою; одинъ другаго не подозрѣваетъ; не боится одинъ другому открыть какихъ-либо желаній, не мучится какою-либо страстію въ безмолвіи. Вмѣстѣ славословятъ и благодарятъ Бога и побуждаютъ другъ друга въ дѣлахъ вѣры и благочестія. Взирая на такую вѣрную чету, самъ Господь нашъ, Іисусъ Христосъ о ней радуется и посылаетъ на нее свой миръ и благословеніе. — Ежели на земли есть истинное счастіе, то обитаетъ оно не въ другомъ мѣстѣ, какъ съ сими благословенными супругами.

Но не порабощай женѣ души твоей такъ, чтобы ея воля сдѣлалась выше твоихъ силъ. Сколько сіе правило въ супружествѣ необходимо, столь же нужно, чтобы мужья умѣли имъ пользоваться. Конечно твое спокойствіе и счастіе твоего семей-

сила пребуютъ, чтобы ты данную тебѣ отъ Бога власть не выпускалъ изъ рукъ: но сіе дѣлай такъ, чтобы твое первенство не только было ей неогорчительно, но показывало бы всю искренность твоей любви. Для сего знай, гдѣ и какъ ею повелѣвать, гдѣ и какъ ей повиноваться: все полезное принимай отъ нее съ благодарностью, и все вредное отклоняй съ постоянствомъ, не умаляя къ ней любви и уваженія. И въ самыхъ ея заблужденіяхъ будь искренній другъ ей, несоглашающійся на совѣтъ ея для ея же пользы; не показывай ей гнѣва, сварливаго нрава, даже холодности; совѣтъ предлагаемый спокойно и съ нѣжнымъ соучастіемъ, всегда бываетъ успѣшнѣе. Если твоя супруга увѣрена, что ты любишь ее пламенно, то не будетъ огорчаться, что ты симъ пламенемъ не ослѣпляешься.

Берегись, чтобы твоя заботливость о ея чести не обратилась въ ядовитую ревнивость: это червь, который претворяетъ въ пепелъ прекрасный плодъ. Сей мучительный порокъ или заставитъ ее непрестанно оплакивать оскорбляемую невинность ея сердца, или доведетъ до того, что она тебя возненавидитъ и, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ сдѣлается виновною. Ревнивый

мужъ самъ заставляетъ презирать себя; ибо онъ имѣетъ, слѣдовательно и другимъ внушаетъ худыя о себѣ мысли. Безъ сего подозрѣнія къ самому себѣ, онъ не былъ бы ревнивъ. Супругъ! не оскорбляй самаго себя. Будь лучше самъ вѣренъ: вотъ дѣйствительнѣйшее средство имѣть вѣрную супругу.

Столько же опасайся, чтобы твоя бережливость не обратилась въ неопрятную, иногда голодную скупость, твое постоянство — въ угрюмое удаленіе отъ свѣта. Благоразумный мужъ долженъ радоваться, когда жена для него наряжается. Добрая слава его требуетъ, чтобы домъ украшался опрятностію и изобиліемъ. Прогулки, гостепріимство, посѣщеніе дружескихъ бесѣдъ, если онѣ умѣренны и невинны, кромѣ нужнаго въ свѣтѣ благоприличія, имѣютъ и ту выгоду, что супруги послѣ того съ бо́льшимъ удовольствіемъ остаются наединѣ.

ОБЯЗАННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ.

Старайтесь, чтобы ваши дѣти были здоровы и крѣпки: лучшее къ тому средство, если не будете разслаблять ихъ тѣла

излишнимъ лакомствомъ или причудами врачебнаго искуства. Посмотрите на земныя растенія: излишество и недостатокъ дождя для нихъ равно вредны: подражайте природѣ; она научитъ васъ возрастить существо, вами произведенное.

Содержите ихъ, сообразно съ вашимъ состояніемъ. Не давайте имъ власти надъ слугами, но также не ставьте и наравнѣ съ ними; въ первомъ случаѣ, они привыкнутъ расточать пустыя и безразсудныя приказанія, въ другомъ — могутъ получить низкіе навыки. Хотя сіе правило касается высшихъ и среднихъ состояній, но и бѣдный человѣкъ долженъ пріучать своихъ дѣтей, по крайней мѣрѣ, къ чистотѣ и опрятности. Благородство въ поступкахъ есть необходимое условіе при воспитаніи дѣтей, не взирая на бѣдность состоянія.

Оказывайте одинаковую любовь къ каждому дитяти, и одно другому отнюдь не предпочитайте. Древніе христіане давали преимущество одному дитяти предъ другимъ только тогда, когда непослушнаго и злонравнаго сына должно было постыдить предъ сыномъ кроткимъ и покорнымъ; кромѣ сего, они опасались всякаго пристрастія,

Что́ скажу о тѣхъ родителяхъ, которые роскошною жизнію или разорительными играми расточивъ свое имѣніе, въ удѣлъ дѣтямъ оставляютъ бѣдность? Ихъ безчеловѣчіе выше всякаго сравненія. И звѣри любятъ и питаютъ своихъ дѣтей: какъ же люди до такой степени могутъ ожесточаться, что своихъ дѣтей, свое сердце, оставляютъ безъ пропитанія и часто всю ихъ жизнь отравляютъ горестями? Имъ въ полномъ смыслѣ принадлежитъ и должна быть повторяема заповѣдь: не укради! Родители должны трепетать при одной мысли, что ихъ дѣти, которыя въ младенчествѣ ползали по дорогимъ коврамъ, нѣкогда съ трудомъ будутъ прикрывать наготу свою.

Дѣти ваши, какъ рожденные для отечества, должны быть способны на служеніе ему: и такъ наставляйте ихъ во всѣхъ нужныхъ къ тому знаніяхъ, наукахъ. Но при семъ твердо помните, что успѣхи въ наукахъ должно измѣрять по успѣхамъ въ добродѣтеляхъ; и для того онѣ для юношескаго возраста должны быть только орудіемъ къ созерцанію всемогущества, премудрости и благости Божіей и руководствомъ къ общеполезной и слѣдовательно благочестивой жизни. Въ противномъ случаѣ, вы дадите своимъ дѣтямъ чашу съ ядомъ, у ко-

торой края намазаны медомъ. Науки безъ благочестія — вреднѣе самаго невѣжества.

Что есть порядокъ общественный, какъ не благочестіе? ибо благочестіе утверждаетъ всякаго на своемъ мѣстѣ; ибо ученіе Христово обращаетъ всѣ званія въ путь не только къ блаженству вѣчному, но и къ счастію временному. Каждый человѣкъ споитъ на божественной спражѣ: не дремли—и получишь вѣчную награду.

Сколь же основательно старайтесь утвердить воспитаніе и вашихъ дочерей. А въ этомъ успѣхъ несомнительный будетъ только тогда, когда будете преподавать имъ нравственность Христіанскую, съ коею ничто сравниться не можетъ: въ ней только находятся правила, которыя сдѣлаютъ дочь вашу тѣмъ, чѣмъ она должна быть теперь и послѣ, то есть, дочерью почтительною и нѣжною, достойною супругою, хорошею матерью, попечительною хозяйкою и въ исполненіи всѣхъ сихъ обязанностей благочестивою христіанкою. Вотъ сущность женскаго воспитанія! Само собою разумѣется, что сей образъ воспитанія дѣвицъ не исключаетъ пріятныхъ искуствъ: но только надобно, чтобы все сопровождалось и освящалось благочестіемъ.

Благочестіе на все полезно; ибо ему принадлежитъ обѣтованіе настоящей и будущей жизни. Слово сіе вѣрно и достойно всякаго принятія, особливо при воспитаніи дѣвицъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ одну цѣль: быть достойною супругой, достойною матерью, не смотря на свое состояніе, Княжна ли она или крестьянка.

Не пріучайте своихъ дѣтей къ разсѣянности, къ шумнымъ собраніямъ, къ зрѣлищамъ. Сей нѣжный цвѣтъ долженъ болѣе созрѣвать въ тихомъ уединеніи. Заблуждаются тѣ родители, которые говорятъ, что съ юныхъ лѣтъ надобно узнавать изъ опытовъ науку жить въ свѣтѣ. Свѣтъ есть какъ бы комедія, и не больше театральной комедіи можетъ исправить нравы: ибо не многіе изъ зрителей смотрятъ и слушаютъ ее съ добрымъ намѣреніемъ; не исправленіе, но удовольствіе — почти общая цѣль, для чего посѣщаютъ театръ. Въ самомъ дѣлѣ, въ комедіи свѣта, равно какъ и въ театральной комедіи, нѣкоторые пороки такъ разукрашены, что неопытная юность противъ воли ихъ полюбитъ; а добродѣтели поставлены въ такой тѣни, что усмотрѣть ихъ можетъ развѣ состарѣвшійся въ опытахъ.

Желаешь, чтобы дѣти привыкли къ трудамъ, на которые каждый юноша готовит-

ся, и между тѣмъ позволять имъ разсѣяніе въ свѣтѣ, значитъ созидать домъ на пескѣ.

Не позволяйте вашимъ дѣтямъ имѣть такихъ друзей и товарищей, которыхъ поведеніе вамъ неизвѣстно. Одинъ благочестивый наставникъ говоритъ: „если родители, прогуливаясь въ полѣ или въ саду, всемѣрно остерегаются, чтобы дѣтей ихъ не ужалила змѣя: то для чего сполъ же имъ не заботиться, что бы не ужалилъ ихъ развратъ?

Часто родители говорятъ: „Боже мой! я, кажется, живу по-христіански: но отъ чего развратны мои дѣти?“ Однако жъ само собою ясно, что они своихъ дѣтей развращали, когда на какіе-нибудь пороки ихъ смотрѣли равнодушно. Мы восхищаемся, когда дѣти скажутъ что-нибудь повольнѣе, хотя бы слова ихъ вовсе противны были нравственности! Не пособляемъ ли чрезъ то расти и укореняться ихъ порокамъ? Сверхъ того, когда пороки непротивны тебѣ въ сынѣ, то вѣрно они непротивны и тебѣ самому. Въ свѣтѣ обыкновенно говорятъ: „онъ крайне любитъ своихъ дѣтей!“ Но правда ли, что ты любишь ихъ? — Любишь ли ты ихъ, спрашиваетъ одинъ великій мужъ, когда позволяешь имъ жить самовольно?

Сколько нынѣшній свѣтъ ни деликатенъ, сколь ни щекотливъ; но, когда совѣтовъ и выговоровъ будетъ недовольно, приступите къ наказаніямъ: *щадяй жезла, ненавидитъ своего сына;* ненавидитъ по истинѣ, потому что чрезъ сіе предаетъ его страшной казни Бога Мстителя. Не глупость ли это, если отецъ или мать, для утѣшенія плачущаго ребенка, позволяетъ ему играть и изрѣзаться бритвою? Не сумасшествіе ли будетъ, если отецъ, видя утопающаго въ рѣкѣ сына, не захочетъ извлечь за волосы — только потому, чтобы не причинить ему боли, или потому, что безчестно прикасаться къ волосамъ благороднаго отрока! Сколь же непростительно, видя пороки своихъ дѣтей, не наказывать ихъ, или давать имъ деньги для насыщенія порочныхъ желаній, или позволять дружество съ развратными сверстниками. Первосвященникъ *Иліи* былъ кротокъ и благочестивъ; но преступныхъ своихъ дѣтей наказывалъ только выговоромъ, не употребляя соразмѣрныхъ преступленію средствъ: слѣдствіемъ сей слабости было совершенное истребленіе его дома. Или думаете, что можно чрезъ то навсегда охладить къ вамъ сердце ихъ? Нѣтъ; въ зрѣлыхъ лѣтахъ о родительскихъ наказаніяхъ обыкновенно вос-

поминаютъ съ чувствомъ глубокой благодарности.

Всѣ таковыя средства подкрѣпляйте собственнымъ поведеніемъ. Родители! ваша жизнь есть истинная наука для нихъ, какъ жить на свѣтѣ; вашъ примѣръ для нихъ тоже, что благорастворенный или вредный воздухъ для нѣжныхъ плодовъ. Чего добраго можно ожидать отъ тѣхъ дѣтей, которыя видятъ отца своего день и ночь сидящаго за картами или за бокалами? или маменьку, на разсвѣтѣ дня пріѣзжающую съ шумнаго бала? Пагубный примѣръ разливается отъ нихъ на дѣтей, а отъ дѣтей на внучатъ, и всѣ погибаютъ не только душею, но иногда и тѣломъ. Развратъ умножается тѣмъ болѣе, что такіе родители, если бы и хотѣли, стыдятся подавать совѣты своимъ дѣтямъ; и что они скажутъ имъ? развѣ сію горькую истину: „дѣти! не смотрите на нашу жизнь; учитесь сами жить добродѣтельно!“ Но, ахъ! *когда собираютъ со терновника виноградъ или со репейника смоквы?*

Дѣти болѣе смотрятъ на поступки родителей, нежели на слова: для сего, если хотите видѣть ихъ добродѣтельными, будьте сами добродѣтельны.

Вообще первые христіане лучше желали не имѣть дѣтей, нежели имѣть порочныхъ: такъ одинъ благочестивый отецъ не

только не плакалъ, но и радовался о смерти своего юнаго сына; ибо родительское о немъ воспоминаніе для него было тѣмъ пріятнѣе, что лѣта умершаго дитяти не представляли ему никакого порока.

Самые первые предметы нашихъ попеченій суть наши дѣти. — Самыя ближайшія отношенія наши должны быть къ тѣмъ, которыхъ дала намъ сама природа. Ибо когда мы съ ними соединены крѣпчайшими и нѣжнѣйшими узами, то и нельзя намъ оказать лучшей заслуги человѣчеству, какъ если рачительностію и добрымъ воспитаніемъ сдѣлаемъ ихъ полезными и благодѣтельными членами общества; а тѣмъ самымъ распространимъ свои чувствованія и на потомство наше, тѣмъ самымъ выполнимъ свои желанія, которыхъ слабость наша и краткая жизнь достигнуть здѣсь не дозволила: ибо что̀ получилъ бы свѣтъ отъ того, когда бы мы, оставивъ ближайшихъ къ намъ — захотѣли назидать сторонникъ? Отецъ, ревностно исполняя должность благоразумнаго отца, исполняетъ чрезъ то всегда первую должность, какой требуетъ отъ него любовь къ человѣчеству; и онъ не можетъ выполнить сей послѣдней, какъ скоро пренебрегаетъ первую. Вотъ самый натуральный и самый первѣйшій союзъ, — союзъ отца съ дѣтьми!

ОБЯЗАННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ И ДѢТЕЙ КЪ ВОСПИТАТЕЛЯМЪ И НАСТАВНИКАМЪ.

Ѳеодосій Великій, поручивъ святому *Арсенію* образовать въ наукахъ и добродѣтельной жизни сыновей своихъ, *Аркадія* и *Гонорія*, просилъ его обращаться съ ними не какъ съ дѣтьми Императорскими, но какъ съ обыкновенными и простыми учениками, и поступать совершенно такъ съ ними, какъ бы они были дѣти его. Сей благочестивый отецъ часто напоминалъ и дѣтямъ своимъ, чтобы они были ему послушны и всегда оказывали сыновнее почтеніе: — „Дѣти мои! говорилъ онъ, — „помните, что вы болѣе одолжены будете учителю, нежели мнѣ; отъ меня получили вы жизнь временную и получите царство на земли, а чрезъ него получите жизнь вѣчную и царство небесное.“ — Если бы кормилица, или нянька, или кто-нибудь другой, опредѣленный смотрѣть за дѣтьми, былъ изъ числа вашихъ слугъ; и тогда благородныхъ мыслей о ихъ званіи да не заглушаетъ неблагодарная мысль о ихъ зависимомъ состояніи. Кому порученъ сколь драгоцѣнный залогъ, тому будь другомъ; ибо не онъ у тебя, но ты у него остаешься въ долгу. Всемѣрно старайся о его вы-

годахъ, чтобы и онъ всемѣрно старался сей залогъ возвратить тебѣ столь же невинныиъ, какъ принялъ его изъ твоихъ рукъ.

Наставники сѣютъ въ сердца вашихъ дѣтей духовное: велико ли то, если пожнутъ у васъ тѣлесное? Не жалѣйте по достоинству вознаграждать труды ихъ и усердіе. Сколько расточается иногда денегъ и имѣнія на щегольство и разныя прихоти! а между тѣмъ учители не получаютъ умѣренной платы и даже иногда принуждены бываютъ оставлять своихъ воспитанниковъ, имѣя въ рукахъ — одни билеты.

Ваше счастіе, послѣ родителей непосредственно зависитъ отъ воспитателей: слѣдовательно они имѣютъ полное право на вашу благодарность. Когда одинъ старецъ изъяснилъ юному *Симеону Столпнику* Евангельскія блаженства: онъ палъ ему въ ноги съ глубокою чувствительностію и сказалъ: „ты мнѣ отецъ и мать, учитель благочестія и вождь къ моему спасенію!“ Вотъ примѣръ, съ какою признательностью должно принимать все, что приноситъ намъ истинную пользу. Сіе благородное чувствованіе да сохраняется въ сердцѣ воспитанника чрезъ всю жизнь къ тѣмъ особамъ, которыя носили его на рукахъ, воспитывали и наставляли.

Умные старики, воспоминая о наказаніи своихъ дѣтскихъ пороковъ, всегда говорятъ: „учитель желалъ мнѣ добра! . . .“

ОБЯЗАННОСТИ СЛУГЪ.

Будьте послушны господамъ своимъ по плоти: сіе правило строго исполняли рабы въ первыя времена Христіанства. Хотя, по разуму Евангелія, они назывались братьями своихъ господъ, однако симъ преимуществомъ не гордились, и чѣмъ крѣпче соединены были духомъ, тѣмъ болѣе оказывали къ нимъ вѣрности, любви и послушанія. Рабы нынѣшняго времени, подражайте имъ и не жалуйтесь на ваше состояніе; оно непрошивно премудрымъ уставамъ Всевышняго: каждый оставайся въ томъ званіи, въ какое призванъ, говоритъ Апостолъ: рабомъ ли ты призванъ? не печалься; но если можешь сдѣлаться и свободенъ, тѣмъ болѣе воспользуйся, для Христа не переставая служить всѣмъ людямъ; ибо призванный въ Господѣ рабъ—есть свободный сынъ Господа, и призванный свободнымъ—есть рабъ Христовъ.

Свободу и счастіе души, говоритъ одинъ древній отецъ, составляетъ истинная чистота и презрѣніе тщетныхъ удовольствій. Тотъ совершенно свободенъ,

кто не находится въ рабствѣ у какой бы то ни было порочной страсти, но благоразумно и цѣломудренно господствуетъ надъ тѣломъ и съ великою благодарностію довольствуется даннымъ ему отъ Бога, хотя бы это было весьма немного.“ — И такъ нѣтъ безчестія въ томъ, что ты рабъ по плоти; когда ты рабъ духомъ, рабъ грѣха: — вотъ величайшее для тебя безчестіе! Если ты свободенъ отъ суетности и развратовъ міра, то для чего тебѣ не служить отличному въ мірѣ человѣку? Для чего неимѣть попеченія о дѣлахъ, которыхъ онъ отъ тебя требуетъ?“ — Господь для того поставилъ домовладыкъ, чтобы они повелѣвали слугами, а слугъ — чтобы повиновались имъ: служите же для Господа усердно, чтобы отъ него получить награду. Если вы кротки и богобоязненны, то и въ вашемъ состояніи вы не хуже и, можетъ быть, лучше вашихъ господъ; ибо вы тогда свободны духомъ: жизнь каждаго показываетъ, рабъ ли онъ или свободный.

Не забывайте, что и самъ Сынъ Божій, по плоти зракъ раба принявъ, служилъ своимъ Апостоламъ; служилъ тотъ, кто сдѣладъ всѣхъ свободными; служилъ тѣмъ, кого освободилъ! Имѣя предъ глазами сей святѣйшій примѣръ, можете ли вы отрекать-

ся отъ служенія потому, что вы такіе же люди, какъ ваши господа. И такъ, служите своимъ господамъ въ простотѣ сердца вашего, не предъ очами только работая, какъ человѣкоугодники; будьте послушны не изъ страха, но по совѣсти; оказывайте уваженіе не только на языкѣ, но и въ сердцѣ, не только въ ихъ присутствіи, но и заочно, какъ предъ самимъ Богомъ, для котораго вы служите; не только не говорите о нихъ ничего предосудительнаго, но и вездѣ защищайте ихъ доброе имя; имѣйте чувствительность къ ихъ благополучію и несчастіямъ; ибо съ ихъ жребіемъ соединенъ и вашъ жребій; возлагаемыя на васъ дѣла исполняйте съ усердіемъ и точностью; не затѣвайте излишнихъ требованій, но взирайте на расходы ихъ, какъ на свои собственные; ни одного перста рукъ вашихъ ни явнымъ, ни тайнымъ хищеніемъ не оскверняйте и языкъ вашъ пререкословіями не безславьте; служите имъ съ уваженіемъ и страхомъ, то есть, наблюдая крайнюю осторожность, чтобы чѣмъ-нибудь ихъ не оскорбить. Апостолъ, предписывая вамъ всѣ сіи обязанности, представляетъ къ тому и побужденія, которыя въ полной мѣрѣ могутъ васъ утѣшить на чредѣ вашего служенія; ибо вы, исполняя волю господъ, исполняете волю Божію, и

за то всякой изъ васъ получитъ отъ Господа по мѣрѣ добра, которое сдѣлалъ.

Если ваши господа преклонны къ гнѣву или слишкомъ взыскательны, старайтесь умягчать ихъ осторожностію въ поступкахъ, рачительностью въ дѣлахъ и особливо добрымъ поведеніемъ. Помогая товарищамъ, не доводя до свѣдѣнія небольшіе другъ друга проступки, а свои какъ можно скорѣе и искреннѣе открывая, вы избѣгнете многихъ огорченій, не взирая на крутый нравъ домовладыки. Мало людей столь жестокихъ и безразсудныхъ, чтобы вовсе не чувствовали достоинства исправныхъ и добродѣтельныхъ слугъ. Но хотя бы суровость ихъ, къ несчастію, была чрезмѣрна: и тогда, по разуму Св. писанія, вы не имѣете права—не только освобождаться отъ нихъ бѣгствомъ, но даже и сердцемъ ихъ чуждаться. Конечно у васъ сердце чувствительно, вы можете огорчаться, можете плакать; но отнюдь не должны предаваться отчаянію.—Слуги! Апостолъ, утѣшая васъ, говоритъ: рабы со всякимъ страхомъ повинуйтесь господамъ не только добрымъ и кротkимъ, но и суровымъ; ибо это угодно Богу, если кто помышляя о Немъ, переноситъ скорби, страдая несправедливо; ибо что за похвала, если вы терпите наказаніе за преступленіе? Но если, дѣлая добро,

страждете и терпите, сіе пріятно Богу; ибо вы къ тому призваны самимъ Христомъ, который пострадалъ, не сдѣлавъ никакого грѣха. Господа не чувствуютъ цѣны вашихъ услугъ и вѣрности: но ваши добродѣтели видитъ Богъ; отъ сего-то общаго, вашего и ихъ, Господа въ воздаяніе вы получите наслѣдіе; ибо, исполняя заповѣдь о повиновеніи, вы служите Господу Христу.

Но если благодарный господинъ за усердіе и вѣрность наградитъ тебя свободою: тѣмъ больше воспользуйся чувствомъ глубокой благодарности; ибо онъ единственно изъ человѣколюбія возвратилъ тебѣ твое время, твои труды, которые по законамъ общежительства принадлежали ему.

ОГРАНИЧЕННОСТЬ УМА *человѣческаго.*

Нѣкогда спросили *Невтона*: почему онъ ходилъ тогда, когда онъ намѣренъ былъ ходить, и какимъ образомъ рука его шевелилась по его хотѣнію? Онъ отвѣчалъ смѣло, что объ этомъ ничего не знаетъ.—Никто еще не могъ никогда объяснить ясно, отъ чего известь загорается отъ холодной воды? Могли ли узнать, отъ чего происходятъ чувствованія или ощущенія, мысли, понятіе, воображеніе, память? Кто можетъ

намъ доказать, посредствомъ какой Механики зерно хлѣбное, которое мы бросаемъ въ землю, возстановляется для произведенія соломинки или стебля, снаряженнаго колосомъ, и какъ также земля произраждаетъ яблоко на верху дерева? Также никто не можетъ объяснить, отъ чего магнитъ притягиваетъ къ себѣ желѣзо.—Многіе искусники и ученые говорятъ: *чего я не знаю?* Но *Монтань* говаривалъ: *что я знаю?*

ОСКОРБЛЕНІЕ, *обида.*

Не обижать людей даже словомъ, какая великая, необходимая наука! Я бы далъ много за дарованіе — не говорить никогда дерзкаго слова: слѣдствіе добраго состоянія души, боящейся въ комъ-нибудь оскорбить природу человѣка. Какое наслажденіе — говорить въ самомъ себѣ: *я не оскорбилъ никого! я люблю, я стараюсь всѣхъ любить, не исключая и тѣхъ, которые меня не любятъ!* Смѣяться съ презрѣніемъ надъ человѣкомъ разумнымъ и полезнымъ — есть слѣпота и злость.

Декартъ говоритъ: когда мнѣ дѣлаютъ обиду, тогда я стараюсь вознестись душею такъ высоко, чтобъ оскорбленіе не достигло ее.

Отмщать за обиду — значить равняться съ своимъ врагомъ; прощать же ему — значить возвыситься передъ нимъ.

Шумъ любитъ глупецъ, жалобу дуракъ и безумецъ; честный и умный человѣкъ, будучи обманутъ, удаляется и не говоритъ ни слова.

За обиду отомстить благодѣяніями, есть дѣло великой души, сказалъ *Конфуцій*.

Тотъ, кто сильно оскорбляется обидою, дѣлается соумышленникомъ съ своимъ врагомъ.

ОСТОРОЖНОСТЬ, *предусмотрительность*, и *прозорливость*.

Во всѣхъ твоихъ поступкахъ смотри на конецъ. Прежде начатія какого-либо дѣла, сдѣлай ему мудрое обозрѣніе и планъ. Такая обдумчивость снабдитъ тебя всѣми нужными предосторожностями. Съ предусмотрительностью нѣтъ опасностей, бѣдствій и горестей, коихъ бы не можно было избѣжать. Безразсудный смотритъ только на поверхность самыхъ простыхъ предметовъ, — пренебрегаетъ ею и ея послѣдствіями, и часто дѣлается жертвою живѣйшаго прискорбія и раскаянія. Особенно не полагайтесь на первый взглядъ вашъ, и разбирайте хорошенько наружность. Бла-

горазумїе есть мать безопасности; впрочемъ да не сдѣлаетъ оно васъ робкими и малодушными. Чѣмъ будете предусмотрительнѣе, тѣмъ болѣе должны сохранять всю вашу твердость.

Когда размыслимъ о дѣлахъ міра сего, то найдемъ, что есть какой-то непріязненный духъ, упражняющійся единственно въ возмущеніи покоя и тишины рода человѣческаго: величайшія несчастія, кровопролитнѣйшія позорища, удивительнѣйшія злоключенія, чрезвычайные перевороты, часто имѣютъ начало свое отъ сущихъ бездѣлицъ.

Всякой благоразумной человѣкъ, желающій избѣгнуть безпокойствъ и прискорбій, долженъ тщательно вразумляться чужимъ злополучіемъ, и — убѣгать ненависти вельможъ, коихъ часто вооружить можно противъ себя очень неважными причинами; неподвергаться никогда свирѣпству подлаго народа; бояться собственнаго своего гнѣва столько же, какъ наглости дураковъ; не ввѣряться молодому и неизвѣстному врачу; удаляться тѣсной дружбы съ безбожниками и откровенности старухъ; не вѣрить собакѣ, которая почти не лаетъ, — рецептамъ аптекаря и слову подъячаго: *потеже*. Надобно весьма остерегаться мнимой чувствительности или слезъ жены лукавой,

умѣющей проливать ихъ обильно и такъ часто, какъ ей вздумается; никогда не принимать къ себѣ слугу, согнаннаго однажды съ двора; не легко вѣрить божбѣ купца, не начинать спора съ ябедникомъ, уклоняться непріязни людей спропшивыхъ, не давать въ долгъ ничего всякому, не входить въ обязательство съ извѣстнымъ корыстолюбцемъ, не дружиться съ незнакомымъ и не терять времени своего въ подозрительномъ домѣ; уклоняться подчиванья въ ономъ, и любви женщинъ сомнительной добродѣтели, знающихъ тайну въ коротное время расточить нарочитую сумму; беречься пьянаго воина и дурака-волокиты, бесѣды явнаго безбожника; не приглашать къ обѣду пьяницы и къ ужину игрока записнаго; не дѣлать никогда никакого довѣрія болтуну, кромѣ того, что хочешь дать знать во весь свѣтъ; бѣгать всякаго обращенія съ подозрительными, женщинами пересмѣшницами, и совсѣмъ необщиться съ попами; наконецъ, остерегаться займовъ и тяжебъ.

Никогда не должно ни дѣлать, ни говорить ничего — не спросивъ самаго себя: *кѣ чему это полезно будетъ?* Cui bono? Такимъ образомъ избѣжать можно вредныхъ

или неосторожныхъ словъ, ложныхъ поступковъ и раскаянія, за ними слѣдующаго.

Счастливъ тотъ, кого бѣдствія другихъ осперегаютъ.

Тотъ, который ничего не предвидитъ, можетъ часто быть обманутымъ; но тотъ который много предвидитъ, всегда несчастливъ.

Весьма часто случай, вопреки всякой вѣроятности, располагаетъ нами во сто разъ лучше, нежели прозорливость.

Bien souvent le hasard, contre toute appa-
rence,
Nous conduit mieux cent fois que notre pré-
voyance.

ОСТРОУМІЕ.

Когда Дарій предлагалъ *Александру* Македонскому половину Азіи и дочь въ замужство, то Парменіонъ, одинъ изъ Полководцевъ его, сказалъ ему: *если бъ я былъ Александромъ, то принялъ бы сіи предложенія.— А я*, отвѣтствовалъ сей Государь, *принялъ бы ихъ тогда, когда бы былъ Парменіономъ.*

„*Медицина*, сказалъ однажды Наполеонъ Доктору Десженету — *есть наука умерщ-*

влять людей!“ — „*А что вы скажете о ремеслѣ завоевателя?*“ спросилъ его *Десженетъ*.

Вольтеръ говорилъ съ восхищеніемъ о сочиненіяхъ знаменитаго *Галлера*. Одинъ льстецъ, находившійся при этомъ, сказалъ: Ахъ! милостивый государь, еще далеко до того, чтобъ господинъ *Галлеръ* говорилъ о вашихъ сочиненіяхъ такъ, какъ вы говорите о его произведеніяхъ! — Но *Вольтеръ* отвѣчалъ: „*можетъ и то сдѣлаться, что мы оба ошибаемся.*“

Спросили однажды: почему *Бонапарте* самъ себя не лишилъ жизни? — „Потому, отвѣчали Англичане, что онъ не хотѣлъ умереть отъ руки палача! “

Нѣкоторая ученая, а при томъ и весьма къ любовной слабости наклонная женщина вознамѣрилась написать собственную свою жизнь, въ чемъ открылась она своей пріятельницѣ, и на вопросъ, какимъ образомъ поступитъ она, когда дойдетъ до любовныхъ ея приключеній, отвѣтствовала:

О! я представляю себя читателямъ моимъ въ грудномъ только изображеніи.

Бошуръ, жалуяся знаменитому поэту *Боало*, что на переводъ его *Новаго Завѣта* появилось множество критикъ, сказалъ: „*Я знаю моихъ непріятелей и постараюсь имъ отмстить.*„ — "*Бога ради, не дѣлайте этаго!*„ отвѣчалъ *Боало*: "*а не то враги ваши въ правѣ уже будутъ говорить, что вы не попяли подлинника, ибо тамъ сказано: любите враги ваша!* "

„*Вы отмѣнно любезны!*" сказалъ Баронъ П... дѣвицѣ С.... „*Мнѣ бы весьма пріятно было*, отвѣчала она съ притворною горестью, *если бъ я тоже могла сказать о васъ!*" — „*Это отъ васъ зависитъ*, возразилъ Баронъ, *послѣдуйте моему примѣру и рѣшитесь сказать неправду.*"

Одинъ купецъ, потонувъ во время кораблекрушенія, оставилъ послѣ себя большое богатство своему сыну, который хотѣлъ продолжать ту же торговлю: одинъ изъ его друзей представлялъ ему тогда всѣ опасности моря, и смерть его отца, случившуюся съ нимъ, и его дѣда, который погибъ прежде такимъ же образомъ: и наконецъ сказалъ, что и онъ долженъ ожи-

дать такой же участи. — Молодой человѣкъ, не удивляясь сему — „я прошу васъ, отвѣчалъ своему другу, сказать мнѣ, гдѣ померли вашъ отецъ и вашъ дѣдъ?“ — На своихъ кроватяхъ. — „А какъ вы осмѣливаетесь — послѣ этого ложиться на вашу?“

Одинъ скупяга говорилъ много и очень дурно; его кошелекъ былъ всегда закрытъ, а ротъ всегда открытъ; ему сказали: „положите свое золото въ вашъ ротъ, а языкъ въ вашъ кошелекъ.“

Когда *Пріоръ* былъ Посланникомъ при Французскомъ Дворѣ, одинъ знаменитый Французъ поѣхалъ съ нимъ въ Оперу; они оба сидѣли въ одной ложѣ, и когда одинъ актеръ пѣлъ прекрасную арію, то сей Французскій дворянинъ акомпанировалъ его, — но такъ громко, что было невозможно слышать голосъ актера. *Пріоръ* же началъ ругать актера, говоря: *проклятый Италіянецъ, ты никогда не замолчишь!* — Я удивляюсь, что этотъ человѣкъ не нравится Вашему Превосходительству, сказалъ ему Маркизъ: у него такой прелестный голосъ. — „Я съ вами согласенъ, спѣвчалъ Англичанинъ; но *онъ такъ поетъ громко, милостивый государь, что меня лишаетъ удовольствія слышать васъ.*

ОТКРОВЕННОСТЬ.

Откровенность сестра истины.

Откровенность есть знакъ прямодушія, когда она не притворна; и тонкая сѣть для уловленія добраго сердца, когда она обманчива.

Будьте съ людьми откровенны, но не легкомысленны.

Истинная мудрость не есть подозрительность, изсушающая сердце: мудрый недовѣрчивъ самъ къ себѣ и откровененъ съ другими. Сохранить чистоту души и счастливое ко всѣмъ довѣріе, значитъ вкусить на землѣ все блаженство, къ какому человѣкъ здѣсь способенъ. Да сохранятъ навсегда откровенность чистой души и чувствительность всѣ тѣ, кои по обязанности или склонности прикованы къ міру.

Но излишняя откровенность есть неблагопристойность, точно также, какъ нагота.

ОТЛИЧНОСТЬ, *знаменитость.*

Одинъ говорунъ, распространясь объ отечественной Исторіи нашей, называлъ безпрестанно всѣхъ нашихъ полководцевъ великими. Князь *Суворовъ*, давъ ему полную свободу говорить, наконецъ останавливаетъ его сими словами: „Не слишкомъ ли, братъ, расточаешь титла великаго? Не смѣшивай знаменитыхъ съ великими: первыхъ у насъ

довольно; но разсужденіи послѣднихъ природа вездѣ не такъ-то тароватa; только чрезъ нѣсколько вѣковъ выпускаетъ она по одному. Взгляни на воздвигнутый Великому Великою монументъ Петра! поклонись и остановись.“

ОТЧАЯНІЕ.

Пока ты живъ, не долженъ ни въ чемъ отчаяваться.

Сколь ни велико было бы несчастіе, насъ удручающее, сколь ни бѣдственно наше положеніе, остережемся — не будемъ предаваться отчаянію. Одна минута можетъ укротить бурю, скопившуюся надъ нашею главою; не рѣдко счастіе является изъ того облака, которое носило въ себѣ громы, на насъ устремлявшіеся. Вопреки Фернейскому Философу, смерть не есть долгъ для того, кто всего лишился. Надежда поддерживаетъ колеблющіяся стопы наши при самыхъ дверяхъ гроба, и тотъ, кто отвращаетъ отъ нея устрашенные взоры, есть худой воинъ, виновный бѣглецъ, оставляющій свой постъ, который назначила ему Природа.

Отчаяніе не прилично людямъ благорожденнымъ: одна минута можетъ перемѣнить предопредѣленіе судьбы.

Le désespoir sied mal à des ames bien nées,
Un moment peut changer l'ordre des destinées.

*

ОХОТА ПСОВАЯ.

Пусть тѣ, коимъ есть на что содержать псовую охоту, утѣшаютъ себя тѣмъ, въ чемъ находятъ нѣкоторое удовольствіе; а особенно когда оно не сопряжено съ значительнымъ ущербомъ самому себѣ. Но бѣдному дворянину, имѣющему 80 или 100 душъ крестьянъ, совершенно непростительно кормить собакъ до 50. Не явное ли будетъ это разореніе и самому себѣ и подчиненнымъ? А все сіе дѣлаютъ иные для чего? Для того только, чтобъ послѣ можно было сказать: „у меня большая охота, я-де баринъ!“ А охотнику и въ голову не входитъ то, что всякой умной только смѣется ихъ дурачествамъ и съ презрѣніемъ говоритъ: „онъ охотникъ, у него на дворѣ собаки борзые, да холопы босые.“—Случается, и нерѣдко, что и собаки, и лакей, и господинъ (ибо и собака и господинъ гоняются за зайцемъ) изнуряются и изувѣчиваются. Впрочемъ охотникъ не ставитъ все это въ щетъ: для него нужды нѣтъ, что тысяча гонится за грошемъ. По моему, не лучше ли бы было употреблять свои малые доходы какъ должно, то есть—завести въ домѣ хорошій порядокъ, чтобъ слуги были сыты, одѣты и обуты, чтобъ они не завидовали состоянію любимой собаки, поко-

щейся въ гостиной, на софѣ. Собака собачье мѣсто и знай; а человѣкъ не долженъ быть промѣниваемъ на собаку. Я бы совѣтовалъ всѣмъ таковымъ охотникамъ оставить сію боярскую спесь, ни мало несоотвѣтствующую ихъ состоянію, и вести жизнь—не на собаколюбіи, а на человѣколюбіи основанную.

Одинъ собачій охотникъ ни за что не соглашался перевесть свою охоту; но, будучи доведенъ наконецъ ею до нищеты, призвалъ своего псаря, приказалъ ему на другой же день перевѣшать всѣхъ собакъ, не оставляя ни одной: псарь, дивясь столь же неожиданному, сколь и жестокому приказанію своего господина, осмѣлился изъ жалости предложить ему, что лучше будетъ, отобравъ рѣзвыхъ собакъ, подарить ихъ своимъ пріятелямъ. „Ахъ! нѣтъ! нѣтъ! вскричалъ помѣщикъ: не только пріятелямъ, но и никому я зла дѣлать не намѣренъ. Непремѣнно, чтобъ онѣ всѣ были повѣшены, я приказываю!“ — что на другой же день и было исполнено. Тѣмъ кончилась его охота и его разореніе.

ПАМЯТЬ.

Память есть хранилище всего, что мы видѣли, читали и узнали отъ учителей

или сами пріобрѣли, посредствомъ собственныхъ своихъ размышленій. Она есть домашняя и естественная сокровищница, въ коей сохраняемъ мы безчисленныя и драгоцѣнныя богатства. Безъ нея долговременное ученіе дѣлается безполезнымъ, не оставляетъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, и безпрестанно, такъ сказать, вытекаетъ изъ ума.

Сія столь удивительная и необходимая способность есть даръ Природы и вмѣстѣ плодъ труда. Она заимствуетъ нѣчто отъ того и другаго. Происхожденіемъ своимъ она обязана Природѣ, а усовершенствованіемъ искусству, которое не доставляетъ намъ никакихъ новыхъ качествъ, а токмо умножаетъ и укрѣпляетъ, посредствомъ образованія, тѣ способности, коихъ счастливыя начала получили мы отъ Природы.

И такъ весьма нужно заблаговременно изощрять память дѣтей, у коихъ она обыкновенно бываетъ хороша и кои притомъ, въ сихъ лѣтахъ, не способны ни къ какому другому труду. Если нѣкоторыя изъ нихъ лѣнивы и тупы, то не должно имъ скоро отставать отъ сего и уступать первому сопротивленію, которое часто преодолѣваемо бываетъ терпѣніемъ и постоянствомъ. Сперва давайте такому ребенку учить наизустъ нѣсколько строчекъ; только бы онъ выучивалъ ихъ хорошо. Соединяйте трудъ

сей съ удовольствіемъ, и заставляйте его учить что-либо пріятное, напримѣръ: Басни и занимательныя исторіи.

Весьма часто умные и любящіе чтеніе люди жалуются, что они не могутъ запомнить того, что читали. Конечно, многіе имѣютъ память слабую и, такъ сказать, со всѣхъ сторонъ раскрытую, изъ коей вытекаетъ все, что ей ни ввѣряютъ; но часто сей недостатокъ происходитъ отъ небреженія: стараются болѣе читать много, нежели мало и съ пользою; пробѣгаютъ все поспѣшно, и хотятъ всегда видѣть новые предметы: послѣ сего не удивительно, что сіи предметы, умножившіеся до безконечности, и на кои едва имѣемъ время взглянуть, производятъ слабое впечатлѣніе, которое тотчасъ изглаживается изъ памяти. Самое же лучшее средство помнить — читать гораздо медленнѣе, повторять одно и то же нѣсколько разъ, и давать въ томъ отчетъ самому себѣ.

Замѣчено также, что весьма полезно читать и повторять нѣсколько разъ ввечеру, ложась спать, что хочешь выучить наизустъ, хотя и неизвѣстна тому причина: развѣ та, что тогда понятія не развлекаются и не прерываются многоразличными предметами, какъ днемъ; а потому, при

тишинѣ и спокойствіи ночи, сильнѣе и глубже напечатлѣваются въ памяти.

Злоупотребленіе любострастныхъ забавъ, излишнее бдѣніе, холодъ, сырость, безсонница изсушаютъ мозгъ и уменьшаютъ умъ и память. Излишнее употребленіе пищи и питья, также частые пріемы опіума и пьянство угнетаютъ умъ и память. Сидячая жизнь безъ тѣлодвиженія и упражненіе въ Наукахъ по ночамъ ослабляютъ память; — также и преждевременные браки, то есть, ранѣе 20-ти лѣтъ.

Примѣры.

Киръ зналъ по имени всѣхъ солдатъ своего войска; то же разсказываютъ и о *Цезарѣ*. — *Митридатъ*, Царь Понтійскій, говорилъ на 22 языкахъ, именно тѣхъ народовъ, которые находились въ его подданствѣ. — *Адріанъ* пересказывалъ слово въ слово содержаніе цѣлой книги; а *Сенека* готовъ былъ даже повторить 2000 словъ въ томъ же порядкѣ, въ какомъ онѣ были ему прочитаны. — Славная Англичанка Миссъ *Камбель* нерѣдко въ одинъ день слушала по три проповѣди, и тогда же пересказывала ихъ слово въ слово. — *Пикъ-Мирандола*, въ 15-мъ столѣтіи жившій, говорилъ на осмнадцати языкахъ; выслушавъ одинъ только

разъ лекцію, онъ запечатлѣвалъ ее навсегда въ своей памяти. — Память у *Наполеона* была необыкновенна.

ПАТРІОТИЗМЪ, *любовь кѣ отечеству.*

Человѣкъ не избираетъ себѣ отечества. Онъ привязывается самою Природою къ мѣсту своего рожденія — къ тому воздуху, коимъ дышатъ виновники его бытія; къ тѣмъ предметамъ, которые были свидѣтелями его счастія; къ тѣмъ вообще странамъ, гдѣ чувствовалъ сладость дружбы и любви. Въ такомъ случаѣ онъ долженъ быть покоренъ законамъ, покровительствующимъ тѣмъ, кои соединились съ нимъ въ одной странѣ подобными же узами. Онъ долженъ любить предписанія, начертываемыя къ общему благоденствію, и уважать ихъ блюстителей; долженъ также безтрепетно летѣть на бой, для защищенія своей страны и своихъ правъ: это обязанность, которую налагаетъ отечество на каждаго гражданина.

Любовь къ отечеству есть высочайшее чувство во всѣхъ благородныхъ душахъ. Оно связываетъ насъ неразрывными узами съ отечествомъ. Слава нашего отечества становится собственною нашею; малѣйшее несчастіе его поражаетъ насъ горестію и

униженіемъ; и тогда, когда оно отвергло насъ отъ своего нѣдра — не престаетъ оно быть предметомъ нашей любви. . . Удаленные на край міра, объ немъ мы воздыхаемъ, къ нему устремляемъ наши мысли и обѣты, и въ минуту смерти — послѣдніе умирающіе взоры наши обращаются къ мѣстамъ нашего рожденія.

Гдѣ отечество въ сердцахъ гражданъ, тамъ разумъ не безмолвствуетъ; тамъ усердіе краснорѣчиво: ибо всякой боится погибнуть съ отечествомъ.

Примѣры.

Когда Пирръ, Эпирскій Царь, приблизившись къ Риму, хотѣлъ подарками склонить Римскаго Консула, *Фабриція*, посланнаго къ нему для обмѣна плѣнныхъ, склонить, чтобы онъ доставилъ ему выгодный миръ, оставилъ свое отечество и вступилъ въ его службу, — то добродѣтельный Фабрицій хотя былъ и бѣденъ, но, любя ревностно свое отечество, не внималъ гласу ни какой страсти, которая бы вредна была правамъ и спокойствію его отечества; и потому отвѣтствовалъ ему: „если ты меня считаешь добрымъ, то на что хочешь симъ развратить; а когда почитаешь меня худымъ и безчестнымъ, коего можно подкупить, то для чего тебѣ и имѣть меня при себѣ!“

Суворовъ ничего не щадилъ для славы своего отечества! Кому не извѣстенъ патріотизмъ *Минина, Пожарскаго*? —

Исторія Швейцаріи богата чертами геройства и великодушнаго патріотизма. Вильгельмъ *Телль*, а особливо Арнольдъ фонъ *Винкельридъ*, герой битвы Семпахской (1386 года), сіяютъ на скрыжаляхъ сей Исторіи!

Царь Этрурскій Порсена, заступникъ Тарквинія, одержавъ надъ Римлянами побѣду, принудилъ ихъ бѣжать въ городъ Римъ чрезъ мостъ на рѣкѣ Тибрѣ. Смѣлѣйшій и храбрый *Горацій Коклесъ* долгъ одинъ защищалъ входъ онаго, доколѣ Римляне не перешли въ городъ и позади его не разрушили заднюю часть моста; а какъ скоро онъ увидѣлъ, что мостъ былъ разломанъ, то мгновенно бросился въ рѣку и, благополучно переплывъ чрезъ нее, пришелъ въ городъ. Непріятель, не взирая на это, осадилъ Римъ. Но когда сей, находясь въ осадѣ, не имѣлъ запасовъ и доведенъ былъ до крайности, то одинъ изъ Патриціевъ, молодой Римлянинъ, *Муцій Сцевола*, который жилъ и дышалъ отечествомъ, освободилъ его отъ злаго жребія. Онъ рѣшился умертвить самаго Порсену. Переодѣвшись въ Этрурское

платье, переплылъ онъ Тибръ, пришелъ въ воинскій станъ къ сему Царю, ночью, въ такое время, когда онъ вмѣстѣ съ своимъ секретаремъ, одинаково одѣтымъ, раздавалъ жалованье своимъ ратникамъ. Римлянинъ, не знавъ, кто изъ нихъ былъ Царь, бросился на секретаря и пронзилъ его кинжаломъ. Явилась стража Царская, и Муція заключили въ оковы. Порсена спрашиваетъ его: кто ты таковъ, откуда, кто твои соумышленники? Муцій отвѣтствовалъ только сими словами: „Я Римлянинъ; пришелъ сюда освободить свое отечество твоею смертію. Смотри, какъ я наказываю себя за промахъ.“ Въ это самое время онъ, положивъ свою руку на горящіе уголья, приготовленные для жертвоприношенія, до тѣхъ поръ держалъ оную на огнѣ, доколѣ она не прогорѣла до костей. Порсена, видя чудесную отважность и изумленный симъ величіемъ и мужествомъ, сказалъ ему: вотъ твой мечъ, я дарю тебя жизнію. Тогда Муцій объявляетъ ему: „Государь, великодушіе твое заставляетъ меня открыть тебѣ тайну, которую бъ никакія мученія не возмогли исторгнуть изъ моего сердца: знай, что 300 подобныхъ мнѣ юношей клялись и тайно совѣщались на твою жизнь; случаю было угодно, чтобъ я первый произвелъ сіе въ дѣйство; и сколько желалъ я быть винов-

никомъ твоей смерти, столько страшусь теперь, чтобъ кто другой не былъ онымъ, особливо когда узналъ я, что ты достоинъ паче дружества Римлянъ, нежели ихъ ненависти, . . . и для того сохрани себя, ибо несомнѣнно кто-либо изъ нихъ предпріиметъ лишить тебя жизни.“ — Порсена вскорѣ послѣ сего отступилъ отъ города, и заключилъ миръ. Муцій былъ имъ отпущенъ съ честію. Римляне проименовали его *Сцеволою,* какъ уже дѣйствовавшаго лѣвою рукою.

Мало видимъ примѣровъ истинной привязанности къ отечеству, и очень часто служатъ ему токмо изъ однѣхъ собственныхъ выгодъ своихъ. Не многіе говорятъ и мыслятъ—подобно тому Лакедемонцу, который, не получивъ въ новоучреждаемомъ совѣтѣ мѣста, сказалъ: „Весьма радуюсь, что нашлось триста человѣкъ достойнѣе меня!“

Нѣкоторая Спартанка, имѣвшая въ арміи пятерыхъ сыновей, съ трепетомъ ожидала извѣстія объ успѣхахъ войска. Солдатъ, прибывшій оттуда, сказалъ ей: „твои пятеро дѣтей убиты!“ *„Подлый рабъ! спрашивала ль я тебя объ этомъ? — Кто побѣдилъ?“* — Но когда воинъ сказалъ ей: „мы вы-

играли баталію," то, услышавъ сіе, мать немедленно поспѣшила идти въ капище, и принесла благодареніе богамъ.

ПЕЧАЛЬ, *грусть, тоска, унынie, сокрушенiе.*

Натура произвела насъ на свѣтъ веселыми и счастливыми: это доказываютъ наше младенчество и рѣзвыя его веселости или радости; но несправедливости и преступленія, злодѣянія и беззаконія человѣческія, дѣлаютъ насъ часто печальными и несчастными. Одно обращеніе взоровъ на наши бѣдствія, хлопоты, суеты, слабости и несовершенства, на обиды, оскорбленія, гнусные поступки, весьма часто угнетающіе добродѣтель, оскорбляютъ чувствительную душу, отнимая отъ нея даже надежду — имѣть истинное спокойствіе на сей землѣ. Какой убѣдительный примѣръ непостоянства счастія находимъ въ *Маріѣ*, свергнувшемся съ высоты власти, изгнанномъ изъ развалинъ того Карѳагена, который прежде сего владычествовалъ надъ морями! — Какія картины, не менѣе достопамятныя низпроверженій и разореній, неслыханныхъ въ наши времена, между паденіями государствъ и общими смятеніями и безпорядками въ соперничествѣ обществъ? Како-

на была участь тѣхъ несчастныхъ воиновъ, приведенныхъ властолюбивымъ *Наполеономъ* въ Россію, изъ коихъ большая часть перемерзла въ ней; или погибшихъ въ знойныхъ пескахъ Египта, куда были привлечены изъ наилучшаго климата своего отечества? — Все сіе убѣждаетъ, что человѣкъ долженъ предать себя въ полную волю Провидѣнія: умѣть терпѣть есть первое правило, которое намъ преподаютъ Вѣра и разумъ, потому что мы съ самаго младенчества окружены болѣзнями, скорбью и печалію.

Ничто такъ не вредно, какъ предаваться безпрестанно печали. Первая новость о ужасной потерѣ нашей, о смерти любимаго человѣка, при взглядѣ на бѣдность, на безчестіе, на опасную рану, на отчаянную болѣзнь, или на другія причины горестныя, производятъ въ насъ поврежденіе желудка; апетитъ вдругъ уничтожается, все тѣло измѣняетъ цвѣтъ свой, холодѣетъ, лице кажется уныло, похудѣвшимъ отъ ослабленія нервовъ; мы обезсиливаемся; пульсъ дѣлается слабымъ, медленнымъ, ибо кровь принимаетъ ненатуральное обращеніе; отъ сего сильнаго напора крови, въ чрезвычайныхъ огорченіяхъ, случается, что сердце замираетъ, какъ это

и случилось съ Королемъ Испанскимъ, *Филиппомъ* II, тогда какъ онъ услышалъ о истребленіи непобѣдимаго своего флота (или армады) бурею; — съ Папою *Юліемъ* II, который съ нетерпѣніемъ видѣлъ успѣхи Французскаго оружія въ Италіи. Голштинскій Принцъ *Георгъ Лудовикъ* упалъ мертвъ, увидѣвъ жену свою въ гробѣ. Большое огорченіе молчаливое и безъ слезъ бываетъ даже убійственно. Все то, что огорчаетъ, дѣлаетъ человѣка худощавымъ и заставляетъ размышлять съ большимъ вниманіемъ; напротивъ того, все то, что веселитъ насъ, утучняетъ тѣло и прогоняетъ тягостныя мысли съ попеченіями; отъ радости апетитъ умножается; физіогномія принимаетъ свой надлежащій видъ; улыбка сіяетъ съ здоровьемъ на лицѣ; дыханіе становится свободнѣе, языкъ развязнѣе, пульсъ возвышается, нечувствительная испарина свободнѣе выходитъ; тогда мы молодѣемъ, и не помышляемъ о смерти. И такъ радость есть натуральное всеобщее лекарство отъ всѣхъ болѣзней. — *Демокритъ* жилъ болѣе ста лѣтъ, насмѣхаясь безпрестанно надъ глупостію человѣческою, а печальный *Гераклитъ*, побуждаемъ будучи къ жалости, всегда обращалъ взоры на наши бѣдствія, и умеръ скоро — отъ огорченія.

Невольная грусть происходитъ отъ излишества въ любовныхъ забавахъ, также отъ разслабленія желудка, отъ угрюмаго и грубаго нрава, отъ зависти; въ такихъ случаяхъ ищутъ уединенія, и самая жизнь бываетъ въ тягость. Слѣдствіемъ печали бываетъ разслабленіе жилъ, остановка кровеобращенія, несовершенное пищевареніе, запоры; заваливаются сосудцы, и по всему тѣлу распространяется желтуха, судороги, параличъ, боли; происходитъ остановка мѣсячныхъ кровей, ракъ въ желудкѣ, въ матькѣ и въ грудяхъ у женщинъ: вообще, нѣтъ припадка вреднѣе и разрушительнѣе для здоровья и такого, который бы дѣлалъ людей болѣе человѣконенавистными, угрюмыми, грубыми и несносными самимъ себѣ, въ тягость бесѣдамъ, — какъ печаль!

Однако жъ, кто бы могъ предполагать, послѣ всего вышесказаннаго, чтобъ печаль могла быть полезна на что-нибудь? Тотчасъ въ началѣ печали, молодые люди, очень легкомысленные или вертопрахи, могутъ нѣсколько исправиться отъ своихъ шалостей — посредствомъ степенности, происшедшей отъ печали. Степенная и *умѣренная* печаль много способствуетъ наукамъ и ученію.

Будемъ благодушны во всякомъ случаѣ, то есть, въ трудномъ, скучномъ, несчаст-

ливомъ, вѣдая, что всѣми приключеніями свято управляетъ промыслъ Божій. Теченіе жизни сей проходить будемъ радостно, и спокойно окончимъ послѣдніе часы нашихъ дней, пребывая увѣрены, что сей предѣлъ святъ и праведенъ.

Но если принять противное мнѣніе, то есть, что жизнь сія суетна и горестна, то весьма непріятныя могутъ изъ этого произойти слѣдствія, а именно: будемъ скучать жизнію своею, и роптать на Того, Который намъ даровалъ оную; бросимъ себя въ нѣкоторый родъ уныніи и разслабленія, а чрезъ-то сдѣлаемся неспособными къ понесенію должностей и ко взаимнымъ общества услугамъ: ибо умертвимъ свои силы, и изсушимъ источникъ дѣятельности. Да и какая бъ ужѐ была нужда прилѣжать много къ трудамъ и дѣламъ, ежели согласиться на сіе печальное мнѣніе, что все въ свѣтѣ одна печаль и горесть?

Таковая мысль происходитъ въ нѣкоторыхъ отъ несчастнаго меланхолическаго сложенія тѣла или темперамента. Они, часто имѣя мысли помраченныя разными скучными воображеніями, и мучась непрестанно внутреннимъ безпокойствомъ, представляютъ себѣ ужѐ все невеселымъ, дурнымъ, испорченнымъ; все имъ не нравится, все досадно;—и изъ таковой своей собствен-

ной жизни дѣлаютъ общее заключеніе о жизни всѣхъ вообще. Но таковые люди не столько обвиненія, сколь жалости достойны: ибо ихъ воля въ дѣйствіяхъ своихъ имѣетъ неправильное направленіе по недостаткамъ природы и воспитанія.

Но есть еще люди, почивающіе въ нѣдрахъ праздности, у которыхъ, кажется, всѣ члены отъ роскоши изнѣжены, немогущіе переносить трудовъ, какихъ требуетъ подвигъ добродѣтели: ибо чрезъ праздность разслабили они всѣ силы тѣлесныя и душевныя; естественныя способности умертвили, погасили духъ благородства и превратили Божіе намѣреніе.

Праздная жизнь бываетъ причиною многихъ пороковъ, а также унынія и разслабленія душевнаго. Но кто впадаетъ въ уныніе, тотъ начинаетъ роптать, что онъ избралъ такое для себя состояніе, которое ужѣ ему представляется несноснымъ: отъ таковой скуки раждается задумчивость, а задумчивость подаетъ поводъ къ дурнымъ сужденіямъ, предпріятіямъ и роптаніямъ. Такія мысли безпокойны, такое внутреннее мученіе несносно: что же тогда дѣлать? Погашать ихъ виномъ! — Отъ сего родится привычка къ пьянству, которая если овладѣетъ кѣмъ, то и послѣднее чувство добродѣтели истребляетъ въ немъ; отъ сего на-

послѣдокъ выходитъ ужасная и многихъ слезъ достойная погибель души своей.

ПИСАТЕЛИ.

Ихъ можно сравнить, по достоинству, съ лотерейными билетами: пять выигрышныхъ, а девяносто пять пустыхъ.

ПОВИНОВЕНІЕ, *послушаніе, покорность.*

Дѣти должны повиноваться родителямъ своимъ, и оказывать послушаніе своимъ наставникамъ. — Любите и почитайте добрыхъ вашихъ учителей, которые столько заботятся удѣлить вамъ сокровища образованія. Взгляните на сады наши; тамъ нѣтъ ничего безъ обработыванія. Что скажете о томъ непокорномъ деревѣ, которое противясь усиліямъ садовника, хочетъ остаться кривымъ тогда, какъ онъ старается его выпрямить? Вы сами будете походить на сіе упрямое дерево, если будете оказывать сопротивленіе ко всѣмъ благонамѣреннымъ наставленіямъ вашихъ учителей: они наконецъ не станутъ терять напрасно словъ своихъ, и невѣжество будетъ жалкимъ послѣдствіемъ вашего упорства. Когда они васъ наказываютъ, для вашего исправленія, то особенно остерегайтесь досадовать на

нихъ, сердиться, или дѣлать возраженія и пустыя оправданія. Къ несчастію, вашъ возрастъ слишкомъ преклоненъ къ непостоянству и непослушанію; потому иногда потребно и легкое наказаніе, для возвращенія васъ къ обязанностямъ вашимъ.

ПОДОЗРѢНІЕ, *недовѣрчивость.*

Воръ воображаетъ, что всѣ воруютъ.

Кто легко подозрѣваетъ, тотъ заставляетъ дурно о себѣ думать.

Не нами выдумано, что неправое подозрѣнье вѣчно вводитъ во искушеніе. Обвиненный подумаетъ: коли меня виняютъ даромъ — семъ-ка я заслужу это — вѣдь терять-то ужъ нечего.

ПОЕДИНКИ. — *Чит.*: ДУЭЛИ.

ПОЗНАНІЕ САМАГО СЕБЯ, *самопознаніе.*

Познавай самаго себя: — это было первымъ правиломъ одного изъ семи Греческихъ мудрецовъ. Но какъ до сего достигнуть? — Это не легко. Человѣкъ никогда столь много не бываетъ ослѣпленъ въ своихъ мнѣніяхъ, какъ тогда, когда онъ разсматриваетъ свои качества, склонности,

привычки. Снисхожденіе другихъ обманываетъ его, а собственное пристрастіе ослѣпляетъ. Почти всякой о себѣ говоритъ: „Я имѣю правила самыя разумнѣйшія.“ Мудрый же почти никогда не довѣряетъ своему сужденію о себѣ; и симъ-то сомнѣніемъ надобно начинать, чтобъ содѣлаться мудрымъ.

Совѣтъ нашихъ друзей, ихъ укоризны, или даже порицаніе, клевета и злорѣчіе нашихъ враговъ — могутъ насъ научать и исправлять; ибо они всегда насъ прогаютъ съ слабѣйшей стороны.

Вотъ нѣкоторыя правила, чтобъ познать самаго себя:

Когда вы, имѣя природныя душевныя склонности, вредныя для общества, равнодушно употребляете средства для удовольствованія оныхъ; когда золото есть первый вашъ предметъ, лукавство и пронырство — ваши обыкновенные поступки, притворство — отличительное ваше качество; когда счастіе, богатство и чины другихъ людей огорчаютъ васъ; когда ихъ достоинства и таланты раждаютъ въ васъ зависть, а добродѣтели ихъ производятъ въ васъ скрытную ненависть; если сердце ваше чуждо состраданія, или утѣшается — причиняя другому вредъ, — тогда вы чудовище, а не человѣкъ; и если вы еще не

сдѣлались гнуснымъ злодѣемъ, то это отъ того, что не доставало къ тому силъ и случаевъ.

Когда вы уподляетесь или слишкомъ унижаете себя и ползаете предъ вашими начальниками или командирами; горды предъ тѣми, кои вамъ подвластны; когда предпочитаете болѣе обхожденіе съ глупыми людьми, между коими вы отличнѣе, нежели обращеніе съ благоразумными, кои могутъ васъ наставлять; если подлыя угожденія и низкая лесть дѣлаютъ вамъ болѣе удовольствія, нежели качества, сопровождаемыя благородною откровенностью; если вы жестоки и безжалостны къ животнымъ, нечувствительны къ несчастіямъ вашихъ ближнихъ, подобныхъ вамъ, и когда ваше уваженіе къ нимъ и поступки съ ними возвышаются и унижаются по мѣрѣ ихъ счастія; если вы, дѣлая добро, или слыша о великодушныхъ дѣяніяхъ, никогда не чувствуете содроганія, пробѣгающаго по всѣмъ нервамъ, сего пріятнаго ощущенія, которое за тѣмъ слѣдуетъ, и сладостныхъ слезъ,.... тогда вы имѣете подлую, черную душу.

Когда вы удерживаете вредныя свои наклонности единственно изъ страха наказаній или ожидая награды, тогда въ васъ еще нѣтъ доброты: но можно назвать васъ смѣтливымъ корыстолюбцемъ; ибо то-

гда вы производите промышленость вашими дѣяніями.

Когда ваши вкоренившіяся страсти ведутъ васъ къ предметамъ роскоши и пышности, къ интересамъ, удовольствіямъ расточенія; когда предпочитаете ничтожныя блистательныя качества основательнымъ; когда вы стремитесь болѣе украсить вашъ разумъ, нежели возвысить сердце ваше; если желаніе нравиться — есть ваше сильное побужденіе; ежели хула или порицаніе дѣлаетъ васъ унылымъ, похвала восхищаетъ; если предпочитаете скупость щедрости; если желаете возвышенія не для того, чтобъ быть полезнымъ, но только дабы блистать, гремѣть, властвовать или обогащаться; наконецъ, если ваша вѣтреность и легкомысліе соединяютъ все только въ настоящемъ времени, теряя изъ виду будущее, или когда вы безпечны въ важныхъ предметахъ должностей, Наукъ, закона и нравственности: тогда, будьте увѣрены, ваша душа есть низкая и вы далеки отъ истиннаго благородства.

Если вы, будучи способствуемы обстоятельствами или состояніемъ, разумомъ, счастіемъ, богатствомъ, чинами, провождаете дни въ лѣности и нерадѣніи, безъ добродѣтели, занимаясь только нарядами, пышностью, тщеславіемъ, утопая въ сладострастіи и чувственныхъ удовольствіяхъ,

въ стараніи казаться любезнымъ, ... тогда вашъ качественный портретъ есть *нуль*.... Счастливы будете, когда люди не потребуютъ отъ васъ когда-либо отчета въ употребленіи вашихъ дарованій, и если васъ не обвинятъ за то, что вы упускали случай дѣлать добро и пользу; но вѣрьте, что таковый отчетъ, рано или поздо, вы должны будете дать Богу.

Но когда ваши намѣренія были непритворныя, поступки справедливые; когда толпа, осуждающая менѣе существенность, нежели наружность, не познавая вашихъ истинныхъ побудительныхъ причинъ, охуждаетъ васъ, или насмѣхается надъ вами; если вы тогда, имѣя покойную совѣсть, будете нечувствительны къ ложнымъ сужденіямъ, или даже будете имѣть великій духъ надъ оными смѣяться; когда презрѣніе и хулы отъ другихъ дѣлаютъ васъ величавыми, а почтеніе скромными и смиренными; ежели просьбы трогаютъ васъ, угрозы не колеблютъ; если несчастіе ближняго огорчаетъ васъ, собственнымъ вашимъ несчастіямъ противитесь, опасность возвышаетъ васъ, а счастіе дѣлаетъ васъ кроткимъ и умѣреннымъ.... о! тогда вы подлинно великодушны: ибо любите добро — для самаго добра, или добродѣтель — для самой добродѣтели, а не для славы или интереса.

Поставьте себя хотя на одинъ часъ въ положеніе героевъ, извѣстныхъ въ древности, коимъ мы всегда удивляемся, и которые, жертвуя своею жизнію для чести, своею славой для славы своего отечества, покоряли свои сильнѣйшія страсти благу общему; сравните ваши правила съ правилами *Фабриція* или *Сюлли* — въ безкорыстіи, простосердечіи; съ правилами *Ѳемистокла*, предпочитавшаго смерть начальствованію тою арміею, которая желала отмстить за него неблагодарному отечеству; съ правилами *Регула*, который даетъ полезнѣйшій совѣтъ, но исполненіе коего влечетъ его на казнь и мученія: — и послѣ спросите сами у себя, достанетъ ли у васъ силъ подражать имъ въ равныхъ отношеніяхъ? и если вы твердо рѣшитесь подражать онымъ, тогда смѣло можете сказать: *я имѣю великую и благородную душу.*

Великая польза проистекаетъ изъ того, когда мы познаемъ самихъ себя. Но многимъ покажется сіе страннымъ; ибо въ самомъ дѣлѣ многіе себя не знаютъ: — иные думаютъ, что они родились только ѣсть и пить; и потому прямо не понимаютъ себя: ибо свойство сіе есть не человѣка, но животнаго безсловеснаго; — иные жъ думаютъ, что они должны стараться только, какъ имъ въ свѣтѣ жить благополучно. — Ка-

кое жъ они благополучіе разумѣютъ? Чтобъ искать безконечныхъ прибытковъ; чтобъ безъ мѣры собирать, и безъ употребленія хранить богатство; чтобъ безъ нужды строить зданія, накоплять одежды, пріобрѣтать земли и проч. Такіе люди не понимаютъ себя: они только понимаютъ свое тѣло и чувства, а не постигаютъ души, удовольствій разума, спокойствія духа: а потому не разумѣютъ ни себя, ни благополучія своего. Иные думаютъ о себѣ, что они полубоги, предъ коими все должно падать и пресмыкаться: и потому они думаютъ только о томъ, чтобъ возвышаться, блистать шиплами, прахомъ своей колесницы пылить всѣхъ, чтобъ все по ихъ желанію говорилось и дѣлалось. Но такіе понимаютъ ли себя? Ни какъ! они не человѣки, но уроды въ человѣчествѣ. Иные почти ни о чемъ не думаютъ, а живутъ въ нѣкоторомъ родѣ разслабленія; вставъ поутру, мыслей своихъ не простираютъ далѣе, какъ до вечера, а отъ вечера до утра. Такіе понимаютъ ли себя? Никакъ! они между живыми какъ бы мертвые. (Чит. I, 158).

Невѣжда и злой человѣкъ не знаютъ, что такое есть углубляться въ самихъ себя и давать себѣ отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ; они не знаютъ, какъ пріятно

чувствовать, что становимся день отъ дня лучше. (*Бакопъ.*)

Очень немного людей имѣющихъ смѣлость рыться въ изгибахъ своего сердца, дабы тайнымъ образомъ открывать свои слабости, малодушіе и истинныя причины своихъ дѣйствій. Управлять собою, совершенствовать себя—есть наша обязанность; наше истинное дѣло на семъ свѣтѣ въ томъ собственно и состоитъ; всякое же другое занятіе—для насъ должно быть чуждо. (*Монтань*).

ПОКАЯНІЕ.—Чит. *Раскаяніе.*

ПОКОРНОСТЬ БОЖЕСТВЕННОМУ ПОРЯДКУ.

Всѣ должны имѣть глубочайшую покорность къ путямъ Божественнаго Промысла во всемъ, что съ ними случается: они сохранятъ чрезъ то ненарушимый *миръ* и съ самими собою и съ ближними. Миръ сей будетъ ненарушимъ въ нихъ самихъ: ибо можетъ ли кто быть спокойнѣе такого человѣка, который ничего болѣе не хочетъ, кромѣ того, что съ нимъ ежеминутно случается и который, потерявъ всякое собственное хотѣніе, находитъ, что съ нимъ ничего такого не бываетъ, что не

согласно и съ его волею? Что можетъ возмутить его, когда все, что съ нимъ происходитъ, есть именно то, что ему и надобно; когда любовь Іисуса Христа побуждаетъ его охотно на сіе соглашаться, сколь бы то тягостно ни было для природы, и когда онъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, все сіе отъ руки Его принимаетъ? Въ равномѣрной полнотѣ сохраняетъ онъ миръ и съ ближнимъ своимъ; потому что всякую причиняемую ему обиду принимаетъ какъ благодѣяніе руки Божіей, знаменующее благость Его къ нему: отъ того онъ не только тѣмъ не оскорбляется, но приноситъ еще величайшую благодарность. Въ таковомъ-то духѣ преданности должно исполнять заповѣди Евангельскія, все принимать равно отъ благости Создателя, не судить объ успѣхѣ какого-либо предпріятія, выгодно ли оно или несчастливо, какъ оно кажется людямъ по слабымъ ихъ сужденіямъ; но вѣрить, что истинный успѣхъ всякаго дѣла заключается въ волѣ, въ порядкѣ и въ славѣ Божіей, кои сокрыты въ Богѣ до дня вѣчности; не основывать сужденій своихъ на одной токмо видимости, но всѣ происшествія, такъ какъ онѣ есть, оставлять на произволъ Божій.

ПОКРОВИТЕЛЬСТВО,

защищеніе, заступленіе.

Законъ мой — правда, Богъ — мой щитъ. *(Князь И. М. Долгорукій).*

Съ хорошимъ поведеніемъ почти всегда можно найти покровителей.

Лучшая защита — доброе имя.

Когда Г. *Гарле* получилъ достоинство перваго Президента, и всѣ прокуроры пришли къ нему просить о его покровительствѣ, то онъ сказалъ имъ: „честные и добрые люди не имѣютъ нужды въ моей защитѣ, а бездѣльникамъ я не буду покровительствовать.“

ПОЛИТИКА.

Политика (въ обращеніи), подобно Хамелеону, является въ тысячи видахъ, смотря по людямъ и обстоятельствамъ; научаетъ насъ превозносить похвалами то, чѣмъ внутренно гнушаться должно, смѣяться тамъ, гдѣ должно плакать, — говорить и понимать то, чего не разумѣю; не узнавать тѣхъ, которыхъ очень хорошо знаю, и вовсе незнакомыхъ мнѣ называть друзьями, научаетъ превозмогать природное честолюбіе и пресмыкаться у ногъ любимцевъ счастія. Жестокая истина!

Политика или искуство обманывать людей, есть бичъ нравственности.

Бонапарте называлъ политику *искуствомъ играть людьми.*

ПОМОЩЬ, *вспомоществованіе, пособіе.*

На семъ свѣтѣ должно другъ другу помогать. Малѣйшая помощь, содѣланная кстати и въ чрезмѣрной нуждѣ, гораздо лучше, нежели сто благодѣяній, худо разданныхъ, сказалъ *Конфуцій.*

Чтобы не имѣть нужды въ пособіи другихъ людей, для сего ограниченность потребностей и обузданіе затѣй, прихотей и пожеланій своихъ, суть самыя надежныя средства. Но кто всегда волнуемъ безчисленными страстями; кто безпрестанно гоняется то за почестями, то за богатствомъ, или излишними наслажденіями; кто будучи зараженъ роскошью, хочетъ имѣть всё, что только представляется глазамъ его; кого необузданное любопытство и безпокойный нравъ заставляютъ вмѣшиваться во всякія ничтожныя дѣла,—тотъ, для удовлетворенія безчисленныхъ своихъ мнимыхъ потребностей, конечно принужденъ будетъ прибѣгать къ чужой помощи.

Когда враги мои благоденствуютъ, тогда я сражаюсь съ ними мужествомъ, ко-

гда жъ впадаютъ они въ несчастіе, ибо они люди, я имъ вспомоществую.

Me ennemis sont-ils dans la prospérité,
Je les combats avec courage.
Tombent-ils dans l'adversité;
Ils sont hommes, Je les soulage.

Когда есть случай кому сдѣлать пособіе или услугу, тогда надобно подумать, что жизнь наша кратковременна и что не должно терять ни одной минуты для оказанія услуги.

Богатые должны щедро помогать бѣднымъ, не столь же достаточные могутъ дѣлать меньшія пособія; но никто отъ сего не освобождается: каждый долженъ вспомоществовать ближнему по возможности своей. Кто совсѣмъ ничего дать не можетъ, долженъ, вмѣсто того, исполнить долгъ свой личною своею услугою, навѣщая бѣдныхъ, или помогая имъ трудами своими; ибо въ Священномъ писаніи всѣмъ сіе заповѣдано.

Особы, имѣющія власть и большой избытокъ, пусть учреждаютъ больницы и богадѣльни для бѣдныхъ, неимѣющихъ пристанища. Это источникъ милостыни обильный и продолжительный, который приноситъ безчисленные плоды — для вѣчности.

Таковыя заведенія должно снабжать средствами самыми простыми и обыкновенными; а сіе можно начать и малыми способами, полагаясь на Промыслъ Божій, который никогда не оставляетъ вѣрующихъ, и безпрестанно предупреждаетъ всѣ нужды тѣхъ бѣдныхъ, кои себя совершенно Ему ввѣрили.

Нѣтъ такого человѣка, который бы — любя Іисуса Христа, не любилъ при томъ съ горячностію бѣдныхъ, и нѣтъ также человѣка, который бы любилъ бѣдныхъ и не былъ любимъ Іисусомъ Христомъ.

Не отказывайте никакому бѣдному, просящему вашей помощи; отыскивайте ихъ сами, ежели они къ вамъ не являются; навѣщайте тѣхъ, кои не могутъ выходить; оказывайте каждому скорбящему и печальному всякаго рода вспоможеніе, изъ любви къ Іисусу Христу, который не пожалѣлъ крови своей для васъ, видя, что она нужна для вашего спасенія.

Примѣръ 6.

Генералиссимусъ Князь *Суворовъ*-Рымникскій нѣсколько лѣтъ сряду присылалъ ежегодно въ Санктпетербургскую тюрьму, отъ неизвѣстнаго, по десяти тысячъ рублей на искупленіе содержащихся за долги.

ПОРОДА.

Одинъ иностранный Генералъ, напыщенный древностію своего рода, наскучилъ Князю *Суворову* разсказами о своихъ предкахъ. „Слышали ли вы, г. Генералъ, спросилъ его *Суворовъ* о Римскомъ Колизеѣ? Величина сего зданія превосходила всѣ семь чудесъ древняго міра: онъ помѣщалъ въ себѣ сто десять тысячь человѣкъ; представьте же себѣ—величественная огромность сія оставила намъ только одни оплomки и развалины, которыми вымощена площадь Св. Марка, попираемая нашими ногами!“

ПОРОКИ.

Чрезъ добродѣтели разрушается основаніе въ человѣкѣ 7-ми главныхъ пороковъ.

Гордость, или высокомѣріе — чрезъ смиреніе;

Скупость — чрезъ щедрость;

Похоть — чрезъ цѣломудріе;

Зависть — чрезъ доброжелательство;

Обжорство — чрезъ умѣренность;

Гнѣвъ — чрезъ кротость;

Праздность — чрезъ прудолюбіе и раченіе.

Порокъ намъ даромъ не достается; лѣнивецъ разслабляетъ тѣло и опягощаетъ

оное болѣзнями; сластолюбецъ обезображиваетъ себя ранами и сокращаетъ дни свои; корыстолюбецъ лишается покоя и изсушаетъ въ себѣ жизненные соки; гнѣвливый воспаляетъ кровь, и неумѣреннымъ волнованіемъ ея повреждаетъ свое здоровье; пьяница всегда преждевременно умираетъ и истинно заслуживаетъ презрѣніе людей; воръ — не только заслуживаетъ презрѣніе, но и тѣлесные побои.

Есть въ каждомъ свой порокъ: я соглашаюсь въ томъ;
Но разность межъ людьми я вижу въ семъ одномъ:
Пороки добраго лишь для него опасны;
А злаго — для другихъ смертельны и ужасны.

ПОРЯДОКЪ.

Ничто такъ много не способствуетъ бережливости, какъ чистота и порядокъ, чтобъ имѣть всегда всякую вещь на своемъ мѣстѣ. Сіе правило почти ничего не значитъ; однако оно приноситъ великую пользу, если строго и въ точности будетъ наблюдаемо. Имѣете ли нужду въ какой-нибудь вещи, вы не теряете никогда ни одной минуты, чтобъ ее отъискать; нѣтъ ни замѣша-

тельствъ, ни споровъ, ни остановокъ, ни затрудненій, когда въ сей вещи имѣете нужду; вы тотчасъ ее находите, и когда она вамъ уже не нужна, то въ тужъ минуту кладете ее на то же мѣсто, гдѣ вы взяли ее. Сей необходимый порядокъ производитъ чистоту и опрятность. Безъ сего устройства многіе теряютъ много времени, искавши какую-нибудь вещь, выходятъ изъ терпѣнія, сердятся, особенно когда вовсе не найдутъ нужнаго.

ПОСЛАБЛЕНІЕ.

Послабленіе всегда было матерью злодѣяніямъ и преступленіямъ. (*Мармонтель*).

Послабленіе въ началѣ дѣлаетъ безполезными законы, а наконецъ дѣлаетъ ихъ смѣшными.

ПОСОЛЬСТВО ОПАСНОЕ.

Генрихъ VIII, Англійскій Король, поссорившись съ Французскимъ Королемъ *Франциской I*, рѣшился отправить къ нему Посла, которому хотѣлъ поручить сказать ему надменныя и гордыя слова, и выбралъ для сего одного Епископа, на коего онъ болѣе другихъ надѣялся. Прелатъ, узнавши цѣль своего посольства, и боясь лишиться

жизни, если онъ такъ дерзко поступитъ съ *Франциской*, какъ повелѣлъ ему Государь его, представилъ ему всю опасность, коей онъ подвергаетъ его, и неотступно умолялъ его — непоручать ему сего дѣла. — „Отнюдь не бойся, сказалъ ему *Генрихъ VIII*: ежели Король Французскій и лишитъ тебя жизни, то я велю отсѣчь головы всѣмъ Французамъ, находящимся въ моемъ государствѣ.“ — *Я очень вѣрю Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь*, отвѣчалъ ему Епископъ; *но — позвольте Вамъ сказать, что изъ всѣхъ головъ, которыя Вы прикажете отсѣчь, ни одна такъ хорошо не пристанетъ къ тѣлу моему, какъ моя собственная.*

ПОСРЕДСТВЕННОСТЬ.

Все благо и счастіе, всѣ радости чувственныя состоятъ въ здоровьѣ, въ спокойствіи душевномъ и въ нужномъ къ содержанію себя: посредственность обладаетъ и наслаждается симъ необходимымъ къ содержанію себя; она поддерживаетъ здоровье умѣренностью, и спокойствіе души есть неразлучная подруга ея.

Но играніе на скрипкѣ, Критика и Поэзія не терпятъ посредственности.

ПОСТЪ.

Врачи много употребляютъ способовъ къ уменьшенію болѣзней, хотя иногда и сами ошибкою умножаютъ оныя. Но одно изъ средствъ къ предохраненію отъ болѣзней весьма у лѣкарей употребительное и дѣйствительное, есть *діэта*, то есть, воздержаніе отъ нѣкоторыхъ яствъ. Сей способъ почти никогда неоспоримъ, когда его предписываютъ врачи; но многіе спорятъ, когда предписываетъ его Церковь: докторамъ вѣрятъ, но Церкви не вѣрятъ въ одномъ и томъ же случаѣ; хотя Церковь, учреждая посты для укрощенія страстей, безъ сомнѣнія имѣла въ виду сохраненіе здоровья также, какъ и доктора, предписывая діэту. Если же и есть какое различіе, то оно состоитъ въ томъ, что врачи больше смотрятъ на пресѣченіе болѣзней тѣлесныхъ, а Церковь на усмиреніе страстей, разстроивающихъ и тѣлесное и душевное здоровье. И какъ страсти суть причиною многихъ болѣзней, то лѣченіе сихъ послѣднихъ надобно начинать съ лѣченія первыхъ.

Тогда торжествуетъ разумъ, когда не жертвуемъ страстямъ. Тогда очищается мысль, когда не утучняется плоть.

ПРАВИЛА ДЛЯ СОХРАНЕНІЯ ЗДОРОВЬЯ.

Крѣпкое сложеніе тѣла и здоровье, требуютъ для сохраненія себя ежедневнаго умѣреннаго упражненія: прогулокъ, нѣкоторыхъ ручныхъ работъ, привычки къ чистотѣ, трезвости, воздержанія, удаленія отъ всякихъ излишествъ.

Здоровье не измѣняется иначе, какъ отъ нашей въ томъ вины. Ибо большая часть болѣзней, тяготящихъ людей и сокращающихъ ихъ жизнь, приходитъ отъ нихъ самихъ и суть слѣдствія ихъ небрежности, страстей или неумѣренности.

Des bienfaits les plus doux l'homme corrompt l'usage:
Nos maux, presque toujours, sont notre propre ouvrage.

То есть:

Всѣ блага человѣкъ во зло употребляетъ,
И самъ всѣхъ бѣдъ своихъ причиною бываетъ.

ПРАВЛЕНІЕ.

Лучшее правленіе въ той землѣ, гдѣ Государи гнушаются лестью, не дарятъ льстецовъ, гдѣ награждаются однѣ заслуги, однѣ достоинства, гдѣ наслаждаются пло-

дами трудовъ своихъ безболзненно, гдѣ каждый можетъ о себѣ сказать: *я человѣкъ!* гдѣ судіи или исполнители законовъ не угрожаютъ никому неправосудіемъ; гдѣ покровительствуютъ мудрымъ, гдѣ всякому посредствомъ трудовъ и старанія позволяется наживаться, гдѣ ни кому ни какая дорога не бываетъ заслоняема повѣсами; гдѣ каждый имѣющій способности идетъ своимъ путемъ и безпрепятственно достигаетъ своей цѣли; гдѣ рука Царева отираетъ слезы, проливаемыя несчастными, утишаетъ стоны злосчастныхъ и даже въ отдаленныхъ областяхъ.

Самое лучшее правленіе есть то, котораго душа есть правосудіе или справедливость.

ПРАВОВѢДѢНІЕ.

Въ гражданскомъ обществѣ, послѣ здравія души и тѣла, безопасное наслажденіе собственностью есть самое священнѣйшее и драгоцѣннѣйшее. И такъ, кто способствуетъ намъ къ обезопасенію сего наслажденія, кого ни дружество, ни пристрастіе, ни слабость, ни ласкательство, ни корыстолюбіе, ни угрозы не могутъ совратить съ пути справедливости, кто умѣетъ проникать всѣ замыслы пронырства и убѣжденія,

ясно усматривать двусмысленность и запутанность въ мысляхъ человѣческихъ, и находить постоянную точку для опредѣленія смысла истины, честности и справедливости, кто защищаетъ невиннаго, — тотъ подлинно достоинъ нашего уваженія.

ПРАВОДУШІЕ, *правота, честность.*

Одна женщина, весьма бѣдная, имѣла единственное свое утѣшеніе въ любезной и благоразумной своей дочери; съ нею она предстaвилась къ Кардиналу Фарнезу, и объявила ему, что хозяинъ дома, гдѣ она нанимаетъ одну маленькую комнату, будучи весьма богатый человѣкъ, выгоняетъ ее съ дочерью изъ дому, потому что она не въ состояніи заплатить ему пяти цехиновъ. Кардиналъ написалъ тотчасъ, объ удовлетвореніи ея, записку къ своему управителю. Сей тотчасъ, по приказанію, отсчиталъ пятьдесятъ цехиновъ. „Милостивый государь, сказала ему сія бѣдная женщина, я не просила столько у Его Высокопреосвященства, и конечно онъ ошибся.“ Надлежало, для объясненія недоумѣнія, управителю самому итти къ Кардиналу, который, взявши обратно свою записку, сказалъ бѣдной женщинѣ: „Вы правы, я ошибся; поступокъ вашъ доказываетъ это,“ — и, вмѣ-

сто 50 цехиновъ, написалъ 500, прося добродѣтельную мать принять оные, для приданаго дочери ея.

ПРАВОСУДІЕ.

Правосудіе состоитъ въ томъ, чтобъ воздавать каждому должное. Сіи слова: *каждому свое*—кратки, но великую въ себѣ содержатъ силу: *каждому*, то есть, всякаго чина, въ какомъ бы кто ни былъ, всякаго состоянія, сколь бы оно низко ни казалось, ежели только можетъ быть какое-либо въ обществѣ состояніе низкое, и богатому, и убогому, и высокопочтенному, и послѣднему земледѣльцу, и окруженному ходатаями, и беззаступному, и сиротѣ, и вдовѣ, и гражданину, и пришельцу, и пріятелю, и недругу, однимъ словомъ — каждому *свое*, то есть, что кому принадлежитъ по справедливости, что предписываетъ законъ, чего требуетъ его счастіе, чего требуетъ общая польза; *свое*, чтобъ при всякомъ безопасно и ненарушимо оставалось то, что онъ трудами своими получилъ, что исправностію своею заслужилъ, чего ободреніе его къ вящшимъ подвигамъ требуетъ: отвратить, что препятствуетъ ему достигнуть до своей законной пользы, до своей законной награды: возвратить, что

у него корыстолюбіе отняло, чѣмъ сильный завладѣлъ, чему недоброжелатель воспрепятствовалъ, въ чемъ случай его обезсилилъ. Все сіе и подобное опредѣлить, получить, и къ полученію способы подать, есть воздать каждому должное. Вотъ славное и никогда неизмѣняемое свойство правосудія.

Но наши нравы испортились: да и какъ имъ не быть таковыми, когда правосудіе, воздающее всякому свое, ослаблено; корысть и деньги превозмогаютъ, и беззаконное лицепріятіе превращаетъ порядокъ? ежели сильный одно показываетъ мановеніе, то держащій въ рукахъ правды вѣсы уже трясется, дабы не сдѣлать ему чего неугоднаго. И такъ нерѣдко невинный страждетъ, а достойный осужденія оправдывается. По несчастію же, чѣмъ кто хитрѣе, пронырливѣе, тѣмъ болѣе находитъ за себя ходатаевъ. Какъ же могутъ быть нравы добрые, когда добродѣтели такъ смѣшиваются съ пороками?

Правосудіе требуетъ, чтобъ не смотрѣть на лица: ибо Богъ нелицепріятенъ, котораго образъ судія носитъ, — не смотрѣть на ходатайства: ибо въ такомъ случаѣ очевидная настоитъ опасность, чтобъ богатство безстудное не утѣснило бѣдности добродѣтельной, — гнушаться лихоим-

ства; ибо злато ослѣпляетъ и превращаетъ столъ судейскій. Честь или честность, есть основаніе всѣхъ выгодъ человѣческихъ. Да и можно ли вообразить большій прибытокъ, какъ почитаться виновникомъ пользы общія и утѣхою другихъ? И потому безпристрастіе не допуститъ поблажать пріятелямъ, заставитъ позабыть неудовольствія недоброжелателей, а держаться древняго присяги образца—*другу не дружить, а недругу не мстить.* Таковы свойства и обязанности прямаго судіи. Кто ихъ соблюдаетъ, тотъ истинный служитель праведнаго Бога, вѣрный подданный Государя, прямый сынъ отечества.

Строгое правосудіе есть душа самодержавія; такъ мысля Петръ Великій, опредѣлилъ казнь тому, кто осмѣлится подать ему недѣльную просьбу на святилище правосудія, Сенатъ; подобному же наказанію подвергъ и Сенатъ, когда бы оный рѣшилъ въ пользу неправаго. — Такъ должны исполняться законы, чтобы люди боялись преступать ихъ.

Часто въ судахъ находятъ богатыхъ правыми, а бѣдныхъ виноватыми. Древняя Русская пословица: *Не бойся суда, а бойся судьи.*

Правда не боится суда. Гдѣ Цари добродѣтельны, тамъ и народы не могутъ быть порочными.

Примѣры.

Петръ Великій болѣе всего любилъ прилѣжныхъ и знающихъ свое дѣло людей, а потому корабельный мастеръ, Гуръ Ивановичъ Гурьевъ пользовался милостію его. Однажды Монарху, бывшему при работахъ въ Адмиралтействѣ, Гурьевъ подалъ бумагу; Государь, думая, что она касается должности его, принялъ, развернулъ, и разсмотря, сказалъ: *это челобитная на Сенатъ.* — Такъ, Государь. — *Да знаешь ли ты законъ, что опредѣлено тому, кто на Сенатъ бьетъ челомъ?* — Знаю, Государь. — *И ты, зная, просишь?* — Знаю и бью челомъ на оный. — *Пожалуй, Гуръ,* продолжаетъ Монархъ, *возьми назадъ челобитную свою, покажи ее знающимъ болѣе твоего законы и потолкуй съ ними гораздо; на это даю тебѣ три дни сроку; мнѣ жаль потерять тебя!* — Прошло три дни; Гурьевъ подаетъ опять бумагу. — *Это та же?* — Та же, Государь. — *И ты показывалъ ее законоискусникамъ?* — Показывалъ, и они меня оправдываютъ.—„*Боюсь, Гуръ, чтобъ ты не былъ виноватъ; пожалуй поищи лучшихъ изъ нихъ: разсказавъ чистосердечно все дѣло, потолкуй съ ними прилѣжнѣе и чрезъ три дни скажи мнѣ о томъ.*“ — Быть такъ, Государь, если Тебѣ угодно. — Чрезъ три дни Государь, получа опять

ту же челобитную, спрашиваетъ: „*Подлинно ли, Гурѣ, удостовѣрился ты о своей справедливости?*“ — Удостовѣрился, Государь. — „*Дай Богъ, чтобъ ты былъ правъ.*“ — Дѣло Гурьева состояло въ томъ, что сосѣдъ по деревнѣ его, господинъ знатный, надѣясь на свою знатность и знакомство съ Сенаторами, завладѣлъ частію земли его, которая была ему кстати. Дѣло, бывши въ нижнихъ Судахъ, по апелляціи дошло до Сената. Господинъ сей хитрыми объясненіями склонилъ Сенаторовъ на свою сторону, и былъ оправданъ, а Гурьевъ обвиненъ. — Монархъ, прочитавъ челобитную, въ тотъ же вечеръ позвалъ къ себѣ Оберъ-Секретаря Сенатскаго съ дѣломъ симъ, и — разсмотря, нашелъ оное справедливымъ со стороны Гурьева, каковаго заключенія и Оберъ-Секретарь не могъ оспорить. *Чего жъ ты смотрѣлъ?* сказалъ Петръ. — Виноватъ, Всемилостивѣйшій Государь, недоразумѣлъ. — *Недоразумѣлъ! такъ я тебя вразумлю.* Съ сими словами далъ почувствовать ему крѣпость палки своей, а дѣло велѣлъ къ завтраму приготовить къ докладу, сказавъ: *Я самъ завтра буду въ Сенатѣ.* — Оберъ-Секретарь съ дѣломъ симъ зашелъ къ старшему Сенатору, Князю Якову Ѳедоровичу *Долгорукому*, подписавшему также обвиняющее Гурьева опредѣленіе. Сей непоколеби-

мый въ истинѣ человѣкъ, въ ту же ночь разсмотрѣлъ прилѣжно дѣло, и видѣвъ, что оно рѣшено неправо, рано поутру привезъ въ Сенатъ. Скоро прибылъ сюда и Монархъ. Гурьевъ, стоя на крыльцѣ, поклономъ напомнилъ о себѣ. Первыя слова Государя, вошедши въ Сенатъ, были: *подайте дѣло Гурьева!* — Кн. Я. Ѳ. *Долгорукой*, вставъ съ мѣста своего, и подошедъ къ Петру, говоритъ: „Великій Государь! признаюсь предъ Вашимъ Величествомъ, какъ предъ Богомъ, что я всегда всякое дѣло разсмотрю, прочитаю, да опять разсмотрю, а потомъ и подпишу; но сіе подписалъ, въ первые, не читая. Я, Всемилостивѣйшій Государь, при рѣшеніи его, за болѣзнію моею, не былъ въ Сенатѣ, и не читая, дома, лежа въ постелѣ, подписалъ, положась на товарищей моихъ, подписавшихъ уже оное; но — узнавъ, что Ваше Величество изъ Сената потребовали къ Себѣ, взялъ и я, и увидѣлъ, что Сенатъ, не вникнувъ порядочно, въ рѣшеніи погрѣшилъ; за что прошу въ неумышленномъ проступкѣ прощенія.“ — Петръ не отвѣчалъ ни слова Долгорукому, а велѣлъ дѣло перерѣшить и отнятое у Гурьева возвратить; съ соперника его, какъ съ человѣка коварнаго, отписать столько же земли и пятьдесятъ душъ крестьянъ, и отдать ему же Гурьеву; а съ Оберъ-Секретаря и Се-

наторовъ взявъ по двѣсти рублей штрафу, отослалъ въ госпиталь; заключивъ слѣдующимъ: „Поелику по законамъ положена „смерть тому, кто неправо проситъ на „Сенатъ; то разумѣется, что и Сенаторы „подвергаются той же казни за неправое „рѣшеніе, отъ которой и не можетъ онъ „избавить ихъ, если не проститъ ихъ Гуръ „Гурьевъ.“ Сказавъ сіе, Петръ вышелъ изъ Сената; увидя же на крыльцѣ Гурьева, ударилъ его по плечу и сказалъ: „*Поди домой и будь покоенъ.*“ Гурьевъ и дѣйствительно радуясь успѣху въ дѣлѣ своемъ, расположился остаться дома.—Князь Долгорукой съ сокрушеннымъ сердцемъ выговаривалъ товарищамъ своимъ за ихъ неосмотрительность и пристрастіе, и далъ слово, что не будетъ впредь имъ вѣрить ни въ чемъ. „Теперь избавиться бѣды иначе не можемъ, продолжаетъ Долгорукой, какъ испросить у Гурьева прощеніе.“ Сенаторы знали Государя своего, а потому трепетали приговора, имъ сдѣланнаго. Приступили къ Долгорукому, чтобъ онъ испросилъ имъ у Гурьева прощеніе. Князь со всѣми Сенаторами изъ Сената поѣхалъ къ себѣ домой, и позвавъ Адъютанта своего, сказалъ: „Возьми мою одноколку, поѣзжай къ Гуру Ивановичу Гурьеву, и проси его ко мнѣ, именно такъ: Князь Долгорукой кланяется вашему высокоблаго-

родію и просить пожаловать къ нему теперь въ домъ; онъ прислалъ къ вамъ и одноколку, даже и самъ бы былъ къ вамъ, еслибъ старость и недосуги ему не препятствовали.“ — Гурьевъ, пріѣхавъ къ Долгорукому, не успѣлъ войти, какъ Сенаторы начали просить его убѣдительно и униженно, чтобъ онъ пожаловалъ простилъ ихъ. Но онъ, неожидавшій сего, кланяясь каждому, говорилъ: „Богъ проститъ Ваши Сіятельства и Ваши Высокопревосходительства!“ Обрадованные Сенаторы благодарили его чувствительно, и, одаря, кто чѣмъ могъ, отпустили. — Послѣ сего Князь Долгорукой поѣхалъ къ Государю и донесъ ему, что Гуръ Ивановичъ простилъ ихъ. — *Хорошо,* сказалъ Монархъ, *счастливы вы, что попали на добраго человѣка; а то бы я показалъ вамъ, какъ поступаютъ съ тѣми, кои — вмѣсто того, чтобъ наблюдать истину и быть примѣромъ въ правосудіи, сами нарушаютъ оное!* Отпустя Князя, Государь послалъ за Гурьевымъ, и вошедшему сказалъ: *ты ихъ простилъ?* — Простилъ, Государь. — *Да какъ простилъ? не угрожали ли они тебѣ чѣмъ-нибудь?* — Нѣтъ, — Государь; и разсказалъ все подробно и чѣмъ одарили его. Монархъ былъ доволенъ, усмѣхнулся и отпустилъ его. — Подобные случаи были причиною, что Сенаторы, разсматривавшіе дѣла, знали законы, не впада-

ли въ поползновеніе, и оставались вѣрными сынами отечества. — Правосудіе необходимо въ обществѣ политическомъ. Петръ безсмертенъ!

Правосудіе Императрицы
ЕКАТЕРИНЫ II.

Одинъ Русской престарѣлый дворянинъ, котораго все имущество состояло въ четырехъ-стахъ душахъ, будучи вовлеченъ въ тяжбу, разорился совершенно. Соперники, сильною рукою присвоивавшіе его имѣніе, успѣли дать хитрымъ образомъ выгодный для нихъ оборотъ дѣлу, которое наконецъ Сенатомъ рѣшено въ ихъ пользу, и деревни того дворянина отданы имъ во владѣніе. Несчастный старикъ, пріѣхавшій изъ дальней стороны въ С. Петербургъ, и жившій очень долго въ сей столицѣ въ ожиданіи рѣшенія дѣла, дошелъ до того, что ему ужѣ не оставалось, съ чемъ возвратишься на родину, къ своему семейству. Онъ прибѣгаетъ съ просьбою къ Государынѣ. Ея Величество поручила Генералъ-Прокурору Князю Вяземскому пересмотрѣть дѣло, и по оному доложить Ей. Князь Вяземскій черезъ нѣсколько времени докладываетъ, что находитъ рѣшеніе Сената справедливымъ. Императрица, основываясь на семъ,

велитъ просителю отказать. Что начать, и къ кому прибѣгнуть, когда отказала *сама премудрая Монархиня?* Несчастный видѣлъ тогда передъ собою нищету и отчаяніе. Однако же онъ былъ увѣренъ, что милосердая Государыня иначе бы рѣшила дѣло, если бы оно было представлено со всею справедливостью, и нѣкоторыя важныя обстоятельства не были упущены изъ виду. Долгое время онъ плакалъ о себѣ, а болѣе о дѣтяхъ своихъ, съ коими видѣлъ себя принужденнымъ вскорѣ просить милостыню. Но вдругъ лучъ надежды блеснулъ въ душѣ его. Въ одинъ торжественный день, когда Государыня, въ сопровожденіи всего Двора, изволила прибыть въ Казанскій Соборъ для слушанія Божественной литургіи, предъ самымъ начатіемъ обѣдни, старикъ, пробиваясь сквозь толпы народа, подходитъ къ алтарю, дѣлаетъ три земныхъ поклона передъ образомъ Спасителя, потомъ вынимаетъ бумагу изъ-за пазухи, и смиренно кладетъ оную на паникадило передъ образомъ; дѣлаетъ еще три поклона и удаляется. — Всѣ въ изумленіи! — Императрица посылаетъ одного изъ придворныхъ спросить старика, какую бумагу положилъ онъ? — „Доложите Ея Величеству, отвѣчалъ съ твердостію дворянинъ, что *это просьба на премудрую* Екатерину *кѣ Бо-*

гу.“ — Тщетно придворный говорилъ, что онъ не осмѣлится сказать этого Государынѣ; но старикъ настоялъ, чтобъ точно такъ доложено было. Придворный, съ смущеніемъ возвратясь къ Императрицѣ, сказываетъ: что это просьба, поданная къ Богу на *премудрую* Екатерину. Всѣ предстоящіе въ изумленіи! Ея Величество, выслушавъ отвѣтъ, приказываетъ взять бумагу отъ образа. Между тѣмъ началось священнодѣйствіе, и старикъ съ слезами на глазахъ, всѣхъ усерднѣе молится. По окончаніи обѣдни, Императрица призываетъ его; старикъ подходитъ безъ малѣйшей робости и преклоняетъ колѣна; Ея Величество говоритъ ему: „*просьба ваша будетъ разсмотрѣна и дѣло изслѣдовано. Молитесь Богу и приходите черезъ недѣлю во дворецъ — узнать рѣшеніе.*“ По возвращеніи своемъ во дворецъ, Ея Величество прочитала прошеніе, которое написано было съ трогательною и убѣдительною простотою истины, и повелѣла Князю Вяземскому принести къ Ней все дѣло, и трое сутокъ посвятила на разсмотрѣніе онаго въ своемъ кабинетѣ. Между тѣмъ Князь Вяземскій также занялся подробнѣйшимъ изслѣдованіемъ дѣла сего, и вникнувъ въ оное внимательно, усмотрѣлъ свою ошибку. Пришедши къ Государынѣ, онъ приноситъ чистосердечное

признаніе, что не имѣвъ времени хорошенько изслѣдовать дѣло сіе, сдѣлалъ докладъ, положась на заключеніе Сената. Не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ правотѣ просителя. Сей въ назначенный день является во дворецъ, въ страхѣ и надеждѣ ожидая рѣшенія судьбы своей. Государыня велѣла позвать его: величіе и кротость сіяли на лицѣ Монархини; взоры Ея вселяли бодрость и надежду. „Дѣло ваше разсмотрѣно, сказала Она старику; молитва „ваша къ Богу была доступна; помолитесь „теперь обо Мнѣ, чтобъ Онъ простилъ „Мою невольную ошибку. Четыреста душъ „вамъ возвращаются; онѣ вамъ принадлежатъ по праву; а Я, въ благодарность за „то, что дали мнѣ случай поправить мою „ошибку, прибавляю вамъ столько же отъ „Себя.“ При сихъ словахъ старикъ безъ чувствъ упалъ на полъ. Съ трудомъ могли привести его въ себя; опомнясь, онъ не видѣлъ уже Государыни; придворные суетились около него съ спиртами и духами; онъ не могъ говорить, слезы лились изъ глазъ его, и онъ не прежде хотѣлъ выдти изъ дворца, пока не упадетъ на колѣна предъ Государынею и не облобызаетъ милосердой Ея десницы. Имѣвъ сіе счастіе, онъ, оставя дворецъ, пошелъ въ Казанскій Соборъ, гдѣ предъ образомъ Спасителя над-

ши на колѣна, возсылалъ къ Небу теплыя молитвы о здравіи и благоденствіи *милосерднѣйшей* Матери народа и Монархини *правосуднѣйшей*. Онъ не хотѣлъ уже возвратиться на свою родину, а описалъ къ своему семейству, чтобъ оно ѣхало въ Петербургъ, намѣреваясь окончить жизнь свою въ томъ городѣ, который освященъ былъ присутствіемъ Великой Екатерины.

Гидеръ-Али, Царь Индѣйскій, отказалъ офицерамъ Европейскимъ, просившимъ его о прощеніи Капитана его тѣлохранителей, недопустившаго бѣдную женщину принесть Царю жалобу касательно похищенія ея дочери: „*прервать сообщеніе между Царемъ и подданными*, сказалъ онъ имъ, *есть самое ужаснѣйшее преступленіе!*“

Одинъ придворный просилъ *Генриха* IV о пощадѣ своему племяннику, обличенному въ смертоубійствѣ. *Просить за него позволительно* — отвѣчалъ ему Король, *вы поступаете, какъ дядя, прибѣгая къ моему милосердію; но я въ семъ дѣлѣ долженъ поступить, какъ Государь: правосудіе сего требуетъ. Я прощаю вашу просьбу, а вы извините мой отказъ.*

ПРАЗДНОСТЬ. — *Чит.*: ЛѢНОСТЬ.

ПРЕДАННОСТЬ БОГУ.

Быть въ преданности Богу значитъ оставить излишнее и самонадѣянное о себѣ попеченіе, дабы совершенно отдать себя вожденію Божію. Божественный Спаситель убѣждаетъ всѣхъ христіанъ къ таковой преданности; ибо всѣмъ сказано: *не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ: Отецъ вашъ Небесный знаетъ все, что вамъ нужно* (*); *всѣ заботы ваши возлагайте на Него, ибо Онъ печется о васъ.*

Совершенная преданность Богу должна доказываться на самомъ дѣлѣ слѣдующимъ образомъ: 1) христіане должны собственную волю свою безпрестанно покорять волѣ Божіей, отвергать всякую особенную къ чему-либо наклонность, въ самомъ началѣ, коль скоро оную почувствуютъ, дабы научаться быть равнодушными и не желать ничего болѣе, какъ того, чтобы во всемъ исполнялась единая воля Божія: чего Богъ и хотѣлъ отъ самой вѣчности. 2) Они должны быть равнодушны ко всему. 3) Они должны забыть прошедшее, предоставить будущее Провидѣнію, а настоящее Богу, довольствуясь всѣмъ тѣмъ, что съ ними ежеминутно происходитъ; потому что ка-

(*) Матѳ. 6, 31, 34.

ждое настоящее мгновеніе приноситъ съ собою вѣчное для насъ повелѣніе Божіе и есть неложное возвѣщеніе воли Его, всѣмъ общее и для всѣхъ неминуемое. 4) Они не должны приписывать твари ничего, чтобы съ ними ни случалось; но во всемъ обращаться къ Богу и принимать все прямо отъ руки Божіей, исключая собственный грѣхъ.

Научась отъ Бога жить вѣрою и чистою любовію, истинный христіанинъ равно принимаетъ отъ Господа все, что ему ни посылается; свѣтъ и мракъ, легкость и трудность, силу и немощь, бодрость и изнеможеніе, утѣшеніе и прискорбіе, искушенія, развлеченія, сомнѣнія: ничто его не останавливаетъ въ таковой преданности; вѣрность его побѣждаетъ все; ибо онъ желаетъ того только, чего хощетъ Богъ, не сомнѣваясь, что все, ежеминутно съ нимъ случающееся, есть явное велѣніе самого Господа, распредѣляющаго все сіе по правосудію своему или милосердію, и всегда по неизслѣдимой своей премудрости; ему ничего болѣе не нужно.

Вѣрный въ своей преданности Богу не можетъ быть обманутъ: ибо возможно ли обмануться, положившись на Бога? Обмануть насъ можетъ только размышленіе наше или воля наша, кои, будучи устремлены

къ какому-либо предмету, дѣлаютъ то, что мы оному вѣримъ, хотимъ его, присвоиваемъ его себѣ и къ оному привязываемся: но тотъ, кто вѣритъ только тому, что Богъ видитъ, и вѣритъ тому такъ, какъ Создатель сіе видитъ, кто того только желаетъ, чего Богъ хощетъ, и желаетъ онаго такъ, какъ Богъ хощетъ, — можетъ ли быть обманутымъ, и можетъ ли чего опасаться, когда онъ смотритъ на все, имѣя въ виду одного только Бога и волю Его?

Истинно-преданный Богу, не грѣшитъ; а кто грѣшитъ, тотъ выходитъ изъ круга таковой преданности. Возможно ли ему грѣшить, если онъ всего себя отдалъ въ руки Божіи и не дѣйствуетъ самъ собою, но слѣдуетъ волѣ Божіей? Если жъ онъ согрѣшаетъ, то согрѣшаетъ отъ того, что онъ какъ бы отнимаетъ себя у Бога, и тѣмъ нарушаетъ данный обѣтъ быть неотъемлемою Его собственностію; выходя изъ круга своей преданности, онъ опять обращается къ себѣ.

Если бъ мы были въ такой преданности, то не было бъ ни жалобъ, ни нетерпѣнія, ни роптаній; всѣ непріятности были бы принимаемы съ покорностію: потери, бѣдность, болѣзни, смерть тогда бы насъ не ужасали. *Премудрость Божія* всегда бы-

ла бы оправдана отъ чадъ своихъ (*); и бѣдствія сей жизни столь же мало могли бъ насъ устрашать, какъ не страшны оныя для младенца, лежащаго въ колыбели.

Познавать волю Божію для насъ дѣло наиболѣе необходимое и наиболѣе удобное: напрасно столько затрудняемся, чтобы познать оную; нужно только вѣрно исполнять въ настоящую минуту то, что намъ дѣлать должно, не думая о прошедшемъ и не заботясь о будущемъ; ибо воля Божія есть все то, что, по Промыслу Божію, ежеминутно съ нами бываетъ. Сей способъ находить Вездѣсущаго и видѣть Его въ Его порядкѣ, весьма для насъ удобенъ; ибо нѣтъ сомнѣнія, что самъ Богъ все сіе устроиваетъ.

Тѣ, кои сами хотятъ управлять собою и самовластно употреблять свою свободу, обыкновенно увлекаются зломъ, потому, что человѣкъ способенъ на всякое зло отъ самой юности своей. (Быт. 8, 21). Напротивъ того, тѣ, кои предаютъ себя Богу и желаютъ во всемъ отъ Него зависѣть, всегда склонны къ добру и ко всему, что наиболѣе совершенно. Сія благодать непремѣнно имъ дается, доколѣ токмо не препятствуютъ они Духу Божіему управлять ими.

(*) Матѳ. 11, 19.

ПРЕДНАЗНАЧЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА.

Всѣ мы рано или поздно должны сойти въ одинаковую могилу, и потому постараемся по крайней мѣрѣ хорошо исполнить нашу должность въ теченіе краткаго перехода сей жизни, насладиться благополучіемъ и быть полезными, оставить по себѣ хотя нѣкоторые слѣды и заслужить сожалѣніе другихъ. Вотъ, о чемъ не можно довольно часто повторять себѣ; помышленіе о смерти должно намъ напоминать о хорошемъ употребленіи жизни. Сіе помышленіе, пріучающее глядѣть спокойнѣйшимъ окомъ на конецъ нашей жизни, научаетъ также насъ тому, что бы мы могли оставить здѣсь на землѣ нѣкоторыя достойныя памяти дѣла, полезныя нашимъ ближнимъ. Если бы всякой взиралъ на положеніе и обязанности свои съ сей точки зрѣнія, то на землѣ все бы лучше сдѣлалось; тогда бы всякой содѣйствовалъ пользѣ общей; всякой народъ усиливалъ бы свое богатство, свѣдѣнія и благополучіе, соединеніемъ всѣхъ частныхъ усилій къ одной цѣли, хотя и въ разныхъ объемахъ. Но люди забываютъ сію обязанность человѣколюбія, сіе назначеніе человѣка, сію великую цѣль общества, которыя

суть вѣрныя средства составить свое благосостояніе, содѣйствуя счастію другихъ.

Любить людей и служить имъ, вотъ начало всѣхъ добродѣтелей, великодушія, героизма, вотъ душа и цѣль наукъ, зародышъ дѣяній, ведущихъ къ истинной и прочной славѣ.

ПРЕДОПРЕДѢЛЕНІЕ.

Если Богъ предвидитъ все, то не слѣдуетъ ли изъ сего, чтобъ одни по нуждѣ дѣлали, а другіе по нуждѣ грѣшили? Никакъ; ибо не для того я дѣлаю добро или зло, что Богъ предвидѣлъ: но для того Богъ предвидитъ, что я буду добро или зло дѣлать. Почему сіе предвѣдѣніе Божіе никакой нужды или необходимости и принужденія не предполагаетъ. Напримѣръ, врачъ предвидитъ, что я завтра занемогу; но сіе его предвидѣніе не есть причина моей болѣзни. Такъ изрядно предвидѣніе и предопредѣленіе уподобляются зеркалу, которое показываетъ тебя здоровымъ — ежели ты здоровъ, немощнымъ—ежели немощенъ. Такъ Богъ предвидѣлъ, что Іуда предастъ Христа; но по нуждѣ ли погрѣшилъ Іуда? Никакъ; понеже Богъ предвидѣлъ, что онъ добровольно предастъ Его.

Слѣдовательно нѣкоторые, при разсужденіи о предопредѣленіи, неосновательно заключаютъ, что оно подвергаетъ всѣ дѣла наши необходимости, и свобода человѣческихъ дѣйствій имѣть мѣста болѣе не можетъ: ибо де чему быть, того не миновать.

Но таковое заключеніе само собою опровергается. Какъ дѣйствіе твое, по уставу премудрости Божіей, должно выходить изъ начала дарованной тебѣ свободы; то и предопредѣляется оному дѣйствію быть сходственнымъ съ тѣмъ Божественнымъ началомъ. Такимъ образомъ и предвѣдѣніе Божіе остается непреложнымъ, и свобода ненарушимою.

О великое таинство! Какое должно быть смертнаго преимущество, что всѣ добрыя дѣла, какія онъ на землѣ совершаетъ, внесены въ божественную судебъ Господнихъ книгу отъ самыя вѣчности! Какое сильное къ добродѣтели побужденіе: ты проходишь званіе свое, и въ тоже время Отецъ міровъ взираетъ на планъ дѣлъ твоихъ, Его очамъ всегда предлежащій! Какое должно быть твое усиліе и ревнованіе, дабы тому точно соотвѣтствовать, и не впасть въ сіе несчастіе, чтобъ изглажену быть изъ книги живота!

ПРЕДУБѢЖДЕНІЯ ПОРОДЫ. — *Читай:* ПОРОДА.

ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ. — *Чит.:* ОСТОРОЖНОСТЬ.

ПРЕЗРѢНІЕ, *пренебреженіе.*

Изъ всѣхъ обидъ, презрѣніе труднѣе всѣхъ прощается.

Тотъ далекъ отъ великихъ людей, кто пренебрегаетъ человѣка.

Человѣкъ, ближній нашъ, подобіе Создателя, никогда не долженъ быть презираемъ: порокъ достоинъ презрѣнія; но человѣкъ порочный, заслуживший позоръ и даже наказаніе, имѣетъ еще право на сожалѣніе.

ПРЕЗРѢНІЕ БОГАТСТВЪ, *безкорыстіе.*

Высочайшее благо, доставляемое намъ богатствомъ, есть независимость отъ людскихъ прихотей и обширнѣйшій кругъ дѣйствія.

Богатство состоитъ въ достоинствахъ, а не въ деньгахъ.

Мы всѣ были бы довольно богаты, если бъ хотѣли только нужнаго.

Но богатство очень часто бываетъ намъ въ тягость, потому, что оно почти

не оставляетъ времени желаніямъ, будучи средствомъ къ исполненію оныхъ.

Для пріобрѣтенія небольшаго состоянія, надобно множество трудовъ, — большое богатство приходитъ легко и неожиданно.

Имѣющій вдоволь всего, часто имѣетъ пасмурный видъ.

Примѣры.

Дарій, Царь Персидскій, послалъ драгоцѣнные подарки *Эпаминонду*: сей полководецъ сказалъ присланнымъ къ нему съ дарами людямъ отъ Царя: „Если Дарій желаетъ быть другомъ Ѳивянамъ, то и ненужно ему закупать мою дружбу, а если онъ имѣетъ другія намѣренія, то онъ не довольно богатъ, чтобъ меня развратить.“

Кратесъ, урожденецъ Ѳивскій, желая совершенно предаться ученію Философіи, обратилъ все свое имущество въ знатную сумму денегъ; но, замѣтивъ, что сія сумма причиняла ему безпокойствіе, онъ бросилъ всѣ свои деньги въ море, сказавши: „*поди, пагбуное богатство: я желаю тебя лишиться, дабы ты меня не погубило.*“

ПРЕПРОВОЖДЕНІЕ ВРЕМЕНИ

за картами.

Хозяинъ обязанъ стараться объ весельи гостей, гости объ удовольствіи хозяина. —

Но чѣмъ развеселите человѣка, неимѣющаго ничего ни въ сердцѣ, ни въ головѣ? Чѣмъ займетъ васъ хозяинъ, котораго разговоръ ограничивается сужденіями о погодѣ? — Карты нынѣ замѣняютъ привѣтливость хозяина и любезность гостей. — Глупость становится не такъ несносна, умъ не такъ обиденъ; и въ большомъ свѣтѣ веселѣе всѣхъ проводитъ время тотъ, кто приглашенъ на *пулю бостона*, или на нѣсколько *робертова виста*.

Одна изъ самыхъ жестокихъ болѣзней бесѣды, *злословіе*, безъ сомнѣнія оправило бы своею желчью все умное, все достойное, если бы карты не были противоядіемъ. Вообще замѣчено, что до обѣда и за обѣдомъ дѣлаются почти всѣ сплетни; но—по окончаніи стола, когда пятикопѣечные бостоны заговорятъ: *шесть! гран-мизеръ*, злословіе утихаетъ,—игроки предаются вполнѣ игрѣ своей и—браня *товарища*, перестаютъ бранить *ближняго*.—Отъ того-то, послѣ обѣда, безъ страха можно казаться умнымъ; для того-то большая часть гостей уѣзжаютъ послѣ обѣда — *отъ нечего дѣлать*.

Карты можно назвать моральнымъ термометромъ. Никакое притворство не устоитъ противъ продолжительнаго выигрыша, или проигрыша. Радость въ первомъ случаѣ, гнѣвъ во второмъ, равнодушіе въ обо-

ихъ, обнаруживаютъ корыстолюбіе и вспыльчивость, пылкость и холодность.

Похвальная привычка женщинъ скрывать лѣта свои, также исчезаетъ въ картахъ. Если вы постоянно видите женщину за ломбернымъ столомъ, то говорите смѣло, что ей за тридцать лѣтъ. Если жъ она чаще начинаетъ заниматься гран-пасьянсомъ, то вѣрно доживаетъ пятой десятокъ.

Какъ часто люди жалуются на время! Различны ихъ жалобы: мудрецъ желалъ бы удвоить его, чтобы умножить свои познанія; человѣкъ свѣтскій не знаетъ, куда его истратить. — Кто жъ поможетъ ему въ этомъ, кромѣ картъ? — Куда дѣнется старый холостякъ, незанятый семействомъ — по стеченію обстоятельствъ, службою — по неспособности и лѣни, танцами — по лѣтамъ, разговорами — по глупости? Что будетъ дѣлать такой человѣкъ въ длинные зимніе вечера? — По милости картъ, онъ перестаетъ быть въ тягость себѣ и другимъ. За зеленымъ сукномъ онъ примѣтно убиваетъ время, которое непримѣтно убиваетъ и его; и философъ-наблюдатель, смотря на это, невольно восклицаетъ: *кто кого убьетъ!*

ПРИВЫЧКА.

Одинъ Гасконецъ, во время жестокаго холода зимняго, прогуливался на Новомъ мосту въ Парижѣ, въ сертукѣ изъ волосяной матеріи, *флагедукъ* называемой, съ шпагою на боку, точно такъ, какъ бы это было въ Августѣ мѣсяцѣ. Король, проѣзжая по мосту въ каретѣ, закрылъ лице свое въ шинель бархатную; но — взглянувъ, увидѣлъ, что Гасконецъ не по времени былъ одѣтъ, и такъ удивился этому, что призвалъ Гасконца и спросилъ у него, не холодно ли ему; онъ отвѣчалъ Королю, что нѣтъ. — „Какъ ты можешь дѣлать, другъ мой, чтобъ неозябнуть, будучи такъ одѣтъ; ибо я почти замерзъ, не смотря на то, что очень тепло одѣтъ? „Ежели бъ Ваше Величество, отвѣчалъ Гасконецъ, дѣлали также какъ я, то бы вамъ никогда не было холодно.“—„Какъ же ты дѣлаешь?“ спросилъ Король.—*Если бы Ваше Величество*, сказалъ Гасконецъ, *изволили надѣвать на себя, какъ я дѣлаю, весь вашъ гардеробъ, то навѣрное вы бы никогда не озябли.* — Король нашелъ сіе средство столь превосходнымъ, что приказалъ ему дать полной зимній гардеробъ.

ПРИМѢРЪ ПОДРАЖАНІЯ.

Докторъ Вейкартъ, вышедъ однажды изъ терпѣнія, что Князь *Суворовъ* не принимаетъ его лѣкарствъ, а болѣе слушается своего бородобрѣя, котораго называлъ своимъ Лейбъ-Медикомъ, сказалъ ему: „Ваше Сіятельство не по лѣтамъ очень легко одѣваетесь, и кушаете какъ простой солдатъ.“ — „Такъ, отвѣчалъ Князь, я Генералиссимусъ, а солдатъ на меня смотритъ.“

ПРИСУТСТВІЕ БОЖІЕ.

Присутствіе Божіе есть наилучшее средство избѣгать грѣха, какъ говоритъ Святый *Амвросій*.

Могли ли бы мы дерзать оскорблять Бога съ намѣреніемъ, ежели бы помышляли, что находимся въ Его присутствіи и что Онъ взираетъ на насъ?

Ежели присутствіе Царей внушаетъ намъ столь великое уваженіе къ ихъ особамъ, то чего бы не произвело присутствіе Божіе? Какого бы не возъимѣли мы благоговѣнія къ непостижимому Его величеству, ежели бы увѣрены были, что оно *вездѣ присутствуетъ* и назираетъ насъ?

Присутствіе Божіе есть превосходное средство къ сопротивленію искушеніямъ,

по словамъ Святаго *Василія*. Въ самомъ дѣлѣ, ничто такъ не ободряетъ и не укрѣпляетъ насъ, какъ воспоминаніе Его святаго присутствія.

Самъ Господь, прежде вознесенія Своего на небо, сказалъ Апостоламъ: *Се азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка.* (Матѳ. XXVIII, ст. 10). Сіи слова укрѣпляли Святаго *Антонія* въ его уединеніи. „Поелику Богъ со мною есть, говорилъ сей Великій Святый, то не боюсь я ничего въ семъ мірѣ.“ Тотъ же Святый говорилъ: самое сильнѣйшее средство, одержать верьхъ надъ своими пороками, есть сердечное радованіе о присутствіи Божіемъ, и можно вездѣ человѣку находить рай, когда сердце его соединено съ Богомъ.

Хожденіе въ присутствіи Божіемъ есть превосходное средство для достиженія къ совершенству, ежели человѣкъ постоянно займется имъ долгое время.

Сіе же самое весьма хорошо изъяснено намъ въ книгѣ *О подражаніи Іисусу Христу* сими преизящными словами, которыя относятся ко всѣмъ христіанамъ: „Обра„титеся къ Богу всѣмъ сердцемъ своимъ; „оставьте сей бѣдный міръ, и душа ваша „обрящетъ покой.“

Святый *Василій* сказалъ также: ежели хочешь всѣ дѣла свои хорошо дѣлать, то

представляй себѣ, что Богъ на тебя смотритъ.

Напослѣдокъ, ничто лучше не изъясняетъ намъ превосходства сего святаго упражненія, какъ сіи слова Божіи къ Аврааму: *благоугождай предо мною, и буди непорочевъ.* (Быт. XVII, ст. 1.)

Въ самомъ дѣлѣ можно сказать, что постоянно ходящій въ присутствіи Божіемъ, живетъ съ Богомъ, въ Богѣ и самимъ Богомъ; въ чемъ и истинное совершенство заключается.

Онъ живетъ съ Богомъ, ибо непрестанно съ Нимъ бесѣдуетъ; живетъ въ Богѣ, понеже въ Немъ единственно успокоивается; живетъ Богомъ, ибо чрезъ обращеніе съ Нимъ, Богъ содѣлывается жизнію и пищею духа и сердца его.

Наконецъ превосходное средство, умножать любовь нашу къ Богу, есть также взирать на Него часто; ибо по мѣрѣ нашего на Него воззрѣнія, смотритъ и Онъ на насъ равномѣрно, и сіи взоры суть яко искры, вносящія огнь любви Его въ сердце наше.

Но, чтобы возбудить себя гораздо сильнѣе къ сему святому упражненію, должно представить себѣ счастливое состояніе тѣхъ, кои оному предаются, и замѣтить то добро, которое они отъ сего получаютъ,

по опытамъ душъ, постоянно занимавшихся созерцаніемъ присутствія Божія. Они познаютъ Бога и себя самихъ совсѣмъ иначе, нежели какъ то было прежде, такъ, что сами удивляются тому, вѣдая, что они ничего не сдѣлали для привлеченія себѣ толикой благодати и просвѣщенія; они почитаютъ за весьма малое свою вѣрность, въ сохраненіи себя въ присутствіи Божіемъ. Чистота Божія показываетъ имъ даже самомалѣйшія ихъ нечистоты, благость же Его открываетъ имъ всю ихъ злобу, а непреложность Его даетъ имъ примѣчать самомалѣйшую ихъ невѣрность. Сіе непрестанное воззрѣніе на Бога, нечувствительно отдѣляетъ ихъ отъ всѣхъ тварей и проницаетъ сею важною истиною: что *Богъ есть все, прочее же ничто.* Они весьма твердо увѣрены, что все только въ мірѣ уважаемое, есть не что иное, какъ суета, и никакого уваженія не достойно, и часто съ восхищеніемъ говорятъ: *Боже мой! Ты все мое!*

Ежели мы перенимаемъ нравы тѣхъ, съ которыми часто обращаемся; если живописецъ, внимательно смотря на подлинникъ, снимаетъ сходный списокъ: для чего же вѣрной душѣ, непрестанно почти взирающей на Бога съ любовію, не сдѣлаться подобною Ему, сколько слабость человѣческая

можетъ то дозволить? Ежели мы, пробывъ нѣсколько времени въ лавкѣ торгующаго благовоніями, не можемъ не удержать запаха оныхъ; то какимъ образомъ можемъ мы, при постоянномъ занятіи святымъ присутствіемъ Божіимъ, столь очевидно влекущемъ насъ къ непрестанному почти пребыванію въ сообщеніи съ Нимъ, не быть причастными Божественныхъ свойствъ самого Бога? Еще можно сказать, что ничто не можетъ такъ удобно направлять душу къ чистой любви, какъ постоянное пребываніе въ семъ святомъ упражненіи. Наконецъ, оно есть превосходное средство пріобрѣсть вскорѣ истинный миръ. Всѣмъ намъ извѣстно, что Богъ есть центръ нашъ, и что внѣ Его мы столь же мало спокойны, какъ рыба внѣ воды, и какъ вывихнутый членъ внѣ своего мѣста. Опытъ ежедневно научаетъ насъ истинѣ сихъ словъ святаго *Августина*: „Ты сотворилъ насъ, „Господи; къ Тебѣ и сердце наше будетъ „всегда стремиться и въ Тебѣ единомъ по„кмо насладится истиннымъ покоемъ.“ Но немногіе знаютъ тайну оспанавливаться въ Богѣ и въ Немъ успокоиваться. Сія тайна есть не иное что, какъ святое хожденіе въ присутствіи Божіемъ, которое отвлекаетъ и отвращаетъ насъ нечувствительно отъ любви къ тварямъ, непрестанно увлекаю-

щимъ насъ за собою и причиняющимъ непрестанное смятеніе и возмущеніе.

Необходимо надобно представлять Бога присутствующимъ въ насъ, равно какъ и вездѣсущимъ.

Хожденіе въ присутствіи Божіемъ есть призываніе помощи Божіей.

Сіе изъяснено словами Царя Пророка: *Не остави мене, Господи Боже мой; не отступи отъ мене. Вонми въ помощь мою, Господи спасенія моего!* (Псал. XXXVII, ст. 22 и 23.)

Хожденіе въ присутствіи Божіемъ есть благоговѣйное самоуничиженіе предъ величествомъ присутствующаго Бога. Праотецъ Авраамъ сказалъ: *Господи! я есмь нечто иное, какъ прахъ и пепелъ.*

Занятіе присутствіемъ Божіимъ есть внутреннее души преданіе себя и своей пользы силѣ и благоволенію Бога, на котораго она всю надежду полагаетъ.

Мы вѣримъ, что непрестанно находимся въ рукахъ Божіихъ; ибо, говоритъ Апостолъ: въ немъ живемъ, движемся и есьмы (Дѣян. XVII, ст. 28); мы вѣримъ, что Онъ печется о насъ, такъ что и власы главы нашея вси изочтени суть (Матѳ. X, ст. 30); но между тѣмъ живемъ, какъ будто совершенно независимые. По ужасной неблагодарности, всю почти жизнь проводимъ,

не помышляя о сей невидимой рукѣ Промысла, отъ которой столько благъ получаемъ.

Наконецъ можно еще сказать, что хожденіе въ присутствіи Божіемъ состоитъ въ совершенномъ покореніи воли нашей волѣ Божіей. *Не моя, но Твоя воля да будетъ,* сказалъ Спаситель. (Лук. XXII, ст. 42.) Сіе одно слово можетъ стократно въ день извлекать душу изъ разсѣянія ея въ тваряхъ и возвышать къ Богу.

Истинный христіанинъ время отъ времени говоритъ съ бѣднымъ мытаремъ: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! и воздыхаетъ къ Богу со святымъ желаніемъ, напримѣръ:

„О Боже мой! Ты все мое, помилуй ме„ня! я ничего, кромѣ Тебя, не хочу. Пріиди „Господи на помощь мнѣ!“

Кто не научился во всякомъ часѣ посвящать нѣкотораго времени Богу, тотъ не умѣетъ еще Его любить.

ПРИТВОРСТВО.

Притворство не имѣетъ постоянства; ложь бываетъ всегда прозрачна: взоры вниманія могутъ проникнуть ихъ насквозь.

Убѣгай на одну минуту гнѣвливаго человѣка, а притворнаго навсегда.

Примѣръ.

Одинъ военной человѣкъ, ѣдучи въ версаль изъ Парижа въ наемной двумѣстной каретѣ, съ чрезвычайно-толстымъ человѣкомъ, который его весьма безпокоилъ, вздумалъ избавиться отъ него: спустя нѣсколько минутъ, начали дѣлаться конвульсіи у военнаго. — Но, милостивый государь, что съ вами дѣлается? спросилъ его сосѣдъ. — „Это ничего, сударь, отвѣчаетъ офицеръ, удерживая себя, — это ничего не значитъ.“ Черезъ нѣсколько минутъ, кривлянья опять начались, и товарищъ его возобновляетъ свои вопросы. — „Это ничего, говорю я вамъ, не опасайтесь ничего, болѣзнь еще не въ такомъ градусѣ. . .“ — Какъ? . . . . объясните вы . . . . какая болѣзнь? . . . . — „Нѣсколько дней тому назадъ, я имѣлъ несчастіе быть укушенъ бѣшеною собакою; мнѣ присовѣтовали ѣхать для употребленія морскихъ ваннъ по сему случаю, и я ѣду теперь въ Версаль, чтобъ занять денегъ для сего путешествія . . . .“ Онъ едва успѣлъ только сіе кончить, какъ его товарищъ выскочилъ изъ кареты. — „Счастливый путь, милостивый государь!“ — Погода прекрасная! я чрезвычайно люблю пѣшкомъ ходить. . . . Офицеръ же продолжалъ свою дорогу

весьма спокойно, будучи доволенъ своею выдумкою.

ПРОВИДѢНІЕ, *Промыслъ Божій.*

Есть Богъ, ибо нѣтъ дѣйствія безъ причины.

Провидѣніе не что иное есть, какъ сохраненіе порядка, поставленнаго Богомъ во всемъ томъ, что имѣетъ жизнь, и что движется съ такою правильностью и такъ премудро. Оно объемлетъ всѣ вещи совершенныя и несовершенныя. Должно благоговѣть предъ уставами Всемогущаго, коихъ разумъ человѣческій не можетъ понять ни побудительныхъ причинъ, ни конца, и кои всегда ведутъ къ общему благу всѣхъ людей.

Сія истина столь же неоспорима, какъ и самое бытіе Божіе; Богъ, какъ читаемъ въ Евангеліи, питаетъ птицъ небесныхъ, печется о каждой травкѣ, исчитываетъ каждый волосъ, упадающій съ головы нашей, о человѣкѣ же толико промыслителенъ, что скорѣе мать забудетъ своего сына, нежели Творецъ свое созданіе. Дѣйствіе Его промысла столь необходимо, что если бы оный былъ отнятъ отъ міра хотя на минуту, то все бы, по словамъ Пророка *Давида*, пришло въ ужасный безпорядокъ и уничтожилось.

Когда Богъ о мірѣ и о насъ промышляетъ, то мы твердо должны вѣровать, что все съ нами случающееся, случается не безъ Его святой воли, и рано или поздно обратится намъ въ пользу и благопоспѣшествіе.

Міръ управляется Промысломъ; не слѣпо проходитъ теченіе вещей; онѣ всѣ связаны союзомъ сколько мудрымъ, столько же и ненарушимымъ. Благоразумный строитель храмины полагаетъ основаніе твердое, ничего не опущаетъ нужнаго, ничего не дозволяетъ излишняго, все располагаетъ, чтобъ одно другому служило подкрѣпленіемъ: кольми паче Вседержитель и Зиждитель міровъ и тварей не могъ иначе устроить міръ сей, чтобъ въ немъ вкупѣ не заключались твердость, порядокъ, нужда, польза, одно изъ другаго слѣдствіе, каждой вещи и всѣхъ постоянное наклоненіе и стремленіе къ концу, предуставленному отъ вѣчной Премудрости.

Особеннаго жъ Промысла Божія причастенъ человѣкъ: *и власъ главы вашея не погибнетъ!* Сей гласъ Евангельскій есть гласъ милосердаго промысла и человѣколюбія Божія. Онъ во всякое жизни нашей время утѣшителенъ; кто жъ не возвеселится духомъ, слыша столь милостивое отъ всемогущаго

Владыки обнадеживаніе? Но особливо сей гласъ радостенъ долженъ быть, если его обратить къ человѣку, на свѣтъ сей выходящему, то есть, въ то время, когда онъ слабъ и всѣмъ опасностямъ подверженъ; когда, говорю вообразить, что въ таковый часъ Промыслъ къ нему такъ вѣщаетъ: „созданіе слабое, но созданіе премудрыхъ рукъ „Божіихъ! въ таковой твоей слабости подкрѣпляетъ тебя сила Вышняго: тебя охраняетъ рука всемогущая: посему ни единъ „волосъ главы твоей не погибнетъ, ни малѣйшій случай не можетъ тебѣ приключиться, чтобъ онъ не былъ утвержденъ „Небеснымъ опредѣленіемъ къ собственному „благу твоему.“ И потому всѣ приключающіяся намъ несчастія не что иное суть, какъ слѣдствія нашихъ преступленій, и горькіе плоды столь лестныхъ для насъ пороковъ.

Никто несчастнымъ быть не хочетъ: такъ пусть же всякъ остерегается собственную руку свою вооружать противъ себя, пусть боится причинять самъ себѣ несчастіе. А если бъ по слабости и былъ чувствами обманутъ, да возметъ въ помощь здравое разсужденіе, да приметъ въ пособіе святость закона, да признаетъ свою винность.

Сіи приключенія бываютъ натурально: никто изъ истинно-просвѣщенныхъ о томъ не споритъ; но кто учредитель натуры или естества вещей? кто распорядитель союза его? кто расположитель средствъ, чтобъ они прямо вели къ цѣли? кто, ежели не Богъ, который вся управляетъ *числомъ, вѣсомъ, мѣрою?* кто ограничилъ Его премудрость? кто положилъ предѣлы Его правосудію? Въ семъ-то наипаче открывается и премудрость и промыслъ Его, что Онъ хранитъ и установленный собой естественный порядокъ, и оный же самый, безъ нарушенія его, располагаетъ къ нашему наказанію и исправленію.

Промыслъ Вседержителя и благодатная воля Его да будутъ всегда утѣшеніемъ твоимъ; ибо воля Божія всегда блага есть, и во всѣхъ вещахъ пользы и блаженства нашего ищетъ. Низпосылаетъ ли на тебя Богъ печали или радости, нищету или богатства, безвѣстность или знаменитость: знай, что все сіе тебѣ благо есть, и что Ему такъ благоугодно; воля Божія да будетъ для тебя закономъ и утѣшеніемъ; ибо Богъ творитъ какъ благоугодно Ему, и чрезъ то ищетъ твоего блаженства.

ПРОМЫСЛЪ. — *Чит.:* ПРОВИДѢНІЕ.

ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ,

прозорливость, свѣтливость.

Проницательность есть одна способность души, достающаяся въ удѣлъ немногимъ. Она дочь природы. Съ нею должно родиться. Она у многихъ людей видна въ глазахъ: взглядъ ихъ, кажется, углубляется въ душу.

Прозорливость есть сила души: для ней потребны отличный умъ, особенное вниманіе, необыкновенное умѣнье соображать. Она есть дочь ума, а весьма часто и просвѣщенія. Ее можно пріобрѣсти.

Тотъ, кто ничего не предвидитъ, часто бываетъ обманутымъ; а тотъ, кто слишкомъ много предвидитъ, почти всегда бываетъ несчастливъ.

ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Здоровье, нравственность, ученіе соединены одно съ другимъ союзомъ тайнымъ и неразрушимымъ: они не могутъ быть разлучены безъ наказанія со стороны природы.

Свѣтъ наукъ, просвѣщая разумъ, располагаетъ сердце къ добродѣтели: повсюду распространившееся и поощряемое, просвѣ-

щеніе способствуетъ къ смягченію нравовъ, счастію личному или собственному и благоденствію общему. Питомцы Музъ, тѣ, кои занимаются науками, не легко впадаютъ въ искушеніе, чтобъ имѣть страсти звѣрскія или безчеловѣчныя.

Обратимъ взоръ на землю древнѣйшихъ Галловъ, обильную (herissée) лѣсами; земледѣліе, торговля, путешествія были тогда не извѣстны; суровые неприступные жрецы (Друиды) управляли посредствомъ ужаса, въ густотѣ сихъ непроходимыхъ мѣстъ, дикими народами; приносили въ жертву людей мнимымъ божествамъ; законъ грубый или дикій поставлялъ въ честь человѣкоубійство, какъ дѣйствіе добродѣтельное: жили люди въ бѣдности и въ преступленіяхъ. Невѣжество, злодѣйства, бѣдствіе и погибель всегда неразлучны.

Нѣтъ сомнѣнія, что просвѣщеніе есть особливый даръ милосердаго Божества, и просвѣщенный человѣкъ достоинъ всякаго почтенія. Но когда достигъ онъ той цѣли, для которой ученіе нужно и предлагается то есть, чтобъ исправить сердце свое, чтобъ страсти свои побѣждать, чтобъ умѣть снисходить немощамъ другихъ и оныя врачевать, чтобъ собою дать примѣръ добродѣтели и случай къ прославленію Отца свѣтовъ; съ симъ соединенное ученіе воз-

носитъ человѣка отъ земли, и приближаетъ къ Богу: а безъ того трудъ суетенъ и просвѣщеніе темно. Если кто ученіемъ только надмевается и другихъ презираетъ, если все по своимъ мыслямъ превратить хочетъ, таковый суемудренъ и достоинъ сожалѣнія. — Дѣлаетъ честь ученіе, но украшенное честностію, совѣстію непорочною и нравами похвальными. Сіе разсужденіе служитъ къ утѣшенію тѣхъ, кои высокими науками не просвѣщены, но честностію нравовъ украшены.

Истинное же просвѣщеніе ума есть то, которое научаетъ насъ довольствоваться своимъ состояніемъ, дѣлаетъ полезными во всѣхъ отношеніяхъ, и способными дѣйствовать сообразно благонамѣренной цѣли. Все прочее одна только безразсудность, и всегда ведетъ къ развратu.

Просвѣщеніе возвышаетъ умъ, давая ему силы и средства повелѣвать и собою и случаемъ.

ПРОСТОДУШІЕ.

Славный *Жанъ-Бартъ*, пріѣхавшій въ Версаль съ Кавалеромъ *де Форбенъ*, курилъ трубку у открытаго окна. *Лудовикъ XIV*, призвавъ его, сказалъ: *Жанъ-Бартъ*, *я тебя*

назначилъ начальникомъ эскадры. — „*Вы очень хорошо сдѣлали! Ваше Величество,*“ отвѣчалъ мореходецъ. — Сей отвѣтъ произвелъ большой смѣхъ между придворными, которые нашли отвѣтъ сей столь же неприличнымъ, какъ и дерзкимъ. Но Король сказалъ имъ съ твердостію: *вы очень ошибаетесь, господа; сей отвѣтъ принадлежитъ тому человѣку, который чувствуетъ, чего онъ стоитъ, и скоро мнѣ дастъ тысячу новыхъ доказательствъ своего усердія и заслугъ.*“

ПРЯМОДУШІЕ.—*Чит.* **БЕЗПРИСТРАСТІЕ.**

ПУТЕШЕСТВІЯ, *странствованія.*

Къ большей части вредныхъ привычекъ вельможъ, принадлежитъ также охота путешествовать по чужимъ странамъ. Они обыкновенно разъѣзжаютъ по симъ землямъ, не узнавъ напередъ собственной своей стороны, въ которой тысячи предметовъ, можетъ быть, гораздо бо́льшаго достойны вниманія, нежели спектакли Французовъ, Карнавалы въ Венеціи и ристалища (ска́чки) въ Англіи, и за иностранный вздоръ платятъ отечественнымъ золотомъ; заражаются тѣлесными и душевными слабостями, увеличиваютъ свои по-

требности, и нерѣдко привозятъ съ собою въ свое отечество склонность къ расточительности, сладострастію, праздности, дурной нравъ бродягъ, и проч.

ПЫШНОСТЬ. — *Чит.* БОГАТСТВО.

ПЬЯНСТВО.

Пить до дна, не видать добра, говоритъ Русская пословица.

Пьянство не менѣе опасно, какъ и объяденіе; потому что всегда сопутствуетъ ему сластолюбіе. Часто, очень часто безразсудный человѣкъ, имъ зараженный, съ жалкимъ ослѣпленіемъ идетъ колеблющимися стопами къ могилѣ, самимъ собою ископанной. Благоразумный же употребляетъ вино для развеселенія, а не для помраченія разсудка. Для него постыдно то положеніе, въ которомъ онъ опличается отъ безсловесныхъ еще бо́льшею раздражительностью и неистовствомъ, или отъ дѣтей еще бо́льшимъ дурачествомъ и глупостями.

Возможно ли, говоритъ *Плиній* Натуралистъ, чтобы мы покупали цѣною толикихъ изнуреній, трудовъ и издержекъ то, что возмущаетъ разсудокъ и вселяетъ бѣшенство? Ужѣ ли Природа повсюду разли-

вая для насъ свѣжую воду, которую пьютъ всѣ прочія животныя, не представила и для насъ ее, какъ самой здоровый напитокъ? Безчисленныя преступленія были гибельными слѣдствіями пьянства: въ такомъ изступленномъ положеніи часто раскрываются сердечныя тайны, вредоносныя слова — иногда стоившія жизни; и сколько разъ смерть была наказаніемъ за подобную нескромность! Если бы сіи несчастные охотники покуликать и не предавались опасностямъ, (прибавляетъ тотъ же Писатель) то ужѣ ли должно почитать за ничто эту блѣдность, сіи обвислыя щеки, сіи налившіеся кровію глаза, сіи дрожащія руки, немогущія держать рюмки, чтобы не пролить ее; сей сонъ, возмущаемый страшными грезами, скорымъ наказаніемъ невоздержности; сіи ночи, проведенныя въ безпокойствѣ, и на другой день вонючій винный запахъ изо рту, совершенное забытіе всего прошедшаго, — уничтоженіе памяти?— Потерять цѣлый день въ столь унизительномъ состояніи и отравить послѣдующій, значитъ ли это наслажденіе, котораго ищутъ очень многіе съ непреодолимою жадностью!

Сей порокъ тѣмъ опаснѣе, что почти невозможно отъ онаго послѣ исправиться, если хотя одинъ разъ кто имѣлъ несча-

стіе къ нему привыкнуть. Сія склонность обращается въ натуру; и чтобъ надъ нею восторжествовать, то для сего необходимы мужество и героическая твердость.

Примѣръ.

Карлъ XII, Король Шведскій, въ одно время будучи въ нетрезвомъ видѣ, потерялъ почтеніе должное къ Королевѣ, его матери; она удалилась въ свою комнату въ величайшемъ огорченіи, и не выходила изъ оной на другой день. Король спросилъ о причинѣ; ему сказали. Онъ велѣлъ налить бокалъ вина, и пошелъ къ Королевѣ. „Ваше Величество, сказалъ онъ ей, я слышалъ, что вчера я позабылъ себя и потерялъ къ вамъ уваженіе. Теперь я пришелъ просить у васъ прощенія, и дабы не впасть болѣе въ сію погрѣшность, пью сей бокалъ за ваше здоровье; онъ будетъ послѣдній въ моей жизни.“ Карлъ выполнилъ свое слово, и съ того дня ужѣ не пилъ никакого вина.

Таковое рѣшительное владычество и побѣда надъ своими слабостями, даютъ о семъ Королѣ гораздо высшее понятіе, нежели всѣ отважныя военныя его предпріятія и подвиги.

РАБОТА. — *Чит.*: ТРУДЪ.

РАВЕНСТВО.

Докторъ *Сюммерб де Харровб* часто разсказывалъ слѣдующій анекдотъ, случившійся съ Жонсономъ. Однажды они всѣ обѣдали у госпожи *Маколей*, которая большую часть стола безпрерывно толковала объ естественномъ равенствѣ рода человѣческаго: по окончаніи ея рѣчи, *Жонсонб* встаетъ изъ за стола, и кланяясь очень низко, говоритъ съ важнымъ и хладнокровнымъ видомъ сіи слова человѣку, который имъ служилъ: „господинъ Иванъ, я васъ всепокорнѣйше прошу, сдѣлайте мнѣ удовольствіе, сядьте на мое мѣсто, а я вамъ буду служить; ваша госпожа говоритъ, что мы всѣ равны!“ —

Плѣнные въ Италіи Французскіе Генералы (бывшей республики) жаловались, что съ ними поступаютъ наравнѣ съ ихъ солдатами: „кто виноватъ! они всѣ равны“ былъ отвѣтъ *Суворова*.

РАВНОВѢСІЕ.

Сынъ Сѣвера! суровъ и хладенъ твой климатъ;
Ужасны льды твои; но счастливъ ты сто крапъ:

Въ тебѣ и бодрый духъ, и богатырска сила.
Въ Сициліи жъ вулканъ; чума на брегъ Нила.

РАВНОДУШІЕ, *хладнокровіе.*

Истинно ученые презираютъ и хвалу и брань невѣждъ.

Истинное благоразуміе состоитъ въ возвышенномъ надъ всѣмъ равнодушіи.

Примѣръ.

Карлъ XII, Король Шведскій, диктовалъ письма своему секретарю; въ самую эту минуту пущенная бомба изъ лагеря непріятелей, (кои сильно его осаждали въ Стральзундѣ, 1715 года), упала на тотъ домъ, въ коемъ *Карлъ* находился, пробила кровлю, и разорвалась близъ кабинета Королевскаго: отъ удара бомбы и стука въ домѣ, который казался развалившимся, перо выпало изъ рукъ секретаря. „*Что такое случилось*? сказалъ ему Король съ спокойнымъ видомъ: *для чего вы не пишете?*“ — Секретарь едва могъ отвѣчать: Ахъ! Ваше Величество, бомба! — „*Ну, такъ что жъ*, возразилъ Король, *какое отношеніе имѣетъ бомба къ той бумагѣ, которую я вамъ диктую? Продолжайте.*“

РАДОСТЬ, *удовольствіе.*

Радости для человѣка точно то, что соль и уксусъ для мяса. Не берутъ соли по полной горсти, не пьютъ уксусъ полными стаканами. То удовольствіе чрезвычайно дорого, которое стоитъ чести.

Съ лѣтами вкусы и склонности перемѣняются:

Удовольствіе есть счастіе дураковъ; а счастіе — удовольствіе мудрыхъ.

On passe par différens gouts
En passant par differens âges:
Plaisir est le bonheur des fous;
Bonheur est le plaisir des sages.

Нѣтъ вожделѣннѣе истинной радости: она состоитъ въ спокойствіи совѣсти и въ мирѣ съ Богомъ и человѣками. Радость мнимая—есть временное и часовое для одного тѣла услажденіе, оканчивающееся всегдашнею горестію и раскаяніемъ.

Можно ли почитать такого человѣка радостнымъ, который блещетъ золотомъ, но помраченъ умомъ; котораго тѣло отягощено пищею и виномъ, но притомъ совѣсть погружена въ страстяхъ; который днемъ веселъ, а во время ночи страждетъ тѣломъ, отъ пьянства разслабленнымъ; который днемъ спокоенъ, а ночью мучится мыслями, что имѣніе все уже истощеваетъ-

ся, или съ должниками расплачиваться надобно, а нечѣмъ; что скоро не останется и нужнаго къ содержанію; что онъ, провождая время въ праздности, отъ всѣхъ добрыхъ людей презирается, и почитается вреднымъ членомъ общества, и безполезнымъ бременемъ земли, — котораго за столомъ ласкатели хвалятъ, а заочно ругаютъ; скажите, можно ли такого человѣка радость или веселіе почитать истиннымъ веселіемъ?

Твердое основаніе истинной радости состоитъ въ духѣ спокойномъ и совѣсти незазорной. Кто въ глубину сердца своего съ богомысліемъ взойдетъ и найдетъ, что оно ни въ чемъ его не упрекаетъ: мужъ ли онъ—не зазираетъ себя, чтобъ вѣрность супружества нарушилъ, или худой дѣтямъ своимъ подалъ примѣръ; гражданинъ ли онъ—не стыдится предъ собою, чтобъ кого огорчилъ или обидѣлъ; богатъ ли онъ — не вздыхаетъ, чтобъ богатство употребилъ на одну роскошь и мотовство; бѣденъ ли онъ — не смущается, чтобъ когда на свой жребій роптalъ, и терпѣніе христіанское посрамилъ малодушіемъ; судія ли онъ — не осуждаетъ самъ себя, чтобъ правду когда продавалъ на деньги, и немощнаго предавалъ въ руки сильнаго; приставникъ ли онъ — не краснѣетъ, чтобъ въ порученной ему должности не сохранилъ вѣрности, и

въ чемъ - либо солгалъ или обманулъ своего начальника: — кто въ такомъ совершенствѣ сохранилъ сердце свое, будетъ ли тотъ о чемъ смущаться? Нѣтъ, онъ спокоенъ; потому что онъ ничего не опасается. Онъ радостенъ; ибо источникъ его совѣсти ничѣмъ невозмущенъ.

РАЗГОВОРЫ, *говорливость, разговорчивость.*

Старайтесь предоставлять случай разговаривающимъ съ вами людямъ выказывать умъ ихъ, начиная разговоръ сообразно ихъ склонностямъ. Если они охотники говорить, то пускай говорятъ то, что болѣе и лучше знаютъ; и показывайте удовольствіе, слушая ихъ внимательно. Они будутъ весьма довольны вами, когда сами себѣ доставили удовольствіе.—Говорятъ по сему случаю весьма забавную шутку, сыгранную съ одною весьма умною женщиною, но которая была большая говорунья и еще болѣе тщеславная: однажды вздумали представить ей нѣкотораго человѣка, о которомъ ее предупредили, что онъ весьма ученъ. Сія женщина принимаетъ его съ уваженіемъ: но, поспѣшая собою удивить его, она начинаетъ говорить; дѣлаетъ ему сто разныхъ вопросовъ, не примѣчая, что онъ ни на одинъ не отвѣчалъ. Послѣ сира-

шиваютъ у ней: довольны ли вы вашимъ посѣтителемъ? „Какой онъ прелюбезный человѣкъ! отвѣчала она: какъ онъ благоразуменъ!“ Но этотъ великій умникъ — былъ нѣмой отъ рожденія!

Искуство нравиться въ разговорахъ — состоитъ не столько въ остроумныхъ словахъ, сколько въ томъ, чтобъ несказать ничего, что не согласно съ склонностями тѣхъ людей, съ коими имѣютъ разговоръ. Умѣть такъ говорить, есть признакъ великаго ума.

Примѣры.

Гарле, Архіепископъ Парижскій, обворожалъ всѣхъ собою, не только тѣмъ, что онъ имѣлъ привлекательный и ласковый видъ, но и по тому, что онъ говорилъ только благопріятныя и услужливыя рѣчи; — онъ узнавалъ самолюбіе или склонности того, съ кѣмъ разговаривалъ, и старался говорить то, что могло болѣе ему угодить. Это есть великая тайна — заставить всѣхъ себя любить.

Славный *Расинъ* говаривалъ часто своему сыну: не думай, чтобъ стихи мои заставляли знатныхъ особъ уважать меня. *Корнель* пишетъ стихи во сто разъ лучше меня, однако ни кто на него не смотритъ; его любятъ только на театрѣ: напротивъ,

вмѣсто того, чтобъ мнѣ докучать и обременять кого разсказами о моихъ сочиненіяхъ, никогда ни кому объ нихъ не говорю; а бесѣдую съ ними и говорю со всякимъ все то, что ихъ забавляетъ или что имъ болѣе нравится. Мое искуство съ ними состоитъ не въ томъ, чтобъ дать имъ почувствовать, что я имѣю умъ, но—чтобъ показать имъ, что они умны. И такъ видя у меня часто Герцога, нѣсколько часовъ разговаривающаго со мною, ты бы удивился, еслибъ тутъ же былъ, увидя, что часто онъ отъ меня уходитъ не услыша отъ меня четырехъ словъ: но мало по-малу я завожу его въ разговоры, и онъ меня оставляетъ—будучи еще довольнѣе собою, нежели мною.

Великое искуство въ разговорѣ есть заставлять другихъ говорить много, а самому говорить мало: вотъ истинная Риторика для сего краснорѣчія! (Г-жа *Неккеръ*).

РАЗМЫШЛЕНІЕ.

Размышленіе умножаетъ силы ума, какъ тѣлодвиженіе полезно для тѣла.

РАЗУМЪ, *здравый разсудокъ*.

Познаніе того способа, по коему мы должны располагать дѣйствія нашей души, происходитъ отъ здраваго разсуд-

ка. Отъ него же происходитъ пріобрѣтеніе искуства употреблять наши способности тѣлесныя и душевныя, дабы достигнуть того счастія, коего натура и наше состояніе намъ позволяютъ домогаться.

Превосходство разума и людей разумныхъ.

Остановимся здѣсь и, къ славѣ Творца нашего, бросимъ взглядъ на превосходство нашего разума. Ахъ! что можетъ быть важнѣе его и величественнѣе! Онъ есть самая благороднѣйшая, самая превосходнѣйшая сила души, какую только могъ произвесть Богъ Всемогущій, Премудрый, Преблагій. Разумное существо ясно вѣдаетъ о самомъ себѣ; оно посредствомъ чувственныхъ органовъ наслаждается всею природою; оно можетъ приводить себѣ на память все, что когда-либо чувствовало, видѣло и слышало; оно дѣлаетъ вещественнымъ, что было только возможно; оно мысленно само творитъ новые міры; прошедшее и будущее соединяетъ въ одну точку зрѣнія; онъ настоящаго перелетаетъ въ будущность; своимъ воображеніемъ переносится въ самую вѣчность; до безконечности расширяетъ границы своихъ собственныхъ способностей; острыми мыслями своими проникаетъ въ самыя сокровенныя таинства Природы, разрѣшаетъ ее на свои первыя начала, сол-

нечный лучъ раздѣляетъ какъ нить; взвѣшиваетъ воздухъ и планеты; бывъ заключено въ тяжкомъ тѣлѣ, мысленно возносится превыше небесъ; изъ немногихъ частныхъ наблюденій изъясняетъ всеобщіе законы природы; изъ немногихъ линій опредѣляетъ разстояніе самыхъ отдаленнѣйшихъ небесныхъ тѣлъ; вычисляетъ положенія ихъ другъ къ другу отъ края міра до другаго. Великій Боже! сотворить безконечные міры есть дѣло Твоего всемогущества; но сотворить натуру ограниченную, съ способностями столь высокими; натуру, которая сама въ себѣ устремляется къ безконечному, — что величественнѣе сего? Это больше, нежели цѣлый міръ; здѣсь уже есть сродство съ самымъ Божествомъ. — Существо само себя ко всему вдругъ опредѣляющее: которое всѣ свои силы, всѣ способности имѣетъ въ полной своей власти; которое въ нуждѣ созываетъ ихъ,—могущія ему мѣшать, въ покоѣ оставляетъ; которое каждую изъ нихъ по своему разсмотрѣнію ограничиваетъ и распространяетъ; существо, которое само себѣ счастіе творитъ, само себя движетъ, само себя покоитъ, все испытываетъ; по собственному выбору само себя опредѣляетъ къ тому, что чув ствуетъ лучшимъ; само себѣ совѣтуетъ, само себѣ повелѣваетъ, охотно себѣ

нуется, и послѣ каждаго новаго представленія сохраняетъ свою полную свободу. Что міры, что вся тѣлесная природа предъ природою такого духа? Она можетъ имѣть безчисленныя степени; но вообще выше ея никакой представить невозможно.

Какимъ образомъ наше самолюбіе и любовь къ ближнему дѣйствуютъ, при руководствѣ разсудка.

Наше самолюбіе имѣетъ въ предметѣ свою выгоду, а любовь къ ближнему одну услугу другому; но разумъ долженъ ихъ руководствовать и освѣщать, сообразуясь съ отношеніемъ вещей. Для усмотрѣнія сего отношенія, глубокой Метафизики не нужно; съ одного взгляда разсудокъ мнѣ все говоритъ. Въ каждомъ человѣкѣ я вижу себя, и увѣренъ, что онъ также понимаетъ, также чувствуетъ, какъ я; слѣдственно я только ставлю себя на его мѣсто, и такое отношеніе изъясняетъ мнѣ всѣ должности, ихъ предѣлы и степени. Я чувствую, что для продолженія жизни моей необходимо нужно, чтобъ самопроизвольно никто не могъ лишать меня моей собственности; чувствую, что я ни на минуту не могу быть увѣренъ въ своемъ спокойствіи и счастіи, коль скоро позволи-

тельны кража, обманъ и измѣна; что съ каждыхъ днемъ будетъ увеличиваться несчастіе мое, коль скоро таковыя преступленія будутъ оставашься ненаказанными, а я безъ вознагражденія. И такъ здѣсь побужденіе самолюбія оказываетсл во мнѣ во всей своей силѣ; природа моя чувствуетъ на то свое право; я требую охраненія моихъ правъ, какъ должнаго; стараюсь всячески защитишь свою собственность; присвоиваю ее себѣ опять, какъ скоро нахожу; прибѣгаю къ покровительству законовъ. Ближній мой имѣетъ такія-жъ чувствованія, такое же побужденіе къ охраненію себя; онъ въ такой же мѣрѣ чувствуетъ оскорбленіе, при нарушеніи блага своего и спокойствія, какъ я; слѣдственно я долженъ и въ немъ такое же право признашь: а если бы я дошелъ до такой несправедливости, что не призналъ бы его чувствованій, то тѣмъ подалъ бы ему самъ право—принудишь меня къ тому силою. Здѣсь природа моя сама вѣщаетъ мнѣ первый законъ всякаго человѣческаго общества: *чего я не хочу, чтобъ другой мнѣ дѣлалъ, того и самъ другому дѣлать не долженъ.* Истинный законъ! Ничего не могу представишь натуральнѣе его, обязательнѣе. Между тѣмъ я чувствую, что если будутъ сохранять ко мнѣ одну только справедливость, то я все оставал-

ся бы еще очень несчастливъ; надобно еще, чтобъ выполняемы были вразсужденіи меня обязанности дружбы и человѣколюбія. Справедливость конечно не допуститъ, чтобъ меня оскорбляли; но нерѣдко, несмотря на таковое спокойствіе, положеніе мое бываетъ самое горестное. Сколько облегчаетъ меня иногда одна сострадательная душа, принимающая участіе въ печали моей, соединяя свои слезы съ моими слезами, когда я бываю униженъ непостоянною судьбою! сколь утѣшителенъ для меня тогда одинъ привѣтливой взглядъ, одно ласковое слово! Но когда я счастливъ, то дружеское участіе дѣлаетъ для меня счастіе мое чувствительнѣе; мое благо, мой покой, мое удовольствіе безмѣрно могутъ быть возвышены ласковостью, великодушіемъ, человѣколюбіемъ. Мой ближній, всякой человѣкъ находится со мною въ одинаковомъ отношеніи. Всякой такія жъ имѣетъ чувствованія, всякой хочетъ умножить удовольствіе свое такъ же сильно, какъ и я. Отсюда еще происходитъ новой для меня законъ: *какъ мнѣ хочется, чтобы со мною обходился другой, точно также долженъ обходиться съ нимъ и я.*

Всѣ люди одарены разумомъ, всѣ имѣютъ чувства. И какъ извѣстно, что дѣйствія разума и чувствъ для человѣка полез-

ны и нужны, такъ не меньше извѣстно и то, что однѣ дѣйствія превосходнѣе другихъ, и что чувствами долженъ управлять разумъ. Сіе не только изъ важныхъ, но и изъ повседневныхъ и обыкновенныхъ случаевъ очевидно. Напримѣръ, ѣсть безъ ума, пить безъ разсужденія, гулять безъ мѣры —не можетъ небыть вредно: тотчасъ послѣдуетъ или болѣзнь въ тѣлѣ, или уронъ въ хозяйствѣ и истощеніе въ имѣніи. Ежели въ такихъ маловажныхъ случаяхъ столько управленіе разума нужно, и слѣдовать однимъ чувствамъ, въ предосужденіе его, вредно: то какъ же въ важныхъ дѣлахъ люди столько будутъ ослѣплены, чтобъ слѣдовать однимъ чувствамъ?

Чувства состоятъ въ зрѣніи, слышаніи, обоняніи, вкусѣ и осязаніи; разумъ состоитъ въ различеніи истины и лжи, добра и зла. Чувства мы также имѣемъ, какъ и всѣ животныя; но разумъ свойственъ единому человѣку. Чувства относятся до тѣла, а разумъ до души. Чувства созерцаютъ міръ видимый, а просвѣщенный разумъ возноситъ его къ невидимому. Кто управляется однѣми чувствами, то есть, дѣлаетъ и уважаетъ только то, что пріятно глазамъ, слуху, вкусу, обонянію и осязанію, тотъ еще не совсѣмъ человѣкъ; ибо онъ только то дѣлаетъ, что и всякое живот-

ное, лишенное разума. Но кто управляется разумомъ, то есть, избираетъ и дѣлаетъ то, что утверждаетъ здравый разсудокъ, хотябъ то было и непріятно для чувствъ и противно требованіямъ чувственности, тотъ истинный человѣкъ, и его поступки выше животныхъ, бродящихъ по землѣ.

Чтобъ достигнуть сей высоты, надобно имѣть мужественный духъ; ибо между чувствами и разумомъ всегдашняя борьба. Что пріятно чувствамъ, напримѣръ — нѣга, праздность, сладострастіе, роскошь, корысть, то противно разуму; и, по причинѣ сей внутренней нашей войны, человѣкъ часто самъ съ собою бываетъ не согласенъ. На одну сторону манятъ его чувства, на другую преклоняетъ разумъ: бѣдный человѣкъ иногда и видитъ добро, но силою страстей побѣждается; видитъ доброе и похваляетъ, но слѣдуетъ худому.

Тебѣ данъ свѣтильникъ,—это свѣтильникъ разума: съ помощію сего свѣта удобно можешь усмотрѣть не только страсти свои, но и то, что онѣ противны разуму, закону, совѣсти, и разстроиваютъ благополучіе твое. — Разумъ долженъ владычествовать, а страсти дѣйствовать по гласу его повелѣнія.

Потребности чувствъ суть: нѣга, игры, зрѣлища, чувственность, вреднѣйшая празд-

ность: потребности души — познаніе истиннаго, стремленіе къ доброму, незазорность совѣсти, внутренняя тишина и спокойствіе, полезное уединеніе, удовольствіе, раждаемое отъ исполненія своихъ обязанностей и проч.

Разумъ, при добромъ сердцѣ въ человѣкѣ, есть вещь весьма хорошая, но—при худомъ, какъ для него, такъ и для другихъ опасная, ибо употребляется не къ обузданію, но къ извиненію страстей: злой и простой человѣкъ едва ли есть на свѣтѣ, но злыхъ и хитрыхъ людей весьма много.

(А. Шишковъ.)

Разумъ руководствуетъ человѣка во всѣхъ его поступкахъ, побуждаетъ его дѣйствовать съ пользою въ своихъ сношеніяхъ, въ трудахъ, предвидѣть, предварять, соображать свои предпріятія, избирать средства къ достиженію предполагаемой имъ цѣли и проч. Вторый родъ пользы разума составляютъ естественныя Науки, и польза сія весьма велика въ системѣ нынѣшняго вѣка; ибо кто можетъ сомнѣваться въ тѣхъ пріятностяхъ и выгодахъ, которыя добрая Философія и всѣ сіи науки приносятъ натурѣ человѣческой? Польза Исторіи, Географіи, Астрономіи для мореплаванія, Математики, Физики, Медицины и проч. и проч. всякому извѣстна. Сверхъ

того, сколько удовольствія доставляютъ изящныя Искуства, Скульптура, Музыка, Архитектура, живопись и проч.? Безъ всего сего человѣку въ здѣшней жизни конечно не было бы тѣхъ удовольствій и удобностей, каковыми люди пользуются; и для сихъ-то изящныхъ предметовъ дарованъ ему безъ сомнѣнія и разумъ, столь много возвышающій его передъ ними; ибо Науки и Художества суть собственно его область и пространное поле, на которомъ онъ можетъ дѣйствовать и упражняться по своей волѣ и собирать превосходнѣйшіе цвѣты.

Безъ сомнѣнія превосходнымъ бы зрѣлищемъ служилъ человѣкъ, коего бы набожное сердце пылало любовію къ Богу, а умъ украшенъ былъ знаніями міра сего.

РАСКАЯНІЕ, *покаяніе.*

Евангеліе намъ въ семъ случаѣ представляетъ примѣры утѣшительнѣйшіе. Мы въ немъ видимъ мытарей оправдываемыхъ, блудницъ въ слезахъ разрѣшаемыхъ, разбойниковъ гласомъ покаянія путь себѣ къ Небу отверзающихъ, гонителей Церкви Божіей къ лику Апостольскому причисляемыхъ. Все сіе грѣшную душу да увѣритъ, сколь покаяніе спасительно.

Многіе, закоснѣвая во злѣ, ласкаютъ себя, что могутъ при смерти покаяться; но, кромѣ того, что сія надежда есть неизвѣстная, человѣкъ, который всю жизнь прожилъ въ нераскаяніи, при смерти истинное покаяніе едва ли принести можетъ: ибо *тогда уже не онѣ худыя дѣла, но худыя дѣла его оставляютъ.*

Примѣръ.

Какъ Оссонскій Герцогъ въ Неаполѣ осматривалъ нѣкогда галеры, то одинъ изъ тамошнихъ каторжниковъ, упавъ къ его ногамъ, говорилъ: „Всемилостивѣйшій Государь! умилосердишесь надо мною, освободите меня отъ столь мучительной работы.“—„За что ты сюда посланъ?“ спросилъ у каторжника Герцогъ. — „Я никакой вины за собой не знаю, отвѣчалъ просящій; но мои злодѣи, пріискавъ ложныхъ свидѣтелей, на меня столь много клеветали, что я осужденъ на галеру.“ Потомъ другой, приступивъ къ Герцогу, также просилъ объ освобожденіи. — „А ты за какую вину здѣсь?“ спросилъ у него Герцогъ. — „Я во всю жизнь мою никакого зла не сдѣлалъ, но происками завистливыхъ моихъ родственниковъ, чтобъ беззаконно досталось имъ все мое имѣніе, осужденъ на галерную работу.“ — Много и

другихъ ссылочныхъ подходили къ Герцогу, которые такимъ же образомъ просили объ освобожденіи, всѣ вообще жалуясь, что они безвинно страждутъ. Наконецъ Герцогъ, взглянувъ на одного ссылочнаго, который наружнымъ видомъ оказывалъ нѣкоторое въ себѣ спокойствіе, спросилъ у него: „а ты, дружекъ, за что здѣсь?“ — „*За мои злодѣянія, Всемилостивѣйшій Государь*, отвѣчалъ преступникъ, *которыхъ за мною было столь много, что считаю себѣ то за особенную милость, что я еще не повѣшенъ.*“ — Герцогъ, выслушавъ сіе, позвалъ къ себѣ галернаго Капитана, и сказалъ ему: *тотчасъ освободи сего злодѣя, ибо если онъ еще долѣе здѣсь пробудетъ въ сей работѣ, то я опасаюсь, чтобы онъ сихъ честныхъ людей здѣсь всѣхъ не перепортилъ.*

РАСПУТСТВО, *развратъ.*

Одинъ отецъ, желая искоренить въ сынѣ своемъ наклонность къ распутству, водилъ его въ больницы, чтобы показать ему пагубныя слѣдствія онаго. Это, кажется, довольно достаточно для исцѣленія многихъ молодыхъ людей отъ необузданнаго распутства любовнаго.

РЕВНОСТЬ.

Ревнивый человѣкъ очень жалокъ: жизнь его проходитъ въ извѣдываніи такой тайны, которой открытіе только сокрушаетъ его благоденствіе.

Какая жизнь бѣдной супруги, которой каждое невинное движеніе изъясняется въ худую сторону! Какая мрачность въ ея семействѣ! Сколько поводовъ къ безпрерывнымъ ссорамъ и враждамъ! Ужасная жизнь!

Ревность слѣпа больше, нежели всѣ слѣпые въ мірѣ. Самое невозможное становится ей вѣроятнымъ, а вѣроятное — непремѣннымъ.

Ревность есть излишество любви; она происходитъ болѣе отъ гордости, нежели отъ нѣжнаго чувства. Она малѣйшее подозрѣніе обращаетъ въ увѣренность.

Она часто начинается безъ причинъ; а послѣ отъ того самаго и дѣйствительно имѣетъ ихъ.

Рѣдко можно найти такихъ мужей ревнивыхъ, кои бы, чрезъ свои глупыя подозрѣнія и несогласіе съ женами своими, не были современемъ такими, какими они опасались быть.

Ревность мужчинамъ свойственнѣе, нежели женщинамъ, — особливо нехорошимъ, безобразнымъ и старикамъ. Всякой ревни-

вый мужъ долженъ имѣть о себѣ худыя мнѣнія, въ противномъ случаѣ онъ бы не былъ ревнивъ.

Ревнивая жена есть самое несчастнѣйшее твореніе въ свѣтѣ; она мучится ежедневно, а отъ этого красота ея и любезность скоро исчезаютъ, и если ревность ея не имѣетъ повода, то она можетъ удалить отъ себя мужа своего, который могъ бы быть безъ того ей вѣрнымъ. Если же есть причина ревности, то жена должна обращать мужа своего къ себѣ кротостью, любовію и ласкою. Но когда не успѣетъ она въ томъ, то, вмѣсто любви, выиграетъ по крайней мѣрѣ дружбу, необходимо нужную для семейственнаго благополучія.

Можно иногда подивиться равнодушію мужа къ вѣтреностямъ жены; но презорчивый нравъ, скука надзиранія, миролюбіе и желаніе быть свободнымъ — дѣлаютъ многихъ философами.

РЕЛИГІЯ.

Христіанская религія заключаетъ въ себѣ болѣе истинной Философіи, нежели всѣ сочиненія философовъ.

Ничто такъ не соединяетъ людей, какъ Религія; она всегда утѣшаетъ насъ въ неравенствѣ судьбы, въ несправедливостяхъ,

которыя мы терпѣть должны въ обществѣ; самое раскаяніе преступника находитъ въ ней сладостную пищу. (Чит.: *Вѣра.*)

РЕМЕСЛО, *промыслъ.* — *Чит.:* **ДОЛЖНОСТЬ.**

РОБОСТЬ, *трусость, застѣнчивость.*

Робость унижаетъ человѣка; она дѣлаетъ существомъ слабымъ и боязливымъ совершеннѣйшаго изъ тварей, того, которому Всевышній даровалъ въ удѣлъ разумъ, свидѣтельствующій о превосходствѣ нашемъ надъ всѣми земными тварями. Смертный, страхомъ одержимый, не способенъ къ важнымъ предпріятіямъ. Малѣйшій предметъ его пугаетъ; онъ боится даже тѣни своей, и, сдѣлавшись робкимъ, проводитъ дни свои въ горестяхъ и безпокойствахъ.

Непростительно родителямъ имѣть, при воспитаніи дѣтей, грубыхъ невѣждъ, которые охотно обременяютъ юное воображеніе самыми глупыми и нелѣпыми сказками: они только говорятъ дѣтямъ о разбойникахъ, о хищныхъ звѣряхъ, о волшебникахъ, и часто пугаютъ змѣемъ-горынычемъ, домовыми, мертвецами; а отъ сей глупости дѣти остаются на цѣлый свой вѣкъ трусами, и не могутъ проходить черезъ

темную комнату безъ сопровожденія няньки; ночью же, отъ скребенія мыши, волосы ихъ становятся дыбомъ, и никогда не могутъ они вкушать сладости сна, если возлѣ ихъ никто не будетъ спать.

Трусъ наноситъ поношеніе роду человѣческому; одно названіе труса заключаетъ въ себѣ презрѣніе, стыдъ и безчестіе.

Малодушіе есть обыкновенное слѣдствіе очень нѣжнаго воспитанія. Сія презрительная слабость свойственна людямъ, расположеннымъ къ роскоши.

Человѣкъ трусливый есть тотъ, которой боится всего, не имѣетъ мужества, и который имѣетъ малодушіе боязливое. Когда все тихо, трусъ кричитъ: браво; но какъ скоро огорченія ему угрожаютъ, онъ блѣднѣетъ; при первомъ появленіи молніи, онъ прячется; онъ дрожитъ во все время, когда громъ гремитъ,—и если мужество къ нему приходитъ, то это случается только тогда, когда онъ ужѣ изнеможенъ.

Эпиктетъ сказалъ: ты страдаешь, дрожишь и приходишь въ замѣшательство, когда увидишь Государя, или даже какого вельможу: *какъ онъ меня приметъ? какъ онъ меня будетъ слушать?* Но—ты низкомыслящій человѣкъ! Онъ тебя приметъ, онъ будетъ тебя слушать какъ ему заблагоразсудится: но тѣмъ хуже для него, если онъ

принимаетъ худо честнаго и добродѣтельнаго человѣка: онъ отъ того одинъ останется въ потерѣ. Можешь ли ты огорчиться или потерпѣть отъ ошибки другаго человѣка? — *Но какъ мнѣ съ нимъ говорить?* Ты съ нимъ будешь говорить, какъ и что тебѣ угодно будетъ. — *Я опасаюсь придти въ замѣшательство.* — Какъ! развѣ ты не умѣешь говорить скромно, съ благоразуміемъ и съ пристойною легкостію? отъ чего ты вздумалъ бояться человѣка? *Зенонъ* не боялся Антигона; но Антигонъ уважалъ Зенона. *Сократъ* приходилъ ли въ замѣшательство, когда говорилъ съ тиранами или похитителями верховной власти, и съ своими судіями! *Діогенъ* робѣлъ ли тогда, когда говорилъ съ Александромъ, съ Филиппомъ, съ морскими разбойниками, и съ своимъ господиномъ, который его купилъ!

Примѣръ.

Въ царствованіе Лудовика XIV, госпожа *Дезульеръ* пріѣхала однажды ночевать въ нѣкоторый старинный замокъ, въ коемъ съ недавняго времени одна изъ комнатъ оставалась необитаемою, потому что (какъ говорили) она была обезпокоиваема домовыми, о коихъ разсказывали ужасныя нелѣпости. Имѣя мужественной и отважный духъ, сія

знаменитая дама вознамѣрилась сама собою открыть сокровенную причину суевѣрія ея гостепріимныхъ хозяевъ: она просила ихъ неотступно, сдѣлать одолженіе—позволить ей одной провести ночь въ той горницѣ. Хозяева употребляли всѣ свои усилія, чтобъ отвратить ее отъ того; видя же твердую ея рѣшительность, они не могли безъ сожалѣнія ее оставить, будучи увѣрены, что отъ такой шутки легко она попадетъ въ преисподнюю ада. Сія благоразумная женщина спокойно заперла дверь за собою, и, поставивъ подсвѣчникъ на столикѣ, вскорости крѣпко заснула. Въ полночь внезапно она пробудилась отъ громкаго стука, раздавшагося отъ паденія столика, на коемъ свѣча находилась, и отъ опрокинутыхъ креселъ: она слышитъ по комнатѣ шорохъ, слабые вздохи касаются ушей ея, занавѣсъ отдергивается, и тотчасъ какая-то тяжесть опустилась на край ея кровати. Всѣ другіе на ея мѣстѣ умерли бы отъ страха; г-жа же Дезульеръ привстала на своей постели и, въ темнотѣ протянувъ руку, ощупала что-то косматое, которое однако жъ ни мало вреда ей не наносило. Не могши отгадать, что это значило, она осталась въ семъ положеніи до дневнаго свѣта, съ которымъ могла различать предметы. Какое же было ея удивленіе, когда, разсмотрѣвши

поближе мнимое чудовище, узнала, что то была большая и пресмирная собака, которая, нѣсколько лѣтъ живучи въ замкѣ, на ночь приходила спать въ оную комнату! Тогда, Богъ знаетъ, какъ она смѣялась надъ своими хозяевами, когда они, трепеща отъ страха, пришли освѣдомиться, жива ли она! Сія новость о собакѣ, почитаемой за домоваго, распространилась во всей окрестности, и смѣлость женщины исцѣлила людей отъ безумной ихъ боязни. (*Чит.*: I, 187).

РОДСТВЕННИКИ.

Истинные друзья наши — вотъ самые лучшіе родные; и самыми большими врагами иногда бываютъ дурные родственники. Если мы богаче ихъ, они намъ завидуютъ; если жъ бѣднѣе — они презираютъ насъ.

РОМАНЫ.

Мечтательная жизнь молодыхъ людей, читающихъ безъ разборчивости всякіе романы или учащающихъ театры, или очень предающихся неограниченнымъ желаніямъ и обольщающимъ мечтамъ, подобна сну обманчивому; она исчезаетъ въ то время, когда прельщенный умъ предается обвороженію

сна; она оставляетъ въ душѣ пустоту и погружаетъ оную въ нѣкоторое отвращеніе и унылость. Бывши блестящимъ произведеніемъ воображенія, послѣ онаго находитъ она событія *дѣйствительной жизни* недостаточными, единообразными и дѣлается часто неспособною внимать и слѣдовать совѣтамъ разсудка.

РОПТАНІЯ. — *Чит.*: БЕЗПОЛЕЗНОСТЬ РОПТАНІЙ.

РОСКОШЬ, *расточительность, мотовство.*

Роскошь есть не иное что, какъ трата избытка на ненужныя вещи.

Роскошь питаетъ нѣсколько сотъ нищихъ въ городахъ, а погубляетъ нѣсколько сотъ тысячь въ деревняхъ нашихъ. Земледѣлецъ не имѣетъ одежды отъ того, что надобны другимъ позументы! Для нашихъ кухней надобны мясные бульйоны: а отъ этого столь многіе больные лишаются простой похлебки! Къ нашимъ столамъ потребны деликатныя вина: отъ этого-то земледѣлецъ часто пьетъ одну только воду! Надобна пудра на наши парики: отъ этого многимъ бѣднымъ недостаетъ хлѣба!

Сколь многомысленно сіе изреченіе, приписанное нѣкоторой простой женщинѣ, которая увидѣвъ нѣкогда на первомъ изъ Монарховъ, величайшемъ по его добродѣтелямъ, простую и скромную одежду, сказала ему въ восторгѣ: „Счастливы тѣ народы, которые платятъ за украшеніе вашего платья.“

Не было бы бѣдныхъ, если бъ не было роскошныхъ.

Сколь достойна презрѣнія политика сихъ мнимыхъ Философовъ, кои безпрестанно выхваляютъ намъ роскошь! Они почитаютъ великимъ благомъ чрезмѣрныя издержки богачей; но развѣ это не зло, что они дѣлаютъ таковыя издержки? Они кормятъ бѣдныхъ: но помогать бѣдности нищихъ глупостью богачей, есть исправлять ошибку ошибкою и дѣлать обѣ. Богачи дѣлали бы лучше, ежели бы свое золото зарывали въ землю; тогда они только себя дѣлали бы презрѣнными; но, расточая оное, дѣлаютъ порочными тѣхъ, кои имъ завидуютъ, удивляются или хотятъ подражать. Предки наши мыслили лучше насъ: ни въ какомъ сочиненіи ихъ нѣтъ похвалъ богатству, ни глупаго защищенія роскоши.

Генрихъ IV, который мыслилъ весьма правильно, почиталъ роскошь, (которую могутъ защищать только приверженные

къ ней), по справедливости бичемъ государства, коему она готовитъ разрушеніе и предвозвѣщаетъ паденіе. Видя, что всѣ узаконенія къ обузданію роскоши становятся безполезными, онъ издалъ наконецъ такое, въ коемъ строго запретя всѣмъ своимъ подданнымъ носить золото и серебро на платьѣ, прибавилъ: „исключаются изъ сего только вольныя женщины и мошенники, въ которыхъ мы не принимаемъ такого участія, чтобъ удостоить нашего вниманія ихъ поведеніе. “

Законы противъ роскоши должны простираться на все: на домы, комнаты, мебель, столы, служителей и одежду; ежели одна только часть оставлена будетъ въ небреженіи, то открыта будетъ дверь къ злоупотребленіямъ, которыя распространятся и на все. Чѣмъ строже будутъ учрежденія, тѣмъ менѣе будетъ опасна перемѣна счастія. Богатые будутъ стараться быть сами чѣмъ-нибудь, ежели потеряютъ надежду снискать себѣ честь своими слугами, лошадьми, собаками и платьемъ; бѣдные, бывъ не столь унижены, начнутъ стремиться къ снисканію себѣ почтенія, когда оно сопряжено будетъ съ такими дѣлами, кои общи имъ съ богатыми. Но не понятно, почему сіи законы, толико уважаемые Древними, остаются въ забвеніи въ ны-

нѣшнемъ вѣкѣ, когда нѣтъ ничего легче, какъ привести оные въ исполненіе?

Отъ сего-то недостатка мудрыхъ законовъ погибли богатѣйшія государства, по худому употребленію избытковъ своихъ; отъ сего недостатка Римская республика, бывшая сначала изобильною, пришла въ такое развращеніе, (ибо, по естественному ходу вещей, за роскошью непосредственно слѣдовала порча нравовъ) что Римляне почти не имѣли уже никакого уваженія къ великимъ людямъ бѣднаго состоянія, ни презрѣнія къ богатымъ, жившимъ въ праздности и порокахъ. По причинѣ сего недостатка, превозносили они безразсудныя пиршества роскошнаго *Лукулла* и прочія расточительности, суетныя, презрѣнія достойныя и постыдныя.

Роскошь умножаетъ наши нужды, умѣренность — наши наслажденія. — *Франклинъ* сказалъ: „Кто покупаетъ излишнее, тотъ скоро продастъ нужнѣйшее.“

Съ какимъ равнодушіемъ глупой повѣса вокругъ себя разсыпаетъ золото! Какъ расточаетъ онъ богатства, еще окропленныя родительскимъ потомъ! Доведенный самъ собою до ужаснѣйшей нищеты, онъ узнаетъ наконецъ цѣну богатства.

Бѣдность слѣдуетъ издалека за расточителемъ; она украдкою блюдетъ его, какъ

самую вѣрную добычу свою: чѣмъ болѣе пустѣетъ кошелекъ его, тѣмъ ближе и скорѣе подходитъ она къ нему; и когда безумный истратитъ послѣднюю копейку, тогда она, налагая на него свинцовую руку свою, повергаетъ его въ бездну, изъ которой ужѐ никогда не выдетъ онъ.

Скупость, безъ сомнѣнія, есть порокъ гнусный; но и расточительность не менѣе пагубна. Осужденный Природою испытывать нужды, непрестанно возрастающія, человѣкъ долженъ бросать на будущность взоръ хотя не заботный, но предусмотрительный.

Въ изобиліи и роскоши, человѣкъ весьма рѣдко ощущаетъ наслажденіе дѣлать добро: чувства притупляются отъ непрестанныхъ удовольствій, и душа, такъ сказать, спитъ подъ бременемъ различныхъ страстей, угнетающихъ оную. Есть люди очень богатые, которые жалуются на недостатокъ въ деньгахъ и на скуку въ жизни: не отъ того ли, что издержки ихъ измѣряются всегда желаніями, а желанія возможностью удовлетворенія оныхъ?

Вокругъ богатаго мота вьются, какъ плющь, прихлебатели, льстецы его.

Какъ скоро роскошь Азіятская вкралась въ Римъ, когда Римляне завоевали полсвѣта, то порабощенные нѣгою и уничижен-

ные гнуснымъ самовластіемъ, они измѣнили свои строгіе нравы на забавы и презрительную расточительность; когда, приуча воиновъ къ рабству и неволѣ, *Неронъ* началъ ихъ забавлять пышными зрѣлищами, *Геліогабалъ* своими бронзовыми и порфировыми цирками, — тогда не стало ужѣ въ Римлянахъ ни добродѣтели, ни доблести, ни отечества: Римъ былъ побѣжденъ самимъ же Римомъ!

Пышные домашніе уборы, одежда, экипажи, роскошь стола — все сіе не дѣлаетъ человѣка ни великимъ, ни почтеннымъ, ибо ничто изъ этого не входитъ въ составъ его, но находится внѣ его, и съ нимъ никакого не имѣетъ сродства. Между тѣмъ, въ этомъ большая часть людей поставляютъ свое величіе; думаютъ, что они сами и окружающіе ихъ предметы, какъ то: домашніе уборы, одежда, экипажи, составляютъ какъ бы нераздѣльное съ ними существо, напыщаютъ и увеличиваютъ, сколько можно, сими украшеніями мысль, которую они составили сами о себѣ; а потому почитаютъ себя ужѣ великими людьми, и хотятъ такими казаться въ глазахъ другихъ. Но, дабы здраво судить объ ихъ величіи, надобно разсматривать ихъ однихъ и отдѣльно отъ всего: тогда узнаемъ, что они казались великими и возвышенными

единственно потому, что были разсматриваемы совокупно съ окружающими ихъ предметами. Когда же, для разсмотрѣнія ихъ, мы ограничимся одною токмо ихъ особою, однимъ только собственнымъ ихъ имуществомъ и приведемъ ихъ, такъ сказать, въ истинную мѣру: тогда исчезнетъ весь оный суетный призракъ; они богаты и украшены извнѣ, подобно стѣнамъ ихъ комнатъ; но внутри часто ничего болѣе не найдете, кромѣ ничтожности, низости и бѣдности; а иногда наружный блескъ ихъ скрываетъ даже величайшія злодѣянія и постыднѣйшіе пороки.

Сенека говоритъ: Богъ не могъ лучше унизить всѣхъ сихъ внѣшнихъ благъ, составляющихъ предметъ нашихъ желаній, какъ надѣляя ими часто негодяевъ и злодѣевъ, и отказывая въ томъ обыкновенно людямъ дѣйствительно честнымъ. До чего бы сіи были доведены, если бы о нихъ судили по наружности? И сколь часто истинное достоинство не познается и даже подвергается презрѣнію, потому, что оно скрывается подъ незавидною одеждою и неблистательною наружностью.

Представя съ одной стороны все, что есть блистательнаго: богатство, домашніе уборы, драгоцѣнныя одежды, роскошный столъ, а съ другой — бѣдность, простоту,

умѣренность, скромность, сопровождаемыя побѣдами, пріумфами, Консульствами, Диктаторствами и даже владычествомъ надъ цѣлымъ свѣтомъ, — спрашиваю: какой сторонѣ, сообразно съ здравымъ разсудкомъ, должно приписать благородство и величіе, и къ какой изъ нихъ должно возъимѣть почтеніе и удивленіе? Разрѣшить это не трудно; и сіе - то естественное, а не изученное чувство почитаю я правиломъ, по которому должно судить объ истинной славѣ.

Говорятъ, что роскошь служитъ къ пропитанію бѣдныхъ — на счетъ богатыхъ; какъ будто бы бѣдные не могли полезнѣе достать себѣ пропитанія, умноженіемъ плодовъ земныхъ, не пріучая богатыхъ къ нѣгѣ хитрыми вымыслами роскоши. Народъ привыкаетъ почитать житейскими нуждами вещи излишнія: всякой день вымышляются новыя нужды, и ужѣ нельзя обойтись безъ такихъ вещей, которыхъ за 30 лѣтъ прежде и не знали. Сія роскошь часто называется *утонченнымъ* или *изящнымъ вкусомъ*, совершенствомъ искусствъ, и свѣтскостію народа. Этотъ порокъ, влекущій за собою множество другихъ, похваляется — какъ добродѣтель, и разливаетъ токмо заразу свою на всѣ сословія въ государствахъ. Но кто себя винить станетъ? Незначащіе

люди хотятъ слыть посредственными, — а всѣ вообще дѣлаютъ не по мѣрѣ силъ своихъ, одни изъ пышности и чтобъ превознестись своими богатствами, другіе отъ ложнаго стыда, и чтобъ сокрыть свою скудость; даже и тѣ, которые благоразумно охуждаютъ сполъ великой безпорядокъ, сами не довольно бываютъ благоразумны, чтобъ отважиться первымъ возстать противъ онаго и подать противные примѣры: все государство разоряется; всѣ сословія смѣшиваются. Страсть къ пріобрѣтенію имѣнія для щедрыхъ расходовъ, повреждаетъ и самыя непорочныя души: въ томъ только и дѣло ихъ, чтобъ быть богатыми; скудость же почитается безчестіемъ: будь ученъ, искусенъ, добродѣтеленъ, научай людей, одерживай побѣды, спасай отечество, жертвуй всѣми своими выгодами; но будешь иногда презрѣнъ, если пышность не придаетъ блеску твоимъ дарованіямъ. И самые тѣ, у коихъ нѣтъ имущества, хотятъ казаться избыточными: расточаютъ, какъ будто бы имѣли оное; занимаютъ, обманываютъ, употребляютъ тысячу постыдныхъ уловокъ и хитростей къ полученію онаго. Но какъ отвратить сіе зло? Должно перемѣнить вкусъ и вкоренившуюся привычку цѣлаго народа; кто же предпріять сіе можетъ, какъ не Царь любомудрый, который

бы умѣлъ, примѣромъ собственной своей умѣренности, привести въ стыдъ всѣхъ любящихъ пышность и роскошь и ободрить мудрыхъ, которымъ будетъ пріятно, что утверждаютъ ихъ въ честномъ воздержаніи.

Въ счастіи человѣкъ бываетъ попользованъ къ роскоши; окруженный отвсюду изобиліемъ, не полагаетъ онъ предѣловъ своимъ прихотямъ; духъ его чрезъ то изнѣживается, и приводитъ къ праздности и лѣности, а сіи къ гулянью и мотовству, и наконецъ чрезъ это къ забвенію Бога и добродѣтели. *Александръ*, прозванный великимъ, былъ добродѣтеленъ, доколѣ былъ еще въ нѣкоторой боязни, чтобъ какъ нибудь не поколебалось его счастіе: но когда побѣдами и успѣхами своихъ предпріятій превознесся, предался роскоши, пьянству и велѣлъ себя почитать Богомъ, — тогда помрачилъ славу своихъ благородныхъ склонностей и побѣдъ.

Иные непрестанно собираютъ богатство, а не имѣютъ ничего. Я разумѣю скупыхъ, которые имѣнія своего не владѣтели, но жалкіе приставники. Они собираютъ богатство, чтобъ больше собирать. Сей идолъ у нихъ есть неприкосновенный, которому они жертвуютъ всею своею жизнію. Такіе люди инымъ смѣшны, а мнѣ жалки кажутся: трудятся, изнуряются, суе-

тятся, днемъ безпокоятся, ночью свои кладовыя осматриваютъ, а совсѣмъ тѣмъ ходятъ въ разодранныхъ рубищахъ, весьма худо ѣдятъ и пьютъ, жена не одѣта, дѣти брошены безъ воспитанія, отъ пріятелей бѣгаютъ, сродниковъ чуждаются, и весь свѣтъ порицаютъ мотовствомъ; въ одеждѣ срамны, въ обхожденіи холодны, и отъ непрестаннаго мыслей напряженія—безкровны. *А кто себѣ золъ, тотъ кому добръ будетъ?* написалъ Сирахъ.

Но время видъ свой перемѣняетъ. Когда стали люди просвѣщеннѣе и узнали вѣжливость, то начали гнушаться порокомъ скупости; но, какъ говорятъ, перешли изъ огня въ воду: многіе, вмѣсто скупости, обожать стали блистательную роскошь, или просто сказать, мотовство. Изрядная добродѣтель! не знаю, что изъ нихъ предпочесть одно другому. Скупость своего рачителя безпокоитъ; роскошь влечетъ за собою цѣлый полкъ болѣзней;—скупость своими трудами не пользуется; роскошь чужіе труды пожираетъ; — та отягощаетъ или стѣсняетъ человѣческое сердце; сія разслабляетъ всѣ душевныя силы; — скупость вредитъ тому, кѣмъ она владѣетъ, а роскошь нерѣдко цѣлыя государства разоряетъ. И потому язва роскоши едва ли не смер-

тоноснѣе: ибо не такъ удобно скупость, какъ роскошь, сообщаетъ ядъ свой.

Роскошь вводитъ ежедневныя увеселенія и пагубныя приманки: вводитъ и непомѣрные расходы на одну суету и разслабленіе тѣла и духа; распаляетъ чувственность, погубляетъ чистоту и цѣломудріе, вводитъ прелюбодѣянія, — а отсюда семейственныя несогласія, раздоры, разводы.

Роскошь умножаетъ наши нужды, умѣренность—наши наслажденія.

Роскошь—приманка для плутовъ, предметъ удивленія для дураковъ и презрѣнія для умныхъ.

Примѣры.

Филопеменъ, одинъ изъ величайшихъ Греческихъ героевъ, который своими рѣдкими достоинствами столь много прославилъ Ахайскую республику, и коего самые Римляне, изъ удивленія къ нему, называли послѣднимъ изъ Грековъ, — Филопеменъ обыкновенно одѣвался весьма просто, и часто ходилъ одинъ. Такъ пришелъ онъ однажды въ домъ пріятеля своего, пригласившаго его къ себѣ обѣдать: хозяйка дома, ожидавшая Полководца Ахайскаго, приняла его за слугу, и попросила его помочь ей на кухнѣ, ибо мужа ея не было дома. Филопеменъ

снялъ съ себя плащъ, и началъ рубить дрова. Хозяинъ, возвратясь въ эту минуту, и, увидѣвъ его, вскричалъ отъ удивленія: что это значитъ, почтеннѣйшій Филопемень? — „То, отвѣчалъ онъ, что я плачу за свою дурную наружность.“ — Сей примѣръ во-первыхъ научаетъ, что недолжно судить о людяхъ по наружности: ибо подъ простою одеждой могутъ скрываться рѣдкія достоинства, подобно какъ подъ драгоцѣнною великіе пороки; во-вторыхъ: онъ показываетъ намъ, что надобно имѣть гораздо болѣе твердости и силы ума, нежели какъ думаютъ, чтобъ поставить себя выше народныхъ предразсудковъ и не прогаться мнимымъ стыдомъ, который угодно свѣту соединять съ простымъ, бѣднымъ и скромнымъ образомъ жизни...

Хотя *Сенека* былъ Философъ, или хотѣлъ такимъ казаться, но имѣлъ нѣсколько сего неприличнаго стыда, и самъ въ томъ сознавался, говоря, что крестьянская телѣга, въ коей иногда онъ ѣздилъ въ свой загородный домъ, заставляла его краснѣть противъ воли, когда въ семъ экипажѣ встрѣчался онъ на дорогѣ съ порядочными людьми. Это, говорилъ онъ, есть вѣрное доказательство, что я не искренно

убѣжденъ во всемъ томъ, что говорилъ и писалъ о преимуществахъ бѣдной и умѣренной жизни. Кто краснѣетъ отъ крестьянской телѣги, прибавляетъ онъ, тотъ высоко цѣнитъ великолѣпную колесницу; не смѣетъ же явно объявить себя защитникомъ бѣдности и посредственности, и быть еще внимательнымъ къ сужденіямъ прохожихъ, значитъ — мало имѣетъ успѣховъ въ добродѣтели.

Агезилай, Царь Лакедемонскій, въ семъ отношеніи былъ болѣе Философъ, нежели Сенека. Спартанское воспитаніе содѣлало его твердымъ противъ сего предосудительнаго стыда. Фарнабазъ, правитель одной Персидской области, желалъ заключить съ нимъ миръ, и свиданіе ихъ было на открытомъ полѣ. Первый со всею пышностью и роскошью Персидскаго Двора явился въ пурпуровой одеждѣ, вышитой золотомъ и серебромъ; по землѣ разостланы были прекрасные ковры, а для сидѣнья положены богатыя подушки. Но Агезилай прибылъ въ самой простой одеждѣ, и попросту сѣлъ на землю. Тогда пышность Персіянина устыдилась сего, не могла выдержать таковой противоположности, и отдала почтеніе простотѣ Лакедемонца, подражаніемъ

оной; ибо Агезилая окружало нѣчто гораздо блистательнѣйшее, нежели все золото и серебро Персидское, и дѣлало его почтеннѣе: т. е. его имя, слава, побѣды и ужасъ его оружія, приводившіе въ трепетъ Персидскаго Царя.

Всѣмъ извѣстна знаменитая *Корнеліи*, дочь великаго *Сципіона* и мать Гракховъ: въ Римѣ не было ни одной фамиліи знаменитѣе, и ни одного дома богатѣе ея; одна Кампанская госпожа, пріѣхавъ къ ней погостить, съ пышностію выказала всѣ модные и драгоцѣнные уборы: золото, серебро, серьги, брильянты и проч., думая, что у такой знатной дамы найдетъ еще болѣе, и убѣдительно просила ее, показать себѣ туалетъ свой. Корнелія весьма искусно продолжала разговоръ до возвращенія дѣтей своихъ, которые были тогда въ школѣ; и какъ скоро они вошли: „вотъ, сказала она, указывая на нихъ — мое убранство и мои драгоцѣнности.“ Теперь можно спросить самаго себя: что̀ подумали бы другіе о сихъ двухъ дамахъ? и мы видимъ: сколь много благородная простота одной превышаетъ тщеславное великолѣпіе другой. И дѣйствительно, какое достоинство и какой умъ въ томъ, чтобъ собирать посредствомъ

денегъ множество драгоцѣнныхъ камней, тщеславиться ими и — неумѣть ни о чемъ другомъ говорить! Напротивъ того, какая сила ума, особенно для знатной женщины, поставить себя выше сихъ бездѣлокъ, полагать всю честь и славу въ хорошемъ воспитаніи своихъ дѣтей, не щадить для сего никакихъ издержекъ, и показать, что благородство и величіе души свойственны обоимъ поламъ!

Знаменитый Римлянинъ *Курій*, коего послы Самнитскіе нашли, въ бѣдномъ и маленькомъ домикѣ, сидѣвшимъ у очага и варившимъ коренья, съ негодованіемъ отвергъ ихъ дары, сказавъ: „шотъ, кто можетъ довольствоваться такимъ обѣдомъ, не имѣетъ нужды въ золотѣ.“

Если пышность обѣдовъ и роскошь стола могутъ доставить какую-либо прочную славу: то *Лукуллъ*, Римлянинъ, въ свое время былъ величайшій человѣкъ; но кто не видитъ, какая малость ума или какое безуміе поставлять свою честь и славу въ увѣреніи публики, что онъ всякой день употреблялъ для одного себя чрезвычайныя и напрасныя издержки? Когда же онъ при-

казывалъ, что бы столъ приготовленъ былъ въ его Аполлоновой залѣ, то одинъ обѣдъ долженъ былъ стоить до 50,000 драхмъ, (на наши ассигнаціи 25,000 рублей)!

Герцогъ *Букингамъ* жилъ весьма расточительно, и видя ужѣ самъ, что это будетъ имѣть худой конецъ, сказалъ нѣкогда одному Лорду, живущему очень скупо: „охотно бы я хотѣлъ знать, какъ мнѣ приняться поправить мои доходы?“ — *Такъ жить, какъ я* — отвѣтствовалъ Лордъ. — „О! я успѣю по вашему жить и тогда, когда у меня никакого имѣнія не останется!“

РУМЯНЫ.

Составъ, коего свойство — дѣлать старухъ немного побезобразнѣе, а молодыхъ — менѣе красивыми.

Вмѣсто румянъ, для сбереженія свѣжаго и пріятнаго цвѣта въ лицѣ, должно бы употреблять простыя натуральныя средства: ложиться спать и вставать поранѣе, умываться свѣжею водою, и имѣть побольше движенія, занимаясь рукодѣліями и прогулкою.

РѢЧИ ПРИВѢТСТВЕННЫЯ.

Кратчайшія рѣчи суть лучшія: длинныя наводятъ скуку; сочиненныя не кстати — безполезны, и доказываютъ только свербежъ языка.

Примѣры.

Въ 1666 году, *Людовикъ XIV* проѣзжалъ чрезъ Реймсъ; бургомистръ сего города поднесъ ему вино и сухія груши; рѣчь же, сопровождавшая сей подарокъ, можетъ служить образцемъ: „*Всемилостивѣйшій Государь, мы подносимъ Вашему Величеству наше вино, наши груши и наши сердца. Вотъ все, что мы имѣемъ лучшаго вамъ принести.*“ Восхищенный Король, хлопнувъ Витію по плечу, сказалъ: вотъ такія рѣчи я люблю!

Генрихъ IV весьма былъ утомленъ большою репирадою, которую онъ сдѣлалъ для вспоможенія Камбрэ, и во время проѣзда его чрезъ городъ Аміень, пришли сказывать ему рѣчь. Ораторъ началъ ее титулами: *величайшій, милостивѣйшій, великодушнѣйшій* ..... „Прибавьте еще, сказалъ Король—*утружденнѣйшій*; теперь пойду я отдохну, и выслушаю конецъ въ другой разъ.“—

САМОБЛЮДЕНІЕ.

Самоблюденіе и самолюбіе различны: первое повелѣно Богомъ, второе въ началѣ испорчено гордостію. (*Ал. Суворовъ*).

САМОЛЮБІЕ.

Самолюбіе есть орудіе полезное, но опасное; часто оно поражаетъ руку пользующагося онымъ и рѣдко дѣлаетъ добро безъ зла.

Себялюбъ не можетъ быть ни вѣрнымъ другомъ, ни истиннымъ благотворителемъ.

Самолюбіе небрежетъ о наибольшей части общественныхъ добродѣтелей.

Самолюбіе препятствуетъ человѣку быть умнымъ: оно не допускаетъ его внимать доказательствамъ другихъ.

Самолюбіе — волшебное зеркало, въ которомъ обыкновенный человѣкъ представляется великимъ, глупецъ мудрымъ, праздно-любецъ трудолюбивымъ, дурной красавцемъ, скучный остроумнымъ, и проч.

САМОУБІЙСТВО.

Сіе зло происходитъ отъ худаго воспитанія, отъ чтенія книгъ одобряющихъ самоубійство, отъ случившихся примѣровъ, отъ презрѣнія и незнанія закона, отъ мнимаго просвѣщенія, отъ напряженнаго духа воинственнаго, отъ худыхъ нравовъ, отъ злоупотребленія крѣпкихъ спиртуозныхъ напитковъ, отъ полнокровія и желчныхъ нечистотъ въ желуд-

кѣ. Если человѣкъ при воспитаніи съ малолѣтства не научится уважать правилъ Священнаго Писанія и закона, выполнять должности общественныя, переносить превратности человѣческой жизни; тогда онъ будетъ болѣе расположенъ къ лишенію себя жизни, какъ скоро случится съ нимъ какое-нибудь огорченіе или несчастіе.

Сколько было людей, коихъ бѣдность или печали побудили посягать на свою жизнь, и кои были отвращены отъ онаго прилѣжными стараніями, утѣшеніями, надеждою на лучшее будущее и хорошею пищею! Нравственность и религія могутъ отвратить желаніе къ самоубійству, зависящее отъ страстей или отъ сильныхъ движеній душевныхъ.

Однако нѣкоторые Медики предлагаютъ лекарство собственнодѣйствующее противъ самоубійства. Нѣкоторые изъ нихъ увѣрены, что печенка есть главная причина болѣзни, что желчь есть первое начало: и они совѣтуютъ давать слабительныя, очищающія печень. Другіе жъ совѣтуютъ пустить кровь излишнюю, дабы очистить засоренные сосудцы въ мозгу. Славный *Теденъ* и Докторъ *Леруа* совѣтовали изобильное питье чистой и холодной воды, и почитали ее собственнодѣйствующимъ лекарствомъ отъ склонности къ самоубійству.

Теденъ говоритъ, что онъ испытывалъ это надъ собою и надъ другими. — Если жъ сія болѣзнь происходитъ отъ слабости и великаго разслабленія, тогда должно давать по 30 грановъ хины съ шестою долею грана опіума и съ двумя гранами мускуса, черезъ два часа.

Примѣръ 5.

Одна женщина, послѣ нѣсколькихъ огорченій, почувствовала запоръ мѣсячныхъ кровей, получила головную боль и желаніе прекратить свою жизнь; спустя четыре мѣсяца, она уходитъ изъ своего дома, оставляетъ письмо къ мужу своему: что жизнь ей наскучила и что она идетъ утопиться; она приходитъ въ Сенъ-Клу, чтобъ совершить свое намѣреніе, не желая притомъ, чтобъ найдено было мертвое тѣло ея; но, во время дороги, мѣсячныя крови у ней открываются, и потчасъ она очень хорошо почувствовала свое заблужденіе и отдумала лишить себя жизни.

СВОБОДА НРАВСТВЕННАЯ.

Свобода есть право человѣка поступать по своему благоусмотрѣнію во всемъ томъ, что не вредитъ другимъ людямъ.

*

Величайшее благо въ жизни — есть свобода. Ничего не можетъ быть пріятнѣе ея. *(Стернъ)*.

Тамъ нѣтъ добродѣтели, гдѣ нѣтъ свободы.

Тотъ единственно можетъ быть свободенъ, кому для исполненія воли своей не надобно приставлять къ своимъ рукамъ чужихъ (или: кто не имѣетъ нужды въ чужихъ рукахъ).

Одинъ мудрецъ свободенъ, всякой невѣжда — рабъ. *(Цицеронъ.)*

Что такое свобода? говоритъ *Цицеронъ*. — Это возможность жить по своей волѣ. — Кто же такъ живетъ? Не тотъ ли, кто, любя правду и обязанность свою, имѣетъ въ виду цѣль сей жизни; кто не страшась законовъ, благоговѣетъ предъ ними и почитаетъ ихъ спасительными; кто, обожая одну добродѣтель, равнодушенъ ко всѣмъ драгоцѣнностямъ, торжествуетъ надъ непостоянымъ и коварнымъ счастіемъ, и самъ, такъ сказать, управляетъ своею судьбою. Такъ — одинъ добродѣтельный дѣйствуетъ безъ принужденія, живетъ безъ раскаянія — онъ одинъ свободенъ; всякой порочный — невольникъ.

Наша душа одарена свободою. Посему мы не какъ машины, стремленіемъ управляемыя, но съ разсужденіемъ и совѣтомъ

непринужденно избираемъ доброе или злое подъ видомъ добраго. Премудрый Творецъ, дарованною намъ свободою предуготовлялъ для насъ путь къ блаженству; ибо извѣстно, что гдѣ нѣтъ свободности, тамъ нѣтъ ни наказанію, ни награжденію мѣста. Если бы ты былъ всегда склоненъ только къ единому добру, то не можно бъ было тебѣ прямо приписать ни добродѣтели, ни заслуги, ни чести: ты былъ бы тогда нѣкоторое невольное орудіе, управляемое другимъ, а не собою казался бъ ты хорошимъ; но сія доброта, какъ не твоя, не отъ твоего произвола и тщанія происшедшая, не приносила бы тебѣ никакой чести, ни славы, ни награды. Нѣтъ! Богъ премудрый тебя иначе устроилъ, чтобъ болѣе тебя прославить и возвеличить: далъ тебѣ произволеніе, посему ты сталъ склоненъ къ добру, но — сталъ склоненъ и къ худому. — Чѣмъ же болѣе кто употребляетъ благоразумной осторожности, чѣмъ больше ограждаетъ сердце свое страхомъ Божіимъ; тѣмъ болѣе находитъ въ себѣ силы побѣждать порокъ и отражать страсть: а изъ сего видимъ, что отъ нашего произвола и расположенія зависитъ — отдать себя добродѣтели, или въ порабощеніе порока.

СВОЕВОЛЬСТВО.

Своевольство есть злоупотребленіе свободы. Оно доводитъ до величайшихъ крайностей, тѣмъ болѣе, что своевольникъ не терпитъ обузданія, — не знаетъ предѣловъ. Я сравню его съ тѣми разъяренными животными, кои, не слушая болѣе голоса управляющаго ими, увлекаютъ за собою колесницу, въ которую запряжены, и не прежде оставляютъ ее, какъ совершенно разрушивши. — Отдавшись въ волю страстей, рѣдко мы возвращаемся къ своей обязанности безъ какого-либо ужаснаго приключенія; а раскаяніе, приводящее насъ къ оному, есть строгій наставникъ. Сколь тяжело принимать тогда его уроки!...

СВОЙСТВА ЛЮДСКІЯ.

Многіе звѣри и птицы превосходятъ человѣковъ нѣкоторыми свойствами: *голубь* простотою, *муравей* прилѣжаніемъ и трудолюбіемъ, *журавль* бдѣніемъ, *собака* любовію и вѣрностью, *волъ* и *оселъ* познаніемъ своего господина, *овца* кротостью, *левъ* храбростію и щаженіемъ малыхъ звѣрковъ, *пѣтухъ* бодростью, *змѣя* мудростію. Но человѣкъ въ состояніи поврежденной своей природы, превосходитъ всѣхъ звѣрей зло-

стію: онъ немилосердѣе волка, коварнѣе лисицы, гордѣе павлина, прожорливѣе свиньи, ядовитѣе змія, свирѣпѣе медвѣдя. Многія злыя свойства, особенно въ разныхъ звѣряхъ обрѣтаемыя, въ совокупности находятся иногда въ одномъ человѣкѣ.

СВЯТОСТЬ.

Святость состоитъ не въ чрезвычайныхъ и блистательныхъ дѣлахъ, но въ правдѣ и въ простотѣ сердца; чада Божіи ищутъ не того, чтобъ удивлять людей, но чтобъ угождать небесному своему Отцу.

СЕРДЦЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЕ.

Евангеліе говоритъ: *блаженны чистые сердцемъ; ибо они Бога узрятъ*. Чистое же сердце есть сердце непорочное, ни въ чемъ себя незазирающее. Будучи страстьми не обольщенно, оно не можетъ любить ничего столько, какъ благо верховное и неизмѣнное. Мы не чувствуемъ радостнаго въ совѣсти восторга потому, что столь очарованы сладострастными чувствами, что иного удовольствія, кромѣ мірскаго и плотскаго, не только не желаемъ, но и — чтобъ было кромѣ сего другое какое-либо, не понимаемъ; — не чувствуемъ мы любви къ

Богу потому, что привязаны единственно къ міру сему; и чтобъ было что-нибудь послѣ жизни сей, или для праведныхъ воздаяніе, или для злочестивыхъ наказаніе, намъ все то невѣроятнымъ кажется, или несто-ющимъ нашего о томъ размышленія; — не чувствуемъ любви къ ближнему потому, что мы заражены чрезмѣрнымъ самолюбіемъ, и никого не любимъ, кромѣ самихъ себя; не умѣемъ говорить языкомъ истины, потому что сердце наше развратно. Каковъ по содержанію подлинникъ, таковъ и переводъ. Языкъ есть истолкователь сердца. Сердце злобно, потому и языкъ язвителенъ. Сердце непостоянно, потому и языкъ лестенъ. Сердце завистливо, потому и языкъ клеветливъ. Сердце нечисто, потому и языкъ произноситъ скверныя слова. Сердце къ однѣмъ мірскимъ прелестямъ привязано, потому и языкъ одно только мірское и суетное говоритъ; а божественнаго и духовнаго говорить или не хочетъ или не умѣетъ.

СИЛА *или могущество* РЕЛИГІИ.

Гуссенъ, сынъ Великаго *Али*, сидѣлъ за столомъ; одинъ изъ его невольниковъ уронилъ ненарочно блюдо съ горячимъ кушаньемъ; *Гуссенъ* бросаетъ на него свирѣпый

взглядъ; невольникъ же, испуганный, повергается къ его стопамъ, говоря слѣдующія слова изъ Алкорана: „*Рай отверстъ лишь тѣмъ, кои воздерживаются отъ гнѣва.*“—*Гуссенъ* отвѣчаетъ ему съ холодностію: „Я не сержусь.“ Невольникъ продолжалъ слова того же стиха: „*и которые прощаютъ оскорбляющимъ ихъ.*“ *Гуссенъ*, не смотря на него: „я тебя прощаю.“ Невольникъ продолжаетъ стихъ: „*и Богъ любитъ наиболѣе тѣхъ, кои творятъ добро за зло.*“ *Гуссенъ*, простирая къ нему милостиво руку: „встань; я даю тебѣ свободу и еще четыреста драхмъ.“ При сихъ словахъ невольникъ приноситъ тысячу благодарностей сему добродѣтельному Гуссену.

СИЛА ТѢЛЕСНАЯ, *мощность.*

Все, что натура производитъ непринужденно, получаетъ въ наслѣдство силу и крѣпость; этому служитъ доказательствомъ дикая лошадь въ сравненіи съ ручною. — Изнѣженный житель Парижа или Лондона, живущій въ лѣности, не можетъ, съ своими нѣжными руками, вызвать на борьбу крѣпкаго поселянина, или горнаго жителя, привыкшаго, въ своихъ горахъ, защищаться отъ свирѣпства Турокъ, охраняя себя.

Тѣла дѣйствующія свободно на чистомъ воздухѣ, распредѣляютъ съ точнымъ равенствомъ и согласіемъ питаніе и силу по всѣмъ своимъ частямъ, между тѣмъ какъ продолжительный покой разслабляетъ члены. Слѣдуя оному закону жизненной экономіи, силы стекаются въ то мѣсто, куда ихъ призываютъ.

Слѣдственно вся тайна — быть сильнымъ, состоитъ въ тѣлодвиженіи и правильномъ распредѣленіи силъ. (Чит. *Тѣлодвиженіе.*)

Совершенство силы и крѣпости бываетъ особенно отъ 30 до 40 лѣтъ; сіи лѣта суть средина жизни и самая высочайшая степень силы и дѣятельности органовъ; это есть время великихъ дѣлъ, высокихъ мыслей и мужественности тѣла и ума. Если кто ни къ чему не способенъ въ сіи лѣта, тотъ никогда уже не будетъ способенъ ни къ чему.

Древніе народы сохраняли силы и твердость тѣла тремя средствами: 1., пищею мясною изобильною; 2., ежедневнымъ тѣлодвиженіемъ всѣхъ членовъ своихъ; наконецъ, 3., воздержностью или отчужденіемъ забавъ разслабляющихъ, особенно любострастныхъ или чувственныхъ.

Пища мясная дѣйствительно имѣетъ великое вліяніе на силу, ибо мы видимъ всѣхъ

звѣрей, питающихся мясомъ, несравненно крѣпче и сильнѣе тѣхъ, кои питаются травами. Левъ и тигръ побѣждаютъ и берутъ верхъ, безъ всякаго напряженія, надъ сильнѣйшими четвероногими животными, какъ то: слономъ или носорогомъ.

Но, безъ тѣлодвиженія, соотвѣтственнаго мясной пищѣ, сочной и питательной, она сдѣлалась бы весьма вредною: произошло бы опасное полнокровіе, болѣзни гнилыя и смертельныя. Ничто такъ не способно лопнуть какъ сосудъ переполненный, когда упорствуютъ болѣе наполнять его. Апоплексія или ударъ крови бываетъ часто послѣдствіемъ полнокровія. Для сего необходимо надобно упражняться въ тѣлодвиженіи, чтобъ сдѣлаться здоровымъ и мощнымъ.

Ни что такъ не уменьшаетъ силъ тѣлесныхъ, какъ излишество въ чувственныхъ наслажденіяхъ и пьянство. — Цѣломудріе и трезвость суть источники силы.

СКРОМНОСТЬ, *простота.*

Скромность въ мужчинѣ драгоцѣнна. Скромность въ женщинѣ безцѣнна.

Ничтожность человѣческая рѣдко является безъ гордости или надменности; истинное жъ достоинство обыкновенно сопровождается скромностью. Сколько хва-

ствовство насъ раздражаетъ и уязвляетъ, столько же скромность заставляетъ насъ удивляться и почитать себя. Ею-то мудрый человѣкъ возвышается надъ безразсуднымъ, и сія добродѣтель навсегда будетъ принадлежать тѣмъ, которые предпочитаютъ ее суетнымъ дѣламъ человѣческимъ.

Ничто въ свѣтскомъ обращеніи столько не принадлежитъ къ хорошему вкусу, какъ скромность относительно къ себѣ и вниманіе относительно къ другимъ.

Какъ мила скромность, особливо если она соединена съ преимуществами, которыя не всякому даны въ удѣлъ!

Будьте скромны, никто незатруднится уважать васъ; но если вы будете стараться сами, вашими разговорами, увѣрять другихъ въ вашихъ достоинствахъ, этого уже довольно, чтобъ всѣ усомнились въ оныхъ и съ пренебреженіемъ на васъ смотрѣли.

Примѣры.

Канцлеръ *Бакопъ*, одинъ изъ величайшихъ людей въ Англіи и геній своего вѣка, имѣлъ столько же скромности, сколько достоинствъ. Королева *Елисавета*, осматривая области свои, желала видѣть въ Редгравѣ сельскій домъ, построенный Бакономъ

еще тогда, когда онъ не имѣлъ состоянія. Обозрѣвши оный, Королева сказала ему: вашъ домъ очень малъ, Г. Канцлеръ. — „Государыня! отвѣтствовалъ Баконъ, домъ мой былъ бы довольно великъ для меня; но Ваше Величество сдѣлали меня слишкомъ великимъ для моего дома.“

Англичане назвали Императора Россійскаго Александра I, по вступленіи Его въ Парижъ, Александромъ Великимъ. Онъ отвѣчалъ: „*Я не великій, а обыкновенный. Но велика у меня Россія, которою я имѣю счастіе управлять; что сдѣлано, то все сдѣлано ею.*“

Нѣкто сказалъ Императору Александру I-му: мы уже давно ожидали и желали прибытія вашего въ Парижъ. — „*Я бы и пришелъ ранѣе,* отвѣтствовалъ Монархъ, *но виною моей медленности была храбрость Французовъ.*“

СКУКА, *грусть, горесть.*

Скука есть ужаснѣйшая непріятельница человѣка. Она даже опаснѣе бѣдности; ибо сія нерѣдко услаждается надеждою сча-

стливой будущности или воспоминаніемъ минувшаго благоденствія. Она тягостнѣе печали; ибо человѣкъ можетъ противопоставить сей послѣдней твердость характера, сознаніе внутренняго своего достоинства или непоколебимое упованіе на Промыслъ. Скука напротивъ исключаетъ всѣ сіи высокія чувства и, поселяя пустоту въ сердцѣ, постепенно разрушаетъ въ насъ благороднѣйшія нравственныя способности. — Люди, достигшіе по видимому высокой степени счастія, болѣе прочихъ подвержены скукѣ. Потребности и желанія, сіи два источника жизненныхъ наслажденій, равно для нихъ истощаются. Пресыщеніе имѣетъ въ семъ случаѣ одни послѣдствія съ единообразіемъ: оно портитъ вкусъ, переходитъ въ нелѣпыя и предосудительныя утонченности, словомъ, порождаетъ скуку. Нѣкоторые стараются избѣгнуть ея преслѣдованій, кружася въ вихрѣ большаго свѣта; но — чувствуютъ себя одинокими посреди блестящихъ собраній. Они забываютъ, что всѣ крайности имѣютъ одинакія послѣдствія. Скука земныхъ Владыкъ и вельможъ наносила нерѣдко горестную участь ихъ подчиненнымъ. Если бы *Неронъ* умѣлъ проводить дни свои подобно *Титу*, то — для разсѣянія своей скуки — не прибѣгалъ бы онъ къ постыднымъ утонченіямъ ти-

ранства и разврата. Пожаръ Рима могъ быть пріятнымъ зрѣлищемъ для такой только души, въ коей господствовала ужаснѣйшая пустота, обыкновенный плодъ пресыщенія и нравственной ничтожности!

Занятіе есть лучшее, можно сказать, единственное средство противъ скуки. Душа человѣческая имѣетъ свои потребности, равно какъ и тѣло. Способности ея должны быть въ непрерывной дѣятельности; въ противномъ случаѣ приходятъ онѣ въ постепенное изнеможеніе и наконецъ совершенно угасаютъ. Одинъ Писатель справедливо сказалъ, что лѣность пролагаетъ обыкновенно дорогу скукѣ. Одни только праздные люди имѣютъ причину жаловаться на скоротечность времени. День довольно дологъ для того, кто умѣетъ его раздѣлить и употребить съ пользою. — Страсти могутъ также служить для разсѣянія скуки; но въ семъ случаѣ лекарство бываетъ иногда опаснѣе самой болѣзни.

Скука и тунеядство суть источники всѣхъ пороковъ. Скука есть болѣзнь праздныхъ людей, происходящая отъ лѣности и бездѣйствія. Люди, незанимающіеся полезными предметами и упражненіями, переходятъ отъ мучительной скуки къ роскоши и распутству; препровождаютъ день и ночь въ карточной игрѣ и пьянствѣ; рас-

точая свое имѣніе на разныя распутства, теряютъ свое здоровье, и влекутъ жизнь несчастную, исполненную мучительныхъ и неисцѣлимыхъ болѣзней.

Трудолюбіе есть вѣрное лекарство отъ скуки; одни только дураки не умѣютъ найти себѣ занятія; они-то по большой части подвержены сей болѣзни. Богатые и изобильные во всемъ, заражаются иногда сею болѣзнію.

Скука производитъ тягость и слабость во всѣхъ частяхъ тѣла; препятствуетъ свободному обращенію крови, и заставляетъ зѣвать; отъ сего соки, медленно обращаясь въ сосудцахъ, накопляются во внутренности и препятствуютъ варенію пищи и отдѣленію питательныхъ соковъ.

Тягостное ощущеніе скуки погружаетъ въ задумчивость, глубокое уныніе, безуміе, и наконецъ влечетъ къ самоубійству. Ипохондрія, истерика и другія нервныя болѣзни происходятъ отъ скуки.

Какое средство отъ скуки? Она слѣдуетъ за нами на балъ, въ театръ, на гульбище, за чайной столикъ; словомъ, нигдѣ нельзя укрыться отъ нее. Весьма справедливо, что это все не поможетъ. Но — есть одно средство, только не для всѣхъ пріятное: *отправленіе какой-нибудь должности.*

СКУПОСТЬ.

Что такое скупость? Произвольная нищета, соединенная съ заботами и презрѣніемъ. Это отвратительная страсть, умерщвляющая въ насъ самыя благородныя и человѣколюбивыя склонности. Она единственный порокъ, несовмѣстный съ великостію, благотворительностью, великодушіемъ, человѣколюбіемъ, довѣренностью и откровенностію, съ прямою любовію и прямою дружбою, съ нѣжностію родительскою и привязанностью сыновнею.

Бѣдный — говоритъ Сенека — *терпитъ недостатокъ во многомъ, скупецъ во всемъ.* Скупецъ безполезенъ для другихъ и въ тягость самому себѣ. Скупость умерщвляетъ въ насъ самыя благородныя и человѣколюбивыя склонности; производитъ обманы, ябеду и все извѣстное подъ именемъ любостяжанія.

Едва ли можно найти порокъ здравому разсудку противнѣе сребролюбія: ибо сребролюбецъ позоритъ честь, жизнь и душу свою, лишь бы только имѣть ему въ цѣлости свои сокровища, отъ коихъ онъ никакой другой выгоды не получаетъ, кромѣ одной муки отъ попеченія своего о нихъ, отъ безпокойства въ храненіи оныхъ, и отъ неправды, съ которою онъ ихъ старается

усугублять. Сей скряга мнитъ себя быть господиномъ своего имѣнія; а того не видитъ, что онъ самъ рабъ онаго, имѣющій къ нему толь великое уваженіе, что и коснуться его не смѣетъ. Онъ никого не любитъ, а за это и его никто: да, кажется, и самого себя онъ не любитъ. Чѣмъ больше сундуки его наполняются, тѣмъ больше умножается скупость его.

Онъ оставляетъ великое имѣніе такимъ наслѣдникамъ, которые ничего въ свѣтѣ такъ не желаютъ, какъ видѣть его скорѣе въ гробѣ. Сколь велико такое безумство!

Есть такіе чудные скупяги, кои захотятъ скорѣе умереть, нежели истратить нѣсколько копѣекъ на лекарство.

Скупой дѣлаетъ одно только хорошее: что умираетъ.

Спросили *Діогена*, кому подобенъ скупой? Онъ отвѣчалъ: свиньѣ; ибо она бываетъ намъ гораздо полезнѣе послѣ своей смерти.

Скупость похищаетъ у другихъ, дабы себѣ во всемъ отказать.

Примѣры.

Нѣкогда Аббатъ *Ренье*, какъ Секретарь Французской Академіи, ходя съ шляпою, со-

бираль съ Академическихъ членовъ, на нѣкоторые расходы, съ каждаго по луидору; но, Аббатъ не видавъ, что одинъ изъ сихъ членовъ, а именно — Президентъ *Розе*, весьма скупой человѣкъ, положилъ что-то ему въ шляпу, подошелъ къ нему съ оною вторично; Президентъ увѣрялъ его, что онъ надлежащее ему уже отдалъ. *Я вѣрю*, отвѣтствовалъ Аббатъ Ренье: *но я того не видалъ*. „*А я*, сказалъ на то *Фонтенель*, который подлѣ его стоялъ, *видѣлъ то, но не вѣрю*.“

Въ присутствіи нѣкоторой госпожи хвалили разумъ одного весьма ограниченнаго въ умѣ человѣка. *Конечно*, сказала она, *ему надобно имѣть онаго много, потому что онъ весьма на него скупъ, и никогда его не тратитъ*.

Нѣкоторый скупяга — какъ зимою, такъ и лѣтомъ, все жилъ по деревнямъ, для того только, что въ нихъ содержаніе дешевле городскаго. По многократнымъ просьбамъ родственниковъ своихъ и друзей, хотя и согласился онъ однажды, для посѣщенія ихъ, на малое время пріѣхать въ городъ; но лошадей своихъ по пріѣздѣ тотчасъ отослалъ въ деревню обратно, чтобъ въ городѣ не-

покупать для нихъ овса и сѣна. Черезъ нѣсколько дней, друзья его и знакомцы упросили деревенскаго своего богача проѣздиться верьхами за городъ: на сей случай принужденъ былъ онъ нанять верьховую лошадь, и далъ извощику въ задатокъ нѣсколько денегъ; но между тѣмъ произошли у пріятелей его нѣкоторыя необходимости, которыя верьховую ихъ прогулку остановили. Деревенской нашъ скупяга пришелъ отъ того въ пребольшое безпокойство: онъ самъ на себя досадовалъ и роптalъ за то болѣе, что чортъ его дернулъ такъ рано дать ямщику задатку полталера; словомъ сказать, онъ бы пришелъ отъ того въ нѣкоторой родъ отчаянія, еслибъ не вздумалъ слѣдующаго обмана — воротить свои деньги: онъ тотчасъ побѣжалъ на постоялой дворъ, будто бы посмотрѣть нанятую свою верьховую лошадь, которую, какъ указалъ ему ямщикъ, онъ долгое время осматривалъ кругомъ, а наконецъ своею простью сталъ ее мѣрять сперва отъ головы до хвоста, потомъ съ хвоста до головы. Ямщикъ, смотря на всѣ сіи странные пріемы, спросилъ у мнимаго будущаго своего сѣдока, на что онъ вымѣряетъ лошадь его? „*А! мой другъ*, отвѣчалъ ему скряга: *я смотрю, довольно ли длинна твоя лошадь, и можно ль на ней троимъ усѣсться.*“ — *Какъ!* сказалъ на это

съ гнѣвомъ извощикъ, *не думаете ль вы, чтобъ я, бросившись на ваши деньги, такимъ образомъ далъ мою животину измучить. О! нѣтъ, сударь, вотъ вамъ задатокъ вашъ назадъ.*

Шапелень со многими достоинствами соединялъ гнусную скупость. Въ одинъ день вышедши изъ дому, чтобы явиться въ собраніе Академическое для полученія двухъ или трехъ жетоновъ, былъ онъ заспиженъ бурею. Дождь по канавѣ текъ какъ рѣка; услужливые, въ томъ мѣстѣ, гдѣ надобно было проходить Шапеленю, положили дощечку, за переходъ коей просили однако самую незначащую плату. Но онъ не хотѣлъ заплатить, и выжидалъ, какъ протечетъ вода. Видя же, что уже было три часа, пустился въ воду по самое колѣно и перешелъ на другую сторону. Боясь, чтобъ въ Академіи не узнали объ его поступкѣ, онъ не подошелъ къ огню, а сѣлъ подлѣ одного письменнаго столика, подъ который положилъ мокрыя свои ноги. Холодъ распространился отъ ногъ по всему тѣлу его; онъ получилъ простуду въ груди, отъ которой и умеръ. Послѣ его смерти осталось наличныхъ денегъ 50,000 ефимковъ!

СЛАБОСТИ, *недостатки, погрѣшности.*

Великое вниманіе, которое обыкновенно мы имѣемъ — замѣчать погрѣшности чужія, дѣлаетъ то, что мы и умираемъ, не имѣя времени узнать свои.

Нѣтъ человѣка, который бы не имѣлъ своихъ недостатковъ или слабостей. Наилучшій есть тотъ, который менѣе ихъ имѣетъ.

Если бъ мы не имѣли погрѣшностей, то не замѣчали бы ихъ съ большимъ удовольствіемъ въ другихъ.

Примѣръ.

Генрихъ IV сказалъ нѣкогда *Габріели*, которая интриговала противъ *Сюлли:* „знаете ли вы, сударыня, что я пожертвую сотнею такихъ женщинъ, какъ вы, для одного такого друга, каковъ Сюлли!“ — Когда Монархи имѣютъ довольно величія — говоритъ такимъ образомъ о любезныхъ женщинахъ, тогда народы и Исторія забываютъ или извиняютъ ихъ слабости.

СЛАВА ИСТИННАЯ И ВЕЛИЧІЕ.

Слава есть почтеніе отъ людей, пріобрѣтенное нашими дѣяніями и трудами по-

лезными и продолженное до будущихъ вѣковъ; въ недостаткѣ славы, могущей быть удѣломъ только малаго числа людей отличныхъ, счастливыми обстоятельствами вспомоществуемыхъ, *почтеніе другихъ* и *уваженіе*, получаемыя за свой нравъ и поведеніе въ томъ кругу общественномъ, гдѣ мы живемъ, суть также средства къ благополучію.

Добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ, говоритъ старинная Русская пословица.

Все, находящееся внѣ человѣка, все, что могутъ имѣть общаго добрый и злый, не дѣлаетъ человѣка почтеннымъ. Надобно судить о человѣкѣ по сердцу: отъ него проистекаютъ великія намѣренія, дѣянія и добродѣтели. Истинное величіе, съ коимъ не можетъ равняться гордость и коему не можетъ подражать пышность, заключается токмо въ личныхъ качествахъ и въ благородствѣ чувствованій. Быть добрымъ, благодѣтельнымъ, уважать богатство только для того, чтобы раздавать его, почести — дабы служить своему отечеству, силу и довѣренность — дабы быть въ состояніи обуздывать порокъ и оказывать честь добродѣтели, быть истинно честнымъ человѣкомъ, не стараясь таковымъ казаться; предпочитать всему общественное благо, жертвовать для него своимъ

имѣніемъ и спокойствіемъ, своею жизнію и славою, если то нужно: вотъ что дѣлаетъ человѣка великимъ и истинно достойнымъ почтенія.

Отдѣлите честность отъ прекрасныхъ дѣяній и самыхъ почтенныхъ качествъ: что̀ тогда будутъ они, какъ не предметъ презрѣнія? Излишнее употребленіе вина въ *Александрѣ* (Македонскомъ), убійство лучшихъ его друзей, ненасытная жажда похвалъ, тщеславное желаніе быть чтимымъ за сына Юпитера: все сіе дозволяетъ ли почитать сего Государя истинно-великимъ? — Когда видимъ, что *Марій* и *Силла*, для утвержденія своей власти, проливаютъ потоки крови Римскихъ гражданъ: то можемъ ли считать за великость всѣ ихъ побѣды и тріумфы?

Напротивъ того, внимая — что Императоръ *Титъ̀*, когда въ одинъ день не случилось ему сдѣлать никому добра, изрекъ сіи слова, содѣлавшіяся столь знаменитыми: *друзья! этотъ̀ день у меня потерянъ̀;* а другій, *Неронъ̀*, которому когда принесли подписать смертный приговоръ, сказалъ: *желательно мнѣ, чтобъ̀ на сей разъ̀ не умѣлъ̀ я писать;* когда *Сципіонъ̀* еще въ юности мужественно преодолѣвалъ любовь, страсть, почти всѣхъ покоряющую; когда Трибунъ народный, извѣстный врагъ сего

самаго Сципіона, съ жаромъ защищаетъ его противъ несправедливыхъ обвинителей и злоумышленниковъ его; когда, говорю, читаемъ въ Исторіи о какихъ-либо подвигахъ щедрости, великодушія, безкорыстія, милосердія, забвенія обидъ, — то можемъ ли отказать имъ въ почтеніи и удивленіи, и одно о нихъ повѣствованіе не трогаетъ ли сердца нашего! Когда читаешь о таковыхъ дѣяніяхъ, то можно ли противиться впечатлѣнію, производимому ими надъ сердцемъ! Сей-то гласъ и сіе-то свидѣтельство совѣсти справедливой, здравой, чистой и еще неиспорченной худыми началами и примѣрами, должны составлять правило нашихъ сужденій и какъ бы основаніе прочной славы и истиннаго величія. И такъ должно быть внимательнымъ къ сему гласу, и во всемъ съ нимъ совѣщаться и сообразоваться.

Великій человѣкъ въ счастіи отличается умѣренностью, въ несчастіи равнодушіемъ, въ трудностяхъ благоразуміемъ, въ опасностяхъ бодростью, въ вѣрѣ благочестіемъ.

Одушевлено ли добродѣтелью его сердце: тогда желанія его непорочны, надежды благоразумны, любовь къ Богу чистѣйшая, человѣколюбіе безъ лицепріятія, искренность безъ лести, благотворенія безъ надменности.

Я почитаю, сказалъ нѣкто, великими людьми только тѣхъ, кои оказали великія заслуги или вспоможеніе человѣческому роду.

Слава основывается болѣе на подвигахъ и трудахъ полезныхъ, нежели на подвигахъ и трудахъ блестящихъ. Кардиналъ *Рецъ* и *Карлъ XII* трудились только для знаменитости, *Петръ I* — для славы.

Огромное царство *Александра* Македонскаго рушилось съ смертію сего Государя. Законы, Науки, Искуства и торговля — вотъ твердыя основы истиннаго и прочнаго величія царствъ, ибо они даютъ имъ вліяніе на сосѣдей.

Римляне были страшны при Ромулѣ, но уважаемы только при *Нумѣ*. Сила, несодружившаяся съ мудростью, благоразуміемъ и правосудіемъ, скоро теряетъ власть свою.

СЛЕЗЫ.

Альфонсъ Кастильскій говаривалъ, что онъ менѣе страшится оружія своихъ непріятелей, нежели слезъ своего народа. Вотъ чувствительность Государя!

СЛОВО, *даръ слова.*

Какъ сильно дѣйствуетъ слово человѣческое на нравственную нашу природу! Бла-

говорнымъ его содѣйствіемъ разумъ образуется, понятія раскрываются, и умъ, такъ сказать, возрастаетъ. Чрезъ слово дѣти и юноши научаются и питаются млекомъ благодати; чрезъ слово вселяются въ нихъ (хотя, къ несчастію, весьма рѣдко) небесныя истины и спасительныя правила, долженствующія ихъ руководствовать къ цѣли ихъ бытія. Слово образуетъ нѣжныя сердца ихъ, внушаетъ въ нихъ любовь къ добродѣтелямъ, и пламенную ревность къ исполненію всѣхъ обязанностей. Слово питаетъ умъ истиною. Оно открываетъ ему Бога, отношенія Его къ міру, религію, средства къ спасенію, и вѣчное его предопредѣленіе. Безъ слова человѣкъ былъ бы, можетъ быть, то же, что несмысленное животное; но чрезъ слово онъ возносится превыше самого себя, и бесѣдуетъ съ самимъ Богомъ. Ежели ничего не станутъ говорить ребенку, ежели чрезъ слово невозбудятъ въ немъ внутреннихъ силъ, — то зародышъ всего того, что есть въ немъ высочайшаго, не принесетъ никакой пользы, изсушится и совершенно увянетъ; напротивъ того, даръ слова зародышу сему служитъ пищею, образованіемъ, солнцемъ, дождемъ, благотворною росою, средствомъ къ возрастанію, къ плодотворности и обильной жатвѣ.

Наконецъ, слово преобразуетъ падшаго человѣка во образъ Іисуса-Христа, глаголомъ Духа Святаго. Безъ слова не было бы намъ столь ясно преподано ни Откровеніе, ни пророчества, ни дѣла Благодати, коея оно есть проводникъ и орудіе. Безъ него не было бы проповѣди Евангелія, въ которомъ для всего рода человѣческаго изглаголаны глаголы живота вѣчнаго.

Слово вселяетъ въ насъ божественную вѣру, неразлучную съ любовію, которая можетъ насъ возводить до самого Бога.

Ежели мы изъ нравственнаго, духовнаго міра низойдемъ въ царство видимой природы, то можно сказать, что и здѣсь все не иначе происходитъ, какъ чрезъ слово. Оно строитъ зданія, насаждаетъ растенія, распоряжаетъ всѣми дѣлами, и такимъ образомъ удвояетъ, утроятъ и, такъ сказать, до безконечности распространяетъ силы натуры. Слово дѣлаетъ всякія связи возможными и пріятными; оно одушевляетъ, оживотворяетъ общество; имъ вся система міра политическаго поддерживается; безъ него рушились бы всѣ отношенія между людьми, всѣ права и обязанности, и весь нравственный и гражданскій порядокъ поколебался бы въ своемъ основаніи.

Человѣкъ въ семъ отношеніи есть истинный образъ Творца своего. Ежели онъ и не можетъ производить существъ изъ ничтожества, ежели и не можетъ сотворить ни одной былинки: то кто въ состояніи изъяснить все то могущество, которымъ вооружилъ его Богъ, ниспославъ ему даръ слова?

Я не стану описывать противоположной стороны сей картины: горестно и подумать, до какой степени поведеніемъ большей части людей сія превосходнѣйшая черта образа Божія въ насъ уничижена, обезчещена, осквернена! Кто можетъ исчислить всѣ грѣхи языка, всѣ способы, коими столь божественный даръ подвергается ужаснѣйшимъ злоупотребленіямъ? — Я ни мало не удивляюсь, что люди судимы будутъ за всякое даже безполезное слово; ибо ежели ничто не дается намъ безъ цѣли, то недостигать сей цѣли значитъ—грѣшить, хотя бы грѣха и въ намѣреніи не было.

Посмотрите, какъ употребляется сей превосходный даръ въ оныхъ суетныхъ и вѣчныхъ пустословіяхъ, въ оныхъ частыхъ и страшныхъ клятвахъ, божбахъ, ругательствахъ, злоязычіяхъ, лжахъ, коварствахъ, которыя всѣ происходятъ отъ языка, и суть исчадія злобы и жестокости человѣческой, исшедшія изъ бездны, и въ

бездну низринуться долженствующія! Можно ли не сожалѣть, что человѣкъ, тотъ самый даръ, который толико сближаетъ его съ Богомъ, превратилъ и обезобразилъ до такой степени, что чрезъ тоже самое слово дѣлается подобенъ діаволу?

СЛОГЪ ЛАКОНИЧЕСКІЙ.

При рѣкѣ Рымникѣ, Принцъ Кобургскій умоляетъ нашего *Суворова* письмомъ, на Французскомъ языкѣ, о содѣйствіи; онъ возвращаетъ ему оное съ надписью по-Русски: *Иду — Суворовъ.* — Чрезъ нѣсколько часовъ Рымникскій явился тутъ съ шестьнадцатью тысячами—и Визирь съ шестьюдесятью былъ разбитъ!

СМЕРТЬ.

Сократъ сказалъ: скорби, труды, заботы, безпокойства душевныя, случающіяся въ жизни, должны насъ утѣшать при смерти.

Преступникъ боится ее, несчастный ее призываетъ, храбрый презираетъ и не страшится, мудрый ожидаетъ ее, и встрѣчаетъ безъ сѣтованія.

Премудрость тщетная не можетъ насъ избавить

Отъ смерти люпыя, ни сохранить отъ бѣдъ:
И не предскажетъ намъ, что будетъ съ нами впредь;
Не лучше ли сей трудъ, о смертные, оставить,
Въ которомъ пользы нѣтъ?

Никакой страхъ не дѣлаетъ насъ несчастнѣе, какъ страхъ смерти. Человѣкъ боится того, что неизбѣжно и отъ чего ни въ какое время не можетъ быть безопасенъ! Ни одинъ человѣкъ, страшившійся смерти, не достигалъ глубокой старости.

Люби жизнь и не страшись смерти — вотъ законъ, вотъ одно истинное расположеніе души, могущее сдѣлать человѣка счастливымъ и довести до отдаленнаго предѣла бытія.

Только тотъ свободенъ, кто не страшится смерти: ничто не можетъ его приводить въ безпокойство, или дѣлать несчастнымъ; душа его преисполнена высокаго, непоколебимаго мужества, которое укрѣпляетъ самую жизненную силу.

Безбоязненное помышленіе о смерти имѣетъ еще другую довольно важную пользу: оно подаетъ превосходное средство быть добродѣтельнымъ. Если кто питаетъ гнѣвъ или злобу на другаго, или чувствуетъ желаніе мстить за оказанную обиду, —

пусть таковый вспомнитъ часъ смерти, и тогда исчезнутъ въ немъ всѣ человѣконенавистныя мысли. Причина сему та, что мысль о смерти уничтожаетъ всѣ низкія и самолюбивыя намѣренія, кои обыкновенно управляютъ нами.

Да предадимъ себя спокойно и безтрепетно волѣ Всевышняго, который безъ нашего содѣйствія поставилъ насъ въ семъ мірѣ, и будемъ ожидать отъ него дальнѣйшаго управленія судьбы нашей.

Переселяясь во гробъ, ты оставляешь сей свѣтъ; но открывается тебѣ свѣтъ новый—въ красотѣ превосходнѣйшей, гдѣ не имѣютъ мѣста печаль, болѣзнь и воздыханіе. Скидаешь ты съ себя сіе тѣло, но какое? дряхлостью изнуренное, болѣзнями раздранное, смертью обезображенное. Оставляешь ты здѣсь многое богатство: на сіе Св. Златоустъ сказалъ: *не оставляй; но напередъ себя, пошли его на небо — чрезъ руки бѣдныхъ и тобою облагодѣтельствованныхъ.* Пристрастенъ ли кто къ богатству: сію болѣзнь можетъ уврачевать смерть, напоминая, что *наги мы родились, наги и умремъ.* — Будетъ ли искушать гордость: вспомни смерть, и она заставитъ тебя опустить крылья свои. — Подстрекаетъ ли кого честолюбіе: вспомни смерть, она представитъ тебѣ гробъ, гдѣ кости и

прахъ всякаго состоянія людей разобрать не можно. — Привязанъ ли ты къ жизни сей: но сей узелъ ослабѣетъ, когда помыслишь, что множество людей тогда смерть похитила, когда они не только того не чаяли, но еще и долго жить надѣялись. — Скучаетъ ли кто сею жизнію — или отъ престарѣлости, или тяжкихъ болѣзней, или отъ бѣдности, или отъ гоненія: смерть въ такихъ случаяхъ есть вожделѣнная отрада. Въ землю отходя, всякъ успокоивается отъ всѣхъ суетъ міра сего. — Грѣшитъ ли кто, да и кто жъ не грѣшитъ? *седмиждыбо на день падаемъ*: — смерть останавливаетъ сей потокъ смертоносный; иначе развратъ нашъ былъ бы безпредѣльный и зло безконечно.

СМИРЕНІЕ, *скромность, кротость.*

Безъ истиннаго смиренія, всѣ молитвы напрасны. Сей добродѣтели мы лучше всего научиться можемъ отъ Господа нашего Іисуса Христа, который есть совершенное зерцало всѣхъ добродѣтелей. Воззрите на житіе Его: оно есть единая любовь и смиреніе; воззрите на ученіе Его; оно есть единая премудрость и истина, состоящая не въ словахъ, но въ самомъ дѣлѣ.

На сей конецъ сотворилъ Господь смиренное дѣло, умывъ ноги ученикамъ своимъ (Іоан. гл. 13, ст. 4. 5. 12); дабы примѣромъ своимъ во всѣхъ сердцахъ нашихъ насадить добродѣтель.

Чрезъ смиреніе человѣкъ и въ свѣтскомъ обращеніи дѣлается любезнымъ и пріятнымъ; ибо добродѣтель сія не допускаетъ его быть сварливымъ и заносчивымъ, но дѣлаетъ его кротkимъ и дружелюбнымъ.

Смиреніе также сохраняетъ внутренній миръ сердечный, и во всякомъ несчастіи заставляетъ человѣка смиряться подъ крѣпкую руку Божію.

Смиреніе производитъ также скромность (молчаливость).

Примѣръ.

На берегахъ Рейна властители Европы, *Императоромъ Александромъ I* освобожденные, Имъ соединенные, поднесли сему Государю именованіе Великаго. — *Велико единъ Богъ*, отвѣчалъ Александръ, возведя благоговѣйные, сердечной благодарности исполненные взоры на небо, и отвергнулъ сей титулъ.

СМѢЛОСТЬ, *неустрашимость*, *отважность*.

Бываютъ случаи, въ коихъ пылкой человѣкъ долженъ жертвовать самимъ собою; на такой случай *Овидій* сказалъ: *отваж-*

пылкѣ счастіе помогаетъ; но — лучше не всегда держаться сего мнѣнія.

Сколько страхъ дѣлаетъ насъ малодушными, столько жъ благоразумная смѣлость возвышаетъ существо наше. Ею побѣждаемъ мы всѣ препятствія и возбуждаемъ въ другихъ удивленіе и уваженіе къ себѣ. Поддерживаемый смѣлостью, не подчиняется превратностямъ свѣта; будучи нечувствителенъ къ ударамъ судьбы, всю славу полагаетъ онъ въ томъ, чтобъ превозмогать суровость оной — такъ, что (по словамъ одного славнаго стихотворца), когда бъ разрушился весь міръ и покрылъ его развалинами своими, то и тогда не возмутился бы онъ въ духѣ своемъ.

Смѣлость усугубляетъ силу; ослабляетъ изумленіе и ужасъ, которые иногда совершенно уничтожаютъ сопротивленіе. Вотъ рѣшеніе загадки, предлагаемой всѣми важными происшествіями, на театрѣ міра случившимися! Для счастливаго исполненія трудныхъ и опасныхъ предпріятій, часто стоитъ намъ только увѣрить людей, что мы почитаемъ себя въ состояніи совершить оныя.

Въ лѣсъ не ходить — когда волковъ бояться,
Ни на войну — когда боятся ранъ,
Ни въ модный свѣтъ — коль съ правдой-матькой знаться.

*

Примѣры.

Альфонсъ V, Король Аррагонскій, ходилъ часто по улицамъ пѣшкомъ, безъ всякой свиты: придворные его часто представляли ему, что безопасность его требовала — имѣть при себѣ стражу и вооруженныхъ людей, какъ то дѣлаютъ прочіе Государи, когда они куда-нибудь выходятъ: „*мнѣ*, отвѣчалъ *Альфонсъ, не свойственно окружать себя тѣлохранителями; моя стража состоитъ въ собственной моей совѣсти и любви моихъ подданныхъ.*“

Въ 1711 году въ Стокгольмѣ оказался недостатокъ въ хлѣбѣ. Для сей причины повелѣно было правительствомъ Шведскимъ, часть плѣнныхъ Россіянъ, содержавшихся въ семъ городѣ, перевезть моремъ въ Готенбургъ, въ числѣ коихъ былъ и Князь Яковъ Ѳедоровичъ *Долгорукой*. Сей на пути, замѣтя, что на фрегатѣ было болѣе Русскихъ, нежели Шведовъ, принимаетъ намѣреніе завладѣть фрегатомъ и приплыть на немъ къ берегамъ Россіи; онъ сообщаетъ намѣреніе сіе товарищамъ своего несчастія; всѣ приняли съ свойственнымъ Россіянамъ жаромъ его предложеніе, клянутся быть

ему во всемъ послушны; Князь, восхищенный симъ, назначилъ для исполненія своего предпріятія вечеръ субботы, когда на вечерней службѣ запоютъ *Всемірную славу* и допоютъ до словъ: *дерзайте убо, дерзайте, людіе Божіи*, — тогда броситься всѣмъ имъ на Шведовъ, обезоружить ихъ и овладѣть фрегатомъ; — все это исполнено въ точности по предписанію *Долгорукаго*; Россіяне, подобно львамъ въ яростіи, при послѣднихъ словахъ: *дерзайте, людіе Божіи*, на невоображающихъ того Шведовъ бросились, обезоружили ихъ, и противящихси однихъ покололи, другихъ побросали въ море, а остальныхъ перевязали; оставили свободнымъ только Штурмана, къ груди котораго Князь приставя шпагу, вскричалъ: *если хочешь жить, то вези насъ въ Кронштатъ или Ревель; но страшись измѣнить!* — Что жъ оставалось дѣлать Штурману? — Онъ за лучшее нашелъ повиноваться; приводитъ фрегатъ къ Ревелю, и входитъ въ гавань съ пушечною пальбою. — Симъ героическимъ поступкомъ столь былъ восхищенъ Петръ Великій, находившійся въ С. Петербургѣ, что въ письмѣ своемъ къ Меншикову назвалъ оное освобожденіе чудеснымъ. Князь *Долгорукой*, достойный подданный Петра I, прибывъ въ С. Петербургъ, былъ обнятъ Монархомъ своимъ, который

неоднократно цѣлуя и выхваляя его геройство, проливалъ слезы радости; присутствующіе проливали также въ изобиліи оныя. *Дай-то Богъ! чтобъ люди отъ подобныхъ причинъ всегда плакали!* — *Долгорукой* вскорѣ былъ сдѣланъ Сенаторомъ, и ему порученъ Коммисаріатъ. Онъ читалъ только Славянскія книги и законы своего отечества, былъ пвердъ въ вѣрѣ, и — содѣлался великимъ!

СОВѢСТЬ.

Совѣсть — цѣнитель нашихъ поступковъ, непреклонный судія нашихъ дѣйствій, законъ для нашей нравственности, награда наша и казнь, высочайшая, божественная способность, которая даетъ намъ право думать, что человѣкъ есть искра свѣта вѣчнаго, отблескъ высочайшей Мудрости и Истины. Совѣсть есть голосъ сердца.

Нѣкто сказалъ: спокойная совѣсть, здоровье, деньги—суть три вещи необходимыя для счастія нашего.

Мы имѣемъ надъ собою два судилища, которыхъ миновать невозможно: совѣсть и сужденіе свѣта. Впрочемъ отъ людскихъ пересудовъ можно укрыться, но куда убѣжишь отъ совѣсти?

Когда мы сдѣлаемъ что-нибудь истинно доброе, совѣсть насъ увеселяетъ и душа наша исполняется какими-то сладкими и пріятнѣйшими чувствіями; а когда сдѣлаемъ худое, хотя бы это было и тайнымъ образомъ, совѣсть насъ угрызаетъ и душа наша невольно смущается. Сіи дѣйствія очевидно доказываютъ, что есть нѣкое премудрое и справедливое Существо, которое во всѣ народы вліяло общія чувствія того, что честно и праведно, и что безчестно и гнусно. Бытіе Божіе доказывается признаніемъ нашей совѣсти.

Имѣй всегда добрую совѣсть! Ни одинъ изъ поступковъ твоихъ не долженъ навлекать упрековъ сердца за несправедливость намѣренія и средствъ, тобою употребленныхъ! Иди всегда прямымъ путемъ, и тогда твердо ожидай счастливыхъ успѣховъ, покровительства Вышняго и помощи людей въ случаѣ нужды.

Невозможно ничѣмъ наслаждаться, когда укоряетъ насъ совѣсть.

Человѣкъ безъ совѣсти не можетъ наслаждаться благополучіемъ, ни пріобрѣсть его.

Совѣсть — списокъ дѣлъ нашихъ, безпристрастный свидѣтель поступковъ, тайное судилище, воздвигнутое въ нашемъ сердцѣ, и отъ котораго нѣтъ избавленія:

она громко напоминаетъ намъ обязанности наши; ни что не заглушаетъ ея голоса; она для насъ и законъ, и обвинитель, и свидѣтель, и судія. (*Чит.* I, 160).

СОКРАТЪ.

Не нужно излагать многихъ подробностей о жизни *Сократа*: всѣмъ извѣстно, что онъ былъ мудрѣйшимъ человѣкомъ своего времени. Всѣмъ извѣстно, что онъ убѣждалъ Аѳинянъ въ томъ, что одна добродѣтель составляетъ счастіе людей и здѣсь и въ другомъ мірѣ; что жизнь есть искушеніе и испытаніе; что въ будущей жизни предстоятъ праведныя награды и наказанія, соразмѣрныя нашимъ добродѣтелямъ или порокамъ; что познаніе Бога ведетъ къ совершенству добродѣтели, и что мы должны напрягать всѣ наши усилія, чтобъ уподобляться Божеству столько, сколько дозволяетъ наша слабость. Извѣстно также, что онъ былъ весьма кротокъ, и ничто не могло возбудить въ немъ досады и гнѣва. Сей добродѣтельный Аѳинянинъ, къ несчастію, былъ мужемъ злобнѣйшей изъ всѣхъ женщинъ. *Ксантиппа* непрестанно употребляла во зло терпѣніе Сократа; но никогда не могла нарушить обыкновенной его умѣрен-

ности. Однажды, обременяя его ругательствами, и досадуя, что не разсердила его, она вылила ему на голову горшокъ грязной воды: но Сократъ спокойно сказалъ: *Я предвидѣлъ, что такая гроза не обойдется безъ дождя.* — „Сократъ, сказалъ *Цицеронъ*, свелъ любомудріе съ небесъ на землю.“ Были и до него нѣкоторыя нравственныя правила, разсѣянныя въ твореніяхъ Философовъ; но сіи высокомѣрные мечтатели, гоняясь за пустыми вымыслами, всегда почти пренебрегали простое и общеполезное ученіе. Сократъ первый объяснилъ и заставилъ любить нравственность. Онъ обладалъ для того всѣми нужными способностями и качествами душевными. Питая живую и пламенную любовь къ человѣчеству, онъ всѣ свои дѣянія соображалъ единственно съ тѣмъ, что могло споспѣшествовать къ благу человѣчества.

Правила Сократовы были слѣдующія:

„Не будемъ умствовать, говорилъ онъ, для *школы*; но отнесемъ разсужденія наши къ жизни гражданской. Гораздо нужнѣе умѣть жить, нежели быть ученымъ.

„Во всемъ томъ, говорилъ онъ, что мы называемъ благами земными, всегда заключается какая-нибудь суетность. Не въ нихъ должно искать счастія; оно соединено съ наукою. Каждый невѣжда несчастливъ.“

И такъ, по мнѣнію Сократа, *быть ученымъ* — значитъ имѣть полезныя свѣдѣнія и знать все, что можетъ каждаго сдѣлать въ своемъ званіи любезнымъ отечеству и довольнымъ своимъ жребіемъ. Искать того, чего Провидѣніе не предоставило человѣку на землѣ, есть невѣжество, влекущее часто за собою пагубныя послѣдствія. Мы видѣли, до чего въ наше время были доведены народы мечтою *о безпредѣльномъ усовершенствованіи*.

„Отъ науки раждается здравіе души, то есть — правосудіе, мудрость и добродѣтель, источники сладостнѣйшихъ чувствованій.

„Смерть лучше жизни постыдной. Будь добродѣтеленъ и не страшись ни болѣзней, ни смерти; заблаговременно мужественно взирай на злополучіе; подвергшись его стрѣламъ, ты будешь легче переносить оное.

„Сохраняй здравіе тѣла, — ведя трезвую и воздержную жизнь. Впрочемъ молись Богу и предоставь ему попеченіе о своихъ потребностяхъ. Онъ лучше насъ знаетъ, что̀ для насъ нужно.

„Не престолъ дѣлаетъ Царемъ, но — правосудіе.

Сократъ основывалъ нравоученіе свое на познаніи Бога, наградителя добрыхъ.

Сіе верховное Существо называлъ онъ существомъ неизмѣримымъ, разумѣніемъ безпредѣльнымъ, всемогущимъ, совершенно правдивымъ. Онъ называлъ его Творцемъ вселенной и источникомъ всякаго добра.

Къ усмиренію гордости лжеумствователей, онъ часто говорилъ: *я знаю только то, что ничего не знаю.* И дѣйствительно, что̀ знаемъ мы, слабые смертные, размышляя о томъ, чего разумъ нашъ не въ силахъ постигнуть? Но Сократъ зналъ и убѣждалъ своимъ примѣромъ, что каждый человѣкъ, въ обществѣ живущій, сообразно состоянію своему можетъ быть полезнымъ обществу; онъ зналъ, что высокомѣріе ведетъ къ невѣжеству, а кротость душевная къ познанію обязанностей нашихъ; онъ зналъ, что добродѣтель любезна Создателю, и потому жертвовалъ ей всѣми почестями и спокойствіемъ своей жизни.

С О Н Ъ.

Сонъ, приносящій минутное забвеніе физическихъ страданій и нравственныхъ горестей, есть могущественный возстановитель силъ тѣла утружденнаго дневною работою, и отрада для души, часто пораженной глубокою горестью.

Спите мало, говоритъ *Локкъ*: великіе охотники спать становятся подобны скотамъ.

Чрезмѣрная привычка ко сну, истощаетъ и ослабляетъ мозгъ.

Семь часовъ сна въ сутки, во всякомъ возрастѣ удовлетворительны для природы и доспаточны для мудраго.

СОРЕВНОВАНІЕ.

Надобно всякому молодому человѣку быть проникнуту слѣдующими правилами, какое бъ ни было его поприще: купецъ ли онъ, адвокатъ, фабрикантъ, законовѣдецъ, врачъ, физикъ, химикъ, архитекторъ, правитель дѣлъ, инженеръ, дипломатъ, или хотя земледѣлецъ, художникъ, даже простой работникъ (*): — „я не долженъ (пусть скажетъ онъ) томиться въ безплодной и постыдной неизвѣстности, буду искать средствъ въ собственномъ моемъ геніи при помощи наблюденій и ученія, или въ художествѣ постоянномъ и дѣятельномъ, въ твердой и рѣшительной волѣ, въ безпрестанныхъ размышленіяхъ съ пособіемъ

(*) Таковымъ былъ въ первые свои годы простой наборщикъ типографіи, сей скромный и ученый *Франклинъ*, который потомъ заслужилъ завидную похвалу.

свѣдѣній и примѣровъ, которые мнѣ предшествовали или меня окружаютъ, содѣлаться достойнымъ быть поставляему въ примѣръ, выдти изъ незначащей и низкой толпы людей, принять на себя званіе достойное уваженія, быть счастливу — содѣлавшись полезнымъ. " Тогда необходимо достигнетъ онъ до извѣстности и богатства, чрезъ могущество постоянной дѣятельности, и воли — пріобрѣсть оныя. Такимъ образомъ дѣйствуя, люди ведутъ жизнь не просто растительную, но дѣйствительно живутъ и достойны бываютъ жить.

СОСТРАДАНІЕ, *соболѣзнованіе, сожалѣніе.*

Состраданіе насъ ведетъ къ познанію превосходнаго правила — недѣлать другому того, чего мы себѣ не желаемъ: оно насъ научаетъ, что выгода каждаго есть польза всѣхъ, и что выгода человѣчества есть выгода каждаго.

Благородный, благоразумный человѣкъ не мучитъ никакого живаго существа. Если жестокосердые, свирѣпые или (лучше сказать) легкомысленные, грубые люди, которые любятъ смотрѣть на мученія терзаемаго оленя, или на смерть за-

травленнаго звѣря; если безразсудные, которые жизнію бѣднаго животнаго, попавшаго въ ихъ руки, играютъ какъ мячемъ; вырываютъ крылья и ноги у мухъ и жуковъ, или прокалываютъ ихъ, чтобы видѣть — долго ли страждущее животное можетъ продолжать жизнь въ судорожныхъ мученіяхъ; если знатные тунеядцы, для скорѣйшаго избавленія себя отъ угнетающей ихъ скуки, до смерти заганиваютъ ѣздою бѣдныхъ лошадей; если всѣ сіи люди не смягчаются жалобными вздохами и пронзительнымъ воплемъ сихъ бѣдныхъ существъ, — то пусть они разсудятъ, что животныя, хотя существуютъ на землѣ для нашей пищи, но не для мученія, и что никакое существо не можетъ имѣть права забавляться жизнію другаго творенія, коему Богъ вложилъ дыханіе; что это грѣшно предъ Богомъ; что животное столь же больно чувствуетъ мученіе, какъ и мы, а можетъ быть и больнѣе, потому что вся жизнь его основывается на чувственныхъ ощущеніяхъ; что наша жестокость къ несмысленнымъ тварямъ нечувствительно пріучаетъ насъ къ жестокости и вразсужденіи подобныхъ намъ человѣковъ. Весьма полезно бъ было, что бы они все это почувствовали, и имѣли состраданіе ко всѣмъ твореніямъ!

Не должно однако жъ почитать всякаго охотника человѣкомъ жестокимъ: вѣдь и такіе люди быть должны; иначе если бъ не было на свѣтѣ мясниковъ, мы бы должны были питаться одними только растеніями. Но желательно только, что бы не мучили животныхъ безъ всякой нужды и безъ пользы, и не искали бъ удовольствія въ томъ, чтобы вести неравную войну съ сими безоружными созданіями.

Не льзя также понять, что за удовольствіе держать животныхъ въ клѣткахъ! Видъ живаго существа, лишеннаго возможности пользоваться естественными своими силами, не можетъ доставить удовольствія человѣку истинно-благоразумному. — Если бы кто мнѣ вздумалъ подарить прекрасную птичку въ клѣткѣ, тому бы я напередъ сказалъ, что — единственное удовольствіе, которое онъ мнѣ чрезъ то доставить можетъ, состоять будетъ въ томъ, что я выпущу бѣдную птичку на волю.

Но еще кажется отвратительнѣе, когда забавляются — платя деньги за то, чтобы видѣть медвѣдя, который выученъ дѣлать поклоны по-панцмейстерски и —

по знаку своего господина — показывать, сколько въ собраніи пригоженькихъ молодыхъ дѣвушекъ.

Если одни очень жестоко поступаютъ съ животными, то есть другіе, впадающіе въ совершенно - противоположную крайность, обходясь съ ними точно такъ, какъ съ людьми: я знаю сентиментальныхъ женщинъ, которыя гораздо нѣжнѣе обходятся съ своей кошкой, нежели съ своими супругами; знаю также молодыхъ господъ, которые о лошадкахъ своихъ пекутся гораздо болѣе, нежели о своихъ родныхъ; знаю и такихъ людей, кои къ своимъ собакамъ больше оказываютъ нѣжности, нежели къ друзьямъ. Болѣе сожалѣніе, нежели презрѣніе заслуживаютъ тѣ несчастные, которымъ столько наскучилъ свѣтъ, что они, недовѣряя всѣмъ разумнымъ существамъ, въ сильномъ влеченіи своего сердца къ общелюбію, обращаются съ вѣрною собакою, какъ съ единственнымъ своимъ другомъ.

СПОКОЙСТВІЕ ДУШЕВНОЕ.

Истинное благополучіе состоитъ въ спокойствіи душевномъ и въ здравіи тѣлесномъ.

Первѣйшее изъ благъ человѣческихъ — спокойствіе, сей сладостный миръ души,

котораго люди понимать не могутъ, сіе чувство возвышенной дружбы, которая питается уединеніемъ, замѣняетъ для человѣка все на свѣтѣ, украшаетъ, увеличиваетъ всѣ удовольствія.

Та душа единственно можетъ быть спокойна, которая живетъ надеждою на Провидѣніе. (*Лафатеръ*).

Воля Божія, безъ коей никакая напасть намъ приключиться не можетъ, всегда должна быть почитаема, и вести насъ къ тому, чтобъ мы признавали себя довольными нашей участью; а разумъ учитъ: что всякое колебаніе духа безполезно, когда зло неисцѣлимо. — Опъ нетерпѣливости нашей не можетъ перемѣниться участь: въ такомъ случаѣ несравненно лучше—покоряясь промыслу Божію, утѣшаться надеждою, что какъ все на океанѣ жизни подвержено перемѣнѣ, то и несчастіе также имѣетъ свой конецъ.

Спокойствіе душевное пріобрѣтается единственно непорочною жизнію.

Надобно жертвовать всѣмъ — для спокойствія душевнаго.

Хотите ли знать двѣ жесточайшія болѣзни душевныя? Это — желаніе невозможнаго и нечувствительность къ страданіямъ ближнихъ.

Кто, съ наступленіемъ каждаго вечера, съ радостію воспоминаетъ прошедшій день, тотъ въ полной мѣрѣ наслаждается жизнію.

Все то не достойно нашего старанія, что ни мало не способствуетъ спокойствію духа.

Спокойствіе пріятно наиболѣе послѣ трудовъ.

Но ни одна душа на землѣ не наслаждается совершеннымъ спокойствіемъ; ибо всякая обременена грѣхами.

Ябедники, сутяги, волокиты, плуты, бездѣльники, ревнивые, скупые, честолюбцы и игроки не знаютъ покоя.

Главное правило состоитъ въ томъ, чтобъ жить съ душевнымъ спокойствіемъ.

Спокойствіе души есть награда за справедливость, невинность и прозодушіе наше. Прилично однимъ только злодѣямъ всегда быть въ страхѣ.

Спокойствіе духа, веселость и довольство суть основаніе всего счастія, всего здравія и долговременной жизни. Безъ сомнѣнія скажутъ многіе: это не такія средства, которыя бы мы сами себѣ дать могли; онѣ зависятъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Но я думаю совсѣмъ не такъ; а иначе знатные и богатые были бъ самыми довольными и счастливыми, а бѣдные несчастными людьми, чему однакожъ противъ-

ное показываетъ опытъ; утвердительно можно сказать, что въ скудости больше довольства, нежели въ классѣ богатыхъ и зажиточныхъ людей. Слѣдовательно есть источники довольства и счастія, которые въ насъ самихъ находятся, и которые мы должны старательно изыскивать и ими пользоваться.

1. Старайся наиболѣе всего побѣждать свои страсти: человѣкъ, управляемый страстями, всегда находится въ крайности, въ напряженномъ состояніи, и не можетъ достигнуть спокойнаго расположенія, которое столь необходимо къ сохраненію жизни; а чрезъ сіе онъ ужаснымъ образомъ увеличиваетъ внутреннее истощеніе, и вскорѣ долженъ бываетъ изнуриться совершенно.

2. Привыкай почитать сію жизнь не цѣлію, но средствомъ къ высшему совершенствованію, а бытіе и участь свою подчиненными высшей власти и большимъ цѣлямъ, и во всѣхъ случаяхъ и положеніяхъ держись твердо таковой точки зрѣнія. Въ семъ будешь находить ключъ къ освобожденію себя отъ всякаго огорченія и сильную защиту противъ чинимыхъ на спокойствіе твоего духа нападеній.

3. Живи всегда только для настоящаго дня, то есть, пользуйся каждымъ днемъ

такъ, какъ бы онъ одинъ былъ, не заботясь о слѣдующемъ. Несчастные человѣки! вы помышляете только о будущемъ, возможномъ, и среди разныхъ предначертаній и плановъ теряете настоящее. Настоящее жъ есть мать будущаго; и кто каждымъ днемъ, каждымъ часомъ пользуется сообразно своему предопредѣленію, тотъ всякой вечеръ можетъ ложиться съ тѣмъ сладостнымъ чувствомъ, что онъ не только дѣйствительно жилъ въ сей день и занималъ достойнымъ образомъ опредѣленный ему пунктъ въ твореніи, но и предуготовилъ для себя наилучшую будущность.

4. Старайся, сколько можно, снискивать обо всемъ справедливыя понятія, и ты найдешь, что большая часть золъ въ свѣтѣ происходитъ только отъ недоразумѣнія, ложнаго интереса или опромечивости, и что не то важно, какіе случаи съ нами встрѣчаются, но то, какъ мы ихъ принимаемъ. Кто имѣетъ въ себѣ сіи источники счастія, тотъ не зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. И такъ это неоспоримая истина, что одна мудрость есть источникъ удовольствія, а глупость источникъ неудовольствія; неоспоримая истина, что кромѣ совершеннаго преданія себя въ волю Провидѣнія, кромѣ увѣренности, что все

устроено въ нашу пользу, кромѣ довольства міромъ и мѣстомъ, которое въ немъ занимаемъ, все прочее суета, ведущая къ неудовольствію.

5. Утверждайся болѣе и болѣе въ довѣренности къ человѣчеству и во всѣхъ изящныхъ отъ нее происпекающихъ добродѣтеляхъ, какъ то: въ доброжелательствѣ, человѣколюбіи и дружествѣ. Почитай добрымъ каждаго человѣка, пока неоспоримыми доказательствами не увѣришься въ противномъ; но и тогда мы должны мыслить объ немъ, какъ о заблуждшемся, который больше сожалѣнія, нежели ненависти достоинъ. Онъ бы также былъ добръ, если бъ не обманутъ былъ недоразумѣніемъ, недостаткомъ въ познаніи или ложнымъ интересомъ. Горе тому человѣку, коего жизнь состоитъ въ томъ, чтобъ не имѣть ни къ кому довѣренности! Жизнь его — вѣчная наступательная и оборонительная война, и далеко бѣжитъ отъ него довольство и веселіе. Чѣмъ болѣе кто всѣмъ окружающимъ его доброжелательствуетъ, чѣмъ больше другихъ дѣлаетъ счастливыми, тѣмъ и самъ онъ бываетъ счастливѣе.

6. Необходимую потребность къ довольству и душевному спокойствію составляетъ *надежда*. Кто можетъ надѣяться, тотъ способствуетъ продленію своего бы-

тія не только идеально, но и физически, посредствомъ спокойствія и равнодушія, ею доставляемаго.—Но не одна только надежда, въ тѣсныхъ предѣлахъ нынѣшняго существованія нашего заключающаяся, а и надежда и радостное ожиданіе по ту сторону гроба, способны учинить долговременною нашу жизнь. — Увѣренность въ безсмертіи есть единственное средство, могущее содѣлать сію жизнь драгоцѣнною и всѣ тягости ея легкими и сносными. — О вы, великія и божественныя добродѣтели, *вѣра* и *надежда!* Кто можетъ безъ васъ перейти путь жизни, исполненной призраковъ, соблазновъ и обмана, гдѣ настоящее есть одно мгновеніе, которое лишь только успѣетъ отдѣлиться отъ будущаго, какъ и поглощается уже прошедшимъ. Вы единая подпора колеблющемуся, пріятное отдохновеніе упомившемуся страннику. Кто и не почитаетъ васъ высокими добродѣтелями, тотъ однако жъ долженствуетъ прибѣгать къ вамъ, какъ къ необходимымъ потребностямъ сей земной жизни, и укрѣпляться въ васъ — изъ любви къ самому себѣ. — Наипаче же религія можетъ служить къ продленію жизни: чѣмъ больше она доставляетъ побѣды надъ страстями, самоотверженія и душевнаго

спокойствія; чѣмъ болѣе упверждаетъ насъ въ оныхъ ушѣшительныхъ истинахъ, — тѣмъ способнѣе отдалять предѣлъ земнаго бытія нашего.

Спокоенъ тотъ, чья душа, освободясь отъ слабостей и предразсудковъ, вкушаетъ счастливую тишину, за которую обязана она своему возвышенію.

Одни только невѣжды бываютъ къ спокойствію равнодушны. Ему сопутствуетъ сладостное, очаровательное чувство; имъ наслаждается, имъ дышитъ мудрецъ. Источникъ сего чувства — чистая совѣсть и глубокое размышленіе.

Спокойствіе души замѣняетъ всё: теряя сіе неоцѣненное благо, мы теряемъ всѣ прочія. Человѣкъ, обрѣтшій его, носитъ въ себѣ свое благополучіе: онъ, ни въ какомъ случаѣ, не будетъ совершенно несчастливъ, ибо можетъ всегда входить въ самого себя.

Увѣренность — быть полезнымъ, можетъ рѣшить человѣка благоразумнаго, тишиной жизни пожертвовать благу общему; но если будутъ обольщать насъ однимъ блескомъ тщеславія, тогда взвѣсимъ съ нимъ наше спокойствіе и — не промѣняемъ *золота* на *мишуру*.

Горестная необходимость — занимать другихъ собою, составляетъ главнѣйшую преграду нашему спокойствію. Для людей

мало счастья; они хотятъ, чтобъ оно возбуждало еще и зависть: счастье неизвѣстное они не почитаютъ счастьемъ.

Какъ будто недовольно настоящихъ горестей: мы, нашими предразсудками и пустымъ тщеславіемъ, созидаемъ новыя, и иногда страждемъ отъ нихъ болѣе, нежели отъ бѣдъ существенныхъ.

Мнѣніе свѣта или заставляетъ жертвовать или дурачитъ. Тѣ, коихъ терзаютъ происки, кои для блеска расточаютъ имѣніе, суть жертвы. Тѣ, кои, изъ учтивости, скучаютъ при четверти своей жизни, суть глупцы. Они безпрестанно говорятъ: какъ утомительны эти обряды, эти вечера безконечные! но дѣлать нечего! должно быть въ хорошемъ обществѣ.

Орестъ одаренъ нѣкоторыми достоинствами, живетъ въ добромъ семействѣ, имѣетъ друзей испытанныхъ, владѣетъ имѣніемъ, равнымъ его нуждамъ: счастливая судьба! Но публика судитъ иначе: онъ уменъ, говоритъ она; зачѣмъ же не увеличиваетъ своего состоянія? Онъ могъ бы отличиться; зачѣмъ же не ищетъ мѣста? Онъ гордится какою-то смѣшною странностію; онъ чудакъ!

Любимое правило публики: страшись показаться смѣшнымъ! Но въ сердцѣ человѣка достойнаго запечатлѣно другое правило: страшись одного угрызенія совѣсти!

СПОРЫ, *противорѣчія, пренія.*

Обыкновенно тотъ, кто меньше знаетъ, болѣе всѣхъ любитъ спорить. Вся способность его состоитъ въ силѣ его голоса; и потому оглушаетъ онъ крикомъ своимъ слушателей и дѣлается досаднымъ какъ тому, на коего нападаетъ, такъ и тѣмъ, кои должны сносить крикъ его. Чтобы унять такихъ непріятныхъ людей, потребно только во всемъ согласоваться, чтобы они ни солгали: тогда можно будетъ видѣть ихъ мученіе отъ того, что не могли они дать полной воли своему болтанью. И для того умный таковыхъ бесѣдъ убѣгаетъ; а когда ему, по несчастію, въ нихъ и случится быть, то пользуется онъ тѣмъ правиломъ, которое говоритъ: дай сѣна быку, а сахару попугаю, — или пословицею: не любо не слушай, а врать не мѣшай.

Ежели случится тебѣ спорить, и если справедливость будетъ на твоей сторонѣ — уступи противнику, ибо ты правъ, и чего болѣе хотѣть? Если жъ ты будешь виноватъ — уступи, потому что виноватъ.

Эпаминондъ, Ѳивейскій полководецъ, былъ ученъ и краснорѣчивъ, но при томъ столь скроменъ, что обыкновенно объ немъ говорили: „*Эпаминондъ знаетъ всѣхъ больше, а говоритъ всѣхъ меньше.*“

Все похвалять — есть свойство льстеца, или безхарактернаго человѣка. Но также не берите въ примѣръ тѣхъ, которые ни съ кѣмъ не соглашаются; это низкія существа! Они готовы остановить васъ на каждомъ словѣ, чтобы вы ни сказали. Нѣтъ ничего отвратительнѣе привычки — всему противорѣчить. Несчастные, обладаемые ею, по справедливости почитаются безумцами. Чтобы не покориться истинѣ, они перемѣнили бы пути звѣздъ, возвратили бы рѣки къ своимъ источникамъ, если бы верховное Существо даровало имъ хотя на одну минуту часть безпредѣльнаго Своего могущества.

Особенно прекраснѣйшая половина рода человѣческаго подвержена сей гнусной и пагубной привычкѣ. Кому не извѣстна басня, выдуманная на этотъ щетъ какимъ-то злымъ насмѣшникомъ! „Одна женщина утонула въ рѣкѣ: мужъ ея, вмѣсто того, чтобы искать ее ниже по теченію рѣки, искалъ выше. Но одинъ изъ его пріятелей, встрѣтясь съ нимъ, сталъ бранить его за эту ошибку, и сей тотчасъ отвѣтствовалъ ему слѣдующими словами: Я не такъ глупъ, какъ ты думаешь, любезный мой другъ: моя жена при жизни своей столько любила противорѣчить, что конечно и по смерти никакъ не поплыветъ по теченію рѣки.“

СПОСОБЪ МНОГО ЗНАТЬ.

Спрашивали однажды *Газеля*, одного изъ знаменитыхъ геніевъ Мусульманскихъ, какимъ способомъ дошелъ онъ до такой степени просвѣщенія? „Такимъ, отвѣчалъ онъ, что *никогда не стыдился спрашивать того, чего не зналъ.*“

СПРАВЕДЛИВОСТЬ.

Безъ доброхотства и справедливость не добродѣтель. Въ истинномъ ея значеніи, когда бы страсти наши не дѣлали насъ криводушными; когда бы мы о чувствованіяхъ нашего ближняго съ истиннымъ чувствомъ человѣческимъ всегда судили по себѣ; когда бы все то ему оказывали, чѣмъ по нашимъ чувствованіямъ должны ему, какъ человѣку: въ такомъ значеніи она была бы добродѣтель совершеннѣйшая. Но въ смыслѣ тѣсномъ, какъ мы обыкновенно понимаемъ это слово, разумѣя подъ нимъ только тѣ должности, которыхъ другой можетъ отъ насъ требовать по праву, и коихъ мы безъ наказанія законнаго оставить не можемъ — справедливость добродѣтелью назваться не можетъ. Въ обществѣ гражданскомъ мы пробавляться ею должны; но она ни мало тѣмъ не

споспѣшествуетъ еще къ умноженію всеобщаго спокойствія и счастія. Ея законы только для сохраненія наружной тишины, только противъ необузданной дерзости, противъ низкаго, лукаваго корыстолюбія; только противъ злодѣевъ, непосредственно спокойствіе общественное нарушающихъ. Что̀ я, если только сихъ законовъ не нарушаю? — Я не воръ, не убійца, не обманщикъ; но при семъ я еще могу быть самымъ недостойнѣйшимъ человѣкомъ. Это степень человѣчества самая низшая; ниже ея — я ужѐ меньше, нежели человѣкъ; я извергъ, котораго люди для безопасности своей должны запирать, связывать, истреблять. Я только не дѣлаю вреда; — какая постыдная для человѣка похвала! Такъ я хвалю собаку, ручнаго волка: неужели симъ я долженъ выполнить все то обширное отношеніе, въ какомъ нахожусь съ разумнымъ человѣчествомъ? Неужели симъ достигнута и та цѣль безчисленныхъ способностей, которыя далъ мнѣ Богъ для споспѣшествованія благу и счастію моихъ ближнихъ? Нѣтъ! Сіи способности, сія связь, сіе сходство чувствованій, общихъ мнѣ со всѣми, безъ сомнѣнія требуютъ отъ меня больше; — требуютъ, что бы я былъ добръ; и доколѣ я не таковъ, доколѣ не вхожу въ чувствованія ближняго моего, доколѣ не

сужу объ нихъ по чувствованіямъ моимъ, до тѣхъ поръ я не человѣкъ. Я не стою быть человѣкомъ, когда чувствую не по-человѣчески. Не познавъ назначенія моей природы, я живу какъ скотъ, только для себя самаго, и умираю, не сдѣлавшись достойнымъ въ жизни моей ни малѣйшей благодарности. Ибо за то, что я каждому только свое воздавалъ, ожидать ее безъ стыда могу ли отъ кого? До тѣхъ поръ не могу я также съ радостнымъ чувствованіемъ помыслить и о Творцѣ моемъ. Ибо если я справедливъ въ такомъ тѣсномъ значеніи, то это не изъ любви къ Нему: это только изъ своекорыстія, изъ боязни безчестія и наказанія. Я не могу любить Бога, не любя его твореній, не принимая участія въ общемъ ихъ благѣ и радости. А это зависитъ только отъ всеобщаго доброхотства. Отними оное — останется одно своекорыстіе, которое еще болѣе увеличиваетъ бѣдствіе человѣчества, болѣе распространяетъ; съ которымъ сильнѣйшій, наименѣе страшащійся законовъ, стремится обижать слабаго; а слабому для своего сохраненія не остается другаго средства, кромѣ обмана и лукавства.

Благочестіе и справедливость суть двѣ подпоры государства.

(*Чит.* ИСТИНА).

ССОРЫ, *распри, вражда, сварливость, побранка, раздоръ, разсѣяніе.*

Бранчивый человѣкъ есть скучное и несносное твореніе; онъ безпрестанно занятъ бываетъ шумомъ и крикомъ; горланитъ, брюзжитъ на всѣхъ, и ссорится со всѣми тѣми, кои его окружаютъ; — онъ иногда сердится и на то, что не имѣетъ причины сердиться ни на что.

Сей несчастнѣйшій нравъ происходитъ отъ худаго воспитанія.

Это есть невѣжество — не знать какъ предъотвратить ссору; это глупость, чтобъ къ себѣ привлечь вражду; это есть несчастіе, когда отъ оной не удаляются: сказалъ *Руссо*.

Зависть и жадность производятъ иногда великія распри — за бездѣлицу.

Намъ такъ мало времени жить на свѣтѣ; не станемъ же убивать его взаимною враждою.

СТИХОТВОРСТВО.

Мудрый человѣкъ оставляетъ сіе искусство для другихъ. Испанцы говорятъ въ пословицѣ, что — „надобно быть глупымъ, чтобъ не умѣть написать двухъ стиховъ, а безумнымъ, чтобъ написать четыре стиха.“

Однажды Французскій Регентъ спрашивалъ *Фонтенеля*, какое мнѣніе должно давать на стихотворныя сочиненія? — „*Ваше Высочество, говорите всегда, что они дурны, потому что вы во сто разъ только два раза ошибетесь.*“

СТРАСТИ.

У всякаго своя страсть. Въ каждомъ человѣкѣ одна изъ страстей бываетъ господствующею и побѣждаетъ другія.

Удержись отъ страстей. Огненныя страсти, сказалъ одинъ Англичанинъ, суть курьеры жизни: съ ними не долго ѣхать до кладбища.

Молодые люди не имѣютъ недостатка ни въ умѣ, ни въ опытности: ихъ глупости и заблужденія происходятъ не отъ невѣжества; но страсти ихъ заставляютъ молчать разсудокъ и забывать уроки опытности. Напрасно прошедшія поколѣнія даютъ уроки грядущимъ: страшныя войны, гибельныя революціи всегда будутъ свирѣпствовать на землѣ, на которой человѣческія страсти до скончанія вѣковъ будутъ волноваться.

Пресѣченіе страстей даетъ долгоденствіе, а вихри мірскихъ наслажденій быстро подвигаютъ насъ ко гробу.

Питать страсти — то же что откармливать дикихъ коней: рано или поздно разшибутъ они въ дребезги колесницу нашу.

Сильныя страсти никогда не ведутъ къ счастію.

Однѣ потребности бываютъ тѣлесныя, другія душевныя. Потребности тѣла суть: пища, питіе, одежда, домъ; потребности душевныя суть: просвѣщеніе, благочестіе, любовь, истина, правда, кротость, воздержаніе. Какъ тѣло и душа составляютъ одного человѣка, и очень тѣсно между собою связаны; то и должно бъ имъ быть во всегдашнемъ согласіи, и одно другому споспѣшествовать. Но страсть непрестанно силится разрушить сей святѣйшій союзъ. Почему, если просвѣщеніе съ благочестіемъ сей союзъ такъ расположитъ, чтобъ однѣ требованія другимъ не дѣлали подрыву; то чрезъ сіе найдено будетъ настоящее между тѣломъ и душею различіе, и соблюдено будетъ между ими согласіе. Таковое расположеніе состоитъ въ томъ, чтобъ беречься крайностей: въ

пищѣ, напримѣръ, убѣгать роскоши, въ питьѣ невоздержности и пьянства, въ одеждѣ излишества, въ домѣ пышности, въ снисканіи имущества безмѣрности, и при томъ все сіе пріобрѣтать своимъ трудомъ, безъ лѣности, безъ всякой другому обиды и отягощенія. Въ снисканіи же просвѣщенія беречься, чтобъ не вкрались въ оное суетныя мудрованія, въ благочестіе — суевѣріе, въ любовь — ласкательство, въ истину — ложная политика, въ правду — строгость безмѣрная, въ кротость — лицемѣріе. Ежели сіи крайности будутъ удалены, то тѣло и душа будутъ поставлены въ своихъ предѣлахъ: ихъ будетъ соединять сладчайшее согласіе; тѣло не будетъ препятствовать душевнымъ дѣйствіямъ, но помогать; душа сохранитъ цѣлость тѣлесныхъ силъ и здравіе, — и въ семъ-то взаимномъ тѣла и души согласіи состоитъ истинная добродѣтель!

Но подвигъ прямо Хрістіанскій состоитъ въ побѣжденіи страстей. А что суть страсти? склонности, влекущія къ тому, что разсовѣтываетъ здравый разумъ, что противно Евангелію, что отягощаетъ совѣсть, что нарушаетъ истинное благополучіе. Напримѣръ, склонность къ невоздержанію, къ постыдной любви, къ любостяжанію, къ скупости, къ гордости и презрѣ-

нію другихъ, склонность къ тщеславію, суть страсти: ибо онѣ и здравому разуму предосудительны, и противны истинамъ Евангельскимъ, и отягощаютъ совѣсть, и нарушаютъ истинное человѣческое благополучіе.

Противъ сихъ страстныхъ искушеній вооружиться, недопустить имъ себя одолѣть, одержать надъ ними побѣду, есть подвигъ прямо Христіанскій.

Но мы, вѣдь, человѣки. Сіе-то самое и должно насъ въ подвигъ семъ подкрѣплять, что человѣки мы, а не животныя безсловесныя: когда мы человѣки, то не должны ожесточаться и воспаляться гнѣвомъ, какъ звѣри; когда мы человѣки, то не должны предаваться чувственности, какъ скоты, одному чреву работающіе; когда мы человѣки, то не должны похищать и грабить, какъ волкъ; когда мы человѣки, не должны на прежніе пороки обращаться, какъ песъ на свои блевотины; когда мы человѣки, то и должны самымъ дѣломъ показать, что мы истинные человѣки.

Для чего Творецъ не далъ разсудку нашему сильнѣйшаго перевѣса надъ страстями? — Скажутъ: ,,Творецъ нашей природы могъ бы дать разсудку нашему столь сильный перевѣсъ надъ страстями, что сіи послѣднія никогда не одерживали бы побѣ-

ды надъ первымъ." Безъ сомнѣнія, Творецъ, по всемогуществу своему, это сдѣлать могъ; могъ бы сдѣлать наше побужденіе — любить себя — гораздо слабѣе, чувственныя наши ощущенія гораздо тупѣе; но тогда и нѣжныя чувствованія, удовольствія и радости, составляющія теперь все наше счастіе, были бы несравненно тупѣе, и благородныя побужденія къ дружеству, человѣколюбію, великодушію — слабѣе; тогда и разсудокъ нашъ необходимо долженъ бы былъ въ столько жъ крать быть ниже. Если же Богъ, при раздражимости чувствъ нашихъ, далъ бы разсудку такой перевѣсъ, что бы онъ совершенно господствовалъ надъ чувственною нашею натурою, а ко всѣмъ раздражимостямъ ея оставался бъ нечувствительнъ: тогда бы вся гармонія нашей природы разстроилась; разсудокъ такой несовмѣстенъ бы былъ ни съ такимъ тѣломъ, ни съ такою землею; такой духъ въ насъ былъ бы то же самое, что наша душа въ тѣлѣ какого-нибудь насѣкомаго. Да и къ чему все это? къ чему, — когда и самый высокой ангельскій умъ не могъ бы намъ представлять нравственнаго добра и зла быстрѣе, яснѣе, разительнѣе того, какъ мы теперь его чувствуемъ непосредственно въ совѣсти своей? Это такое чувствованіе, котораго мы никакимъ

искуствомъ истребить, никакою силою исторгнуть и заглушить не можемъ. Выше сего стремленія къ добру, представить себѣ нельзя; ибо тогда Богъ отнялъ бы у насъ свободу: но безъ свободы міръ и человѣкъ лишились бы всѣхъ своихъ совершенствъ.

Какимъ образомъ страсти наши производятъ добро. Надобно признать, что благородныя страсти больше иногда имѣютъ участія въ произведеніи добра, чѣмъ обдуманная добродѣтель. Но то еще болѣе замѣчанія достойно, что Творецъ природы нашей и сію слабѣйшую ея часть устроилъ съ такою безконечною премудростію, что она къ перевѣсу добра въ мірѣ споспѣшествуетъ. Замѣчаніе сіе тѣмъ важнѣе, что мы, имѣя неправильное понятіе о сихъ страстяхъ, премудраго Вседержителя — за такое устроеніе нашей природы, которое есть яснѣйшее доказательство непремѣняемой его любви къ добру — можемъ почитать главною причиной грѣха; равномѣрно мы, при такомъ понятіи, можемъ оправдывать и ту клевету, которою нѣкоторые новѣйшіе философы силятся для ума выставить Христіанство презрѣннымъ — будто оно страсти, какъ коренное зло, осуждаетъ и повелѣваетъ намъ вовсе истребить побужденія, Творцемъ въ насъ посѣянныя. Это

дѣлалъ прежній стоическій фанатизмъ, а продолжаетъ нынѣшній: но фанатизмъ и истинная религія столько различны между собою, сколько слѣпое побужденіе отъ просвѣщенной добродѣтели. Фанатизмъ думаетъ, что почитаетъ Бога, когда осуждаетъ дѣла рукъ его; а религія уважаетъ ихъ по той увѣренности, что въ нихъ чтитъ Создателя. — Божественный основатель Христіанства, котораго ученіе думаютъ симъ опорочить, совершенно зналъ натуру (потому что Онъ есть и Творецъ ея); какъ же можно Ему дѣло вѣчной своей премудрости разрушать своимъ ученіемъ? Разстроить Природу — намѣренія его никогда не было: онъ хотѣлъ, возстановивъ первоначально порядокъ ея, снова возвысить къ истинному ея назначенію; хотѣлъ, освѣтивъ умъ нашъ, возвратить ему законное надъ страстями господство, съ которымъ бы онъ безопасно руководствовалъ насъ къ истинному нашему счастію. Таково мудрое и благодѣтельное намѣреніе Зиждителя при семъ устроеніи нашей Природы! Ибо всѣ наши чувственныя пожеланія такъ устроены, что при руководствѣ разсудка становятся добродѣтелью, и разсудку помогаютъ производить добродѣтели. Какъ счастливо иногда суетное честолюбіе занимаетъ мѣсто благороднѣйшей любви къ отечеству!

Какъ исправно выполняетъ нерѣдко долгъ вѣрности одинъ низкій страхъ стыда! Какъ часто, легкомысленное мягкосердіе занимаетъ мѣсто благодѣтельной любви къ человѣчеству! Какихъ дѣйствій, какихъ полезныхъ изобрѣтеній любостяжаніе въ свѣтѣ не производитъ! Какихъ мудрыхъ и общеполезныхъ учрежденій не производитъ честолюбіе, въ томъ единственно намѣреніи, чтобы увеличить могущество свое! Сколько тысячь фамилій, питаетъ жестоская, все для себя самой безчувственно поглощающая, роскошь, чтобы только ненасытности своей доставлять всегда новую пищу! Если жъ побужденія сіи управляются разумомъ и религіею, тогда дѣйствія ихъ бываютъ благодѣтельнѣе, надежнѣе. Что я говорю! безъ нихъ даже и самая разсудительная добродѣтель обойтись не можетъ: разсудокъ нашъ одинъ слишкомъ холоденъ. Наша справедливость, наша благодѣтельность, наше стремленіе—выполнять долгъ званія своего, чрезмѣрно были бы медленны въ своихъ подвигахъ, если бы не помогали намъ особенныя натуральныя наклонности, если бы страсти своею быстротою не сообщали побужденіямъ ума живѣйшаго дѣйствія. — Самолюбіе всегда въ насъ дѣйствуетъ; оно бранноснаго героя, изъ благородной любви къ отечеству жертвующаго ему своимъ

покоемъ, своею жизнію, укрѣпляетъ увѣреніемъ въ безсмертіи; оно поддерживаетъ мудреца въ точныхъ его бодрствованіяхъ, когда онъ трудится для того, чтобы просвѣтить человѣчество, чтобы обуздать его страсти. Разсудокъ холодностію своею долженъ умѣрять безпорядочный жаръ нашихъ страстей; а страсти должны ему огнемъ своимъ сообщать нужную теплоту. Безъ сей мудрой взаимности, Богъ учинилъ бы для насъ добродѣтель тягостною, и она никогда не достигла бы благодѣтельной своей зрѣлости: ибо добродѣтель состоитъ не въ особенныхъ только должностяхъ, но во всеобщей любви къ добру. Односторонняя добродѣтель, которая выполняетъ только одну должность, а всѣ прочія пренебрегаетъ, всегда больше производитъ зла, нежели добра. Справедливость безъ человѣколюбія и кротости есть несноснимая жестокость; нѣжнѣйшее добросердечіе безъ справедливости производитъ важные безпорядки. Сколь же тяжело было бы намъ, при нашей слабости, такое исполненіе всеобщей добродѣтели, если бы наши пожеланія не облегчали сей тягости. Силы наши тогда истощились бы отъ равнаго напряженія къ произведенію всѣхъ добродѣтелей, а добродѣтели наши ничего бы такого не произвели, что имъ собствен-

но жизнь дать должно. Чрезъ сіе же мудрое устроеніе нашей природы, онѣ всѣ, хотя въ различныхъ особахъ, получаютъ живѣйшее дѣйствіе для сохраненія всеобщаго добра. Въ одномъ дѣйствуетъ умѣренность, въ другомъ бодрствуетъ съ живѣйшею строгостію справедливость, инаго одушевляетъ благодѣтельная любовь къ человѣчеству. Но совершеннаго идеала сей нравственной красоты нѣтъ нигдѣ; она и здѣсь также раздѣлена, какъ въ природѣ физической. Вліяніе ея хотя никогда столь сильно не будетъ, сколько могло бъ быть, потому что оно останавливается слабостію прочихъ членовъ; однако жъ въ цѣломъ всегда происходитъ дѣйствіе, превышающее мѣру зла, и премудрость Божія для блага свѣта всегда достигаетъ той цѣли, чтобы сильнѣйшее дѣйствіе всегда стремилось туда, куда по его назначенію стремиться должно. Безъ сомнѣнія, воля Создателя есть, чтобы страсти наши, при свѣтѣ и руководствѣ разума и религіи возвышались до истинной добродѣтели, и чрезъ то были бы для насъ еще благодѣтельнѣе: однако если бы мы всѣ совокупно имѣли добродѣтели, въ одинаковой мѣрѣ и съ равною дѣйствительностью, то сіе, можетъ быть, походило бы болѣе на механизмъ, нежели на свободную нравственную усовершимость.

Богъ управляетъ дѣйствія страстей къ общему благу. Съ начала сего разсужденія былъ вопросъ: ежели есть Богъ, управляющій міромъ, то откуда происходитъ безпорядокъ? — Я теперь спрошу на оборотъ: ежели нѣтъ Бога, міромъ управляющаго, а всё предоставлено слѣпымъ наклонностямъ твореній, то откуда происходитъ сей порядокъ? Разумъ человѣческій, какъ сказано, тутъ совсѣмъ не участвуетъ. Никакъ нельзя объяснить всеобщими законами творенія сію удачную связь столь многихъ произвольныхъ дѣйствій съ случайными въ свѣтѣ происшествіями. Назвать ли это случаемъ?—Но откуда жъ сіе всегда одинаковое смѣшеніе, откуда столь единообразное теченіе міра? По этому и весь порядокъ въ мірѣ, и красота тѣлесной природы — есть только слѣпое стеченіе атомовъ! —Скажутъ: „порядокъ не очень устроенъ.“ — Это мы разсмотримъ прилѣжнѣе. Надобно по крайней мѣрѣ согласиться, что міръ при ономъ существуетъ, и чѣмъ нестройнѣе мы представляемъ въ немъ порядокъ, тѣмъ непонятнѣе становится его сохраненіе. Машина сія состоитъ изъ милліоновъ колесъ, которыя всѣ движутся и другъ на друга дѣйствуютъ по внутренней силѣ, но тѣсной связи между собой не имѣютъ: какое жъ непонятное счастіе причиною, что машина

сія никогда не разстроится, но безпрестанно находится въ единообразномъ движеніи, и свои безпорядки сама собою опять поправляетъ?—Натурально, изъ смѣшенія многихъ противныхъ стихій должны происходить страшныя волненія; здѣсь возстаютъ бури, и все опровергаютъ; тамъ ужасныя землетрясенія превращаютъ область въ пустыню; здѣсь вулканы претворяютъ цвѣтущіе города въ кучу камней, а тамъ повергаютъ горы въ пропасть, и возставляютъ новыя изъ безднъ. Однако жъ не удивительно ли то, что волненія сіи продолжаются не всегда; что міръ при нихъ стоитъ въ одинаковомъ положеніи; что, при всѣхъ сихъ превращеніяхъ, природа въ цѣломъ не теряетъ красоты своей ни мало; что воздухъ, очистившись бурями отъ нездоровыхъ паровъ, опять получаетъ свою питательность; что онъ, помощію потрясеній и изверженій земныхъ, наполняется новыми плодотворными частицами; и что даже Этна, Везувій и проч. суть благодѣтельное средство, чрезъ которое внутреннія земныя пещеры безвредно освобождаются отъ гнилыхъ паровъ, и служатъ къ сохраненію тѣхъ земель, кои симъ потрясеніемъ наиболѣе подвержены бываютъ! — Если бъ мы могли обозрѣть внутреннее строеніе земли, положеніе ея частей, связь

ея проходовъ и пещеръ; ежели бъ могли обозрѣть всю землю въ ея составѣ, въ цѣломъ: тогда бы конечно еще болѣе подивились премудрости и благости Предвѣчнаго въ сихъ кажущихся безпорядкахъ.—И такъ если безъ мудраго, безконечнаго ума не можно представить сего порядка въ тѣлесномъ мірѣ, при всемъ томъ, что мы очень слабо его знаемъ, и то только по частямъ; то гораздо еще невозможнѣе нравственному міру стоять безъ высочайшаго, премудраго управленія, при столь многихъ слѣпыхъ, своевольныхъ и необузданныхъ страстяхъ, которыя всѣ имѣютъ великое вліяніе на физическое добро и зло. Между тѣмъ всегда останется неоспоримою истиною, что міръ чрезъ большую добродѣтель, то есть, когда бы страсти болѣе управлялись и умѣряемы были разумомъ и религіею, въ цѣломъ въ той же мѣрѣ часъ отъ часу становился бы совершеннѣе. Положеніе *Попе: все хорошо*,—требуетъ изъясненія и ограниченія; иначе и злодѣй отъ руки палача умиралъ бы съ такимъ же утѣшеніемъ, какъ и патріотъ, жертвовавшій жизнію для спасенія своего отечества. Чѣмъ совершеннѣе особенныя части, тѣмъ меньше несовершенства въ цѣломъ. Безпорядокъ страстей не можетъ самъ по себѣ споспѣшествовать ко всеобщему совершенству. Страсти сами по себѣ необ-

ходимы, а безпорядокъ ихъ всегда вреденъ; и Существо безконечно-премудрое никогда не можетъ непосредственно избрать его средствомъ къ добру. — Но сіе-то и доказываетъ безконечно-мудрое Провидѣніе, что оно безпорядокъ сей, по высочайшимъ своимъ намѣреніямъ, хотя и попускаетъ; однако, при всей необузданности страстей, при всей слѣпотѣ, съ какою всѣ люди по одностороннимъ своимъ намѣреніямъ дѣйствуютъ, при маломъ употребленіи ума, при небольшомъ вліяніи, какое разсудокъ имѣетъ при томъ можетъ, — сіи безпорядки перемѣшиваются и управляются такъ, что міръ не только не разрушается, но еще зло въ цѣломъ никогда не превышаетъ добра, и — по разновременному поврежденію нравственности его, онъ столько совершенъ, сколько можно, и что нигдѣ нѣтъ чрезвычайнаго зла, которое бы дѣлало человѣческій родъ несчастнымъ безъ цѣли.

СТРАСТЬ КЪ ВИНУ, *запой.*

Сей презрительный и гнусный порокъ происходитъ отъ употребленія хлѣбнаго вина, (то есть, сивухи и ерофеича); и для того должно убѣгать его, какъ яда.

Медики не переставали провозглашать противъ гибельныхъ вліяній сего напитка

на здоровье народное; но ихъ старанія почти всегда оставались тщетными. Градоначальники въ Лондонѣ, изыскивая причину ощутительнаго уменьшенія новорожденныхъ, въ 1725 году, приписывали оную злоупотребленію крѣпкихъ напитковъ. — *Фальконеръ* полагаетъ, что безплодіе браковъ происходитъ отъ сей же причины, и — по его исчисленію, изъ 20,000 крестинъ уменьшилось до 14,000.

Вино сдѣлалось нынѣ необходимостью въ классѣ рабочаго народа, и оно даже имъ полезно, когда употребляется съ умѣренностью; развѣ только усовершенствуя воспитаніе нравственное, можно надѣяться истребленія сего зла, или по крайней мѣрѣ умѣренности въ немъ.

Надобно быть осторожну въ употребленіи и водки, ибо многое употребленіе ея разстроиваетъ пищеварительныя силы желудка. Очень крѣпкая водка можетъ сдѣлать воспаленіе въ желудкѣ. Обыкновенное употребленіе ея, хотя бы и умѣренное, притупляетъ чувствительность органовъ желудочныхъ, дѣлаетъ твердыми перепонки желудка, повреждаетъ соки, и наконецъ уничтожаетъ всю чувствительность. Люди, пьющіе много водки, теряютъ апетитъ, вскорости получаютъ завалы, и погибаютъ

отъ водяной болѣзни. Ежедневное употребленіе водки внутрь очень вредно.

Всѣ наливки съ водкою и ликёры имѣютъ одно свойство, какъ и водка, и ихъ можно назвать подкрашеннымъ ядомъ.

Вино хлѣбное производитъ сначала теплоту, бодрость и охоту къ пищѣ; но вскорѣ потомъ слѣдуетъ въ лицѣ блѣдность, сонливость и нечувствительность. Оно легко можетъ произвесть запой. Всѣ пьяницы сдѣлались таковыми отъ употребленія хлѣбнаго вина и ерофеича: и потому счастливъ тотъ, кто не начиналъ пить его!

Алберти доказалъ ясно, что пьянство препятствуетъ умноженію народа. Древніе мудрые законодатели строго наказывали за пьянство, уповательно по симъ причинамъ.

Всѣ спиртные напитки раждаютъ въ насъ оспроты, накожныя болѣзни, искуственную старость, кашель, стѣсненіе въ груди, припадки въ легкихъ, водяную болѣзнь и — что всего хуже — ужасное притупленіе чувствъ какъ съ физической, такъ и нравственной стороны. Душа у пьяницъ не бываетъ чувствительна ни къ чему честному, великому, изящному или доброму, но только и единственно — къ вину!

Я ничего не знаю, что могло бы такъ унижать человѣка и рождать въ немъ полный характеръ самаго безчувственнаго скотства, какъ частое и неумѣренное употребленіе вина. Другіе пороки оставляютъ еще нѣкоторую надежду къ исправленію; но сей погубляетъ въ конецъ и безъ всякаго спасенія. Государство погибнетъ, когда порокъ сей учинится въ немъ всеобщимъ; ибо оный истребляетъ совершенно прилѣжаніе, добродѣтель, человѣколюбіе, умѣренность и нравственное чувство — подпоры, безъ которыхъ государство существовать не можетъ. Исторія доказываетъ, что со времени введенія между дикими народами вина, тотчасъ началась эпоха кратковременной ихъ жизни и слабости, и что сей даръ больше покорилъ ихъ Европейцамъ, нежели огнестрѣльный порохъ и пушки.

Примѣры.

Ксенофонтъ, въ своей Киропедіи, (то есть, въ сочиненіи о воспитаніи Кира) разсказываетъ безподобное мнѣніе, которое сдѣлало впечатлѣніе на младшаго Кира, при смотрѣніи на пьяныхъ. Получа позволеніе отъ Астіага, своего дѣда, подноситъ ему пить, чтобъ замѣнить мундшенка, онъ вы-

полнилъ сіе весьма хорошо. „Я доволенъ, любезный внукъ, сказалъ ему Астіагъ: невозможно лучше услуживать; но какъ ты хотѣлъ подражать Сакасу (это было имя мундшенка), то почему жъ самъ, подобно ему, не отвѣдывалъ вина?“ — „Я боялся, отвѣчалъ откровенно юный Киръ, не было ли въ семъ напиткѣ яда; ибо, въ томъ пиру, который вы дали, (по случаю дня вашего рожденія, вашимъ придворнымъ вельможамъ) я видѣлъ ясно, что Сакасъ всѣхъ васъ отравилъ ядомъ.“ — Какъ же ты могъ это примѣтить? спросилъ Царь. — „Я замѣтилъ, отвѣчалъ Киръ, что какъ только нѣсколько выпили сего напитка, то головы вскружились у всѣхъ гостей; я васъ видѣлъ дѣлавшаго такія вещи, кои вы не простили бъ дѣтямъ: всѣ кричали въ одно время, не слушая другъ друга, потомъ всѣ пѣли вмѣстѣ, такъ, что невозможно было удержаться отъ смѣха; и коль скоро кто одинъ изъ васъ пѣлъ, вы увѣрили, не слушая его, что онъ пѣлъ удивительно хорошо; — каждый изъ васъ хвастался своею силой; но когда надлежало вспивать для танцевъ, не только вы не могли сдѣлать шага въ такту, но и не могли даже стоять твердо на вашихъ ногахъ.“ — Какъ! — воскликнулъ Астіагъ, развѣ не случается того же и съ твоимъ родителемъ? — „Никогда,“ отвѣ-

чалъ Киръ.— Что же съ нимъ происходитъ, когда пьетъ? спросилъ Царь. —„Онъ перестаетъ имѣть жажду,“ отвѣчалъ юный Киръ.

Въ одно время *Шапель* ужиналъ у одного Маршала; когда жъ они довольно подхмѣлѣли, то начали разговаривать о бѣдствіяхъ сей жизни и о нечаянномъ переходѣ въ будущую: они оба согласились, что ничто въ свѣтѣ такъ не опасно, какъ жить безъ вѣры, но въ тоже самое время находили, что невозможно несогрѣшить въ продолженіе многихъ лѣтъ, и что весьма счастливы тѣ, которые послѣ кратковременныхъ страданій умираютъ. Посему Шапель выдумалъ, чтобъ обоимъ имъ ипти въ Турцію — для обличенія Турковъ въ заблужденіяхъ ихъ вѣры: „Насъ возьмутъ, сказалъ онъ, поведутъ къ какому-нибудь Пашѣ, — я буду ему отвѣчать съ твердостію; вы также поступите, господинъ Маршалъ, какъ и я; меня посадятъ на колъ, потомъ, послѣ меня, васъ, и — мы выше земли!“ — Маршалъ, не бывъ доволенъ тѣмъ, что Стихотворецъ Шапель помѣстилъ себя такимъ образомъ прежде его, сказалъ: это мнѣ, какъ Маршалу и Герцогу и Перу, слѣдуетъ говорить Пашѣ, и при-

нять мученія мнѣ первому, а не такому собесѣднику, каковъ ты.“ — „Я насмѣхаюсь надъ вами, отвѣчалъ Шапель.“ Послѣ сего Маршалъ кидаетъ ему тарелку въ лице; Шапель же тотчасъ бросается на Маршала: они опрокидываютъ столъ, приборы столовые падаютъ со стола, стулья также; — прибѣгаютъ на стукъ. Можно себѣ представить, какая была сцена при объясненіи причины ихъ ссоры, и до чего доводятъ подобные ужины!

СТРАСТЬ КЪ ЗАВОЕВАНІЯМЪ И ПОБѢДАМЪ.

Какъ безразсудна та слава, для коей тѣсенъ цѣлый свѣтъ! Она обыкновенно основана токмо на честолюбіи, жадности къ корысти, несправедливости и жестокости. — Однажды *Александръ* Македонскій спросилъ у взятаго имъ морскаго разбойника: какое право имѣетъ онъ нападать на проѣзжающія суда? — „Такое жъ,“ отвѣчалъ „съ свободною гордостью разбойникъ, какое „имѣешь ты грабить свѣтъ. Но поелику я „разъѣзжаю для этого на маленькомъ кораб„лѣ, то меня называютъ разбойникомъ, а „тебя, который употребляетъ къ тому „большой флотъ, величаютъ именемъ завое„вателя.“ — У Александра Великаго власто-

любіе превращалось въ безуміе, храбрость въ неистовство. — Къ числу ненасытныхъ честолюбцевъ и завоевателей принадлежитъ также *Наполеонъ Бонапарте*. Мысль, содѣлаться всесильнымъ, истребила въ немъ всякое попеченіе о жизни и благоденствіи цѣлыхъ милліоновъ людей, коихъ приносилъ онъ на жертву своему честолюбію. Сія-то пагубная страсть была источникомъ исполинскихъ его предпріятій, цѣлые годы потрясавшихъ и истощавшихъ вселенную. — *Наполеонъ*, мужъ, хотѣвшій захватить для одного себя всю хвалу и славу нашего вѣка, мужъ исполинскихъ дарованій, совершалъ дѣла неимовѣрныя, но — не выполнилъ того высокаго жребія, на который обрекали его, казалось, и геній и фортуна. Сколькихъ слезъ, крови и развалинъ стоили вселенной побѣды сего героя, жаднаго къ браняхъ и славѣ!

По несчастію, подлинно слишкомъ выхваляли мнимаго того героя, которому, для удовлетворенія тщеславія своего, было мало цѣлаго свѣта. Чтеніе *Квинта-Курція*, говорятъ, произвело *Карла XII*. Для чего жъ не понялъ онъ тѣхъ словъ, столь трогающихъ и столь глубокомысленныхъ, которыя Скиѳъ сказалъ *Александру*: „*ежели „бы ты былъ Богъ, то не дѣлалъ бы столь-*

„*ко зла людямъ!*“ „Самые великіе завоева-
„тели гораздо ниже миролюбивыхъ, право-
„судныхъ и милосердыхъ Государей. Несрав-
„ненно лучше быть утѣхою человѣческаго
„рода, нежели ужасомъ. Честолюбецъ, пред-
„принимающій войну единственно для своей
„собственной славы, равномѣрно ненави-
„стенъ и Богу и людямъ; но—Государь, до-
„стойный сего званія, избѣгаетъ ее безбояз-
„ненно, и ведетъ ее съ неустрашимостью,
„когда она неизбѣжна; въ случаѣ нужды —
„онъ является нещадящимъ своей крови,
„но всегда щадитъ кровь своихъ поддан-
„ныхъ.“

Когда предлагали Графу *де Саксѣ* нѣко-
торую атаку, на коей нѣсколько человѣкъ
надлежало потерять: „подождемъ нѣсколько
„дней, отвѣчалъ онъ, „самый лучшій успѣхъ
„конечно тотъ, который получается съ
„наималѣйшею потерею людей; одинъ гре-
„надеръ мнѣ весьма дорогъ: двадцать лѣтъ
„надобно, чтобы замѣнить потерю его.“—

СТРАСТЬ КЪ СОБАКАМЪ.

Бояре Русскіе, что бы отъучить *Петра*
отъ его любимыхъ занятій, старались скло-
нить его къ забавамъ другаго рода: они
стали выхвалять ему псовую охоту — и

спрашивали, не хочешь ли съ ними потѣшиться въ полѣ? Но *Петръ* проникъ ихъ намѣреніе; однако, не показывая вида, велѣлъ приготовиться къ охотѣ. Въ назначенный день, Царь, пріѣхавъ на поле, благодарилъ Бояръ за усердіе ихъ,—но сказалъ, что онъ намѣренъ забавляться охотою только съ ними, а не со слугами ихъ, почему и желалъ, чтобъ слуги были удалены. Бояре повиновались, и служители, которые были псари, передавъ собакъ господамъ своимъ, отъѣхали и стали поодаль. Тутъ представилось жалкое и забавное зрѣлище. Бояре, не привыкши управлять собаками, привели ихъ въ разстройство. Собаки бросались между лошадей, лошади пугались и, кидаясь въ сторону, сбивали съ себя всадниковъ; иные падали съ лошадей, запутавшись въ шнурахъ и сворахъ, за которые собаки уцѣпясь, тащили ихъ. Царь смѣялся даже до слезъ, и, возвращясь въ Преображенское — велѣлъ на другой день быть снова охотѣ; но Бояре, изъ коихъ было нѣсколько увѣчныхъ отъ прошлой забавы, отказались. Тогда Царь сказалъ имъ: „не лучше ли быть воинами, нежели псовыми охотниками; когда же въ оружіи слава, то почто вы меня отводите отъ Царскихъ дѣлъ къ забавѣ псарей и отъ славы къ безславію?“

СТРАХЪ. — *Чит.:* БОЯЗНЬ.

СТРАШНЫЙ СУДЪ.

Ежели бъ люди не были увѣрены въ будущихъ за добро и зло воздаяніяхъ, то никакое бы и общество существовать не могло: ибо безъ сего чѣмъ Государь своихъ подданныхъ удержитъ отъ зла? чѣмъ возбудитъ къ добродѣтели? Награжденіями, скажете вы, и наказаніями; но много бываетъ тайныхъ злодѣйствъ, въ которыя проникнуть нельзя; много скрытыхъ добродѣтелей, которыя здѣсь безъ награжденія остаются. Такъ чѣмъ же верховный начальникъ утвердитъ законы свои? Поистинѣ напоминаніемъ Божія правосудія, которое ни злыхъ безъ наказанія, ни добрыхъ безъ наградъ не оставляетъ.

Не спросятъ тамъ, въ какомъ кто гробѣ
Лежалъ дотоль въ земной утробѣ,
И былъ ли онъ парчей одѣтъ?
Съ пальбой ли въ землю опустили,
Иль просто въ саванѣ свалили?
Вопросъ: какъ жилъ? — давай отвѣтъ!

(Князь *И. Долгорукій*).

СУДЬБА, *рокъ, жребій, участь.*

Одни лишь несчастные признаютъ могущество судьбы; счастливые же припи-

сываютъ всѣ свои успѣхи своему благоразумію и достоинству.

Предвѣдѣніе Божіе знало чрезъ все продолженіе вѣковъ участь каждаго человѣка особенно: то не слѣдуетъ ли изъ того, что какъ участь неизбѣжна, такъ и судьба непреложна? Между тѣмъ хотя никто не сомнѣвается о сей первоначальной истинѣ; однако же многіе утверждаютъ, что будто невозможно согласить онаго съ свободою человѣка. Но я скажу, что нѣтъ и признака трудности соединить сіи два мнѣнія: ибо добрая или злая участь, предуставленная Промысломъ, имѣетъ существенное сходство съ добромъ или зломъ, которое человѣкъ дѣлаетъ. Разсмотримъ сіе подробно. Напримѣръ: Богъ, предвидя будущія беззаконія человѣка, предвидѣлъ въ то же время и наказанія, заслуживаемыя оными; и такъ несчастная сія участь неминуема — не для того, чтобы человѣкъ не въ силахъ былъ прилѣпиться къ добродѣтели, но что этого не пожелаетъ; и потому не должно оное быть приписано провидѣнію Божію, какъ винѣ его, но единственно нашему ожесточенію, нашей закоснѣлости въ порокахъ и слабости, которою порабощаемъ мы себя злымъ склонностямъ своимъ. Я жалѣю о тѣхъ, которые не по-

знаютъ со мною существенности и очевидности сей истины. Излагая сію истину, не нахожу ничего несправедливѣе такихъ мыслей—что будто Богъ многомилостивый предназначилъ участь человѣческую неизбѣжною, давши однимъ рвеніе къ добродѣтели, а другимъ склонность къ порокамъ, и будто онъ предопредѣлилъ спасти токмо малѣйшее число людей добрыхъ, а прочихъ всѣхъ осудилъ безъ милосердія на вѣчное наказаніе. Сколь велико злочестіе — примѣнять Бога, совершенно справедливаго, къ самому люшѣйшему мучителю! И какая чудная дерзость слабоумія нашего, — желать проникнуть въ глубину судебъ Божіихъ! Вмѣсто сихъ тщетныхъ умствованій, прибѣгнемъ къ благости Его, — помолимся Ему съ сокрушеніемъ сердца: да учинитъ Онъ жребій нашъ счастливымъ; и увѣримся, что каковъ бы оный ни былъ, токмо пребудетъ вѣчнымъ памятникомъ милосердія, или правосудія Создателя.

Въ мірѣ бываютъ различныя приключенія. Въ числѣ ихъ встрѣчаются такія, коихъ мы причинъ, отъ чего бываютъ, не узнаемъ, и на которыя взирая, приходимъ въ удивленіе; — таковыя приключенія мы

обыкли называть *судьбою* или *рокомъ*, да называемъ такъ по разуму Хріспіанскому, а не языческому. Подъ именемъ *судьбы* не разумѣемъ мы такое приключеніе, которое произошло по нѣкоторому вѣчному опредѣленію, которое никакая сила, ни Божеская, ни человѣческая, отвратить не могла и не можетъ: сего Христіанское Богословіе не пріемлетъ; — ибо мы почитаемъ все зависящимъ отъ власти Всемогущаго: и было бъ непонятно — быть какому-нибудь закону независящему отъ предвѣчнаго Законодавца, или бы Богъ принужденъ слѣдовать нѣкоторому уставу, котораго начала изобрѣсти невозможно. Нѣтъ! *Богъ нашъ на небеси и на земли: всп, елика восхотѣ, сотвори.* А *судьбу* или *рокъ* принимаемъ мы за приключеніе, котораго причины ни мудрѣйшій, ни любопытнѣйшій найти не могутъ, хотя у Бога есть тому причина достаточнѣйшая и справедливѣйшая, которая всегда отъ свободной Его власти зависѣла и зависитъ: и мы бы оную усмотрѣли, если бъ на высшую степень просвѣщенія были возведены, или бы открыта намъ была вѣчная книга судебъ Его.

Сіе предположивъ, о вещахъ Божіихъ надобно особливое имѣть понятіе, и болѣе держаться вѣры. Вѣра есть для насъ

святое убѣжище, безопасное пристанище; а невѣріе или пустое любопытство есть опасное зло, которое прямо ведетъ къ развращенію: таковые развращающіе путь Господень, всегда были и будутъ: нельзя пшеницѣ быть безъ плевелъ. Мы отъ сей опасности удалены; мы Христіане, наша вѣра, церковь утверждена на камени—Іисусѣ Христѣ; и потому насъ никакія приключенія смущать не должны, а особливо когда мы знаемъ, что другой родъ приключеній, бывающихъ въ мірѣ, есть утѣшительнѣйшій; которыя къ нашему послужили или исправленію или избавленію, или побѣжденію препятствій; таковы напримѣръ: *Моисей*, брошенный въ воду для погубленія, но вмѣсто того воспитанный въ дому царскомъ; — *Іосифъ* — отъ братьевъ изгнанный, и чрезъ сей случай на высоту почестей Египетскимъ Царемъ возведенный; — впадшій въ разбойники, нашедшій милосердаго Самарянина;—Самаряныні случившійся разговоръ съ Спасителемъ; Маріи Египетской счастливый, но внезапный приходъ въ церковь,— и прочія подобныя. Да и всякъ изъ насъ ближайшіе тому примѣры видѣлъ или на другихъ, или на себѣ, если только внимательно разсуждаетъ о себѣ. Иному послалъ Богъ добрыхъ воспитателей, другому хорошее дружество,

третьему благоразумнаго начальника; сироть милосердаго покровителя; сему чтеніе полезныхъ книгъ, тому страхъ примѣрнаго другихъ наказанія; другому вкушеніе горестныхъ слѣдствій, иному въ церкви падшее на сердцѣ слово, а тому злосчастіе: ибо счастіе нерѣдко приводитъ въ разслабленіе. Всѣ же сіи и подобные случаи не иное что суть, какъ разные способы, коими благій Промыслъ печется о насъ; а сіе должно насъ заставить прославлять благость Божію употребленіемъ даровъ, которые способомъ, отъ нея показаннымъ, мы получили.

Богъ одинъ назначаетъ нашу судьбу. Императоръ *Сигизмундъ* былъ весьма щедрый Государь; однако жъ очень, по видимому, не радѣлъ объ одномъ изъ своихъ подданныхъ, который долго ему служилъ и коего онъ много любилъ: сей старый служитель однажды намекнулъ ему, что онъ ему не сдѣлалъ ни малѣйшаго добра. Но *Сигизмундъ* отвѣчалъ ему, что щедрость есть одна изъ добродѣтелей, которыя здѣсь безъ награжденія остаются. Такъ чѣмъ же верховный начальникъ утвердитъ законы свои? поистинѣ напоминаніемъ Божія правосудія, которое ни злыхъ безъ наказанія, ни добрыхъ безъ награжденія не оставляетъ.

СУЕВѢРІЕ, *предразсудокъ.*

Какъ много можно видѣть такихъ людей, кои съ умомъ, благочестіемъ и набожностью, не могутъ безъ содроганія думать о смерти; другіе блѣднѣютъ отъ того, когда за столомъ обѣдаютъ 13 человѣкъ, или видѣвши нѣкоторые сны, или за столомъ опрокинувъ солонку. Страхъ всѣхъ сихъ пустыхъ предзнаменованій есть грубый остатокъ отъ идолопоклонства.

Многіе почитаютъ знакомъ счастія — *родиться въ сорочкѣ*, или перепонкѣ, въ коей нѣкоторыя дѣти раждаются на свѣтъ. Число тринадцать приводитъ въ ужасъ иныхъ. Просыпанная соль, ножъ и вилка, накрестъ лежащіе; крикъ ворона на кровлѣ или вой собаки подъ окномъ — почитаются знаками неминуемаго несчастія; искра на свѣтильнѣ означаетъ будто бы письмо или посѣщеніе. Въ Англіи и во Франціи никто не поѣдетъ въ дорогу, не начнетъ никакого дѣла, даже не перевернетъ перины въ пятницу, какъ у насъ нѣкоторые въ понедѣльникъ. Въ обѣихъ сихъ земляхъ вѣрятъ снамъ, привидѣніямъ, колдовству; даже наши Кіевскія вѣдьмы, съ ихъ мешлами, существуютъ тамъ въ воображеніи народа, только подъ другими именами. Кажется, что просвѣщеніе въ нашемъ мірѣ

осуждено на безпрерывную войну съ предразсудками и суевѣріями.

Суевѣріе разрушаетъ гармонію между естественными должностями. Суевѣріе производитъ гибельныя дѣйствія, если не будетъ умѣряемо благоразуміемъ. Религія предписываетъ намъ три главныя должности: *любовь къ Богу, всеобщую благодѣтельность и человѣколюбіе* и *укрощеніе своихъ страстей;* исполняя ихъ, мы назидаемъ свое собственное совершенство. Сіи три должности нераздѣльны; ихъ гармонія, то есть, онѣ три вмѣстѣ, всегда могутъ быть выполнены, не вредя одна другой, и составляютъ въ религіи собственно божественный характеръ всеобщей благодѣтельности. Какія жъ еще можетъ выдумать человѣкъ прибавленія, которыя бы не были для нее опасны? Я согласенъ, что они сперва могутъ быть изобрѣтены съ самымъ добрымъ, съ самымъ невиннымъ намѣреніемъ; но религія не менѣе подвергается чрезъ то опасности—ослабить силу предписываемыхъ ею обязанностей, сіе существенное ея преимущество, для возвышенія человѣка. — Основаніе всѣхъ моихъ должностей есть Богъ, и религія мнѣ повелѣваетъ помнить о семъ всевысочайшемъ Существѣ при всѣхъ моихъ жизненныхъ занятіяхъ; она повелѣваетъ еще, чтобы я въ извѣстное

время всего себя посвящалъ на размышленіе о немъ: — но я хочу быть еще свяпѣе; хочу оставить всѣ общественныя дѣла, хочу расторгнуть всѣ связи съ людьми, что бы никто не помѣшалъ набожнымъ моимъ занятіямъ. Религія повелѣваетъ мнѣ быть столько благодѣтельнымъ, сколько имѣю возможности; велитъ съ разсужденіемъ помогать неимущимъ, благоразумно способствовать облегченію ихъ бѣдствія: — но я желаю быть еще свяпѣе; хочу все свое имѣніе употребить на человѣколюбивыя заведенія; хочу построить домы, въ которыхъ всякой, кто только захотѣлъ бы, не трудясь находилъ бы себѣ довольное содержаніе; а мое семейство, лишась отъ того средствъ къ пропитанію своему, всегда можетъ найти себѣ милостыню у дверей сихъ заведеній. Религія научаетъ меня, что я не могу выполнять должностей ни къ Богу, ни къ ближнему, коль скоро не буду укрощать страстей своихъ, не буду остерегаться мірскихъ прелестей, не буду всегда имѣть въ виду тлѣнности ихъ и своей: — но я хочу быть еще свяпѣе; хочу отказать себѣ даже въ самыхъ невиннѣйшихъ удовольствіяхъ. Чтожъ будетъ изъ такой моей религіи, которая не можетъ быть всеобщею, и при коей даже общежитіе состоять не можетъ?

Не спорю, что истинныя основанія нашей справедливости и святости и при сихъ прибавленіяхъ могутъ быть сохранены. Благоразумные люди всегда уразумѣютъ различить сіи сторонніе прибавленія отъ должностей, истинное благочестіе составляющихъ; несоглашаться на сіе нельзя, не оскорбивъ многихъ просвѣщенныхъ людей, украшенныхъ чистѣйшею и высочайшею добродѣтелью. Однако же и сіи друзья истиннаго благочестія всегда будутъ желать для чести религіи, что бы она имѣла на насъ истинно святыя дѣйствія; ибо размышляющихъ о семъ людей всегда очень немного.

Суевѣръ есть тотъ, котораго вѣра противна разсудку и здравымъ понятіямъ о вышнемъ Существѣ. Суевѣръ есть несчастнѣйшее созданіе: онъ всеминутно боится Бога, не какъ Судіи праведнаго, но какъ Судіи грознаго; все кажется ему предвѣщаніемъ Божескаго гнѣва; — онъ трепещетъ днемъ отъ примѣтъ, ночью отъ сновидѣній.

СУЕТНОСТЬ ЖИЗНИ *человѣческой.*

Увы! Нѣтъ ничего прочнаго, или постояннаго подъ луною! Все представляетъ бренность суетъ подлуннаго міра.

Соломонъ, славнѣйшій изъ Царей и благополучнѣйшій по наружности, который наиболѣе соединялъ и испоцалъ всѣ роды наслажденій, утѣхъ, славы, богатства, знаній, Наукъ, по торжественномъ исчисленіи всего того, говорилъ: „*все суетно подъ солнцемъ: суета суетъ, и всяческая суета!*“

Императоръ Септимій *Северъ*, чувствуя, при смерти своей суетность всего величія человѣческаго, приказалъ принесть къ себѣ урну, въ которой заключенъ будетъ прахъ его, и, увидѣвъ ее, взялъ въ руки и сказалъ: „Малая урна! и такъ ты заключишь въ себѣ того, котораго цѣлый міръ не могъ удовольствовать! Я былъ всё, и всё это есть ничто.“

Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ священныхъ твореній Царя *Давида*, сколь живо изображающаго бренность суетной жизни человѣческой:

„Видѣхъ человѣка превозносящася, яко кедры Ливанскіе, и мимо идохъ, и се не бѣ.“

„Внегда умрети ему, не возьметъ вся, ниже снидетъ съ нимъ слава его.“

„Не надѣйтеся на Князи, ни на сыны человѣческія, въ нихъ же нѣсть спасенія. Изыдетъ духъ его и возвратится въ

землю свою; въ той день погибнутъ вся помышленія его." (Не смотря ни на титла свѣтлости, ни на силу знатности, ни на блескъ сокровищъ, смерть разитъ внезапнымъ ударомъ. Сей не даетъ имъ времени довершить благодѣяній своихъ тѣмъ, кому добра желаютъ, ни удовлетворить тѣхъ, предъ кѣмъ чувствуютъ себя виновными).

Человѣкъ, упоенный величіемъ и роскошью, баловень счастія, надѣется на свои силы; блескъ счастія умножаетъ его суетность: но страшенъ часъ, ужасенъ день, когда смерть похититъ сего преступнаго счастливца, обремененнаго беззаконіями.

Горацій въ Одѣ своей, *Къ Сестію на возвращеніе весны*, говоритъ: „*Блѣдная смерть безъ различія стучитъ въ двери пастушьей хижины и царскихъ чертоговъ.*"

Извѣстно, что строитель первой пирамиды въ Египтѣ, Царь *Хеопсъ* (*), употребилъ для сей обширнѣйшей гробницы своей 360,000 подданныхъ, кои трудились надъ нею цѣлыя 20 лѣтъ. Вѣсъ гранитныхъ камней, изъ коихъ она воздвигнута, простирается не менѣе, какъ до 1200 милліоновъ фунтовъ! Многіе камни сего огромнѣйшаго зданія имѣютъ по 30 футовъ длины. Каждая сторона сей пирамиды

(*) Восшедшій на престолъ за 1178 лѣтъ до Р. Х.

имѣетъ 660 футовъ; окружность ея 2640 футовъ; а вышина 448. — *Плиній* говоритъ, что на овощи, рѣдьку и лукъ, до коихъ древніе Египтяне были большіе охотники, истрачено 7 милліоновъ рублей для работниковъ при построеніи сей пирамиды. И подъ сею-то колоссальною громадою прахъ Хеопса не былъ однако жъ сохраненъ отъ совершеннаго разрушенія; Англійскій путешественникъ *Шавъ*, посѣтившій въ прошедшемъ вѣкѣ и съ точностію изслѣдовавшій сію обширную гробницу, не нашелъ въ ней ни одной малѣйшей кости! Такъ-то проходитъ слава міра сего!

Суета суетъ; и всяческая суета! сказалъ премудрый *Соломонъ*. Подлинно, сколько суетъ, сколько заботъ, сколько страстей, коими обременяется человѣкъ! Снискиваніе пропитанія тягостными трудами, содержаніе семьи и дома, исправленіе многотрудныхъ, возложенныхъ на всякаго должностей, сколько требуютъ времени! Но сіи нужды естественны, и потому не предосудительны. Прибавьте къ сему неправедныхъ судей привязки, сильныхъ притѣсненія, клеветниковъ порицанія, ненавистниковъ ухищренія, ласкателей пронырства; — сколько надобно занять мысль свою, чтобъ отъ оныхъ себя предостеречь, или наносимыя отвратить, или будущія предупре-

дишь, и въ сихъ всюду разставленныхъ сѣтяхъ не увязнуть? Но что еще сказать о самовольныхъ нашихъ прихотяхъ, чтобъ умножить прибытки, чтобъ на высшую подняться честь, чтобъ столъ различными яствами отяготить, чтобъ жилище расширить, чтобъ изобрѣсти новыя увеселенія, и суетными зрѣлищами удовольствовать свой вкусъ? Сколько нужно времени, чтобъ сіи замыслы преднамѣренные окончить, и безпредѣльныя желанія насытить!

Но какъ все ученіе Писанія Божественнаго есть ученіе Святаго Духа, то и не можно вышепомянутыя слова такъ разумѣть, чтобъ оныя прямо охуждали жизнь человѣческую, которая есть даръ Бога человѣколюбиваго. Но какъ же ихъ толковать и разумѣть? Разумѣть надлежитъ не о жизни человѣческой вообще, но о жизни нѣкоторыхъ людей: а именно, суетна жизнь того, который проводитъ оную въ суетѣ, то есть, въ однѣхъ забавахъ, съ потерею душевнаго совершенства и съ упущеніемъ своей должности; горестна жизнь того, который, не зная или потерявъ сладостный вкусъ добродѣтели, думаетъ найти ее въ услажденіи страстей; окаянна жизнь того, который пороками и беззаконіями безчестя ее, дѣлаетъ еще ее путемъ, веду-

щимъ къ вѣчному злосчастію. Подлинно таковыхъ людей жизнь суетна и пагубна.

Радости міра всегда сопряжены съ горемъ; одинъ только мудрецъ наслаждается безмятежнымъ веселіемъ непорочной совѣсти. Одинъ Философъ изъяснилъ слѣдующимъ образомъ причину всѣхъ мірскихъ суетъ и безпокойствъ: „люди жили бы спокойно и счастливо, если бъ менѣе занимались *чужими* дѣлами, нежели *своими* собственными.

СУПРУЖЕСТВО.

Алиберъ говоритъ: „Одна добродѣтель можетъ понять и цѣнить кроткія, нѣжныя удовольствія супружества, когда союзъ его утвержденъ сходствомъ нравовъ, чувствительности и характера.

Плутархъ говоритъ: „Не тотъ счастливъ, кто женится на прекрасной и богатой, а тотъ, чья жена любезна и добронравна.“

Нѣтъ ничего обманчивѣе наружности молодой дѣвицы.

Жениться по расчету — не то же ли самое, что купить книгу въ богатомъ переплетѣ, содержаніе которой намъ неизвѣстно?

Для счастія супружеской жизни необходимо, чтобы жена по крайней мѣрѣ уважала своего мужа, если не можетъ любить его.

Весьма рѣдки совершенно-счастливыя супружества.

Отъ чего жъ супружества согласныя очень рѣдки? — Отъ того, что сіе важное дѣло совершается весьма часто по расчетамъ, а не по любви; по страсти и легкомыслію молодыхъ людей, кои не стараются предохранить себя отъ несчастія и раскаянія. Должно хорошо размыслить прежде, и хорошо поступать послѣ, дабы ни въ чемъ себя не упрекать.

Вступая въ супружество, которое должно быть ненарушимо, надобно совершенно обдумать и не смотрѣть ни на любовь, которая всегда слѣпа, ни на богатство, которое умерщвляетъ любовь подъ златыми цѣпями своими.

Вкорененное отвращеніе или несходство нравовъ происходитъ отъ неравенства лѣтъ мужа съ женою, отъ жадности богатства, и отъ невольныхъ вступленій въ бракъ.

Бракъ молодаго человѣка съ старою женщиной вреденъ порядку общежитія. Сіи браки совершаются только изъ гнуснѣйшей денежной корысти, и ведутъ не-

премѣнно человѣка къ омерзѣнію и распутству, а жену къ чрезмѣрной ревности.

Счастливыя супружества содѣлались рѣдки съ тѣхъ поръ, какъ начали предпочитать болѣе деньги, нежели достоинство. Одинъ человѣкъ спросилъ *Ѳемистокла:* за кого онъ охотнѣе отдастъ дочь свою замужъ, за честнаго и достойнаго человѣка — но бѣднаго, или за богатаго но безъ всякихъ достоинствъ? — *Я лучше люблю,* отвѣчалъ онъ, *человѣка безъ денегъ, нежели деньги безъ человѣка.*

Ни за какія въ свѣтѣ сокровища не должно жениться на такой, къ которой имѣетъ человѣкъ отвращеніе. — Красота скоро проходитъ; выбирая себѣ жену, должно болѣе уважать умъ, нравъ, добродѣтель ея, нежели красоту.

Дружество супружеское гораздо тверже и постояннѣе бываетъ, когда оно основано на такихъ качествахъ, коихъ ни болѣзни, ни страсть не могутъ истребить. — Сходство нравовъ необходимо для счастливаго супружества.

Г-жа *Ментенонъ* говоритъ Герцогинѣ Бургонской въ наставленіи своемъ: Просите Бога, чтобъ не быть ревнивой; не надѣйтесь обратить къ себѣ мужа жалобами, огорченіями и упреками; одно есть средство, которое состоитъ въ терпѣніи, кро-

тости и нѣжности; нетерпѣніе приводитъ въ злобу, нѣжность же привлекаетъ сердце.

Благоразумная и благочестивая жена есть даръ Неба; всѣ драгоцѣнныя сокровища земныя предъ нимъ суть ничто.

Кокетство жены есть дѣло ужасное; оно производитъ великіе раздоры и несчастія въ семействахъ.

Самовластіе въ супружествѣ гнусно и омерзительно, и никогда то не дѣлается хорошо, что дѣлается по принужденію; жена есть ваша подруга, а не невольница, которую вы избрали себѣ.

По большей части у мужа съ женою бываютъ несогласія за то, что жена хочетъ управлять своимъ мужемъ и избавиться отъ его зависимости, установленной Богомъ.

Апостолъ Павелъ предписываетъ женамъ почитать мужей своихъ за начальниковъ своихъ, и быть имъ подвластными или покорными во всемъ.

Есть средство для жены, чтобъ раздѣлить власть мужа своего, или и вовсе его лишить оной: оно состоитъ въ покорности, снисходительности и нѣжности. Жена, которая старается, чтобъ ей нравилось все то, что мужъ ея желаетъ и приказываетъ, доводитъ его до такого положенія, что онъ не осмѣлится и не потребуетъ ничего такого, чтобъ не нравилось ей.

Одна женщина просила другую, благоразумную и добродѣтельную женщину, открыть ей тайну: отъ чего она живетъ всегда согласно со своимъ мужемъ? — „Отъ того, отвѣчала она первой, что я *дѣлаю все то, что ему нравится, и сношу терпѣливо все, что онъ дѣлаетъ, хотя бы оно мнѣ и не нравилось.*“

Жена занимающаяся хозяйствомъ и бережливостью, есть неоцѣненное сокровище для мужа; сіе достоинство стоитъ богатѣйшаго приданаго; съ такою женой приданое ея умножается ежедневно. Напротивъ того, съ глупою женой, которая презираетъ хозяйство и ни въ чемъ себѣ не отказываетъ, даже и будущія наслѣдства недостаточны будутъ, сверхъ родоваго имѣнія. — Но жена скупая обыкновенно бываетъ зла и бранчива.

Снисхожденіе добродѣтельной жены поддерживаетъ радость въ сердцѣ и на лицѣ мужа ея. Хорошее поведеніе и неусыпное попеченіе ея о домашнемъ хозяйствѣ, избавляютъ его отъ безпокойствъ и трудовъ.

Чтобы вкушать и сохранить счастіе въ супружествѣ, имѣйте всегда одинъ къ другому уваженіе, вниманіе и почтеніе, кои вы оказывали прежде свадьбы; удвойте даже ихъ,

если то можно; гораздо труднѣе поддержать любовь, нежели произвесть ее.

Почтеннѣйшія супруги, желающія быть увѣренными въ преданности и любви вашихъ супруговъ, не дѣлайте также, какъ многія другія, кои, послѣ свадьбы, гораздо менѣе стараются нравиться своимъ мужьямъ, нежели какъ онѣ старались прежде казаться имъ любезными. Приложите такое жъ попеченіе, дабы сохранить его любовь, какое вы употребляли, чтобъ ему понравиться. Вы старались ему нравиться опрятностью и чистотою, продолжайте это всегда также. Одѣвайтесь по вашему состоянію, но болѣе для вашего мужа, нежели для другихъ. Если жъ жена старается болѣе о своихъ нарядахъ тогда только, когда хочетъ казаться въ публикѣ, за-просто ежедневно показывалсь мужу своему неопрятно-одѣтою, не имѣя желанія ему нравиться, — тогда мужъ будетъ увѣренъ, что его жена старается больше обратить вниманіе и взоры другихъ людей, нежели его; наконецъ онъ презритъ ее, и возлюбитъ другихъ женщинъ, кои ему болѣе понравятся, потому что онѣ стараются ему казаться любезными. Даже одна неопрятность можетъ отвратить мужа отъ

любви къ женѣ своей, не смотря на всѣ ея отличныя достоинства.

Когда вступаютъ въ бракъ, имѣя пороки или недостатки (ибо кто ихъ не имѣетъ?) то должно стараться всегда имѣть другъ къ другу великое вниманіе, чтобъ никогда оными не упрекать, и другъ другу не говорить противнаго. Благоразумный человѣкъ говоритъ рѣдко о своей женѣ, никогда надъ нею не насмѣхается, и не презираетъ. Если хотимъ, чтобъ уважали нашихъ женъ, то начнемъ мы первые уважать ихъ. Сверхъ сего, презрѣніе способно только произвесть равнодушіе или хладнокровіе, и вскорѣ потомъ ненависть.

Приучайте себя мыслить, что всякой имѣетъ свои недостатки; и знайте, что требовать, дабы жена была совершенна во всемъ, есть глупость. Хорошія качества жены должны заставить извинять и переносить недостатки ея.

Въ числѣ существенныхъ благъ нашихъ я не полагаю благоволеніе толпы людей: но привязанность нѣсколькихъ лицъ необходима для нашего благополучія.—Мы, будучи существа слабыя, имѣемъ нужду ввѣрять другимъ наши горести и раздѣлять радости. Жена есть лучшій другъ, назначенный намъ Природою. Она не оставляетъ насъ и тогда, когда фортуна удаляетъ всѣхъ про-

чихъ. Сколько людей, въ несчастіи, ушъшенныхъ преданностью подруги, восклицали съ умиленіемъ: *я ничего не потерялъ, мнѣ осталось твое сердце!*

По принятому обыкновенію, посредствомъ супружества, стараются или обогатиться, или успѣть въ свѣтѣ; но, для васъ, да будетъ оно средствомъ быть счастливыми — въ отдаленіи отъ свѣта.

Когда спросили *Ликурга*, съ какимъ намѣреніемъ запретилъ онъ давать дочерямъ приданое? — „*Я желалъ*, былъ отвѣтъ его; *чтобы бѣдность не препятствовала замужству, и чтобъ богатство не служило поводомъ къ оному.*“ Прекрасный и весьма мудрый законъ, но — къ несчастію, давно уже пересталъ существовать, и нынѣ сохраняется только въ *романахъ*, да и то рѣдко.— Не достойно ль это сожалѣнія?

Всякое горючее вещество скоро воспаляется; но если не подложатъ въ огонь чего-нибудь твердаго, то онъ, вспыхнувъ, угасаетъ: такъ и любовь, воспаляемая одною юностью, однѣми тѣлесными прелестями, скоро угаснетъ, если душевныя достоинства супруговъ и добронравіе ихъ не будутъ питать ее.

Супруги не должны никогда огорчать другъ друга грубостію.

Благоразумная жена не довольствуется одною строгою добродѣтелью: она хочетъ еще быть пріятна для супруга своими разговорами, веселостью, всѣми поступками; иначе самая добродѣтель ея будетъ ему противна. Въ наружности своей должно ей соблюдать опрятность и чистоту. Если нехорошо румяниться, то дурно и неумывать лица своего. Кротость, веселой нравъ, умной разговоръ, опрятность въ одеждѣ, чистота въ домѣ, бережливость (но не скупость) въ хозяйствѣ, дѣлаютъ супругу любезною для мужа.

Жена почтенна только уваженіемъ своего мужа.

Одинъ господинъ увидѣлъ своего бѣглаго невольника и погнался за нимъ; невольникъ, не зная, куда скрыться, бросился въ глубокое болото; а господинъ сказалъ самъ себѣ: могу ли найти лучшее для него мѣсто? Такимъ образомъ и жена, готовая отъ ревности развестись съ мужемъ, должна себѣ сказать: „женщина, къ которой ревную, „можетъ ли пожелать мнѣ другова? Ссо„рясь съ мужемъ и оставляя домъ свой, не „исполняю ли ея желанія?“

Мужъ, требующій безпорочности отъ жены своей, долженъ самъ быть безпороч-

нымъ; иначе онъ будетъ подобенъ воину, который, отдавшись въ плѣнъ непріятелю, совѣтуетъ другому воину сражаться до смерти.

Когда мужья грубы и строги, тогда жены бываютъ упрямы и не хотятъ исполнять волю ихъ; но когда мужъ кротокъ, нѣженъ, ласковъ, тогда жена съ радостію дѣлаетъ все, что ему угодно.

Одинъ благородный Римлянинъ взялъ прекрасную, богатую жену, и черезъ нѣсколько дней развелся съ нею. Друзья осуждали его и называли безумнымъ. Вмѣсто отвѣта, мужъ показалъ имъ свой башмакъ и сказалъ: „онъ вамъ кажется хорошъ, а мнѣ жметъ ногу.“ — Не тотъ счастливъ, кто женится на прекрасной и богатой; а тотъ, чья жена любезна и добронравна.

Царь *Филиппъ* страстно влюбился въ одну Ѳессалійскую женщину, и суевѣрные люди думали, что она обворожила его волшебнымъ искуствомъ: Царица *Олимпія* призвала ее къ себѣ; увидѣла ея красоту, пріятность; начала говорить съ нею, и увѣрившись въ ея разумѣ — сказала: „я велю мол„чать злословію; волшебство твое сосно-

„шпъ въ красотѣ и любезности.“ — Законная жена должна еще болѣе надѣяться на силу своихъ прелестей, ума и достоинствъ.

Въ другой разъ та же Царица *Олимпія*, слыша, что одинъ изъ молодыхъ придворныхъ женится на славной, но весьма нецѣломудренной красавицѣ, сказала: „онъ выбираетъ по глазамъ, а не по разсудку.“ — Безуменъ и тотъ, кто женится по пальцамъ: то есть, разчисляя, сколько приданаго за женою, а не думая, имѣетъ ли она достоинства.

Сократъ часто говорилъ: „молодые люди! смотрипесь въ зеркало: если вы дурны лицемъ, то украсьте себя добродѣтелью; ежели хороши, то бойтесь обезобразить себя порокомъ!“ Замужняя женщина, дурная лицемъ, сидя передъ зеркаломъ, должна говорить себѣ: „какова покажусь, если буду еще зла?“ а прекрасная: „что красота передъ добродѣтелью?“ Гораздо лучше, гораздо славнѣе быть любимою за душевныя, нежели за наружныя пріятности.

Поэтъ *Софоклъ* говоритъ: смиреніе и честь блистательнѣе злата, — а Философъ *Кратесъ*: „украшеніе есть то, что украшаетъ;

всегожъ болѣе украшаютъ женщину скромность и добродѣтель.

Кто требуетъ уваженія и любви какъ обязанности, тотъ умѣй и заслужитъ оныя; и если хочешь, чтобы жена твоя любила и уважала тебя болѣе всѣхъ другихъ, то старайся только быть достойнѣе другихъ людей, и достойнѣе во всѣхъ отношеніяхъ.

Благородство жены должно быть всегда одинаково; стыдливость и благонравіе должны украшать самыя тайныя наслажденія, и супружественныя права никогда не должны извинять излишество.

Что дѣлаетъ супружество счастливымъ? Что сохраняетъ удовольствія семейственной жизни? Неослабное попеченіе избѣгать всего того, что бы могло, хотя отдаленнѣйшимъ образомъ, оскорбить тонкость чувствъ; безпрерывное стараніе доказывать другъ другу, что какъ тотъ, такъ и другой умѣетъ познавать и цѣнить любовь.

Одна женщина, не желая терпѣть подлипалу, докучавшаго ей о своей любви, отказала ему такъ: „когда я была ребенкомъ, тогда повиновалась моей матери, на возрастѣ слушалась моего отца, а теперь покор-

на мужу моему: и такъ ежели ты отъ меня чего ищешь, то посовѣтуйся съ нимъ.“

Августъ Октавій постоянно сохранялъ къ *Ливіи* любовь, основанную на уваженіи. Спустя нѣсколько времени по смерти его, спрашивали у сей Императрицы, какими способами покоряла она непрестанно сердце своего супруга? „*Самыми простыми*, отвѣчала она: *я строго сохраняла союзъ супружескій; спѣшила всегда исполнять и даже предупреждать его желанія; не любопытствовала никогда узнавать его поступковъ; и хотя знала о его измѣнахъ, но всегда о томъ молчала.*“

СЧАСТІЕ, *благополучіе.*

Одинъ изъ предметовъ, о коихъ весьма нужно имѣть истинныя понятія, есть *благополучіе*, или *счастіе*. Я не говорю о томъ совершенномъ блаженствѣ, которое можно найти только въ будущей жизни и всецѣломъ обладаніи самимъ Богомъ. Религія дастъ намъ лучше чувствовать надобность онаго и подаетъ надежныя средства къ достиженію его. Но говорю теперь о томъ счастіи, къ которому человѣкъ въ здѣшней жизни способенъ быть можетъ. Всѣ люди ищутъ его, но весьма немногіе знаютъ, въ чемъ оно состоитъ, а еще менѣе стараютъ-

ся снискивать оное. Поставляютъ его по большой части въ такомъ добрѣ, которое имѣетъ только видъ онаго; которое, не заключая въ себѣ ничего твердаго и прочнаго, приноситъ только мгновенныя радости, и вообще болѣе причиняетъ мученія и безпокойства, нежели истиннаго удовольствія. Одинъ стихотворецъ сказалъ: „Радость скоротечна и веселіе обманчиво.“

Платонъ весьма хорошо опредѣлилъ счастіе, говоря, что оно непрестанно возраждается, но никогда не существуетъ: а потому лучше ждать его, нежели искать.

Никакое счастіе непродолжительно, говоритъ *Овидій*.

Подлинно счастія не составляютъ нѣсколько минутъ, но все теченіе жизни и твердое состояніе удовольствія и мира.

Не утѣхи, напримѣръ, приводятъ душу нашу въ пріятное и мирное состояніе; онѣ выводятъ ее изъ себя невольнымъ образомъ, и мы испытываемъ тогда, что не имѣемъ спокойствія, и что не достаетъ намъ многаго, чтобъ быть счастливыми. Самое продолженіе утѣхъ утомляетъ и производитъ пресыщеніе и скуку. Всегдашняя утѣха не есть утѣха, говоритъ *Вольтеръ*. То же бываетъ и съ тѣмъ удовольствіемъ, какое мы находимъ, когда что льститъ нашей суетности. Оно скоро исчезаетъ, такъ какъ и

все, зависящее отъ мнѣнія людей. Какое намъ утѣшеніе отъ того, что они превозносятъ наше богатство, дарованія и преимущества, завидуютъ намъ и осыпаютъ насъ похвалами, ежели мы внутренно чувствуемъ себя недовольными собою? Къ тому жъ много въ жизни бываетъ непріятныхъ случаевъ, искушеній, противорѣчій и превратностей. Чтожъ сдѣлаетъ удовольствія наши чистыми и прочными, сколько можно въ здѣшней жизни? что предостережетъ насъ отъ мученій, или содѣлаетъ ихъ намъ не столь горькими? однимъ словомъ, что болѣе поддержитъ удовольствіе и покой души нашей, среди превратностей и въ самыхъ непріятнѣйшихъ и опаснѣйшихъ обстоятельствахъ? Собственное свидѣтельство, что мы находимся въ порядкѣ, не имѣемъ ничѣмъ себя упрекнуть, дѣлаемъ и сдѣлали все то благо, какое намъ было возможно; дѣятельное исполненіе нашихъ должностей и всѣхъ добродѣтелей, намъ свойственныхъ, честный вкусъ, кроткія и порядочныя наклонности; упражненія, соотвѣтствующія званію нашему, а болѣе всего религія, которая не только очищаетъ наши удовольствія, но облегчаетъ наши бѣдствія, часто предупреждая оныя, и, когда они неизбѣжны, представляетъ существенныя и пріятнѣйшія

вознагражденія въ избираемомъ нами жребіи и въ самыхъ тѣхъ благахъ, которыя они, при помощи ея, намъ доставляютъ.

Хотите ли быть счастливыми? Учитесь одному, т. е. *благоразумно желать.*

Самое вѣрное средство быть счастливымъ, есть согласоваться съ Натурою.

Всѣ блага человѣка состоятъ въ здравіи, спокойствіи душевномъ и въ имѣніи всего нужнаго.

Требующій отъ счастія токмо нужнаго, получаетъ отъ него часто и лишнее.

Кто не умѣетъ наслаждаться настоящимъ, кто безпокоится о прошедшемъ или будущемъ, тотъ добровольно уклоняется отъ счастія.

Всѣ мы ищемъ счастія, но есть ли хотя одинъ изъ насъ, который бы съ увѣренностью могъ сказать: я нашелъ оное? Одни полагаютъ его въ богатствѣ, другіе въ чувственныхъ удовольствіяхъ. Странное обольщеніе слѣпыхъ смертныхъ! Не насытится око зрѣніемъ, а умъ богатствомъ; но найти оное зависитъ отъ насъ: будь доволенъ, чѣмъ владѣешь; не безпокойся желаніями, и легко будешь доволенъ.

Неутомимость и терпѣніе нужны для снисканія счастія.

Нѣкто сказалъ: три вещи необходимы для счастія: спокойная совѣсть, здоровье, деньги.

Возможное земное счастіе состоитъ въ дѣйствіи врожденныхъ склонностей, покорныхъ разсудку — въ нѣжномъ вкусѣ, обращенномъ на Природу — въ хорошемъ употребленіи физическихъ и душевныхъ силъ. Безпрестанное наслажденіе также невозможно, какъ непрестанное движеніе; машину надобно заводить для хода, а работа заводитъ или настроиваетъ душу для чувствованія новыхъ удовольствій. Быть счастливымъ, значитъ быть вѣрнымъ исполнителемъ естественныхъ мудрыхъ законовъ; а какъ они основаны на общемъ добрѣ и противны злу, то быть счастливымъ есть — *быть добрымъ*.

Напрасно человѣкъ думаетъ найти счастіе въ исполненіи всѣхъ желаній: одно раждаетъ другое, и эта цѣпь безконечна. Но положимъ и то, что всѣ они исполнились; напримѣръ: сей человѣкъ страстно влюбленъ въ прекраснѣйшую и достойнѣйшую дѣвицу; ея сердце, ея рука, сдѣлаютъ его совершенно счастливымъ, по его словамъ; пусть Судьба соединитъ ихъ: но онъ скоро увидитъ, что супруга хотя очень мила, однакожъ не мѣшаетъ желать еще другихъ пріятностей въ жизни; онъ пожелаетъ быть богатымъ, и богатство течетъ къ нему рѣкою; онъ

захочетъ быть первымъ умникомъ въ свѣтѣ—и получилъ бы разумъ Фенелона, Вольтера, Руссо; онъ захочетъ еще славы героя, лавровые вѣнки летятъ къ нему на голову; онъ дошелъ до послѣдней границы возможностей; осыпанъ всѣми дарами Природы и фортуны; всѣ нервы его трепещутъ въ живѣйшемъ восторгѣ.... Но что же? восторгу его, по свойству, образованію души человѣческой, минута отъ минуты должно ослабѣвать; каждая секунда уноситъ съ собой нѣкоторую часть его способности наслаждаться; въ каждое мгновеніе умираетъ, такъ сказать, его счастье: нѣтъ предметовъ для надежды! онъ имѣетъ все, кромѣ.... блаженства.

Хотя всѣ люди необходимо стремятся къ счастію по размышленію или по внутреннему чувству, и хотя нѣтъ ни одного нежелающаго быть благополучнымъ: но наибольшая часть не знаетъ, въ чемъ дѣйствительно состоитъ счастіе, и дорого платитъ за сіе жалкое невѣдѣніе. Иные, предавшись безпокойнымъ страстямъ, обольстительнымъ надеждамъ, истощаются въ трудныхъ усиліяхъ, ищутъ онаго далеко отъ себя, тогда какъ легко нашли бы его у ногъ своихъ.

Наблюденія, опыты и разсудокъ, кажется, указываютъ намъ на три рода бла-

гополучія, то есть, *на силу тѣлесную и здоровье, на нравственность души, на образованный умъ* или *просвѣщеніе*. Многія другія средства второстепенныя и вспомогательныя, хотя очень важныя сами по себѣ, присоединяются къ симъ тремъ главнымъ причинамъ и необходимо отъ нихъ зависятъ. Богатство, напримѣръ, предметъ толикихъ желаній, часто прославляемое какъ первое благо, не могло сначала сдѣлаться удѣломъ многихъ, но одного человѣка, умѣвшаго пріобрѣсть оное своимъ трудомъ и способностью, двоякою дѣятельностью тѣла и ума, почтеніемъ и довѣренностью, которыя внушало его нравственное совершенство. Если богатство сіе досталось по наслѣдству, то не иначе можетъ сохранишься, какъ чрезъ поведеніе благоразумное, руководимое духомъ порядка и бережливости. Впрочемъ богатство доставляетъ удовольствія только тому, кто наслаждается преимуществами *тѣла здраваго, души возвышенной, разума просвѣщеннаго*. Богатство, также какъ могущество, почести, слава, есть *средство*, но не *цѣль*; оно только тогда доставляетъ преимущества прочныя и дѣйствительныя, когда умѣютъ изъ онаго дѣлать достойное употребленіе для себя и другихъ. Но оно одно не можетъ быть достаточно для благополучія; цѣну свою по-

лучаетъ оно только въ соединеніи съ прежмя преимуществами, выше упомянутыми. Предположимъ, напримѣръ, человѣка, владѣющаго богатствомъ несмѣтнымъ, но въ то же время мучимаго болѣзнями, погруженнаго въ грубое невѣжество, неимѣющаго ни нравственности, ни чувствительности, слѣдственно лишеннаго сладостей дружбы, пріятностей общества, чистѣйшихъ наслажденій любви и тѣхъ, коими науки и искуства украшаютъ жизнь нашу: какимъ образомъ сей человѣкъ можетъ быть счастливъ? То же можно сказать и о другихъ благахъ, возбуждающихъ желанія наши; ни одно изъ нихъ не имѣетъ цѣны безъ *здравія*, позволяющаго наслаждаться оными, безъ спокойства душевнаго, безъ добраго всегда одинаковаго нрава или безъ *правственнаго* навыка всегда быть въ согласіи съ самимъ собою и съ добрыми друзьями, которые раздѣляя ваше счастіе, тѣмъ самымъ и умножаютъ оное; наконецъ, безъ образованнаго и просвѣщеннаго разума, дающаго способы хорошо цѣнить всѣ средства, къ собственному сохраненію и благу служащія, и новыя прелести онымъ доставляющаго.

Какія бы кто ни пріобрѣлъ познанія, всегда будетъ желать съ жаромъ — научиться еще болѣе. Когда бы кто завладѣлъ всѣмъ земнымъ шаромъ безъ сопротивленія, тотъ

вѣрно почувствовалъ бы себя способнымъ наслаждаться блаженствомъ гораздо совершеннѣйшимъ. Вотъ ясное доказательство безсмертія души.

Руссо сказалъ: „Если бъ я не имѣлъ другихъ доказательствъ о безсмертіи души, какъ только торжество злыхъ людей и притѣсненіе добродѣтельныхъ на семъ свѣтѣ, то и это одно воспрепятствовало бы мнѣ въ томъ усомниться. “

Мы часто видимъ въ мірѣ семъ, что беззаконные провождаютъ и оканчиваютъ жизнь свою въ изобиліи и счастіи, а добродѣтельные нерѣдко живутъ и умираютъ въ убожествѣ и бѣдствіяхъ: правосудію жъ Божію невмѣстно оставить безъ награды добрыхъ, и безъ наказанія злыхъ; слѣдственно должна быть другая жизнь по смерти, въ которой всякъ получитъ достойное по дѣламъ своимъ воздаяніе.

Нѣтъ счастія на землѣ безъ добродѣтели, безъ дѣятельности и разнообразія жизни общественной.

Мудрый и благоразумный человѣкъ не бѣгаетъ за счастіемъ, но онъ самъ себѣ оное доставляетъ: ибо оно у него въ рукахъ.

„Если бъ мы желали только быть счастливыми, (сказалъ *Монтескье*) то сего можно бы скоро достичь; но многіе хотятъ быть счастливѣе другихъ: а это почти

всегда затруднительно и невозможно, потому что мы почитаемъ другихъ гораздо счастливѣе, нежели каковы они въ самомъ дѣлѣ.“

Счастіе не всегда соединяется съ достоинствами и съ превосходными качествами, какъ бы опасаясь быть принужденнымъ отдать имъ преимущество.

Счастіе придаетъ обыкновенно гордость людямъ малоумнымъ или дурно-воспитаннымъ.

Человѣкъ долженъ быть творцемъ своего благополучія, приводя страсти въ счастливое равновѣсіе, и образуя вкусъ свой для истинныхъ наслажденій.

Говорятъ также: имѣть все — не есть счастіе; имѣть желаемое, и то на коротное время — вотъ верьхъ счастія для многихъ!

Натура и сердце — вотъ гдѣ надобно искать истинныхъ пріятностей, истиннаго возможнаго благополучія, которое должно быть общимъ добромъ человѣчества, а не собственностью нѣкоторыхъ избранныхъ людей: иначе мы имѣли бы право обвинять Природу въ пристрастіи. Не всѣмъ можно завоевать Индію, не всѣмъ можно властвовать надъ людьми, не всякой можетъ блистать въ свѣтѣ и кружить головы, не для всякаго работаютъ въ золотыхъ рудникахъ и плывутъ

корабли изъ Бразиліи: слѣдственно не въ лаврахъ *Александра*, не въ миртахъ *Алкивіада*, не въ сокровищахъ *Крезовыхъ* заключило Небо возможное счастіе для смертныхъ. Но для всякаго сіяетъ солнце, для всякаго Природа величественна и прекрасна въ своемъ разнообразіи, въ своихъ ежегодныхъ и ежедневныхъ измѣненіяхъ; вездѣ съ материнскою нѣжностью питаетъ она пернатыхъ и человѣка; всякой можетъ имѣть пріютъ, свѣтлую хижину, доброе имя, покойную совѣсть; всякой можетъ любить — любить своихъ родныхъ, семейство, друзей: вотъ истинное благополучіе, которое соединяетъ всѣхъ людей; которое всѣмъ даетъ чувствовать, что они братья, дѣти одного отца, рожденные съ одинакими сердцами, съ одинакими способностями для наслажденія!

Можно быть счастливымъ и несчастливымъ во всѣхъ состояніяхъ, тѣмъ и другимъ отъ себя, отъ умѣнья или неумѣнья пользоваться жизнію, отъ хорошаго или дурнаго расположенія сердца своего.

Во всякомъ состояніи человѣкъ можетъ найти удовольствія; но гдѣ же такое, въ которомъ бы онъ могъ укрыться отъ горестей, отъ бѣдствій, неразлучныхъ съ жизнію?

Въ самомъ дѣлѣ, существенныхъ бѣдствій очень не много. Трезвость, умѣрен-

ность, могутъ предохранить насъ отъ болѣзней; а честная, благоразумная жизнь — отъ темницы. Правда, иногда бываетъ, что и добродѣтельные заключаются въ оковы; но это рѣдкость: — въ такомъ случаѣ остается намъ терпѣть, надѣяться и взирать на небо, гдѣ обитаетъ нашъ общій, нѣжный Отецъ, видящій страданіе дѣтей Своихъ, и недозволяющій имъ превзойти мѣру терпѣнія.

Бѣдность также почитается несчастіемъ; но у бѣднаго есть руки и сердце: онъ можетъ найти себѣ пропитаніе, найдетъ удовольствія, неизвѣстныя многимъ богачамъ въ ихъ изобиліи.

Продолжительная горесть неестественна. Природа, видя оскорбленнаго человѣка, тотчасъ посылаетъ къ нему врача (время), который извлекаетъ изъ сердца ядъ болѣзни — сперва быстрыми ручьями слезъ, а послѣ тихими вздохами.

Глубокая горесть рѣдко дѣлаетъ людей несчастными. Но обыкновенные бичи сердца суть *дурной нравъ* и *скука*. — Дурной нравъ состоитъ въ какомъ-то мрачномъ расположеніи души, которое мѣшаетъ намъ пользоваться жизнію, и которое происходитъ отъ безпокойнаго желанія — имѣть, чего не имѣемъ, и отъ презрѣнія къ тому, что у насъ есть. — Скука всего болѣе му-

чишь тѣхъ людей, кои по связямъ гражданскаго общества выходятъ изъ-подъ закона естественнаго. *Трудись и наслаждайся*: это предписываетъ Натура. Земледѣлецъ, ремесленникъ повинуются этому, работаютъ и — не знаютъ скуки. *Трудъ, отдохновеніе, забава,* какъ три главныя эпохи жизни его, непосредственно соединяются между собою и не оставляютъ въ ней никакой пустоты.

Всякой занимайся чѣмъ-нибудь; избери для себя должность, съ которою сопряжена дѣятельность; или трудись по волѣ, сообразно съ своимъ вкусомъ, склонностями, дарованіями, но имѣя въ виду какую-нибудь пользу, такъ какъ и Натура не дѣлаетъ ничего безъ цѣли. Работа есть соль удовольствій, и безъ будней нѣтъ праздника. Употребивъ на трудъ пять, шесть или восемь часовъ въ сутки, мы живо чувствуемъ пріятность бездѣйствія, отдыха, дружеской бесѣды, веселаго разговора, забавы, чтенія, музыки, прогулки. Кто всякой день пользуется своими физическими и душевными силами, всякой день дышитъ чистымъ воздухомъ подъ небеснымъ кровомъ, любитъ красоты Натуры, изящныя искусства, книги, музыку: тотъ конечно никогда не будетъ боленъ скукою.

Сверхъ того, мы почитаемъ несчастіемъ то, что вокругъ насъ свирѣпствуютъ

спрасти, порокъ, злоба. Хотя, безъ сомнѣнія, люди дѣлаютъ много зла; но злодѣевъ мало: ибо заблужденія сердца, безразсудность, недостатокъ въ просвѣщеніи, виною дурныхъ дѣлъ ихъ. Люди дѣлаютъ зло, надѣясь имѣть чрезъ то нѣкоторыя выгоды въ жизни; но премудрый Творецъ соединилъ съ онымъ внутреннее неудовольствіе, стыдъ, страхъ, которыя вмѣшиваютъ ядовитую горечь во всѣ удовольствія: порочный боится, чтобы его не узнали; долженъ непрестанно скрывать себя; основавъ свою пользу на вредѣ другихъ, онъ сдѣлался ужѐ ихъ непріятелемъ; и будучи окруженъ врагами, можетъ ли быть спокоенъ? не будучи спокойнымъ, можетъ ли быть счастливымъ? Слѣдственно мы дѣлаемъ зло только по ошибкѣ, надѣясь найти въ немъ то, что съ нимъ несовмѣстно; слѣдственно дурной человѣкъ есть несчастный, наказываемый судьбою и сердцемъ своимъ или совѣстью; — будемъ жалѣть объ немъ, устраняясь ненависти.

Напрасно фортуна закрываетъ пышнымъ ковромъ навозную кучу — запахъ всё слышенъ. Счастіе подобно нѣкоторымъ знатнымъ людямъ, которые обыкновенно гораздо охотнѣе дѣлаютъ подарки, нежели платятъ долги.

Мы другимъ только *желаемъ* счастія, а ищемъ его для себя.

Быть умѣреннымъ въ счастіи гораздо труднѣе, нежели сносить терпѣливо злополучіе.

Напрасно ищемъ мы на землѣ счастія. Желанія наши слишкомъ обширны: мы никогда не найдемъ его. Счастіе до того несообразно съ здѣшнею жизнію, что большая радость вредна для здоровья: она приводитъ все тѣло наше въ разстройство, сопровождаемое сильнымъ біеніемъ сердца, судорогами, занятіемъ дыханія и всѣми болѣзненными припадками, кои называютъ *сладкими потрясеніями души*, производя сіе слово отъ радости — ихъ источника.

Единственный источникъ счастія есть — добродѣтель.

Человѣкъ рожденъ быть счастливымъ, но онъ не старается быть таковымъ.

Были Философы, отъ *Сократа* до *Франклина*, которые рѣшили, что человѣкъ можетъ управлять, усовершенствовать свои способности и научаться искуству — быть счастливымъ. — Какіе жъ люди такъ думали? Такіе, коихъ можно назвать совершенствомъ человѣческаго рода! — Но были ль они сами въ счастливой долѣ, внушавшей имъ равную философію? Они находились въ разныхъ положеніяхъ жизни, и природа

какъ будто хотѣла великими примѣрами доказать, что благополучіе наше болѣе зависитъ отъ разума, нежели отъ обстоятельствъ: — *Эпиктетъ* жилъ въ оковахъ, *Маркъ-Аврелій* — на тронѣ. Французскій, современный намъ писатель, *Дрозъ*, въ сочиненіи своемъ *О счастіи*, доказалъ, что можно выучиться быть счастливымъ.

Есть блага существенныя, необходимыя для всѣхъ. Кто умѣлъ приобрѣсти ихъ, тотъ счастливъ: слѣдовательно есть искусство быть счастливымъ.

Узнаемъ сіи существенныя блага и научимся приобрѣтать ихъ, то есть: научимся искусству—быть счастливыми.

Существенныя же блага жизни суть:

1. Здоровье,
2. Спокойствіе душевное,
3. Наслажденія,
4. Довольство,
5. Привычка къ умственному труду,
6. Здравое сужденіе объ общемъ мнѣніи,
7. Супружество,
8. Дружба.

Сіи блага не легко приобрѣсти всѣ вмѣстѣ; однакожъ если бы ими ограничивались желанія человѣческія, то какая счастливая перемѣна послѣдовала бы въ мірѣ!

Всѣ заботятся о богатствѣ, о почестяхъ; Философія же научаетъ насъ, какія

желанія можемъ мы питать въ душѣ нашей? Она говоритъ намъ: „предавайтесь желаніямъ легкимъ, простымъ, чистымъ, которыя сами по себѣ суть удовольствія и коимъ легко сопутствуетъ счастіе; воздерживайтесь отъ желаній изсушающихъ сердце, терзающихъ жизнь и коихъ самое исполненіе не удовлетворяетъ насъ.“ Вотъ тайна счастія. Есть характеры, такъ сказать, искуственные, достойные презрѣнія, или сожалѣнія, которые находятся въ постоянной противоположности съ понятіемъ о счастіи. Имъ говорятъ объ удовольствіяхъ: но они все ужѣ видѣли, все испытали; кажется, они прожили цѣлые вѣки. Случится ли несчастіе, они стонутъ, какъ будто только родились и не могли еще предвидѣть возможность горести. Пусть одни ищутъ богатства, другіе почестей; я хочу считать дни счастливые! Похваляются и ублажаются въ Евангеліи нищіе духомъ, плачущіе, алчущіе, гонимые и страждущіе ради правды. Сіе заставляетъ насъ войти въ изысканіе: почему Евангеліе похваляетъ болѣе бѣдность человѣческую, нежели изобиліе, болѣе несчастіе наше, нежели счастіе, и преподаетъ ученіе совсѣмъ противное и вкусу нашему и мудрованію мірскому?

Міръ поставляетъ счастіе въ томъ, Философія христіанская въ иномъ. По мнѣнію мірскому, состоитъ оно въ пышныхъ титлахъ, въ громкихъ ласкательныхъ провозглашеніяхъ, въ гордомъ пріемѣ униженій человѣческихъ, и проч. Но — по мудрости Евангельской, состоитъ оно въ спокойствіи духа, въ исполненіи должностей безъ упрековъ совѣсти, въ сладкой тишинѣ, никого невозмущающей, въ довольствѣ самимъ собою, словомъ, въ мирѣ съ Богомъ и своею совѣстью.

Но можно ли человѣку до такого достигнуть совершенства, чтобъ окружаемому бѣдствіями несмущаться, и быть спокойну, какъ бы онъ ни мало не страдалъ. Подлинно сіе показалось бы невѣроятнымъ, ежели бы намъ промыслъ Небесный не предуготовилъ примѣровъ таковыхъ людей, которые того же естества, тѣхъ же слабостей были причастны, кои однако великодушнымъ бѣдствій перенесеніемъ пріобрѣли себѣ славу вѣчную.

Сколько жъ было такихъ счастливцевъ, которымъ текло все по желанію, и кои, казалось, имѣли счастіе во власти своей? И что они теперь? Земля и прахъ. Гдѣ же они теперь? Тамъ, гдѣ счастіе мірское никакого права не имѣетъ, а гдѣ располагаютъ ими одни благія дѣла. Но что я говорю о судьбѣ смертной, которая обща

всѣмъ—и добрымъ и злымъ! Прежде, нежели постигаетъ она, въ самое теченіе жизни сей, сколько было таковыхъ печальныхъ примѣровъ, что счастіе вдругъ исчезало? Обрывало оно съ наглостію—пышныя тимпла, обременяло порицаніями, унижало презрѣніемъ, и принуждало пресмыкаться у ногъ тѣхъ, коими они гнушались.

Нѣтъ нужды пренебрегать счастіе, но надлежитъ такъ бережно и неприспастно имъ пользоваться, какъ бы ты всякой день, всякой часъ ожидалъ его лишиться. Однако и сего превращенія страшиться не должно, если совѣсть чиста и спокойна.

Чтобъ быть счастливымъ, надобно быть благосклоннымъ, щедрымъ и ласковымъ со всѣми, извинять чужія слабости и погрѣшности, прощать обиды, быть веселымъ и угождать всѣмъ. Вотъ философскій камень счастія!

Изображеніе счастливаго человѣка. Какъ бы могъ быть счастливъ тотъ, который можетъ имѣть нѣсколько отличныхъ друзей, болѣе здраваго разсудка, нежели учености, и болѣе христіанства, нежели Философіи; домъ чистой и спокойный, посредственной доходъ, но вѣрной, мало служителей, довольно занятій, чтобъ небыть никогда празднымъ, довольно празднаго времени для отдохновенія отъ занятій, избран-

ную библіотеку, — который чуждъ высокомѣрія, властолюбія, тяжебъ, долговъ, зависти и скупости: онъ сохраняетъ свое здоровье воздержаніемъ, умѣренностью и трудомъ лучше, нежели лекарствами; онъ сохраняетъ свою вѣру, презираетъ только то, что достойно презрѣнія; любитъ только то, что заслуживаетъ справедливо любовь; смотритъ безъ огорченія на то, что должно скоро кончиться, и во всемъ возлагаетъ упованіе свое на Бога.

Блаженъ скромный обитатель спокойной сѣни, на уединенномъ лугу, близъ источника тихой и прозрачной рѣчки, подъ деревомъ, имъ самимъ насажденнымъ и котораго благотворные листья защищаютъ его отъ свирѣпости вѣтра! Уединеніе и бѣдность ограждаютъ его отъ нападенія нечестивыхъ. Путь жизни его есть тайная тропинка, которую любитъ находить пріятная задумчивость чувствительнаго человѣка. Никогда не сіялъ онъ на сѣдалищѣ чести и власти, и прахъ военный не покрывалъ легкой одежды его; но часто отиралъ слезы праведника, утѣсняемаго жестокосердымъ губителемъ, и возвращалъ добродѣтель и раскаяніе въ сердца грѣшныхъ. День и ночь поучается онъ въ великой книгѣ Природы, и душа его возвышается неизмѣримостью твореній Господнихъ. Съ благо-

дарностію вкушаетъ онъ благодѣянія жизни, и воображаетъ безъ трепета, что онъ долженъ нѣкогда сокрыться отъ лица земли. Онъ имѣетъ сладостное увѣреніе, что душа его не погибнетъ, и надѣется воскреснуть въ странахъ несравненно прекраснѣйшихъ! Сіи величественныя размышленія дѣлаютъ нравъ его важнымъ, но неугрюмымъ. Онъ не отметаетъ отъ себя нѣжнаго человѣчества, и никогда строгія сужденія не исходятъ изъ устъ его. Человѣкъ слабый любитъ слушать совѣты его, потому, что они пользуютъ, не оскорбляя, и бремя угрызеній совѣсти отпадаетъ — по его утѣшительному гласу.

Истинное благополучіе, за которымъ мы столь далеко гонлемся, можетъ быть, ближе къ намъ, нежели мы думаемъ. Оно есть прозябеніе каждой страны и каждаго климата. Оно не состоитъ ни въ веселіи, ни пышности, ни въ сіяніи. Веселье есть существо убѣгающее, котораго нельзя остановить; богатство ничего не говоритъ сердцу; самая слава, кумиръ великихъ душъ, слава имѣетъ свои несчастія, дарованіе — свои мученія.

Благополучіе есть чувствованіе сердца, которое жило всегда въ послушаніи природѣ и сохранило неповрежденную способность наслаждаться красотами ея. Просто-

па, незлобіе, пріятное ощущеніе жизни, безпрепятственное наслажденіе естественными благами, здоровье, мало нуждъ, мало страстей, но тѣмъ болѣе чувствованій нѣжныхъ и кроткихъ, священные союзы родства, дружбы и человѣчества: вотъ источники спокойствія. Таковы вообще понятія, возбуждаемыя во мнѣ при словѣ *благополучіе*.

Нѣтъ на свѣтѣ совершеннаго счастія.
Les trésors, les rangs, la grandeur,
Ne font pas toujours le bonheur.

Сокровища, чины, величіе не всегда составляютъ счастіе.

Способъ — быть счастливымъ въ жизни, есть: быть полезнымъ Свѣту и въ особенности Отечеству.

Тотъ единственно наслаждается счастіемъ, кто собственно въ себѣ находитъ источникъ своихъ удовольствій, не терзаясь обуреваніемъ страстныхъ желаній, свободенъ будучи отъ колючихъ угрызеній совѣсти, вкушая сладкую тишину и спокойствіе въ глубинѣ души своей, которыя выпечатлѣваются даже на лицѣ его. Его собственное сердце, относящее все къ Богу, украшаетъ все окружающее его, и живо изображаетъ въ словахъ и дѣлахъ его довольство и счастіе, которыя онъ вкушаетъ.

Что есть счастіе? — Оно не есть наслажденіе: ибо за наслажденіемъ слѣдуетъ пресыщеніе; оно не есть шумныя забавы и веселье: ибо таковыя веселья и забавы утомляютъ; оно не есть успѣхи: ибо успѣхи вовлекаютъ часто въ скорби; оно не есть безпечность: ибо безпечность усыпляетъ душу; но — оно есть отсутствіе несчастія. Что же такое несчастіе? — Ахъ! нуженъ ли этотъ вопросъ?

Нѣкто сказалъ: „наслажденія жизни суть только удовольствія; но спокойная совѣсть составляетъ истинное счастіе.

Скажемъ наконецъ, нѣтъ истиннаго счастія внѣ Бога, и человѣкъ нигдѣ его не найдетъ — кромѣ Бога, въ коемъ токмо и долженъ онъ искать его. Даже и въ сей жизни неизреченно счастіе тѣхъ, кои живутъ для Бога, и Его единаго поставляютъ предметомъ и цѣлію всѣхъ своихъ желаній. По сему-то одинъ благочестивый мужъ говоритъ: *Господи, Ты избралъ насъ себѣ, и сердце наше тревожится, доколѣ не успокоится въ Тебѣ.* Нѣтъ предмета въ мірѣ, коего человѣкъ, живущій въ Богѣ, не былъ бы гораздо выше: все ниже его, подобно какъ если бы кто, находясь на вершинѣ высокой горы, смотрѣлъ въ низъ на всѣ явленія, перемѣны погоды, облака, грозы, сраженія. Соединеніе же съ Богомъ не

имѣетъ никакого отношенія, не имѣетъ ничего общаго съ земными предметами; оно постоянно, неизмѣнно, и вкушаемое имъ неизреченное удовольствіе не можетъ соединено быть ни съ какою горестію, потому что оно превыше всякаго земнаго желанія. Таково счастіе душъ, достигшихъ своего основанія и наслаждающихся присутствіемъ Бога, всегда въ сердцахъ ихъ обрѣтающагося.

ТАБАКЪ.

Гуфландъ говоритъ: куреніе табаку есть самая непонятная странность: нѣчто острое, омерзительное, нечистое, вонючее — могло сдѣлаться такъ пріятно, даже такъ необходимо, что есть люди, которые не прежде получаютъ живость и веселость, и не прежде бываютъ способны размышлять и упражняться, какъ начавъ ртомъ и носомъ пускать удушливый дымъ! Куреніе табаку не составляетъ необходимой потребности къ здоровью и счастію; ибо извѣстно, что весьма многіе не могутъ терпѣть и виду табачнаго, однако жъ бываютъ столько жъ веселы, и здоровы, или еще и здоровѣе. Куреніе табаку портитъ зубы, изсушаетъ тѣло, дѣлаетъ человѣка тощимъ и блѣднымъ, ослабляетъ зрѣніе и

память, привлекаетъ кровь къ головѣ и лёгкимъ, а потому располагаетъ къ головнымъ и груднымъ болѣзнямъ, и людямъ, имѣющимъ сухотное расположеніе, можетъ причинить кровохарканіе и чахотку. Сверхъ сего, раждается новая потребность; а чѣмъ больше кто имѣетъ потребностей, тѣмъ болѣе ограничивается его свобода и — счастіе.

Нюханіе табаку немного лучше куренія, а вразсужденіи неопрятности еще и хуже; притомъ оно раздражаетъ и разслабляетъ нервы.

Достойно удивленія, какимъ образомъ растеніе, имѣющее одуряющую силу, острый, прошивный вкусъ и запахъ, причиняющее тошноту, рвоту, поносъ, головокруженіе, требующее для своего приготовленія примѣси мочи, золы, и даже гніенія самой травы, могло войти въ общее для многихъ народовъ употребленіе, и быть для нихъ даже необходимостью!

Въ 1560 году табакъ вывезенъ во Францію изъ Америки въ первый разъ. Онъ тамъ родится на островѣ Табаго.

Табакъ, кромѣ своей нечистоты и неопрятности, лишаетъ человѣка памяти, дѣйствуетъ на нервы вкуса, обоняніи и зрѣнія, и побуждаетъ носъ къ ненатуральному изверженію, и потому люди, непри-

выкшіе къ куренію и нюханію табаку, въ употребленіи его должны быть осторожны, дабы непривыкнуть.

Кто же привыкъ къ табаку, тому трудно вдругъ отставать отъ него; но мало помалу можно отъ онаго совершенно отвыкнуть.

Отъ куренія табаку чернѣютъ зубы, и славный *Тиссотъ* утверждаетъ, что человѣкъ курящій табакъ чрезмѣрно много, не можетъ быть долговѣченъ. — Куреніе табаку передъ самымъ обѣдомъ, отнимаетъ позывъ на пищу; а немедленно послѣ обѣда, препятствуетъ пищеваренію.

Рѣдко бываетъ, чтобъ человѣкъ, предавая огню свой ротъ, или жжигая глотку куреніемъ табаку, былъ опрятенъ и здоровъ, ибо онъ питается очень худо, и всякая пища ему кажется безвкусною, по причинѣ жженаго его рта; онъ всегда имѣетъ жажду, старѣетъ очень скоро, и порча соковъ или худокровность неизлечимая погубляетъ его преждевременно.

ТАЛАНТЫ. (*Чит.* : ДАРОВАНІЯ УМА).

ТВЕРДОСТЬ ХАРАКТЕРА, *непоколебимость духа, присутствіе духа въ опасностяхъ.*

Названіе Спойчества дано было отличительной твердости души, въ честь Фи-

лософа *Зенона*, основателя Стоической секты, преподававшаго свои правила въ Аѳинахъ и служившаго примѣромъ въ искуствѣ языческаго самоотверженія. Дѣйствительно, высокая мужественность *Зенона* и особеннѣйшая твердость Философовъ, послѣдователей его, заставили сказать, что прочіе мудрецы предъ ними казались слабыми женщинами. Сія Философія была достояніемъ величайшихъ мужей, каковы были: *Брутъ*, *Сенека*, *Эпиктетъ*, *Тацитъ*, *Антонинъ*, *Маркъ-Аврелій*. Многіе удивлялись строгой морали Стоиковъ, въ коей заключались довольно высокія добродѣтели. Сія Философія всегда была уважаема, хотя мало было охотниковъ до нее, по причинѣ ея строгости: потому что она поставляла добродѣтель выше возможности, заставляла человѣка забывать, что онъ человѣкъ и не позволяла ни страстей, ни слабостей, налагая на него тяжкія оковы. Стоики, которые не страшились боли, утверждали, что ее нѣтъ въ мірѣ.

Сколь мало людей, умѣющихъ управлять своимъ умомъ въ болѣзняхъ! и потому нужно бы сочинить книгу съ заглавіемъ: *искуство для больныхъ*, и посвятить ее здоровымъ особамъ. Если бъ знали всѣ опасности, происходящія отъ гнѣва, отъ нетерпѣнія, отъ страха и безпокойствъ, кои

больные выдумываютъ непрестанно, тогда бы убѣдились въ истинѣ, что менѣе умираютъ отъ самой болѣзни, нежели отъ страха. Излишне было бъ говорить пространно о терпѣніи и твердости несчастному больному, на постелѣ лежащему. Лучше прежде предуготовить здоровыхъ людей къ неминуемымъ и неизбѣжнымъ болѣзнямъ въ теченіе жизни; *воздержывайся и переноси*: вотъ двѣ гири Философіи Стоической.

Изнѣженное и сладострастное воспитаніе, которое нынѣ даютъ дѣтямъ болѣе нежели когда-нибудь, производитъ большею частію молодыхъ Сибаритовъ, столь нѣжныхъ, что малѣйшія боли физическія и затрудненія моральныя, наприм.: безпокойство душевное, могутъ ихъ привести въ отчаяніе. Но жизнь — пребывать всегда въ удовольствіяхъ, состоитъ единственно въ тайнѣ — терпѣть болѣе другихъ людей. Постановленія строгія заставляли грубаго и суроваго Лакедемонца, подобно дикарю, находить наслажденіе во всѣхъ обстоятельствахъ жизни.

Какъ! скажутъ, вы заставляете насъ прежде терпѣть, чтобъ избавиться отъ болѣзней; но это ваше лекарство совсѣмъ не чудесно. Если должно мнѣ пресмыкаться только въ несчастіи и бѣдности, ле-

жать на соломѣ, питаться чернымъ хлѣбомъ, какъ *Эпиктетъ*, чтобъ не безпокоиться о смерти, въ моихъ болѣзняхъ, — это значитъ все то же, что преждевременно умереть; но, можетъ быть, не менѣе заключается выгодъ въ сугубомъ наслажденіи прежде съ *Эпикуромъ* и *Аристипповъ*; болѣзнь же придетъ, если захочетъ, и послѣ; между тѣмъ насладимся пока заблаговременно удовольствіемъ!

Такое сужденіе безъ сомнѣнія очень неосновательно; ибо какъ скоро маленькая лихорадка, или легкая головная боль овладѣетъ нашимъ мудрымъ Эпикурейцемъ, то ужѣ онъ тотчасъ и начнетъ тужить, рыдать, сѣтовать — болѣе всякой женщины, и, воображая ужѣ себя полумертвымъ, тотчасъ посылаетъ за Докторомъ, за аптекаремъ, за лекарствами! Но какой это стыдъ! какая жалкая слабость! Терпи же, несчастный, неумѣющій жить, или умри по крайней мѣрѣ съ неустрашимостью. Въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ вылечить сихъ малодушныхъ и трусливыхъ, скорѣе предпочитающихъ сгноить себя медлительно отъ антонова огня, нежели дать отнять себѣ руку? Надобно имѣть бодрость, если хочешь жить, и нѣтъ никакой правной низаны или взвару противъ нетерпѣнія нашего.

Неудивительно покажется всякому, что наша кратковременная жизнь еще болѣе сокращается, если разсмотримъ изнѣженное тѣло и умъ, подверженные всѣмъ болѣзнямъ и всѣмъ убійственнымъ и истребительнымъ страстямъ. Смерть безъ пощады коситъ большимъ размахомъ сіи толпы жителей городскихъ, изнѣженныхъ и развращенныхъ въ разныхъ наслажденіяхъ; между тѣмъ мы видимъ, что гораздо болѣе противятся смерти мужественныя и твердыя тѣла сельскихъ жителей, загрубѣлыхъ въ работахъ простыхъ, между утесами каменными, въ горахъ, среди лѣсовъ.

Правила Стоическія должны непремѣнно помѣщены быть въ книгахъ врачебныхъ; потому что гораздо надежнѣе укрѣпить тѣло и предупредить болѣзни, нежели лечить ихъ.

Дабы достигнуть степени величества, забывающей всѣ бѣдствія жизни человѣческой, то надобно знать, что изъ всѣхъ вещей земныхъ, однѣ зависятъ отъ насъ, а другія нѣтъ. Намъ подвластны только наши дѣйствія самопроизвольныя, какъ то: наши мнѣнія, наши желанія, стремленія нашего сердца, наши склонности и наше отвращеніе. Но совсѣмъ не подвластны намъ и не зависятъ отъ насъ: состояніе нашего тѣла,

имѣніе, слава, высокіе чины, почести и тѣ вещи, кои не происходятъ отъ нашихъ дѣйствій и вовсе намъ чужды. Мы имѣемъ собственнаго только свою душу: посредствомъ ея можемъ быть независимы, мудры, счастливы; посредствомъ же всего прочаго мы только дѣлаемся слабыми, хворыми, невольными, зависящими, подверженными тысячѣ запрудненій и препятствій или многимъ бѣдамъ неминуемымъ: и слѣдственно надобно прежде учиться переносить ихъ.

Чтобъ быть довольнымъ и спокойнымъ, надобно умѣть различать обстоятельства — зависящія отъ васъ, отъ обстоятельствъ — происшедшихъ отъ случая, природы, отъ счастія. Не отъ насъ зависитъ родиться богатымъ, знатнымъ, умнымъ, красавцемъ, здоровымъ; когда жъ изъ сихъ вещей намъ чего недостанется, то не должно о томъ и сокрушаться; ибо мы въ томъ не виновны. Но отъ насъ только зависитъ — быть честными и добродѣтельными.

Ничто не можетъ препятствовать намъ въ подвластныхъ намъ вещахъ; но не отъ насъ зависящія вещи подвержены бываютъ многимъ препятствіямъ, говоритъ *Эпиктетъ*. И такъ, если ты почтешь зависящія отъ природы вещи за свободныя, тлѣнныя за негибнущія, и зависящія отъ

другой власти за твои собственныя; то найдешь всегда много безпокойствъ и затрудненій, будешь досадовать, смущаться и сѣтовать на людей и на судьбу или жребій. Напротивъ того, ежели почитаешь своимъ одно то, что въ самомъ дѣлѣ есть твое, а чужимъ то, что другому принадлежитъ; тогда никто тебя не обезпокоитъ ничѣмъ, и ни въ чемъ тебѣ не воспрепятствуетъ, ни на кого роптать и ни кого обвинять не будешь, ничего противъ своей воли дѣлать не станешь, ни кто тебя озлобить не можетъ, не будешь имѣть враговъ и ничего вреднаго съ тобой не случится: всегда будешь доволенъ своею судьбою. Если боишься смерти, болѣзни, бѣдности, тогда ты уже несчастенъ; если ты прилѣпленъ къ богатству, къ своему сану, къ знатнымъ чинамъ, — и какъ все это можетъ быть отнято и похищено — тогда не говори, что ты сего лишился; но скажи: „я это возвратилъ,“ — ибо все сіе было тебѣ дано.

Не должно бояться ни скорби, ни печали, ни болѣзни, ни смерти; но должно опасаться только порока или злодѣянія своего.

Во всѣхъ обстоятельствахъ надобно слѣдуя закону честности и справедливости, дѣлать все то, что отъ насъ зависитъ, а впрочемъ быть тверду и спокойну. Я хо-

чу ѣхать моремъ; чтожъ тогда должно дѣлать? выбрать хорошій корабль, кормщика, матросовъ, благопріятное время года, погоду: вотъ все, что отъ меня зависитъ; но коль скоро я среди моря, и настанетъ великая буря, тогда ужѐ это не мое дѣло, а кормщика; корабль идетъ на дно, — что я долженъ дѣлать? все то, что отъ меня зависитъ; но не кричать, не мучиться, не терзаться. Если должно мнѣ умереть, то я знаю, что это есть всеобщій законъ, и надобно — чтобъ я умеръ; и ежели, не смотря на всѣ свои старанія къ моему спасенію, я усиливаюсь и ушомляюсь, то вотъ ужѐ тогда я внѣ себя, и долженъ предаться волѣ Провидѣнія.

Сравнивай съ наслажденіемъ то раскаяніе, которое можетъ послѣдовать, и противупоставь самому соблазнительному наслажденію — удовольствіе умѣть торжествовать или превосходствовать. Мѣра наслажденіямъ для каждаго есть одна нужда тѣлесная, точно такъ, какъ члены наши бываютъ мѣрою нашему одѣянію. Если люблю мое тѣло, если я привязанъ къ чувственнымъ удовольствіямъ: то вотъ ужѐ я погибаю, вотъ ужѐ я невольникъ, — даю знать о себѣ, на чемъ можно уловить меня.

Мы властны въ нашей ненависти, дружбѣ, гнѣвѣ, мнѣніяхъ и нашихъ словахъ. Го-

нитель нашъ можетъ заключить въ темницу, но не можетъ запретить, чтобъ его не презирать, ненавидѣть и не говорить о его жестокости. Твердость честнаго человѣка, всякія гоненія великодушно переносившаго, поставляетъ его несравненно выше самыхъ гонителей.

Если увидишь какой-либо предметъ тебѣ досадный, и когда оный не изъ числа вещей подвластныхъ тебѣ, то тотчасъ скажи, что „это не мое дѣло.“

Мы такъ привыкли воображать о несчастіяхъ, что когда нѣтъ о чемъ печалиться, тогда кидаемся въ будущее время и ищемъ уже тамъ несчастія; и сей мнимый страхъ, не меньше настоящаго, насъ безпокоитъ.

Отъ насъ зависитъ быть счастливыми. Пользуйся, чѣмъ владѣешь; не безпокойся желаніями: тогда будешь доволенъ своимъ состояніемъ.

Не берись ни за что выше своихъ силъ, разума и состоянія.

Столь славный добродѣтелью и простотою нрава своего Римскій Консулъ *Цинцинната*, рыдалъ, когда принужденъ былъ принять Консульство и разстаться на цѣлый годъ съ полемъ своимъ, которое самъ воздѣлывалъ. Онъ жилъ въ нѣкоемъ селѣ за рѣкою Тибромъ, имѣя одну только

бѣдную хижину и пашню, отъ коей питался трудами рукъ своихъ. Сенатъ, избравъ его въ Консулы, отправилъ къ нему съ просьбою о принятіи сего важнаго званія. Посланные застали Цинцинната на полѣ за сохою, и, поздравивъ его съ новымъ достоинствомъ, звали съ собою въ Римъ. Сія вѣсть—вмѣсто того, чтобъ всякаго инаго могла восхитить радостью, привела въ уныніе Цинцинната; потому что онъ не хотѣлъ оставить бѣдной, но спокойной жизни. Однако жъ, по любви къ отечеству, принялъ сіе предложеніе, и отправлялъ свою должность столь похвально, что просили его еще и на другой годъ принять Консульство; но онъ отказался отъ сего. Вскорѣ потомъ, сдѣлавшись Диктаторомъ, разбилъ онъ Эквовъ, которые захватили-было Минуція; покорилъ ихъ подъ Римскую власть, и въѣхалъ въ Римъ съ тріумфомъ. Но, дабы послѣ бурной дѣятельности вкусить житіе мирное, чрезъ 16 дней сложилъ съ себя Диктаторство, опять удалился въ сельскую хижину свою и взялся за плугъ. Блаженъ, кто довольствуется малымъ и удаленъ отъ сценъ блестящихъ и опасныхъ!—*Маній-Курій-Дентатъ*, Римскій же Консулъ, изгнавшій Пирра изъ Италіи, въѣхавшій въ Римъ съ тріумфомъ въ 3-й разъ, удалился потомъ въ свой маленькой загородной домъ, гдѣ по-

бѣдоносными руками своими воздѣлывалъ небольшой садъ. Когда же послы Самнитскіе пріѣхали однажды къ нему съ предложеніемъ въ даръ золота, то онъ тогда сидѣлъ подлѣ очага и варилъ самъ рѣпу: при всемъ томъ отвергнулъ блестящіе дары, сказавъ: „неужели убожество мое заставляетъ васъ думать, что я прельщусь вашими дарами и предпочту ихъ пользѣ отечества!“

Жадные къ богатству, всегда не довольны своимъ имѣніемъ. Когда мы рождены въ убожествѣ, какая нужда желать быть богатыми? Не лучше ли спать на войлокѣ и быть здорову, нежели на пуховикѣ и быть больну? Не лучше ли желать сохранить спокойствіе духа, будучи въ умѣренномъ состояніи, нежели печалиться и смущаться при избыткѣ имущества? Не убожество дѣлаетъ насъ несчастными, но сластолюбіе, тщеславіе. Богатство вовсе не избавитъ насъ отъ страха; одинъ только разумъ учинить то можетъ: и слѣдственно тотъ, кто обогащаетъ разумъ свой, всегда самъ собою бываетъ доволенъ, и на бѣдность никогда не жалуется.

Ежели ты любишь глиняной сосудъ, то знай, что любишь вещь ломкую; и такъ, когда она разобьется, ты не долженъ тужить. Если любишь сына или жену, то

помни, что любишь людей смертныхъ; и когда случится имъ умереть, то не сокрушайся.

Обвинять другихъ въ своемъ несчастіи—есть знакъ невѣжды; обвинять себя самаго—есть знакъ начинающаго учиться мудрости; но дѣло мудреца — ни на кого не жаловаться и быть всегда веселымъ и довольнымъ, не измѣняться ни въ счастіи, ни въ злополучіи.

Кратковременная наша жизнь подвержена тысячѣ разныхъ приключеній, кои одно за другимъ отправляютъ ее. Ни въ какомъ состояніи не можно избѣжать нечаянныхъ несчастій. Незапная смерть похищаетъ у насъ любезныхъ дѣтей, воспитанныхъ съ великимъ раченіемъ, и служившихъ намъ опорою; приходятъ домашніе недостатки съ прочими неудачами, совсѣмъ безнадежной успѣхъ въ дѣлахъ; сильные непріятели безсовѣстно наступаютъ на горло и своими неправдами лишаютъ имѣнія и приводятъ въ отчаяніе; ложные друзья, по оказаніи тысячи обманчивыхъ услугъ, измѣняютъ — когда есть большая нужда въ ихъ помощи; долгія или частыя болѣзни лишаютъ насъ невинныхъ веселостей и дѣлаютъ жизнь горестною и несносною. Можно бы сносить оныя неудовольствія, ни мало объ нихъ не думая; но несчастный

нашъ жребій таковъ, что и разумъ нашъ, порабощенный сими несгодьями, и наше воображеніе, само собою преданное симъ печальнымъ предметамъ, непрестанно напоминаютъ, что мы злосчастны. Языческіе Философы, признавъ это, разумными доводами подтвердили: что все, случающееся съ нами въ жизни, бываетъ попущеніемъ по законамъ Провидѣнія, управляющаго тварями и ведущаго къ ихъ концу, и по правиламъ Высочайшей Премудрости, которая не можетъ обмануться въ своихъ намѣреніяхъ. Весьма опасно думать, якобы Всевышній объ насъ не радѣлъ и не былъ тронутъ ни добродѣтелями нашими, ни пороками: Онъ для насъ—премилосердый Отецъ, и Его попеченія простираются до наималѣйшихъ вещей; Онъ, наказуя насъ, или исправляя, ищетъ въ томъ пользы нашей. Уразумѣвъ сіе толкованіе, можно намъ быть терпѣливыми въ нашихъ несчастіяхъ.

И такъ начни съ самыхъ малыхъ вещей. Пролилъ ли кто твой кофе, укралъ ли кто вино твое, разсуди и скажи: чрезъ терпѣніе покупается тишина и получается постоянство; а безъ терпѣнія добродѣтельнымъ не сдѣлаешься. Когда кликнешь своего слугу, то подумай, что можетъ быть онъ тебя не слышитъ, или слышитъ, но не въ состояніи сдѣлать желаемаго тобою, и по-

ступи столь разсудительно, чтобъ не въ его силѣ было осердить тебя и возмутить покой твой.

Въ простой жизни не только есть многіе случаи оказать свою добродѣтель, но часто бываютъ обстоятельства, заставляющія имѣть привычку къ терпѣнію: нескромность и неосторожность тѣхъ, съ кѣмъ мы принуждены жить; грубость и безпутство слугъ, отъ коихъ принуждены иногда сносить; малѣйшія злоключенія и непріятности, многократно бываемыя, нарушаютъ порядокъ въ дѣлахъ и обращаютъ ихъ къ худому концу. Сіи бездѣлки могутъ озаботить, буде тобъ нихъ не разсудишь. Но лишаться своего покоя отъ столь маловажныхъ причинъ, весьма глупо. Есть люди, кои гнѣваются, кидаются, мучатся и дѣлаютъ такіе выговоры за разбитую рюмку, или за обѣдъ, худо изготовленный, какъ будто бы они всего лишились. Никогда не будешь владѣть собою, если станешь покоряться гнѣву: ибо тогда, не разсудя, легко можешь сказать или учинить непристойное. Многіе своенравные люди гнѣваются на пустяки, находятся въ частомъ безпокойствѣ, и нѣтъ такого человѣка, который бы не могъ ихъ взбѣсить, зная, какую власть можетъ имѣть надъ ними гнѣвъ. По малымъ только вещамъ поз-

нашь можно человѣка, каковъ онъ; потому что онъ въ нихъ поступаетъ просто и неосторожно. Весьма несносно обращеніе съ тѣми, кои всегда гнѣвны и за ничто досадуютъ. Сія строптивость происходитъ обыкновенно отъ худаго воспитанія; благовоспитанные же люди бываютъ снисходительны къ слабостямъ и грубостямъ другихъ.

Ежели хочешь, чтобъ твоя жена, твои дѣти, или друзья были безсмертны, то показываешь чрезъ сіе, что ты лишился ума; также буде желаешь, чтобъ слуга твой никогда не провинился, то значитъ, что ты хочешь также невозможнаго: ибо твое желаніе состоитъ въ томъ, чтобъ ошибка не была уже ошибкою, но чѣмъ-нибудь инымъ.

Кто хочетъ быть спокоенъ, тотъ не долженъ ни желать, ни гнушаться всего того, что отъ другихъ зависитъ: а иначе онъ долженъ быть необходимо въ заботахъ.

Надобно быть всегда довольными, въ какое бы состояніе судьбою мы приведены ни были. Жизнь наша не что иное, какъ мгновеніе вразсужденіи вѣчности, или какъ капля въ Океанѣ. Не высокіе чины и не великія богатства дѣлаютъ человѣка совершенно счастливымъ, но нѣчто иное, относящееся до душевнаго удоволь-

ствія и спокойства. Два Министра, любимцы Государевы, не могутъ жить спокойно, хотя на нихъ истощены всѣ его милости: малый знакъ предпочтенія, оказаннаго Царемъ одному изъ нихъ, раждаетъ въ другомъ зависть, которая чрезъ ненависть приводитъ въ чахотку. Ежели бы сыскали способъ ограничивать свои желанія, то нашли бы средство быть счастливыми, а оно состоитъ въ мудромъ управленіи нашими мнѣніями. Счастіе есть не что иное, какъ одна мечта.

Чего требуетъ отъ насъ Природа, то должны мы узнавать изъ тѣхъ вещей, кои для себя почитаемъ ненужными. Напримѣръ, чужой слуга разобьетъ чашу, мы говоримъ: это часто случается; — но знай, что когда и твою чашу разобьютъ, должно тебѣ также быть равнодушнымъ. Подобно разсуждай и о важнѣйшихъ предметахъ. Умеръ ли чей сынъ, или жена, всякъ говоритъ, что это власть Божія; — но когда его самаго дочь или жена умретъ, тотчасъ вскричитъ: о горе! о сколько я несчастливъ! — А должно бы столь же быть хладнокровнымъ.

Хотя всякой человѣкъ признаетъ себя смертнымъ, однако многіе живутъ такъ, какъ будто имъ никогда не умирать. Иные, переступая уже одною ногой въ гробъ, лишась дѣйствія чувствъ и едва дыша, льстятъ-

ся еще нѣсколько пожить, говорятъ о новыхъ приращенiяхъ своихъ доходовъ, объ украшенiи и увеличенiи домовъ, и не думаютъ, что они смертны. *Эпиктетъ* совѣтуетъ: часто думать о смерти — для уполенiя бури нашихъ страстей и презрѣнiя суетъ человѣческихъ. *Помни о смерти!* Да будетъ смерть часто въ твоей памяти: тогда не придутъ въ умъ твой порочныя и соблазнительныя мысли, и зловредныя желанiя.

Всѣ твои дѣла и предпрiятiя начинай слѣдующею молитвою: „Управляй мною, милостивый Боже. Куда и къ чему Ты меня предопредѣлилъ, я послѣдую съ должнымъ повиновенiемъ.“

Главное средство сохранить здоровье — состоитъ въ томъ, чтобъ быть всегда готовымъ — терпѣть и неропщать. Болѣзни, скорби, убытки и злоключенiя въ жизни неизбѣжны, и потому недолжно огорчаться, когда они придутъ. Печаль можетъ ли ихъ удалить? Напротивъ того: она болѣе увеличиваетъ болѣзни тѣлесныя и скорби душевныя. Если невозможно помочь въ бѣдѣ, то для чего жъ убивать себя огорченiемъ попустому? Если же болѣзнь излечима, то унынiе никакъ не можетъ ее вылечить; слѣдственно лучше прибѣгнуть къ терпѣнiю и твердости духа. Ежели боли наши жестоки, то онѣ будутъ непродолжительны, ибо

ничто чрезмѣрное не можетъ долго продолжаться; если жъ онѣ продолжительны, то слѣдственно и сносны; или вы превозможете болѣзнь, или она васъ; во всякомъ случаѣ, вы или она окончите. И такъ наше благосостояніе всегда зависитъ отъ неустрашимости, твердости и предпріимчивости: это есть наилучшіе запасы въ странствованіи жизненномъ. Не бываетъ ли въ продолженіе жизни множества такихъ случаевъ, которые дѣлаютъ ее несносною для человѣка, неимѣющаго мужества и бодрости? Какъ можно выперпѣть нищету, бѣдствіе, несправедливость, болѣзни, наконецъ смерть, безъ силы душевной, которая ихъ преодолѣваетъ?

Сверхъ того, главнѣйшее правило всякаго благоразумнаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобъ вѣрить или признавать: что невидимая сила Провидѣнія даетъ законы вселенной. Какой человѣкъ вздумалъ бы ей противиться? Не видимъ ли мы обращающіяся надъ нами огромныя тѣла небесныя, кои уноситъ время съ непостижимою скоростью, и съ онымъ вмѣстѣ родъ человѣческій, животныхъ и растеній, также какъ государства и ихъ гордые и тщеславные памятники, кои обѣщавали людямъ безсмертіе? — И такъ вселенная управляема силою

Провидѣнія, которое распространяется на всѣ предметы, по порядку вѣчному, начертанному Самимъ Богомъ. — Если это правда, (говорятъ *Зенонъ*, *Хризиппъ*, *Посидоній*) что нѣтъ дѣйствія безъ причины, ни движенія безъ побудителя, и все то, что существуетъ, проистекаетъ изъ предшествующаго источника, то посему нѣтъ никакого случая непредопредѣленнаго на землѣ, какъ то утверждаютъ Эпикурейцы.

Изъ сего заключаютъ, что наши дѣйствія уже не вольны, и слуга *Зенона* могъ ли извинить или оправдать себя необходимостью своей судьбы въ томъ, что онъ обокралъ своего господина по природной своей неодолимой склонности душевной? „Это также предопредѣленіе, которое заставляетъ меня наказывать тебя, отвѣчалъ *Зенонъ*, ибо законъ судьбы требуетъ, чтобъ наказаніе слѣдовало за преступленіемъ и чтобъ болѣзнь и скорбь сопровождали удовольствіе и радость.

Все то, что справедливо — есть совершенно полезно, хотя бы это было и вопреки нашихъ выгодъ; ибо наказываютъ злодѣя для его же пользы, точно такъ, какъ даютъ слабительное больному. — Сынъ долженъ предпочитать благоденствіе своего отечества благу своего родителя.

Благо или добро есть не иное что, какъ честность и добродѣтель, а зло — есть стыдъ и безчестіе. Жить согласно съ Натурою и честно — есть добродѣтель; такова должна быть цѣль каждаго человѣка; но она состоитъ и въ томъ, чтобъ поступать по заповѣдямъ Божественнымъ, ибо въ насъ есть искра и образъ Божества. Вотъ истинное счастіе или блаженство, которое возвышаетъ насъ превыше всего. Главныя же добродѣтели состоятъ: въ благоразуміи или мудрости, умѣренности, твердости и справедливости; а главные пороки заключаются въ противномъ.

Всѣ пороки происходятъ отъ невѣжества; всѣ болѣзни душевныя проистекаютъ отъ неумѣренности, отъ отступленія здраваго разсудка. Отъ невоздержности раждаются движенія душевныя, безпокойства; между тѣмъ какъ воздержаніе установляетъ равновѣсіе въ разсудкѣ. И такъ страсти суть не иное что, какъ болѣзни, происшедшія или отъ проступковъ или отъ заблужденій; и нѣкоторые люди бываютъ болѣе подвержены страстямъ (или слабостямъ и погрѣшностямъ), нежели другіе. Страсти проходятъ — какъ болѣзни, но пороки существуютъ — какъ безобразіе или уродливость тѣла. Всѣ же сіи качества противны Натурѣ.

Здравый разсудокъ въ отношеніи къ душѣ точно тоже, что равновѣсіе здоровья въ тѣлѣ; и какъ хорошее образованіе тѣла дѣлаетъ его красоту, то равномѣрно и добродѣтель есть совершенный равновѣсъ души. Сія укрѣпляется добрыми дѣлами также, какъ и тѣло дѣлается сильнѣе и крѣпче отъ трудовъ и тѣлеснаго упражненія.

Нѣтъ жизни счастливой безъ чести и добродѣтели; благоденствіе наше не можетъ быть надолго твердо, такъ, чтобъ не почитали мы по крайней мѣрѣ болѣзнь, скорбь и печаль зломъ или бѣдою. Но прилично только великому или высшенному человѣку почитать ничтожными всякія происшествія въ жизни человѣческой; онъ находитъ всѣ предметы всегда ниже себя; исполненный твердою надеждою, онъ стремится къ добродѣтели не останавливаясь. Какой безчувственный человѣкъ будетъ разсматривать безъ удивленія, безъ восторга превосходныя дѣла великихъ людей? Злые и бездѣльники не должны ли укрывать свое безчестіе и посрамленіе во мракѣ? Добродѣтель есть высшее благо, къ которому мудрый долженъ стремиться. Верховной власти могутъ быть подчинены только подданные; но добродѣтели — самая свобода человѣческая! Таковы большею ча-

стію мнѣнія древнихъ Стоическихъ Философовъ, заключающія въ себѣ высокія свѣдѣнія Морали Стоической, бывшей наукою великихъ людей древности. Впрочемъ, если бы мы могли надѣяться видѣть подобную школу въ наши времена, то и она неизбавила бы насъ отъ многихъ слабостей тѣлесныхъ и не менѣе отъ душевныхъ, кои столь ослабили и повредили новое племя людей.

Божественное ученіе Христіанской Религіи несравненно превосходитъ правила всѣхъ Философовъ, о терпѣніи скорбей и пріобрѣтеніи твердости духа. Спаситель нашъ, *Іисусъ Христосъ*, бывъ распятъ на крестѣ, молился за враговъ своихъ и сказалъ: „Отче! прости имъ; ибо не знаютъ, „что дѣлаютъ.“ Никакая мораль не можетъ сравниться съ сими божественными словами! Быть немощнымъ и роптать на Божій промыслъ, на свои страданія, значитъ не быть уже христіаниномъ. Промыслъ Божій съ такою премудростью располагаетъ благомъ и зломъ жишейскимъ, что каждый въ своемъ состояніи, сколь бы ни казалась участь его благополучною, находитъ горести, равняющіяся его удовольствіямъ. На землѣ нѣтъ совершеннаго счастія; ибо здѣсь не время утѣшенія, но скорби. Высокость сана имѣетъ свои порабощенія, низкость —

свои уничиженія, каждое званіе — свои заботы и прихоти, уединеніе — свои печали и скуку, бракъ — свои непріятности, дружество — свои потери или вѣроломство: словомъ, по уставу, неизбѣжному для чадъ Адамовыхъ, всякъ обрѣтаетъ на пути своемъ волчецъ и тернія. Благополучнѣйшее по видимому состояніе имѣетъ свои сокровенныя горести; престолъ есть также сѣдалище скорбей, какъ и послѣднее мѣсто; великолѣпные чертоги такъ же вмѣщаютъ люпыя заботы, какъ и хижина земледѣльца: тысяча случаевъ убѣждаетъ насъ, что къ блаженству нашему всегда чего-то недостаетъ.

Вотъ заповѣди Спасителя нашего, *Іисуса Христа*, то есть заповѣди Евангельскія: „Возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ.“ Это первая и важнѣйшая заповѣдь. Вторая же, подобная ей: „Возлюби ближняго твоего, какъ самого себя.“ Въ сихъ двухъ заповѣдяхъ состоитъ нашъ главнѣйшій законъ. И такъ во всемъ поступайте съ людьми такъ, какъ хотите, чтобы поступали они съ вами. — Человѣкъ благодѣтельный уподобляется нѣкоторымъ образомъ Самому Богу. Евангеліе учитъ насъ: прощать обиды, благословлять клянущихъ, благотворить ненавидящимъ. Самъ

Іисусъ Христосъ сказалъ: (*) „Любите враговъ вашихъ, благословляйте клянущихъ васъ, творите добро ненавидящимъ васъ, и молитесь за оскорбляющихъ васъ.“

Евангельскія заповѣди требуютъ возможнаго напряженія силъ душевныхъ; и если ты не имѣешь довольно твердости, то не можешь соблюсти и прочихъ обязанностей, предписанныхъ религіею. Потребна сила — прощать обиды и благотворить ненавидящимъ; потребна сила, чтобы убѣгать прелестей міра, уклоняться порочныхъ забавъ, къ которымъ влекутъ склонности, — противиться обычаямъ, вкоренившимся въ народѣ; потребна сила, чтобы христіански наслаждаться благоденствіемъ, быть трезвымъ въ изобиліи, честнымъ среди сокровищъ тлѣнныхъ, безстрастнымъ къ тому, чего не имѣешь, и стремишься горѣ — отъ среды забавъ и утѣхъ мірскихъ; потребна сила, чтобы одолѣвать себя, укрощать возстающія пожеланія, безпрестанно направлять сердце къ правотѣ — сердце, непрестанно совращающееся отъ нея. Вотъ все то, чему учитъ насъ Евангеліе; и если бы мы по симъ заповѣдямъ поступали, то были бы счастливы, здоровы и долговѣчны; не видали бы мы ни притѣсненія слабымъ

(*) Еванг. Матѳ. V, 44.

и немощнымъ, ни беззаконій въ дѣлахъ, ни чрезвычайныхъ богатствъ, несправедливо пріобрѣтенныхъ, ни обществъ терзаемыхъ злобою и враждою и отравленныхъ завистью и ревностью.

Желать всего того, что угодно Богу и предать себя въ волю Его: вотъ единственное средство быть счастливымъ и спокойнымъ.

Примѣры.

Филиппъ Македонскій писалъ къ Спартанцамъ: *если завладѣю Спартою, то разрушу ее до основанія.* Спартанцы отвѣчали однимъ словомъ: *если!* Мы восхищаемся симъ отвѣтомъ, одушевленнымъ неустрашимостью, повиновеніемъ къ законамъ, любовью къ отечеству и увѣренностью, что согласіе и единодушіе все преодолѣваютъ.

Петръ Великій, при первомъ начатіи работы Ладожскаго канала, опредѣлилъ, чтобъ владѣльцы деревень Новогородской и Петербургской губерній посылали на оную работу крестьянъ своихъ, и будучи въ Сенатѣ, самъ подписалъ указъ о семъ. Князь Яковъ Ѳедоровичъ *Долгорукой,* къ коего прозорливости и опытности Великій Государь

имѣлъ отличное уваженіе и довѣріе, занятъ будучи другими важными дѣлами, случившимися въ тотъ день, не присутствовалъ тогда въ Сенатѣ, и потому не зналъ, что безъ него происходило въ ономъ. На другой день, когда надлежало приступить къ исполненію указа того, прибылъ Долгорукой въ Сенатъ, и, по обыкновенію своему, прежде всего спросилъ: о чемъ вчера въ Сенатѣ было разсуждаемо? Ему подали подписанный всѣми Сенаторами протоколъ, въ которомъ записано было Монаршее повелѣніе о томъ, чтобъ крестьяне Новогородской и С. Петербургской губерній употреблены были для копанія Ладожскаго канала. Князь, по прочтеніи протокола, началъ съ жаромъ говорить, что такое повелѣніе противно государственной пользѣ, и что о томъ непремѣнно должно доложить Государю въ самой скорости, дабы не поспѣшествовать конечному разоренію сихъ и безъ того уже предъ другими истощенныхъ губерній; и какъ онъ продолжалъ ревностно оспаривать сіе не довольно обдуманное опредѣленіе, то, дабы убѣдить его, что того перемѣнить уже не льзя, Сенаторы подали ему подписанное самимъ Государемъ опредѣленіе: но Долгорукой, слѣдуя единому рвенію своему къ благу общему, къ изумленію всѣхъ Сенаторовъ, разорвалъ сіе подписанное Монар-

хомъ опредѣленіе. Всѣ Сенаторы ужаснулись, встали съ мѣстъ своихъ и спрашивали его: знаетъ ли онъ, что̀ сдѣлалъ, и что̀ ему будетъ за столь дерзкій поступокъ? — *Знаю, что я сдѣлалъ̃*, отвѣчалъ онъ, *и буду за сіе отвѣтствовать предъ̃ Богомъ̃, предъ̃ Государемъ̃ и предъ̃ Отечествомъ̃!* — Въ самое это время Петръ Великій входитъ въ Сенатъ; онъ удивляется смятенію Сенаторовъ и спрашиваетъ: что̀ значитъ необыкновенный ихъ шумъ? Генералъ-Прокуроръ съ трепетомъ подалъ ему подписанное имъ и изодранное Долгорукимъ опредѣленіе. Монархъ, симъ происшествіемъ сначала приведенный въ сильный гнѣвъ, спросилъ съ жаромъ Князя: что побудило его сдѣлать столь неслыханное преступленіе противу верховной власти? — „Не что иное, какъ „ревность моя къ Твоей славѣ и къ благо„состоянію Твоихъ подданныхъ. Не гнѣ„вайся на меня Петръ Алексѣевичъ,“ продолжалъ онъ: „я надѣюсь на твое благора„зуміе, что ты собственную свою землю „не хочешь разорить такъ, какъ Карлъ XII „разоряетъ свою. Ты поспѣшилъ дать сіе „повелѣніе, и не размыслилъ, въ какомъ „состояніи находятся обѣ сіи губерніи, ко„торыя доселѣ больше нежели всѣ вмѣстѣ „провинціи Русскія въ настоящую войну „претерпѣли. Сколько въ нихъ людей вы-

„мерло, и сколь великъ въ оныхъ нынѣ не-
„достатокъ въ народѣ! Что препятствуетъ
„тебѣ, къ работѣ сего необходимо-нужнаго
„для твоего Петербурга канала, взять ра-
„ботниковъ изъ другихъ провинцій, изъ
„каждой понемногу? Онѣ несравненно болѣе
„могутъ дать людей, нежели сіи двѣ почти
„безлюдныя губерніи, и онѣ отъ того не
„много потеряютъ. Сверхъ того есть у
„тебя довольно воѣноплѣнныхъ Шведовъ,
„коихъ ты, вмѣсто собственныхъ своихъ
„подданныхъ, къ сей тяжкой работѣ упо-
„требить можешь.“ — Монархъ все это выслушалъ съ начертаннымъ на лицѣ его удовольствіемъ. „Все это хорошо, сказалъ онъ; но начто жъ рвать подписанное мною опредѣленіе, зная, что это такая дерзость, которая нигдѣ не можетъ быть терпима?“— *Вѣ этомѣ-то только я и виноватъ, Государь, что не утерпѣлъ*, отвѣтствовалъ сей вѣрный подданный. — Послѣ сего Монархъ нѣсколько подумалъ, и, обратясь къ прочимъ Сенаторамъ, сказалъ: *Хотя я-было такѣ сперва и положилъ, однако жѣ сіе дѣло еще разсмотрю, и далѣ Сенату мое послѣднее о томѣ повелѣніе.* На этомъ дѣло сіе и остановилось; въ послѣдствіи же Великій Государь, для копанія Ладожскаго канала, нашелъ другія средства, по точнѣйшему разсмотрѣнію онаго чаятельно съ

Долгорукимъ, на коего онъ столько полагался. Вскорѣ потомъ отправилъ на работу оную нѣсколько тысячъ военоплѣнныхъ Шведовъ.

Другой примѣръ:

По рапортамъ узналъ Петръ Великій, что въ Петербургѣ оставалось только на мѣсяцъ хлѣба для служащихъ; подрядчики не могли доставить онаго прежде трехъ мѣсяцевъ; купить же у торгующихъ въ городѣ, тогда потерпѣли бы жители голодъ: что жъ дѣлать? Государь безпокоится; озабоченный же другими дѣлами, предложилъ Сенату, чтобъ онъ употребилъ удобное и неотяготительное народу средство — предупредить недостатокъ въ хлѣбѣ. Сенатъ не нашелъ лучшаго пособія, какъ наложить на Новогородскихъ крестьянъ по четверику на душу. Монархъ, не разсмотря, утвердилъ, и повелѣлъ немедленно послать о семъ, куда слѣдуетъ, указы, прибавя только: *къ сбору онаго хлѣба назначьте людей честныхъ*. Опредѣленіе всѣми Сенаторами подписано, исключая Князя *Долгорукаго*, который не былъ тогда въ Сенатѣ, и указы для отправленія уже заготовлены. Князь пріѣхалъ, и ему подали опредѣленіе для подписанія, сказавъ: Вашего Сіятельства только и ждали, дабы разо-

слать указы. Русскій Аристидъ, прочитавъ опредѣленіе, требуетъ сургучу и огня, и собравъ всѣ заготовленные указы, съ опредѣленіемъ вмѣстѣ, запечаталъ въ одинъ пакетъ, положилъ въ карманъ, и, не сказавъ ни слова, вышелъ изъ Сената и поѣхалъ къ обѣдни. Сенаторы удивленные, одни сожалѣли о немъ, а большая часть радовались, что *умникъ* (такъ они называли его) подпадетъ гнѣву Государеву, по дѣлу, которое не терпитъ отсрочки и утверждено Петромъ. Въ то же время доносятъ Монарху, бывшему тогда въ Адмиралтействѣ, о случившемся, прибавя: „онъ де часто спорами своими останавливаетъ скорое теченіе дѣлъ, а иногда дерзаетъ и Ваше повелѣніе презирать.“ — Петръ, прочтя донесеніе сіе, воспаляется величайшимъ гнѣвомъ; — пріѣхавъ въ Сенатъ, спрашиваетъ: гдѣ Долгорукій? — Уѣхалъ къ обѣдни. Государь посылаетъ за нимъ. Докладываютъ Князю Монаршее велѣніе, чтобъ онъ явился въ Сенатъ. — *Слышу.* — Монархъ чрезъ сей отвѣтъ теряетъ терпѣніе, пылаетъ гнѣвомъ и посылаетъ, чтобъ въ тотъ же часъ явился Князь къ нему. Посланный получаетъ тотъ же отвѣтъ. Государь больше и больше раздражается. Непріятели Долгорукаго не упустили случая сего — чернишь его: иные, какъ бы про себя, гово-

рили громко: какое дерзкое упорство! другіе самому Петру: изъ сего можете разсудить, Ваше Величество, что̀ мы отъ него терпимъ. Огорченный Петръ еще посылаетъ, повелѣвая сказать ему, если онъ замедлитъ придти, то поступлено съ нимъ будетъ какъ съ ослушникомъ и презрителемъ верховной власти. Долгорукій и на это не отвѣчаетъ, молится, повторяя нѣсколько разъ въ слухъ слова: *Воздадите Божія Богови, а Кесарева Кесареви.* Посланный спрашиваетъ у Князя, что̀ прикажете донесть Государю? — *Все, что видишь и слышишь.* — Доносятъ и о семъ. Между тѣмъ обѣдня отошла, и Князь вскорѣ самъ пріѣзжаетъ въ Сенатъ. Лишь только успѣлъ войти, Монархъ стремится къ нему, одною рукой хватаетъ его за воротъ, другою поднявъ обнаженный коршикъ, говоритъ: „ты долженъ умереть какъ противникъ Государя и ослушникъ воли и повелѣнія его!“ — Но напріотъ, Князь Долгорукій, не теряетъ духу, обнажаетъ грудь, и говоритъ твердымъ голосомъ: „*Рази, вотъ̀ грудь моя, рази; я не страшусь умереть за правду, и ты будешь другой Александръ̀, а я — другой Клитъ̀!* — Монархъ опускаетъ руки, и, какъ бы устрашась чего, недвижимый, смотритъ ему въ глаза и говоритъ: „Какъ дерзнулъ ты остановить опредѣленіе, утвержденное

мною?“ — „*Ты самъ повелѣлъ представлять тебѣ истину и стараться о славѣ и пользѣ народа Твоего: такъ могу ли по совѣсти исполнить то, что противно истинѣ, Тебѣ и пользѣ народной?*“ — Смягченный таковымъ отвѣтомъ Петръ спросилъ: гдѣжъ возьмемъ мы хлѣбъ? или ты хочешь видѣть ужасное зрѣлище голода! — „Нѣтъ, Государь, сохрани насъ Богъ отъ того; средство, отвратить мнимую опасность, не заслуживаетъ такого безпокойства Твоего и сихъ господъ, моихъ товарищей (указывая на Сенаторовъ). Ежели бы поусерднѣе подумали, то нашли бы, что средство то въ нашихъ рукахъ, и выгода была бы та, что твои подданные Новогородской губерніи, болѣе другихъ отъ войны въ теченіе двухъ-сотъ лѣтъ тяготы несшіе, не обременились бы новымъ налогомъ. — Какое жъ средство? спрашиваетъ успокоенный Государь. — Сядь, отецъ-Государь, я тебѣ скажу, гдѣ взять хлѣба. — Петръ и Сенаторы сѣли. Долгорукій продолжалъ: „провіантъ „Твой будетъ не прежде двухъ мѣсяцовъ, „а до того времени есть у меня *столько-„то* кулей, на продовольствіе жъ дому моего надобна мнѣ только половина или не „много побольше, а посему есть около по„ловины излишняго; у Князя Меншикова, „за всѣми его расходами, какъ я заподлин-

„но знаю, остается гораздо еще больше по-
„ловины; у Адмирала Головина тоже, — у
„того и у того столько жъ;“ — и наименовавъ всѣхъ поимянно, разсчелъ, что остатковъ отъ господъ болѣе, нежели нужно на продовольствіе въ два мѣсяца солдатъ и бѣдныхъ, пока прибудетъ хлѣбъ. „И такъ
„возьми остатки у насъ, а какъ придетъ
„ожидаемый хлѣбъ, то и можешь взятую
„муку возвратишь новою, мы же довольнѣе
„останемся, получа свѣжую; войско твое и
„всѣ будутъ снабжены, а бѣдные Новогород-
„цы не будутъ терпѣть тяготы и жало-
„ваться на твою несправедливость. Еще
„скажу: не думаешь ли Ты, Государь, что
„крестьянинъ отдѣлается однимъ четверикомъ? нѣтъ! ему мало будетъ и двухъ,
„*воры комиссары сыщутъ ко толику средства:* они подъ предлогомъ, будто бы мука дурна, прогорькла, не станутъ оную
„принимать, и мужикъ плачетъ, да даетъ
„вдвое; о Новогородцахъ же нечего и гово-
„рить!“ — Монархъ, выслушавъ все это, обратился къ Сенаторамъ: *что*жъ вы молчите и не пропиворѣчите? правду ль *умникъ* то говоритъ, или нѣтъ? — Всѣ признались, что Князь говорилъ дѣльно и справедливо; всѣ предлагаютъ отдать излишекъ своей муки. — *Изъ сего вижу я,* заключилъ Монархъ, *что вамъ можно сносить его упорство и*

противорѣчія. — Великій Государь съ чувствительностію просилъ у Долгорукова прощенія въ запальчивости и неосмотрительности своей, что понадѣялся и положился на Сенатское мнѣніе. Петръ, прося прощенія у поддаинаго своего, и не разъ, возвысился такъ, какъ почти ни кто изъ смертныхъ не возвышался!

Ни кто не имѣлъ болѣе истинной твердости, какъ *Фридерикъ II,* Король Прусскій. Онъ обязанъ *себѣ* своею храбростію и мужествомъ, (какъ сказалъ Корнель), онъ долженъ былъ только *себѣ* своею славою. Дѣйствительно, въ первомъ сраженіи, въ коемъ Фридерикъ находился, онъ — для большей безопасности — ушелъ и спрятался подъ мостъ. Одинъ его офицеръ приходитъ къ нему и говоритъ: *Ваше Величество! побѣгъ вашъ разстроитъ всю армію.* Тогда Король превозмогаетъ себя; онъ побѣждаетъ прежде страхъ, а потомъ и непріятеля. Съ сего времени его неутомимость превзошла всѣ препятствія, какъ внутреннія, такъ и наружныя. Будучи тѣлосложенія слабаго и здоровья разстроеннаго, онъ умѣлъ укрѣпить оныя. Камердинеръ его имѣлъ приказаніе входить во всякое время въ его комнату, въ пять часовъ утра, будить его, когда онъ

спалъ, и сбросить его одѣяло, если онъ не скоро вставалъ. Въ одно время, когда Король ему приказывалъ оставить его въ покоѣ: *Я васъ очень хорошо знаю*, отвѣчалъ ему камердинеръ,— *вы меня прогоните, если васъ послушаюсь.*

Анаксименъ, свѣдавъ, что Александръ Македонскій идетъ съ войскомъ къ городу Лампсаку съ намѣреніемъ разорить его, вышелъ къ нему: Царь подумалъ, что сей мудрецъ, бывшій нѣкогда его учителемъ, идетъ къ нему съ просьбою о пощадѣ города, и не дожидая его словъ, сказалъ: *клянусь тебѣ, Анаксименъ, что не сдѣлаю по твоей просьбѣ.* Услыша сіе, Философъ молвилъ: *прошу тебя, Царь, явить мнѣ сію милость, чтобъ сей городъ тобою разоренъ былъ.* Царь, видя противное своему мнѣнію, и зная, что клятву преступить поносно, велѣлъ войску отступить отъ того города.

Нѣкоторый шутъ оскорбилъ своего Государя. Сей приказалъ привести его къ себѣ, и — показавъ гнѣвный видъ, упрекалъ ему преступленіемъ его, и сказалъ: „несчастный, ты будешь наказанъ; приготовься къ смерти.“ Устрашенный виновникъ по-

вергается къ его стопамъ и проситъ милости. — „Тебѣ нѣтъ иной милости, говоритъ Государь, кромѣ той, что я тебѣ даю свободу выбрать, какою смертью умереть пожелаешь; рѣшайся скорѣе, я хочу, чтобъ ты мнѣ повиновался.“ — *Коль скоро вы мнѣ даете на выборъ, Ваше Величество,* отвѣчаетъ шутъ, *я повинуюсь Вашей волѣ и прошу позволить умереть мнѣ отъ старости.*

На Альпійскихъ горахъ, когда между солдатами Русскими возникъ ропотъ и они въ слухъ негодовали, *Суворовъ* спрашиваетъ: „что они говорятъ?“ Ему отвѣчаютъ: вы слышите сами. — „Да,“ закричалъ онъ: „помилуй Богъ! Они меня хвалятъ; такъ хвалили они меня въ Турціи и Польшѣ,“ — и солдаты расхохотались.

Многіе изъ стрѣльцовъ, отступивъ отъ спасительнаго ученія Церкви, соединились со злыми суевѣрами, и стали оскорблять Патріарха и охуждать святыню. Сего мало: ожесточенные, подобно лютымъ звѣрямъ, они бросились съ каменьями на Патріарха, и гнались за нимъ до Грановитой Палаты, въ которой находились оба

Царя, Іоаннъ и братъ его, юный *Петръ*, бывшій тогда десяти лѣтъ. Между тѣмъ страшный крикъ слышался съ Ивановской площади; народъ волновался; суевѣры, съ воплемъ неся передъ собой горящія свѣчи, книги и налой, вломились въ Грановитую Палату, и подавъ Царямъ челобитную, требовали выслушать ихъ: начался споръ о вѣрѣ предъ лицемъ Царей. Патріархъ и Архіепископъ Аѳанасій кротко обличали безуміе суевѣрныхъ; но мятежники, видя, что не могутъ успѣть въ доказательствѣ, принялись за каменья и бросились на Аѳанасія. Царь Іоаннъ и придворные въ ужасѣ спѣшили уйти изъ Палаты; но въ сіе время, юный десятилѣтній *Петръ*, вставъ стремительно съ мѣста своего, снялъ съ себя корону, и, съ блистающими слезами въ глазахъ, вскричалъ: „*пока сей вѣнецъ на* „*головѣ моей и душа въ тѣлѣ останется,* „*не попущу воевать на матерь мою, цер-* „*ковь святую, и правую вѣру звать непра-* „*вою.*“ Потомъ, обратясь къ Боярамъ, съ гнѣвомъ сказалъ: *что вы стоите, не усмиряете враговъ?*—Такое величіе въ юномъ Царѣ, возбудило смѣлость въ Боярахъ, и поразило страхомъ мятежниковъ. Они схвачены и наказаны. Патріархъ съ Архіереями пали къ ногамъ юнаго Государя, благодаря со слезами за спасеніе ихъ и защиту церкви.

ТЕАТРЫ.

Театръ можетъ быть школою добродѣтели и благопристойности въ дѣйствіяхъ и въ разговорахъ.

Часто благонамѣренные родители, говоритъ мудрый *Фенелонъ*, возятъ дѣтей своихъ въ театры; они полагаютъ такимъ образомъ дать имъ хорошее воспитаніе, которое кажется имъ весьма скучнымъ и строгимъ, когда оно не смѣшано съ добромъ и зломъ. Но мы будемъ имѣть очень малое знаніе о разумѣ человѣческомъ, чтобъ не видѣть, что сей родъ развлеченій внушаетъ молодымъ людямъ отвращеніе къ степенной и заботливой жизни, на которую направляютъ ихъ, и представляетъ имъ несносными самыя простыя и невинныя удовольствія.

ТЕРПѢНІЕ.

Терпѣніе есть удѣлъ путниковъ временной жизни, желающихъ достигнуть жизни вѣчной.

Терпѣніе — ключъ къ радости, нетерпѣніе — къ раскаянію.

Терпѣніе есть лекарство отъ всѣхъ бѣдъ и скорбей.

Хранить тайну, сносить обиды и употреблять въ пользу праздное время — суть три вещи, труднѣйшія въ свѣтѣ.

Терпите, несчастные: ибо *кто желаетъ розы, тотъ долженъ желать и терній.*

Чтобъ пріучить себя къ терпѣнію, надобно изъ головы своей изгнать безразсудную мысль, чтобъ всё было по нашему желанію: ибо мы обыкновенно тогда и скорбимъ, и досадуемъ, и ропщемъ, когда видимъ, что не такъ дѣлается, какъ бы мы желали. Какая дерзкая или паче младенческая мысль! Связь всѣхъ собственныхъ дѣлъ едва ли мы понимаемъ, а желаемъ, чтобъ связь всѣхъ безчисленныхъ дѣлъ была приноравливаема къ дѣламъ нашимъ: да не только дѣлъ человѣческихъ, но—можетъ быть—мы желаемъ, чтобъ и въ цѣлой вселенной не иначе все происходило, какъ мы воображаемъ и желаемъ. Какое мечтаніе, не говорю, гордое, но паче тщетное!

Но—терпѣть тягостно. Подлинно тягостно, но—тому, кто благоразумiемъ не руководствуется, думая, что будто онъ одинъ таковой тягости подверженъ; подлинно тягостно,—но тому, кто не вѣритъ, что все совершается по премудрому управленію Вышняго; подлинно тягостно, но тому, кто не подкрѣпляетъ себя упованіемъ лучшей перемѣны; ибо если ты прямо вѣришь,

что Богъ располагаетъ судьбою всѣхъ, то почто же не сносишь терпѣливо то бремя, которое на тебя возложила отеческая Его десница? Всегда въ молитвѣ читаешь: да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли; но почто поступки твои несходны съ молитвою? Ежели небесныя силы волѣ Божіей повинуются, то какъ ты, персть земная, дерзаешь роптать противу Всевышняго?

Богъ попускаетъ быть злу; ибо Онъ столько премудръ, что и самое зло умѣетъ обратить въ добро. Но пусть бы было и то, что намъ въ несчастіяхъ простительно было и роптать, и жаловаться, и терзаться: но что ты чрезъ сіе лучшаго пріобрѣтешь себѣ? Перемѣнишь ли устроенный въ свѣтѣ порядокъ? Удержишь ли всемогущую руку Божію? Остановишь ли волненія морскія и бури вѣтровъ, чтобъ онѣ къ тебѣ не прикасались? Но что я говорю! умягчишь ли ты чрезъ сіе злобу злыхъ людей, или хотя примиришь ли ихъ съ собою? Ахъ, нѣтъ! только что Бога болѣе прогнѣвишь, и враговъ своихъ въ большую ярость приведешь противъ себя; а между тѣмъ самъ себя напрасно обезпокоишь и измучишь.

Сильнымъ стремленіемъ вѣтра очищаются и воздухъ и вода; острымъ раздираніемъ плуга умягчается земля и становится плодоноснѣе; злато, ввержённое въ огонь,

по сожженіи несвойственныхъ ему частицъ, съ большимъ сіяніемъ блистаетъ: такъ и человѣкъ—въ бѣдствіяхъ болѣе открываетъ свою добродѣтель, и болѣе пріобрѣтаетъ славы, когда все то побѣдитъ терпѣніемъ и великодушіемъ.

И такъ перестань, смертный, роптать! *воздай славу Богу*. Будь доволенъ жребіемъ своимъ: проходи подвигъ жизни сей въ благодушіи.

Истинное христіанское терпѣніе есть такая добродѣтель, съ коею люди во всѣхъ напастяхъ и страданіяхъ, коихъ никакими порядочными средствами избѣгнуть не можно, предаютъ себя въ милостивую волю Божію, охотно свершенію оной на себѣ покаряются, и скорѣе все сносятъ, нежели ропщутъ на Бога и отпадаютъ отъ Него. Терпѣніе есть такая добродѣтель, которая подвергаетъ себя кресту съ кроткимъ, смиреннымъ сердцемъ, и всякія несчастія, скорби и гоненія пріемлетъ на себя яко крестъ и иго Христово, и послѣдуетъ Христу, и на Бога не ропщетъ; она происходитъ не изъ разума, или плоти и крови, но есть особенный даръ Духа Святаго и плодъ вѣры истинной.

Терпѣніе неразлучно съ вѣрою, любовію, надеждою; смиреніе, кротость, послушаніе суть плоды терпѣнія.

Какое терпѣніе оказали всѣ Апостолы, *Іовъ, Моисей* и мученики? Но терпѣніе Господа Іисуса Христа превосходитъ терпѣніе всѣхъ святыхъ! Онъ молился за враговъ своихъ на крестѣ, сожалѣя о ихъ невѣдѣніи, по которому они предали Его смерти.

Надлежитъ намъ также взирать на примѣры святыхъ: *Ноя, Авраама, Исаака, Іакова, Іосифа, Давида, Іова*, особливо же на-примѣръ Божія человѣка — *Моисея*, о которомъ Священное писаніе свидѣтельствуетъ: „*человѣкъ Моисей кротокъ зѣло паче всѣхъ человѣкъ сущихъ на земли* (Кн. Чис. гл. 12, ст. 3). Какъ часто роптали на него народъ! Но онъ былъ противу него кротокъ, бесѣдовалъ съ нимъ о полезномъ, молился о немъ, и желалъ изглаженъ быть изъ книги живущихъ, (Изх. гл. 32, ст. 32), только бы Богъ помиловалъ народъ сей.

Терпѣніе наше должно укрѣпляемо быть сердечнымъ упованіемъ на милосердіе Божіе, яко Богъ не забудетъ насъ до конца, подобно какъ мать не забудетъ чада своего. Во время напастей первое утѣшеніе есть то, что всѣ скорби происходятъ по волѣ Божіей. *Благая и злая, животъ и смерть, нищета и богатство, отъ Господа суть* (Сир. гл. 11, ст. 14). Не роптать требуетъ Богъ, но покаянія. Второе утѣшеніе то,

что Господь насылаетъ на насъ Крестъ не изъ гнѣва или немилости, но по любви отеческой, дабы содѣлать насъ блаженными: ибо что мы, бывъ въ великомъ счастіи, въ благоденствіи и въ веселіи, легко можемъ потерять блаженство наше, примѣромъ своимъ доказываютъ первые прародители наши въ раю. Да и въ нынѣшнія времена весьма часто большое счастіе и благоденствіе отвращаютъ отъ Бога сердце человѣческое. И хотя Господь Богъ, по строгому правосудію своему, могъ человѣка предать на вѣчное осужденіе и отъ себя отвергнуть его, однако жъ, милосердуя о немъ, еще изыскалъ Онъ пути и средства, споспѣшествующія къ блаженству человѣка, между которыми и святый Крестъ находится.

Господь Богъ изгналъ человѣка изъ Рая, изъ эдема радости и веселія — въ бѣдность, да снѣстъ хлѣбъ свой въ потѣ лица своего, (Быт. гл. 3, ст. 19. 24) и крестомъ и скорбями подвигнутъ будетъ на покаяніе. Симъ же образомъ и съ каждымъ изъ насъ поступаетъ Онъ. Хотя мы безпрестанно оскорбляемъ Его, но Онъ такъ милосердъ, что испытуетъ на насъ всѣ средства — для обращенія нашего. По мудрому совѣту своему, опредѣлилъ Онъ и учредилъ каждому человѣку Кресть, дабы Крестъ сей со-

хранилъ его въ истинномъ покаяніи и въ страхѣ Божіемъ. Нося Крестъ твой, помысли о грѣхахъ твоихъ, не весьма ли ты достоинъ онаго. Конечно, самъ ты признаешься въ семъ долженъ: и такъ требуетъ того правосудіе Божіе, чтобъ ты былъ наказанъ; иначе Богъ не будетъ Богъ правосудный. Если же неотмѣнно должно, чтобы грѣхъ наказанъ былъ, то гораздо лучше, чтобы онъ наказанъ былъ здѣсь, а не въ будущей жизни; ибо здѣшнее наказаніе временно, а тамошнее вѣчно.

Терпѣніе получаетъ высокое награжденіе; ибо *Іовъ* возвратилъ въ седмь кратъ потерянное имѣніе свое (Іов. гл. 42, ст. 10). Спаситель сказалъ: *Блажени кротціи: яко тіи наслѣдятъ землю* (Матѳ. гл. V, ст. 5).

Поелику жизнь христіанина въ мірѣ семъ есть не иное что, какъ Крестъ и скорби, которыми входимъ мы въ царство небесное, то и весьма нужно намъ прилѣжать къ терпѣнію, и отъ Бога испрашивать онаго.

ТРЕЗВОСТЬ.

Трезвость есть предохранительное средство противъ многихъ болѣзней.

Трезвость занимается количествомъ и качествомъ пищи и питія, приличнѣйшихъ

для здоровья; соразмѣряетъ ихъ употребленіе съ потребностями тѣла и заключается въ границахъ, положенныхъ Природою для нашихъ нуждъ.

ТРУДЪ, *работа, упражненіе, занятіе, трудолюбіе.*

Трудъ есть источникъ всѣхъ удовольствій, вѣрнѣйшее лекарство отъ скуки.

Человѣкъ рожденъ для труда, также и для общества.

Нѣтъ благороднѣе того, кто трудомъ снискиваетъ себѣ пропитаніе.

Спѣша дѣлать то, что не къ спѣху, выигрываешь время для того, что нужно сдѣлать къ спѣху.

Трудъ ведетъ насъ къ счастію. Будемъ беречь время, воспользуемся каждою минутой, и не упустимъ ни одной въ праздной и суетной безполезности. Скука не менѣе удручаетъ какъ и скорбь, простирая на всѣхъ свой ядъ; но она не смѣетъ приблизиться къ мудрецу, который, всю жизнь занимаясь пользою и добродѣтелью, составляетъ изъ нихъ непрерывную цѣпь истинныхъ удовольствій. Онъ почитаетъ трудъ за первѣйшую обязанность, за друга людей и утѣшителя ихъ, и по его мнѣнію, ничего не дѣлать — есть несносное бремя. Въ са-

момъ дѣлѣ, сколь жалки сіи безпечныя существа, которыя не умѣютъ заниматься ничѣмъ полезнымъ! Будучи безполезны себѣ и другимъ, они мертвы на землѣ; или если и показываютъ какіе-либо признаки жизни, то въ безпорядкахъ и порокахъ, кои всегда бываютъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ праздности. Древніе думали, что для предохраненія юности отъ заразы разврата, должно ее пріучать къ упражненіямъ и трудамъ тѣлеснымъ и душевнымъ; а у Аѳинянъ законы Драконовы осуждали даже на смерть уличеннаго въ праздной жизни.

Никто исключительно не освобождается отъ труда: сколь ни были бъ мы богаты, но одолжены обществу, какъ члены его; а когда каждый, соразмѣрно своимъ способностямъ и силамъ, способствуетъ общему счастію, то прилично ли намъ подражать трутню, который пожираетъ только приготовленный запасъ, а самъ не собираетъ? Но богачи не дѣлаются ли иногда бѣдняками? Не требуетъ ли отъ насъ благоразуміе готовиться на всякой случай? Мудрецъ трудолюбіемъ своимъ исправляетъ свои несчастія, а въ благополучныхъ обстоятельствахъ безпрестанно ожидаетъ ихъ.

Трудолюбіе, единодушіе и благоустройство никогда не остаются безъ награды.

Здоровье и спокойствіе суть плоды труда, который для всѣхъ истинное сокровище.

Излишній досугъ вредитъ добродѣтели: кто ничего не дѣлаетъ, тотъ недалекъ отъ злодѣянія:

Trop de loisir aux vertus est contraire:
Qui ne fait rien, n'est pas loin de mal faire.

Натура для насъ содѣлала необходимостью работу, общежитіе содѣлало изъ оной должность, а привычка можетъ изъ упражненія сдѣлать удовольствіе.

Кто любитъ трудиться, тотъ всегда находитъ въ томъ свое удовольствіе.

Трудъ — безцѣнный предохранитель отъ скуки и порока, которымъ подвергаются единственно отъ праздности. Трудъ есть одно изъ вѣрнѣйшихъ средствъ противъ изнеможенія и разстройства души.

Отъ труда рождается здоровье, а отъ здоровья спокойствіе, источникъ всѣхъ удовольствій.

Безъ труда нѣтъ плода.

Человѣку сказано: *вѡ потѣ лица твоего снѣси хлѣбѡ твой.*

Человѣкъ раждается на труды. Сія истина не токмо несомнительна, но и естественна намъ, и бываетъ источникомъ нашего счастія. — Свойство и духа и тѣла нашего требуетъ, чтобъ мы во всегдашнемъ были движеніи. Всѣ въ тѣлѣ нашемъ со-

ки и кровь имѣютъ непрестанное теченіе и круженіе, и если бъ они начали протекать слабо, соки въ насъ испортились бы и кровь повредилась, а сіе наполнило бы тѣлесный нашъ составъ тлѣніемъ и болѣзнями. Если жъ бы совсѣмъ въ насъ теченіе крови и соковъ остановилось, то воспослѣдовала бы смерть. Посему и очень потребенъ трудъ, чтобъ онъ вспомоществовалъ сему животворному теченію, а чрезъ то бы укрѣплялъ здравіе и продолжалъ жизнь.

Да не тѣло токмо въ трудахъ находитъ свое подкрѣпленіе, но и самая душа: силы ея и способности также всегда обращаются въ своемъ родѣ движенія, которое чѣмъ больше, тѣмъ мысль становится понятнѣе, разумъ просвѣщеннѣе, желаніе живѣе, воля дѣятельнѣе. А какъ душа съ тѣломъ соединена тѣснѣйшимъ союзомъ, то чѣмъ больше трудъ укрѣпляетъ тѣлесное здравіе, тѣмъ болѣе дѣйствуютъ силы душевныя: чѣмъ болѣе трудъ приводитъ тѣло въ движеніе, тѣмъ больше очищаются мысли, и способности души свѣжѣе становятся. А изъ сего безъ сомнѣнія заключить должно, что труды назначилъ намъ Творецъ, какъ наилучшее средство къ сохраненію сей жизни въ покоѣ, довольствѣ и благополучіи. Кто же посмѣетъ жаловаться на то, что человѣкъ родится на труды?

Развѣ тотъ, который лучше почитаетъ праздность, мать разслабленія и источникъ пороковъ.

И потому трудолюбивый обилуетъ избыткомъ, а праздный истаеваетъ скудостію: рачительный мужъ снискиваетъ себѣ духъ благородный, а нерадивый потемняетъ сіяніе благородства своего: прилѣжный обогащаетъ ученіемъ свой разумъ, а лѣнивый возрастаетъ въ невѣжествѣ.

Нѣтъ мѣста, гдѣ бъ человѣкъ усильнымъ трудомъ своимъ не могъ обрѣсти себѣ достоянія. Прилѣжаніе человѣческое обращаетъ самыя безплодныя мѣста въ плодоносныя. Упражняйся въ какомъ-либо ремеслѣ или въ торговлѣ, и снискивай нужное пропитаніе дому твоему: праведный и милосердый Богъ опредѣлилъ въ потѣ лица твоего снискивать тебѣ хлѣбъ свой. Пріобрѣтай достояніе правдою и трудомъ; оно благословенно, умѣй только оное употреблять благоразумно.

Мы естественно желаемъ себѣ всякаго добра. Но что же требуется, чтобы сіи спасительныя сѣмена въ васъ произрасли и принесли благословенный плодъ? Требуется трудъ и прилѣжаніе. Чрезъ нихъ обогатимъ разумъ познаніемъ вещей, пріучимъ волю къ дѣйствительному послѣдованію добра, изощримъ память, языкъ уяснимъ

и пріобрѣтемъ нѣкоторую привычку къ честности. Посему, кажется, не всегда справедливы жалобы тѣхъ, кои не находятъ въ себѣ способности къ нѣкоторымъ дѣламъ. Правда, не всѣ способны ко всему, но не потому, чтобы они того отъ благаго Создателя не получили; но получивъ, или пристойнымъ воспитаніемъ не возрастили, или лѣностію совсѣмъ сію божественную силу погасили. А хотябъ и подлинно въ комъ были естественныя препятствія, но и сіи не рѣдко побѣждаются трудомъ.

Послѣ порока, убѣгайте всего болѣе скуки. Съ какимъ восхищеніемъ человѣкъ, привыкшій къ умственному труду, и свободный отъ занятій общественныхъ, просыпаясь, восклицаетъ: это мой день! Онъ не тяготится временемъ; для него занятія умственныя очаровательны; онъ, по произволу, живетъ въ вѣкахъ любимыхъ; перелетаетъ мысленно всякія пространства; бесѣдуетъ съ великими людьми всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Чему жъ дивиться, что любимцы Музъ убѣгаютъ отъ шумныхъ обществъ, печальныхъ празднованій, скучныхъ этикетовъ? Они знаютъ лучшее! Имъ ли жертвовать цвѣтущими лѣтами жизни — низкимъ происканъ и ничтожному тщеславію? Привыч-

ка, жить посреди великаго и прекраснаго, возвышаетъ душу; а человѣкъ съ высокою душею и добръ и счастливъ.

ТРУСОСТЬ. — *Чит.*: РОБОСТЬ.

ТЩЕСЛАВІЕ.

Люди тщеславные и высокомѣрные подобны хлѣбнымъ колосьямъ, у которыхъ чѣмъ больше поднимаются головки къ верху, тѣмъ бываютъ пустѣе. (*Чит.* Ч. I, *стр.* 227, *Гордость*).

Кто о себѣ думаетъ, что онъ много знаетъ и много можетъ сдѣлать, тотъ присволяетъ себѣ славу и честь, Божеству подобающую, и слѣдовательно дѣлается хищникомъ святыни Божіей.

Тщеславіе вредитъ много мужчинамъ, но еще болѣе женщинамъ.

Если ты пріобрѣлъ какой-либо талантъ, то не будь къ нему пристрастенъ; не имѣй объ немъ слишкомъ высокаго мнѣнія. — Свѣтъ охотно унижаетъ тщеславныхъ и возвышаетъ унижающую себя скромность. Не говори никогда другимъ о самомъ себѣ — ни добраго, потому что они тебѣ не повѣрятъ; ни дурнаго, потому что они будутъ подозрѣвать еще болѣе, нежели что имъ скажешь. Особливо остерегайся говорить безпрестанно о себѣ самомъ. Басня

представляетъ ворону гордую и тщеславную: хитрость лисицы была средствомъ къ ея обличенію и наказанію. Не имѣй тщеславія слушать похвалы льстецовъ; онѣ поведутъ васъ къ большей и важнѣйшей потерѣ.

Тщеславіе или хвастовство есть пища глупыхъ людей. Хвастовство ничего хорошаго не производитъ, а отъ гордости не ожидайте ничего, кромѣ пороковъ.

Удовольствіе отъ тщеславія никогда не сравнится съ сладостію благотворенія.

Примѣръ.

Князь *Суворовъ*, идучи во дворцѣ вмѣстѣ съ однимъ важнымъ чиновникомъ изъ низкаго состоянія, замѣтилъ, что онъ выступалъ и кланялся надменно: вдругъ Александръ Васильевичъ останавливается и начинаетъ низко кланяться истопнику: но тотъ шепчетъ ему, что это истопникъ. „Знаю, отвѣчаетъ Суворовъ: „мы оба знатные, всѣмъ извѣстные; а что изъ него будетъ, намъ неизвѣстно: потому и надобно его задобривать.“

ТѢЛОДВИЖЕНІЕ.

Лакедемонцы первые назвали Гимнастикою искуство упражнять тѣло, для укрѣпленія его. Дѣйствительно, они не боялись заставлять бороться не только

мужчинъ, но и женщинъ полунагихъ; и сей родъ борьбы, при сохраненіи чистоты нравовъ и невинности, производился подъ покровительствомъ законовъ.

Римъ владычествовалъ почти надъ всею вселенною не отъ одного только вниманія на приуготовленіе своихъ гражданъ дѣйствовать оружіемъ и рашовать на войнѣ; но онъ обязанъ былъ своимъ могуществомъ наиболѣе добродѣтелямъ своихъ гражданъ, добродѣтелямъ утонченнымъ до высочайшей степени силы, посредствомъ уваженія, поддерживаемаго законами, къ проворству, ловкости, силѣ народа, укрѣплявшаго тѣло свое приученіемъ къ суровой жизни, точно такъ, какъ искуснѣйшіе мастера закаливаютъ сталь. Хлѣбопашество, бѣганіе, борьба, плаваніе, искуство бросать далеко тяжелыя вещи, ношеніе большихъ тяжестей, копаніе рвовъ и проч. были забавою для юношей, кои приучались, сверхъ того, сносить голодъ, жажду и усталость. Такимъ-то образомъ Римъ нерѣдко рождалъ арміи побѣдоносныя. *Цинцинатъ*, провозглашенный Диктаторомъ, (самовластителемъ древняго Рима) дабы исторгнуть изъ опасности легіоны Консула Минуція, окруженные Эквами, собралъ вдругъ армію изъ своихъ сограждан. Кромѣ поклажи, которую сіи *желѣзные* (закаленные)

люди носили на себѣ, всякой воинъ долженъ былъ снабдить себя двѣнадцатью кольями и съѣстнымъ запасомъ на 5 дней.

Нужно чаще представлять себѣ сіи великія картины опытовъ прошедшихъ временъ, свидѣтельствующія всегдашнее превосходство народовъ, приученыхъ къ суровой жизни, трудамъ и воздержности, предъ народами сладострастными, роскошными и изнѣженными.

Римляне, посредствомъ строгаго физическаго воспитанія, все покорившіе, были въ свою очередь покорены тѣми сѣверными народами, которые (по сказанію Тацита) всегда были вооружены и готовы какъ для битвъ, такъ и звѣриной охоты, боролись непрестанно на землѣ, и ныряли, какъ рыбы, въ водахъ Дуная и Рейна, кои они всегда переплывали.

Послѣ многихъ изысканій въ древнихъ Писателяхъ, всѣ согласны съ мнѣніемъ, что мудрый *Миносъ* былъ первый, сдѣлавшій изъ Гимнастики особенное искуство. Спустя 400 лѣтъ, *Ликургъ* ввелъ оную въ Спартѣ, а *Солонъ* въ Аѳинахъ — чрезъ 300 лѣтъ.

Римъ, столица свѣта, не рѣдко производилъ великихъ людей. Причиною того была большею частію — Гимнастика; она была основаніемъ воспитанія у сего славнаго народа. Монтескьё говоритъ: „чтобъ

Римляне могли носить оружіе тяжелѣ, нежели какъ у другихъ народовъ, надлежало имъ превзойти обыкновенный народъ; " они въ томъ и успѣли посредствомъ непрестанныхъ трудовъ, кои умножали ихъ силу, и тѣлодвиженій, которыя содѣлывали ихъ проворными.

О воспитаніи солдатъ Римскихъ писали слѣдующее: ихъ приучали къ большимъ военнымъ переходамъ, то есть: переходить въ 5 часовъ 20 (Франц.) миль, а иногда и 24; во время сихъ маршей, заставляли ихъ нести тяжести въ 60 фунтовъ. Пріучали ихъ ежедневно бѣгать и прыгать во всемъ вооруженіи. Они употребляли на ученіи шпаги, копья, стрѣлы, вдвое тяжелѣ обыкновенныхъ, и сіи экзерциціи были безпрестанныя. Не въ однихъ только лагеряхъ были школы военныя: было также и въ городѣ мѣсто, куда граждане приходили учишься (это было Марсово поле). Послѣ трудовъ, они бросались въ рѣку Тибръ, чтобъ не отстать отъ привычки плавать и очищаться отъ пыли и пота.

Но обратимся къ примѣрамъ частныхъ людей. Всѣмъ извѣстно, въ какомъ мѣстѣ нашли *Цинцинната* и *Курія*, когда ихъ стали призывать для принятія начальства надъ арміею. Великій *Фабій*, который первый подалъ примѣръ благоразумнаго медле-

нія, приготовлялъ свое тѣло къ боямъ и къ трудамъ военнымъ — посредствомъ тѣлодвиженія въ мирное время. *Маркелло*, убившій своею рукою Виридомара, Царя Галловъ, былъ (по свидѣтельству Плутарха) силенъ, проворенъ и смѣлъ. Цензоръ *Катонъ*, посредствомъ безпрестаннаго труда, воздержной и благоразумной жизни, наслаждался полнымъ здоровьемъ и былъ одаренъ великою силою и мужествомъ. Побѣдитель Кимвровъ и Тевтоновъ бывалъ всякой день на Марсовомъ полѣ, подъ конецъ своей жизни. *Сертолій*, котораго Плутархъ сравниваетъ со всѣми знаменитыми Римлянами, коихъ великія качества онъ соединялъ въ себѣ, въ одномъ сраженіи, въ которомъ Римляне были разбиты и лошадь подъ нимъ убита, — будучи самъ тяжело раненъ, переплылъ рѣку Рону, въ своихъ латахъ и со щитомъ въ рукѣ. Онъ плылъ долго противъ теченія сей широкой и быстрой рѣки, и наконецъ переплылъ: вотъ какое крѣпкое и сильное онъ имѣлъ тѣло, приученое отъ суровой жизни ко всѣмъ трудностямъ, посредствомъ тѣлодвиженія и трудовъ! Великій *Помпей* началъ дѣлать приготовленія къ завоеванію Африки и Азіи, по одержаніи уже побѣдъ въ военныхъ походахъ и увѣнчавшись пальмовыми вѣнцами за самыя трудныя. Саллустій хвалитъ его, что онъ

бѣгалъ, прыгалъ, и носилъ тяжести, также не уступая въ ономъ никому въ свое время. *Цезарь* принималъ столь много безмѣрныхъ трудовъ въ короткое время, что можно бы безъ сомнѣнія думать, что онъ былъ крѣпкаго тѣлосложенія, дабы оные вынести; но тогда бъ мы ошиблись: *Цезарь* былъ также сухопаръ, какъ и слабъ; а падучая болѣзнь умножала еще слабость его. Но сей герой исполненъ былъ духа, господствовавшаго надъ всѣми тѣлесными немощами, и сдѣлался властелиномъ тѣла. Онъ искалъ въ войнѣ лекарства отъ своихъ хворостей: преодолѣвалъ слабость своихъ органовъ частыми и продолжительными маршами; укрѣплялъ свои нервы столь же строгою діэтою, сколько трудами всякаго рода, и сдѣлавъ привычку отдыхать на вольномъ воздухѣ, или, ѣхавши дорогою, на телѣгѣ. — *Цицеронъ* былъ щедушенъ и сухощавъ, но былъ изъ первѣйшихъ Ораторовъ. Онъ имѣлъ такую слабость желудка, что едва могъ переваривать пищу; тѣлодвиженіе же ему доставило крѣпкое тѣлосложеніе; голосъ его, прежде бывши грубый и непріятный, пріобрѣлъ послѣ чистоту, пріятность и нѣжность. Физическое воспитаніе *Аннибала* невозможно отличить отъ воспитанія славнѣйшихъ Римлянъ. Плутархъ говоритъ объ немъ: не было трудовъ и подви-

говъ свыше его силъ и его неустрашимости и смѣлости; онъ равно переносилъ какъ холодъ, такъ и жаръ; въ пищѣ и питьѣ довольствовался только одною необходимою потребностью Натуры, и чуждъ былъ роскоши; — не искалъ для отдыха ни хорошей постели, ни тишины: часто видали его спавшаго на землѣ, покрытаго однимъ платьемъ сверхъ латъ.

Законы Ликурговы показываютъ, какое было воспитаніе Спартанцевъ. Вся жизнь ихъ была чудомъ силы, мужества, трезвости, отчужденія забавъ и корыстей. Если бъ надлежало разсказать приключенія, достойныя замѣчанія, то должно бы упомянуть о всѣхъ гражданахъ Спартанскихъ; заключимъ только однимъ примѣромъ: — *Агезилай*, Царь Спартанскій, будучи 80 лѣтъ, опасаясь спокойствія, доставленнаго ему миромъ въ Пелопоннесѣ, пошелъ искать новыхъ опасностей въ Египтѣ, гдѣ онъ лишилъ трона Царя Тахоса, (презиравшаго его суровую одежду и грубую пищу,) дабы возвести на тронъ его соперника, Нектанеба. Хотя Агезилай былъ ростомъ малъ, и хромъ, но онъ закалилъ свое тѣло въ трудахъ, кои приготовляли къ безпокойствамъ военнымъ, и — былъ охотникъ бороться. — Наравнѣ въ Исторіи Спартанской представляются два великіе человѣка, кои заимствуя свою силу

и важность отъ своего воспитанія, просіяли какъ два воздушныхъ феномена и доставили славу городу Ѳивамъ, своему отечеству, славу, которая была, однакожъ, недолговременна. *Пелопидъ* превосходилъ всѣхъ въ трудахъ тѣлесныхъ; онъ употреблялъ свободное время всегда на звѣриную охоту и на игры, требующія сильнаго тѣлодвиженія. О *Эпаминондѣ* же Монтескьё говоритъ, что въ послѣднихъ годахъ его жизни, онъ говаривалъ, пересказывалъ, видѣлъ и дѣлалъ тѣ же вещи, кои и въ тѣ лѣта, когда началъ онъ учиться.

Въ Аѳинахъ всегда воспитаніе физическое преподавалось вмѣстѣ съ моральнымъ; отъ того-то и нигдѣ не было столько великихъ людей, какъ въ семъ городѣ. Философы — храбрые и мужественные, Поэты и нравоучители отличались тамъ въ искусствахъ тѣлодвиженія: самъ *Сократъ* превосходилъ другихъ въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, кои разкрыли въ немъ силу душевную, соединенную всегда съ тѣлесною. Онъ не стыдился играть съ дѣтьми; въ лагеряхъ не страшился холода, голода и перемѣнъ годоваго времени. Когда *Ксенофонъ* былъ раненъ въ сраженіи, *Сократъ* поднялъ его на свои плеча и отнесъ за нѣсколько стадій, дабы исторгнуть его изъ опасности: сіе дѣйствіе прілзни и мужества сохранило

пріятнаго нравоучителя, прелестнаго Писателя и вѣрнаго Историка. „Хочешь ли ты, сказалъ Ксенофонъ, чтобъ твое тѣло было здорово и крѣпко? Приучи его повиноваться твоимъ мыслямъ и упражняй его частыми трудами.“ — Скажемъ о *Пивагорѣ*, родившемся въ Самосѣ: его физическая сила равнялась съ моральною, которыя въ немъ открылись, вѣроятно, отъ борьбы, — ибо она была его ремесломъ прежде преподаванія морали и начертанія законовъ.

Карлъ XII, Король Шведскій, будучи 7-ми лѣтъ, умѣлъ хорошо ѣздить верхомъ, и грубыя упражненія, коими онъ любилъ заниматься, скоро ему доставили крѣпкое тѣлосложеніе.

Нашъ Императоръ Петръ I и нашъ же герой, Князь Италійскій — *Суворовъ* также превосходили весьма многихъ трудолюбіемъ и неутомимостью. Суворовъ приучилъ тѣло свое къ перенесенію всѣхъ воздушныхъ перемѣнъ; онъ могъ спать не токмо на соломѣ или сѣнѣ (какъ то обыкновенно бывало), но и на голой землѣ, подложа подъ голову сѣдло; въ жестокіе морозы окачивался водою со льдомъ, и зимою, кромѣ только въ дорогѣ, шубы не надѣвалъ.

Можно собрать множество примѣровъ изъ Исторіи, доказывающихъ, что почти нѣтъ такихъ великихъ людей, коихъ бы

пруды ревностные или строгая жизнь, умѣренная и многотрудная, не поставили бы, такъ сказать, на пути славы или на верхъ величія. Можно найти храбрыхъ воиновъ, великихъ знатоковъ въ государственныхъ дѣлахъ и политиковъ, исполненныхъ тонкихъ ухищреній; но изъ сихъ людей, имѣвшихъ великія качества и благородство въ характерѣ, послѣдствіе чувства ихъ силъ, ни одинъ бы, можетъ быть, не имѣлъ громкой славы на землѣ, если бы онъ не укрѣпилъ свое моральное воспитаніе хорошимъ физическимъ воспитаніемъ.

Греки праздновали свои священныя игры, сопрягая съ тѣлодвиженіемъ, потому что онѣ были обороною ихъ независимости политической отъ варваровъ, и вмѣстѣ училищемъ великихъ людей и неисчерпаемымъ источникомъ благихъ нравовъ. Восторгъ ихъ, при сихъ празднествахъ, былъ въ высочайшей степени; побѣдителей на сихъ играхъ, содержали во всю ихъ жизнь на счетъ города; весь народъ шелъ на встрѣчу къ нимъ, когда они имѣли торжественный въѣздъ; воспѣвали имъ хвалы, праздновали ихъ побѣды; дороги были усыпаемы цвѣтами и листьями; везли ихъ на торжественной колесницѣ, запряженной четырьмя бѣлыми лошадьми. Сколько пищи для славы! сколько поощреній, дабы преимуще-

ствовать надъ неспособными! какія сильныя средства къ похвальному соревнованію! Можно ли неудивляться, когда два или три города въ Греціи сосчитали почти столько жъ великихъ людей, сколько гражданъ? Ахъ! если мы не имѣемъ такихъ же побужденій, такой же любви къ славѣ, да познаемъ по крайней мѣрѣ побужденія — для собственнаго нашего сохраненія; да удалимъ отъ себя печальные недуги, содержа наше тѣло здравымъ, и да будемъ увѣрены, что Гимнастика доставляетъ сильныя средства для полученія сего рода благополучія.

Тѣлодвиженіе для людей и животныхъ составляетъ сверожденную потребность: поелику натура тщательно вооружила насъ къ тому потребнымъ механизмомъ; она совокупляетъ съ нимъ драгоцѣннѣйшую мзду жизни — бодрое здравіе сельскихъ обитателей; если только сіе напряженіе мышцъ, отъ владычествующихъ повелителей, нуждъ жизненныхъ и роскоши, не будетъ напряжено до безсилія. Но наибольшая часть людей различныхъ классовъ, противу собственной своей воли, начавъ отъ перваго вельможи, подвержена заботамъ и пожертвованію силами тѣлесными или душевными. Посему каждому человѣку должно ежедневно отъ своихъ занятій и покоя удѣлять по одному

часу или по два, для тѣлодвиженія: и тотъ небрежетъ о своемъ здоровьи, кто не можетъ выгодать и столько времени: въ этомъ случаѣ не служитъ оправдоркою ни отягощеніе тѣла, ни дѣла, нетерпящія отсрочки, ни что-либо другое. Эти 2 часа въ сутки должно посвятить здоровью: а ихъ достаточно будетъ къ подкрѣпленію круговращенія крови; остается только вопросъ, какъ оное употребить къ достиженію намѣренія? Сіе правило драгоцѣннѣе, нежели доводъ о необходимости упражненія тѣла, и которое легко для всякаго къ исполненію, исключая лѣнивыхъ.

Недѣятельность или бездѣйствіе причиняетъ разслабленіе въ твердыхъ частяхъ, отъ чего послѣдуютъ безчисленныя болѣзни; тѣлодвиженіе жъ пособляетъ испаринѣ, коей остановка производитъ множество недуговъ. Люди слабые, щедушные, хворые, и тѣ, коихъ упражненія не доставляютъ довольно движенія, какъ то: сидячіе работники, люди ученые, должны дорожить тѣлодвиженіемъ и такъ же оное распредѣлять, какъ кушанье. Надобно совсѣмъ изгнать пагубное обыкновеніе оставаться долго въ постелѣ поутру. Утренній воздухъ наилучше укрѣпляетъ лёгкія и нервы. Очень хорошо поутру вставать рано вмѣстѣ съ восхожденіемъ солнца, потомъ расходиться, поѣз-

дишь на лошади, или сдѣлать другое какое тѣлодвиженіе на вольномъ воздухѣ: отъ этого чувства наши будутъ свѣжѣе, духъ веселѣе, аппетитъ сильнѣе, и все тѣло сдѣлается крѣпче. Для сего должно только находить утреннее время пріятнымъ: ничто такъ не содѣйствуетъ къ сохраненію здоровья, какъ это.

Тѣлесное движеніе есть единственное лекарство людямъ недѣятельнымъ, кои жалуются на боли въ животѣ, на цепищеваренія.

Родъ тѣлодвиженія, приводящій большую часть членовъ въ сотрясеніе, всегда предъ прочими предпочтительнѣе, каковы напримѣръ — прогулка пѣшкомъ, бѣганіе, ѣзда верховая, плаваніе, купанье, воздѣлываніе земли, игра въ воланъ и проч.

Тѣ, кои могутъ, должны 2 или 3 часа поѣздить на лошади, не за одинъ разъ; а другіе должны употребить столько жъ времени на прогулку пѣшкомъ, или на иное тѣлодвиженіе: потому что оно никогда не должно слишкомъ длиться. Усталость или утомленіе отнимаетъ у насъ всѣ выгоды, и не только не укрѣпляетъ, но даже разслабляетъ.

Бездѣйствіе не только причиняетъ болѣзни, но еще людей дѣлаетъ безполезными обществу и раждаетъ всякіе пороки. Когда

душа не занята какимъ-нибудь полезнымъ предметомъ, то гоняется за какимъ-либо удовольствіемъ, мечтами, или замышляетъ какое-нибудь дѣло худое. Недѣятельность часто разрушаетъ всѣ благія намѣренія, для коихъ человѣкъ созданъ; но, напротивъ того, дѣятельная жизнь есть вѣрнѣйшая хранительница здравія.

Опыты вразумляютъ, что тѣ люди достигали самой глубокой старости, кои имѣли частое и сильное движеніе и при томъ на свободномъ воздухѣ; и потому поставьте необходимо нужнымъ правиломъ для долговременной жизни: ежедневно, по крайней мѣрѣ одинъ часъ, быть въ движеніи на открытомъ воздухѣ. Наилучшее къ сему время передъ обѣдомъ, либо спустя 3 или 4 часа послѣ онаго.

Прогулка пѣшкомъ производитъ апетитъ, помогаетъ варенію желудка, пособляетъ обращенію крови, слѣдственно сохраняетъ здравіе и пользуетъ многія болѣзни.

Бѣганіе, столь пренебрегаемое въ наши времена и предоставленное единственно молодымъ людямъ, чувствующимъ въ ономъ надобность, было у Грековъ подчинено правиламъ Гимнастики. Оно производитъ сильнѣйшее потрясеніе органовъ живота и груди; открываетъ скважины кожи, умно-

жаетъ теплоту, дѣлаетъ тѣло проворнымъ, гибкимъ и крѣпкимъ.

Танцы, или *пляска*, сверхъ выгодъ тѣлодвиженія, имѣютъ еще ту, что научаютъ насъ держать пристойно тѣло, дабы плеча выгибались назадъ; что даетъ болѣе красоты и пространства груди. Они придаютъ тѣлу стройность и проворство; приводятъ въ порядокъ мѣсячныя крови; приводя всю систему организма въ движеніе, составляютъ вмѣстѣ и превосходное средство для доставленія тѣлу правильнаго вида, стройной таліи и легкости. Пляска во всѣ времена, у всѣхъ народовъ, даже у дикихъ, была и нынѣ находится въ употребленіи; танцы, какъ въ кругу домашнемъ, такъ и въ общественномъ, кромѣ доставляемаго ими удовольствія, поддерживаютъ и укрѣпляютъ здоровье. Запрети танцы — и большая часть прекраснаго пола останется безъ тѣлеснаго упражненія. Танцы, оживляемыя музыкою, могутъ побудить къ движенію и тѣхъ обоего пола людей, кои, по мнимой слабости или по лѣности, отъ всякаго другаго моціона отказываются. Греки съ большимъ жаромъ и почти восторгомъ воздавали похвалы пляскѣ и мимикѣ, какъ роднымъ сестрамъ Поэзіи и Мудрости. Но танцы для каждаго возраста полезны только тогда, когда предаются имъ съ умѣренностью, съ

веселымъ духомъ и совершенною свободою, въ залѣ пространной, гдѣ воздухъ чистъ и гдѣ нѣтъ пыли и сквознаго вѣтра. Надобно замѣтить, что ни въ какомъ родѣ тѣлодвиженія не можетъ быть столько злоупотребленія, какъ въ танцованьѣ. Стоитъ только взглянуть на такъ-называемыхъ страстныхъ танцовщицъ и танцоровъ, на другой или на третій день послѣ бала: красные глаза, блѣдныя щеки, удушающій кашель, колотье въ боку, скорый пульсъ, безсонница и т. п. показываютъ ясно неумѣренность въ танцованьѣ, и каковъ былъ воздухъ въ танцовальной залѣ! Ежели мы видимъ многихъ молодыхъ людей, изуродованныхъ отъ танцовъ (а иногда и скоропостижно отъ нихъ умершихъ), то сіе конечно бываетъ или отъ неблагоразумія танцующихъ, либо отъ непростительной безпечности хозяевъ на счетъ сбереженія здоровья танцовщицъ, юныхъ и пылкихъ; всего жъ болѣе убиваетъ питье холодной воды и выхожденіе на стужу и на сквозной вѣтеръ, тотчасъ послѣ танцовъ, съ разгоряченнымъ тѣломъ. Особенно вредны быстрые и слишкомъ продолжительные вальсы. Крайне пагубенъ нынѣшній обычай (легкомысліемъ введенный) оставаться на балѣ за полночь, даже до 5 часовъ утра, и совершенно противный преж-

нему — когда на балъ пріѣзжали въ 6 часовъ вечера и разъѣзжались въ 12!

Бѣганье не сходя съ мѣста, то есть, когда человѣкъ дѣйствуетъ такъ, какъ будто онъ бѣжитъ, размахивая руками и поднимая пятки какъ можно выше, несходя притомъ съ мѣста, у Грековъ считалось въ числѣ гимнастическихъ упражненій. Сей родъ моціона заслуживаетъ и у насъ подражаніе.

Купанье въ водѣ или *плаванье* принадлежитъ такъ же къ полезному и пріятному моціону. *Агатинъ*, знаменитый Римскій врачъ, сказалъ: „кто въ маловременной своей жизни хочетъ наслаждаться здоровьемъ, тотъ долженъ чаще купаться въ холодной водѣ.“

Въ древнемъ Римѣ искуство плавать считалось въ числѣ необходимыхъ при всенародномъ воспитаніи. Плаваніе укрѣпляетъ нервы, сообщаетъ тѣлу гибкость и предохраняетъ оное отъ многихъ болѣзней. Сверхъ того во многихъ случаяхъ умѣнье плавать спасаетъ людей отъ смерти.

Ѣзда въ экипажахъ съ гибкими рессорами едвали можетъ считаться моціономъ; впрочемъ съ пользою могутъ ѣздить въ каретѣ или колескѣ очень слабосильные, кои не въ силахъ прогуливаться пѣшкомъ.

Верховая ѣзда, кажется, заслуживаетъ предъ прочими преимущество: ничто столько не производитъ лучшихъ дѣйствій, для ускоренія движенія крови, растворяя залеганіе и производя испарину, и ничто больше не производитъ внутренняго движенія, какъ верховая ѣзда. Она укрѣпляетъ слабое сложеніе, предупреждаетъ чахотку, грудныя болѣзни, ипохондрію и подагру.

Воланы — могутъ занимать въ полной мѣрѣ прекрасный полъ, и сіе тѣлодвиженіе довольно сильно и полезно. Такова же и *игра во горѣлки.*

Фехтованье, также какъ танцы, придаетъ тѣлу видъ и осанку превосходную, походку непринужденную. Дѣлаетъ молодаго человѣка ловкимъ, способствуетъ къ развитію и поворотливости мускуловъ, и въ то же время есть самое лучшее движеніе для здоровья. Отъ сего тѣлодвиженія дѣлается твердость въ ногахъ, походка пріятная и воинственная, и приобрѣтается проворство и мужественность.

Игра во шары или *во кегли,* способствуетъ обращенію крови, производитъ испарину и много пособляетъ здоровью.

Прыганіе съ высокаго мѣста въ низъ весьма вредно: оно можетъ произвесть же-

стокое потрясеніе мозга и лёгкаго; сверхъ сего, можно отъ того переломить ногу.

Скаканье на одной ногѣ, и прыганіе на одномъ мѣстѣ, съ веревкою или безъ веревки, суть также тѣлодвиженія.

Декламированіе или *сказаніе слова или рѣчи, чтеніе возвышеннымъ голосомъ* и *пѣніе*, почитались Древними въ числѣ упражненій гимнастическихъ. *Цельсъ*, *Антиллусъ*, *Оривазъ* и проч. почитали оныя упражненія неизмѣннымъ лекарствомъ отъ многихъ болѣзней. Чтеніе возвышеннымъ голосомъ и пѣніе укрѣпляетъ лёгкое. *Гуфландъ*, послѣ *Сальвадори*, почитаетъ упражненіе лёгкаго или громкое чтеніе лучшимъ лекарствомъ въ начинающейся чахоткѣ. Во многихъ хроническихъ припадкахъ дыхательныхъ органовъ, или когда оные заражены бездѣйствіемъ или лѣностью, наполнены будучи мокротами, чтеніе громкое, недолго продолжающееся, безъ усталости, повторяемое много разъ въ день, почитается превосходнымъ цѣлебнымъ средствомъ. Сіи упражненія голоса дѣйствуютъ также и на внутренность брюха и укрѣпляютъ оное. *Цельсъ* совѣтуетъ читать громко въ лѣнивомъ и трудномъ вареніи желудка: послѣ обѣда веселая бесѣда, пѣніе, разговоры веселые, суть вѣрнѣйшія средства для пищеваренія желудка.

Всѣмъ извѣстно, что тѣлодвиженіе возбуждаетъ жизненное свойство органовъ желудочныхъ, поощряетъ силы пищеварительныя и укрѣпляетъ ихъ. Когда желудокъ пустъ, то тѣлодвиженіе возбуждаетъ аппетитъ, производитъ голодъ, приготовляетъ къ скорѣйшему, легчайшему и совершенному пищеваренію. Если жъ желудокъ наполненъ пищею, то и тогда легкое тѣлодвиженіе будетъ способствовать къ лучшему перевареніе оной. Впрочемъ всякой можетъ замѣтить, какое вліяніе имѣетъ тѣлодвиженіе на силу варенія желудка. Если послѣ обѣда играете въ волянъ, если дѣлаете пріятную прогулку, если находитесь въ пріятной бесѣдѣ, то вареніе желудка произведется очень хорошо, безъ всякаго труда, правильно, и аппетитъ придетъ скоро. Напротивъ, останетесь безъ движенія въ покоѣ непосредственно послѣ кушанья, тогда пищеварительныя силы ваши ослабѣютъ; нѣсколько часовъ спустя почувствуете еще засореніе или завалы въ набрюшной сторонѣ, отрыжки непріятныя, голова отяжелѣетъ и аппетитъ уже нескоро возвратится. Однако жъ мы говоримъ здѣсь о легкомъ тѣлодвиженіи; сильное жъ, какъ то: бѣганье, танцы, фехтованіе, производитъ особливо въ слабыхъ

желудкахъ помѣшательство варенію пищи: таковое внутреннее движеніе, дѣлаемое вскорѣ послѣ купанья, даже совершенно разстроиваетъ желудокъ.

Люди, дѣлающіе часто большое тѣлодвиженіе, рѣдко бываютъ дородны; ибо отдѣленіе питательныхъ влажностей, также испарина и потъ ускоряются отъ тѣлодвиженія. Если сравнимъ правую руку нашу съ лѣвою, то увидимъ первую толще и сильнѣе, нежели другую; потому что мы дѣлаемъ все правою, а не лѣвою. Птица, живущая на свободѣ и всегда въ движеніи, имѣетъ мясо твердое, сухое, плотное, жесткое; напротивъ того, птица въ клѣткѣ запертая, имѣетъ мясо мягкое, бѣлое, нѣжное, вялое, наполненное жиромъ.

Тѣлодвиженіе тогда только полезно и спасительно для здоровья, когда оно умѣренно; но сильное—весьма вредно и опасно. Извѣстно, что зайцы, бѣжавшіе долго отъ собакъ и очень уставшіе, загниваютъ въ скоромъ времяни. Посредствомъ сильнаго тѣлодвиженія, *Галенъ* сдѣлалъ худощавымъ человѣка чрезвычайно толстаго, въ короткое время. Чтобы избавиться отъ тучности тѣла или толщины, должно принудить себя бѣгать очень долго, надѣвши на себя

платье толстое и тяжелое, дабы произвесть чрезмѣрной потъ; во все это время должно употреблять питья водяныя и очень мало пищи. Сія діэта имѣетъ такое вліяніе на тѣло, что въ продолженіе 10-ти дней можно избавиться до 25 фунтовъ тяжести тѣлесной.

Всѣми признано, что тѣлодвиженіе ежедневное и умѣренное весьма способствуетъ къ сохраненію здоровья. *Люди* трудолюбивые бываютъ всегда крѣпче, сильнѣе и здоровѣе, нежели тѣ, кои живутъ въ праздности. *Юлій Цезарь* и *Генрихъ* IV получили отъ природы слабое сложеніе тѣла: но тѣлодвиженіе укрѣпило оное и сдѣлало способнымъ къ перенесенію нестерпимыхъ трудовъ и безпокойствъ, и наконецъ соотвѣтствующимъ живости и дѣятельности ихъ духа.

Мускулы у старика дѣлаются онѣмѣлыми и безчувственными отъ преклонности лѣтъ, лишаются прежней живости, не дозволяютъ ужѣ болѣе пользоваться прогулкою пѣшкомъ и другими натуральными тѣлодвиженіями: если въ такомъ состояніи старикъ предается бездѣйствію, тогда онъ неминуемо впадетъ въ недвижимость и слабость, испортится пищевареніе, и тогда вся машина человѣческая угрожаться будетъ скорымъ разрушеніемъ. Въ такомъ

случаѣ шряска отъ тѣлодвиженія есть превосходное средство. Прогулка ежедневная въ каретѣ, дрожкахъ, или верхомъ—можетъ избавить отъ преждевременной старости.— Люди, одержимые спазмами и болѣзнями нервическими всякаго рода, могутъ получить совершенное исцѣленіе посредствомъ сего тѣлодвиженія ежедневнаго.

Важная тайна воспитанія состоитъ, въ томъ, чтобъ движеніе тѣла и упражненіе въ Наукахъ всегда служили одно другому отдохновеніемъ. Это единственный способъ содѣлать жизнь полезною и счастливою, а здоровье постояннымъ и твердымъ.

Можно сказать въ похвалу древнихъ народовъ, что нашъ вѣкъ много уступитъ тогдашнимъ въ устроеніи подвизалищъ, то есть, мѣстъ, гдѣ упражняются въ борьбѣ и въ другихъ играхъ, для приобрѣтенія тѣлеснаго проворства, ловкости и крѣпости и для улучшенія образованія тѣлеснаго.

Древніе Римляне, граждане и воины, простолюдины и патриціи (то есть, дѣти первыхъ Сенаторовъ), Консулы и Трибуны (народоначальники), судьи, градоначальники, Сенаторы, всѣ упражнялись въ тѣлодвиженіи наперерывъ или, такъ сказать, взапуски, какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Такимъ-то образомъ Римъ нерѣдко раждалъ арміи, кои стремились бодро въ бой

на враговъ въ самый тотъ же день, какъ только выводили ихъ въ поле. Но какъ скоро роскошь Азіятская вкралась въ Римъ, когда Римляне завоевали полсвѣта, то порабощенные нѣгою и уничиженные непомѣрнымъ самовластіемъ, измѣнили свои строгіе нравы на забавы плотскія и расточительность презрительную; когда приучая воиновъ къ рабству и неволѣ, *Неронъ* началъ ихъ забавлять пышными зрѣлищами, *Геліогабалъ* своими цирками бронзовыми и порфировыми; тогда не стало уже въ Римлянахъ ни добродѣтели, ни доблести, ни отечества, ни свободы: Римъ былъ побѣжденъ самимъ же Римомъ!

Сіи историческія черты и тѣ, кои увидимъ послѣ, служатъ доказательствомъ необходимости хорошаго физическаго воспитанія. Когда усмотримъ, что почти безъ всякаго труда иностранцы завладѣли два раза Парижемъ, то можно повѣрить, что безопасность гражданъ, ихъ спокойствіе и имущество не защитятся неприступными крѣпостями, кои мало бываютъ уважаемы непріятелемъ въ нашествіе его. Слѣдственно должно сооружать крѣпости въ силахъ гражданъ, и сердце каждаго гражданина должно быть твердынею, защищаемою силою своихъ рукъ и высокостью своихъ добродѣтелей, что Русскіе уже и доказали, въ

1812 году, изгнаніемъ изъ своей земли до 20-ти различныхъ народовъ, бывъ почти безъ крѣпостей. Крѣпкость Русскихъ означается выразительно и въ слѣдующей эпитафіи на кончину Князя *Суворова-Рымникскаго:*

„Остановись, прохожій!
Здѣсь человѣкъ лежитъ, на смертныхъ непохожій:
Въ глуши на крылосѣ съ дьячкомъ онъ басомъ пѣлъ,
И славою, какъ *Петръ* или *Александръ* гремѣлъ;
Ушатомъ на себя холодную лилъ воду,
И пламень храбрости вливалъ въ сердца народу;
Въ рубахѣ, въ каскѣ онъ, предъ войсками верхомъ,
Какъ молнія, сверкалъ, и поражалъ — какъ громъ;
Съ полками тамъ ходилъ, гдѣ чушь летаютъ птицы;
Жилъ въ хижинѣ и отнималъ столицы;
На клячѣ грады бралъ, съ нагайкою въ рукѣ;
Чужой народъ носилъ его на головѣ;
Одною пищею съ солдатами питался;
Цари къ нему въ родство, не онъ къ нимъ причитался;
Былъ двухъ Имперій вождь, Европу удивлялъ,
Взводилъ Царей на тронъ, и на соломѣ спалъ.“

Кирѣ, воспитанный сурово съ юныхъ лѣтъ, обдумываетъ внимательно завоеваніе Азіи, и основываетъ монархію Персидскую, которая существовала со славою столько времени, сколько остатокъ воздержанія и умѣренности могъ поддерживать мужество потомковъ его. Но Персія скоро сдѣлалась уничиженною чрезъ жестокость, свирѣпство и невѣжество слабоумныхъ своихъ Царей, и наконецъ была покорена 30,000-ми Македонянъ, вооруженныхъ желѣзомъ и воспитанныхъ въ гимнастическихъ упражненіяхъ.

Орибазѣ говоритъ, что никогда не должно помышлять о упражненіи въ Наукахъ и объ изощреніи разума прежде развернутія тѣла. Хорошее воспитаніе сначала состоитъ въ томъ, чтобъ оставить въ спокойствіи мысленныя способности до семилѣтняго возраста.

Чтобъ укрѣпить грудь, должно учить дѣтей пѣть исподволь, дабы сначала необременить ее. *Фелямберѣ* почитаетъ музыку драгоцѣннымъ пособіемъ для укрощенія нрава и злыхъ страстей, чтобъ согласить мысли съ чувствами, чтобъ поощрить любовь къ порядку и изяществу, чтобъ оживить врожденную склонность, призывающую человѣка къ своему отечеству, и воз-

нестись своимъ воображеніемъ и мыслію къ небу.

Въ Швейцаріи, въ Бернѣ, есть подвизалище, или заведеніе гимнастическое, подъ руководствомъ Академика *Кліаса*; вотъ что, между прочимъ, тамъ происходило:

„*Бѣганіе скорое или быстрое.* Въ одну минуту, два воспитанника (одинъ 10-ти лѣтъ, а другой 15-ти) перебѣжали пространство: первый въ 700 шаговъ, а второй въ 805; третій, 21-го года, пробѣжалъ 1000 шаговъ въ одну минуту и три секунды.

„*Бѣгъ продолжительный.* Дитя 13-ти лѣтъ перебѣжалъ одну милю въ 40 минутъ и 3 секунды; другой — 15-лѣтній — перебѣжалъ такое жъ разстояніе въ 29 минутъ; а одинъ 19-лѣтній юноша перебѣжалъ одну Нѣмецкую милю въ 85 минутъ.

„*Скачка* или *прыганіе вверхъ.* Оный же послѣдній молодой человѣкъ, послѣ разбѣга на 15 шаговъ, перескакнулъ черезъ канатъ, протянутый на двѣ линіи выше его головы, и сдѣлалъ 3 раза сряду такой же скачокъ, не дотрогиваясь каната.

„*Скачки въ ширину.* Онъ же и семь его товарищей перепрыгнули ровъ въ 18 футовъ ширины.

„*Прыжки въ глубину.* Таковые удивили всѣхъ особъ, при этомъ бывшихъ и имѣющихъ достаточное познаніе о Гимнастикѣ:

многія дѣти прыгали перпендикулярно, или отвѣсно внизъ на 18 футовъ безъ малѣйшаго вреда.

„*Всхожденіе по канату.* Три соперника взлѣзли, безъ помощи ногъ, до верху каната на 42 фута, и многіе другіе, съ помощью ногъ и рукъ, взлѣзали на 20 футовъ въ вышину, по веревкѣ въ 6 линій окружной толщины.

„Одинъ молодой человѣкъ 24 лѣтъ бросилъ одною рукой, на 50 шаговъ разстоянiемъ, дубину, въ коей было вѣсу 15 фунтовъ. Камень, вѣсомъ въ 84 фунта, былъ брошенъ на разстоянiи 16 футовъ одною рукою.

„*Упражненіе рукъ.* У подошвы стѣны и во всю ея длину выкопанъ ровъ, усыпанный на днѣ пескомъ, вверху утверждены шесты горизонтально,—на коихъ всѣ ученики повислись: иные ухватили шестъ обѣими руками, а другіе одною и — преодолѣвали силы свои неутомимостью и цѣпкостію мускуловъ. Послѣдній каждаго класса, который останется на шестѣ удержавшимся, признаваемъ былъ побѣдителемъ. Изъ сего можно видѣть, какъ сіе упражненіе можетъ раскрыть способности силъ мускульныхъ въ рукахъ, мышцахъ и въ груди, и сколько можетъ оныя умножить и продолжить.

Посредствомъ машины, для сравненія силъ человѣческихъ, узнали — что люди въ совершенныхъ лѣтахъ, употреблявшіе тѣлодвиженіе 2 раза въ недѣлю, по правиламъ гимнастическимъ, приобрѣли въ короткое время четвертую часть силы. Пробуя сію машину ежедневно, замѣтно, что силы могутъ въ насъ нечувствительно умножаться.

Вліяніе упражненія тѣлеснаго на нравъ, свойства и жизнь великихъ людей. — Употребленіе упражненія тѣлеснаго раскрываетъ всю силу душевную; и когда тѣ, кои, подобно блестящимъ свѣтиламъ, доставили великую славу своему отечеству, обязаны были успѣхами стараніямъ, употребленнымъ для укрѣпленія ихъ тѣла; когда воспитаніе мужественное, суровое и неустрашимое — произвело людей, удивившихъ вселенную, — то родители непремѣнно должны стараться упражнять дѣтей своихъ въ гнимнастическихъ искуствахъ. — Въ Египтѣ приготовляли солдатъ (пишетъ *Роллень*) къ трудамъ военнымъ, посредствомъ воспитанія мужественнаго и суроваго. — Есть искуство образовать тѣло такжe хорошо, какъ и разумъ; но мы, отъ нашей безпечности, теряемъ сіе искуство, которое извѣстно было древнимъ и которое пріобрѣлъ Египетъ. Бѣганіе, скачки на

лошадяхъ, на колесницахъ, производились въ Египтѣ съ удивительнымъ искуствомъ, такъ, что не было во всемъ свѣтѣ лучшихъ кавалеристовъ. Исторія превозноситъ похвалами конницу ихъ. *Киръ*, Царь Персидскій, съ младенчества былъ приученъ къ воздержности и къ большимъ трудамъ. Едва достигнувъ до юношескаго возраста, онъ съ негодованіемъ смотрѣлъ на пышный столъ *Астіага*, своего дяди; и на вопросъ: почему онъ оказывалъ то презрѣніе? имѣлъ смѣлость и присутствіе духа — отвѣчать: „Персіяне не пріемлютъ столь много труда и средствъ утолять свой голодъ; но они умѣютъ довольствоваться водою, хлѣбомъ и кресъ-салатомъ.“ — Основатели Рима, *Ромулъ* и *Ремъ*, были воспитаны въ лѣсу. *Плутархъ* пишетъ, что они вели свою жизнь въ трудахъ, въ бѣганіи, въ звѣриной ловлѣ; истребляли разбойниковъ и хищниковъ, и защищали слабыхъ отъ насилій и тиранства сильныхъ.

О болѣзняхъ, въ коихъ можетъ быть полезно вліяніе тѣлеснаго упражненія.—Мало того, чтобъ врачебная Наука исцѣляла болѣзнь: надобно, чтобы она, пользуя болѣзнь, не подставила другую вмѣсто первой. Когда уже доказано многими случаями, что лучшія лекарства, долговременно употребляемыя, изнуряютъ желудокъ, надрываютъ

грудь, то не должно ли ревностно пользоваться средствами, предотвращающими болѣзни? Гимнастика, употребленная когда надобно, всегда полезна и спасительна. Если она вылечиваетъ одинъ болящій органъ, то это случается не на счетъ другихъ; она, напротивъ того, имѣетъ превосходство надъ всѣми извѣстными лекарствами, тѣмъ болѣе, что она распространяетъ свои спасительные опыты на всѣ дѣйствія тѣлесныхъ органовъ и всѣ оные укрѣпляетъ, не ослабляя ни одного. *Галенъ* не отдѣлялъ Гимнастику отъ Медицины.

Человѣкъ, получивши крѣпкое сложеніе отъ физическаго воспитанія, имѣетъ характеръ постояннѣе, душу возвышеннѣе, сердце добродѣтельнѣе; онъ способнѣе бываетъ къ великимъ и изящнымъ дѣламъ, дѣлающимъ честь людямъ; не смотря на свою собственную опасность, онъ при случаѣ бросается въ волны, чтобы спасти своего ближняго; кидается, среди пожара, въ огненное пламя, дабы освободить слабую жертву отъ ужасной смерти; способнѣе бываетъ соразмѣрять глазомъ тихимъ и вѣрнымъ опасность, изъ коей онъ, какъ себя такъ и другихъ, умѣетъ исторгнуть съ легкостью.

Бѣганье. — Упражненіе тѣла въ бѣганьи по гладкой или негладкой землѣ, ровной или

покатой, облегчаетъ дыханіе, и слѣдственно увеличиваетъ внутреннее пространство груди, такъ какъ и силу лёгкихъ: тогда грудь пріобрѣтаетъ большую степень расширенія, для полученія большаго количества воздуха, и отъ того дыханіе становится гораздо медленнѣе. Древніе весьма уважали сіе тѣлодвиженіе; даже заставляли бѣгать женъ и дочерей своихъ; возлагали лавровые вѣнки на тѣхъ, кои обгоняли другихъ, и портреты ихъ ставили въ храмѣ Юноны.

Скаканіе, прыганье.— Есть 14 манеровъ сего упражненія тѣла, или горазонтально, или въ глубину прыгать, или снизу на верхъ. Отъ сего мускулы получаютъ чрезвычайную силу. *Иппократъ* почиталъ прыжки наилучшимъ тѣлодвиженіемъ; они не разгорячаютъ, говорилъ онъ, но возбуждаютъ духъ и доставляютъ тѣлу расторопность и проворство. Добродѣтельный *Сократъ* особенно уважалъ прыжки, которые онъ и самъ дѣлалъ, для сохраненія своего здоровья. Но скачки могутъ быть опасны для имѣющихъ шишки отъ напора крови, или опухоль, и у кого есть притеченіе или приливъ крови къ мозгу, кровохарканіе и килы.

Верховая ѣзда. — Почти не нужно выхвалять сіе тѣлодвиженіе: всякой признаетъ за истину сильное ея дѣйствіе во многихъ болѣзняхъ грудныхъ, головныхъ и брюшныхъ.

Пѣніе.—Пѣніе укрѣпляетъ грудь. *Иппократъ* совѣтуетъ пѣть послѣ ужина. *Цельсъ* совѣтуетъ читать тѣмъ, кои чувствуютъ боль въ желудкѣ, послѣ сего прогуливаться или фехтовать. Пѣніе полезно и отъ головной боли. *Багливи* совѣтовалъ больнымъ подагрою, кои не могутъ дѣлать никакого моціону, упражнять голосъ: громко читать, или разговаривать съ пріятелями, или пѣть; сей моціонъ приноситъ большую пользу подагрикамъ. *Плутархъ* также почиталъ хорошимъ моціономъ чтеніе и пѣніе. *Тиссотъ* благоразумно совѣтуетъ заставлять ранѣе учиться музыкѣ тѣхъ, кои заикаются; приучая ихъ къ хорошему выраженію пѣніемъ и болѣе заставляя ихъ читать громко, они привыкнутъ явственно выговаривать. — Многіе Медики увѣряютъ, что они видали молодыхъ и нѣжныхъ дѣвицъ, угрожаемыхъ чахоткою или слабостью груди и казавшихся недолголѣтными, но коихъ слабое тѣлодвиженіе совершенно поправилось отъ вокальной музыки, или пѣ-

нія. Ихъ учили пѣть безъ принужденія, какъ будто для одной забавы, и только симъ средствомъ онѣ были вылечены. — По этой же причинѣ многіе Прелаты, Іерархи, знатныя духовныя особы, Ораторы, народоначальники обязаны своимъ здоровьемъ привычкѣ упражнять часто свой голосъ.

Есть ясныя доказательства, что упражненіе тѣла, во 1-хъ, укрѣпляетъ все тѣло и его органы въ особенности; 2, исправляетъ безобразіе, уродливость, несладность; 3, отъ него могутъ исчезнуть многія болѣзни, почитаемыя неизлечимыми; 4, оно умножаетъ надежду или увѣренность въ долголѣтіи; 5, что почти всѣ великіе люди, извѣстные въ Исторіи, своими успѣхами одолжены частію упражненію тѣла; 6, что дѣлая тѣло крѣпче, оно укрѣпляетъ духъ, внушаетъ любовь къ добродѣтели, раскрываетъ и увеличиваетъ характеръ, придаетъ смѣлость и располагаетъ человѣка къ тѣмъ героическимъ подвигамъ, кои удивляютъ и покоряютъ все подъ власть свою.

Если бъ существовало какое-нибудь лекарство аптекарское, соединявшее въ себѣ только нѣкоторыя полезныя дѣйствія тѣлодвиженія, то сіе лекарство было бы почтено драгоцѣннѣйшимъ, и тогда съ жад-

ностію искали бы его; но когда таковыхъ пособій для пользованія не выходитъ изъ аптекъ, а доставляются оныя безъ большаго труда, то, къ несчастію, мало уже ихъ уважаютъ, и вотъ та причина, почему многіе не радѣютъ о тѣлодвиженіи, хотя въ самомъ дѣлѣ сіе одно средство, продолжаемое постоянно и съ наблюденіемъ правилъ, по истинѣ достаточно бъ было для предупрежденія и предохраненія отъ трехъ четвертей болѣзней, кои погубляютъ родъ человѣческій.

Было время, говорятъ, когда одна болѣзнь извѣстная была старость, а смерть была единственнымъ врачемъ. Но сіе время конечно могло существовать тогда, когда люди содержали правильно обращеніе своей крови посредствомъ трудовъ и тѣлодвиженія, и когда они сими средствами успѣвали очищать свое тѣло отъ всѣхъ нечистотъ, кои натурально въ немъ заражаются, и, наконецъ, когда, отъ привычки находиться постоянно на свободномъ воздухѣ, они были такъ приучены къ суровой жизни и укрѣплены противъ перемѣнъ неблагорастворенаго воздуха и перемѣнности годовыхъ временъ, что не ощущали отъ нихъ вреднаго вліянія.

Признано всѣми, кои знаютъ хорошо организацію (устроеніе) человѣческаго тѣ-

ла, что сердце и боевыя жилы не имѣютъ довольно силы въ самихъ себѣ для содержанія въ добромъ порядкѣ, какъ надобно, обращенія крови, въ маленькихъ сосудцахъ, безъ помощи всѣхъ мускуловъ, коихъ дѣйствіе непрерывное одно только имъ даетъ понужденіе, нужное для сего важнаго дѣла. Всѣ тѣ, кои нѣсколько времени не дѣлали никакого тѣлодвиженія, дѣлаются блѣдными и худощавыми, и если бываетъ у нихъ апетитъ, то они вскорѣ приобрѣтаютъ чрезмѣрную дородность, которая ихъ отягощаетъ и сопровождается багряностью и блеклостію лица. Напрасно принимаютъ они, чтобъ оживить обращеніе крови, крѣпительныя лѣкарства, ибо хотя сіи и приносятъ имъ нѣкоторую помощь, но не надолго. Одно только тѣлодвиженіе можетъ производить обращеніе крови такъ, чтобъ она была достаточно возобновлена, и только возобновленная кровь ежедневно можетъ содержать гибкость органовъ въ состояніи крѣпости и здоровья.

Съ другой стороны, варенію желудка, разнымъ отдѣленіямъ питательныхъ влагъ, а наиболѣе нечувствительной испаринѣ, сему важному дѣйствію нашихъ тѣлъ, которое ихъ очищаетъ постоянно отъ нечистотъ, въ нихъ происходящихъ, ничто такъ не помогаетъ, какъ тѣлодвиженіе. Те-

перь не можно найти людей, которые могли бы перенесть суровую пищу нашихъ предковъ, ѣсть, какъ они, мясо, свѣжее или соленое: у нихъ не было каретъ на рессорахъ, ни ковровъ въ комнатахъ, а ходили они только пѣшкомъ и ѣздили верхомъ. Тогдашнее воспитаніе состояло въ тѣлодвиженіяхъ, и всегда на вольномъ воздухѣ. Этотъ самой родъ жизни, который подкрѣплялъ ихъ органы, разсѣявалъ чрезъ испарину ѣдкія мокроты, которыя ихъ грубая пища должна была необходимо производить, и дѣлала ихъ способными переносить излишества, если имъ они предавались.

Одинъ мальчикъ 12-лѣтній, будучи въ чахоткѣ, вылечился совершенно, прыгая ежедневно на веревкѣ въ продолженіе года. Сначала онъ не могъ дѣлать болѣе 20 скачковъ, не чувствуя давленія и большой боли въ боку; но привычка содѣлала ему сіе движеніе столь легкимъ, что онъ въ послѣдствіи времени дѣлалъ уже болѣе 1000 скачковъ безъ усталости. Примѣтно было, что ноги его отъ сего тѣлодвиженія пуще растолстѣли. Ибо тѣлодвиженіе не только укрѣпляетъ всю систему нашу, но дѣйствуетъ особенно на части, упражняемыя въ трудахъ.

Въ нервическихъ болѣзняхъ, происходящихъ отъ желудка и кишекъ, нтъ ниѣ-

какого средства для пользованія, которое бъ могло сравниться съ тѣлодвиженіемъ или хожденіемъ пѣшкомъ, или ѣздою верховою.

Діонисій Тиранъ, отвѣдавъ любимой похлебки Лакедемонцевъ, которую называли чернымъ супомъ, нашелъ ее противною. „Я этому очень вѣрю," сказалъ поваръ, — „недостаетъ здѣсь только соуса!" — Какого соуса? спросилъ Діонисій. — „Трудъ и тѣлодвиженіе, охота, бѣгъ, голодъ и жажда: вотъ, говоритъ Спартанецъ, — тѣ соусы, кои мы употребляемъ."

Польза отъ тѣлодвиженія для здоровья зависитъ особенно отъ чистоты воздуха, отъ тѣлодвиженія въ комнатѣ: въ запертомъ и испорченномъ воздухѣ, невозможно ожидать никакой пользы.

Тѣлодвиженіе наиболѣе нужно для жителей холодныхъ климатовъ, нежели для теплыхъ; и потому во время зимы весьма нужно, для здоровья, ежедневно дѣлать моціонъ на свободномъ воздухѣ, какова бы погода ни была: это—наилучшее средство избавлять себя отъ простуды, кашлей и насморковъ; и должно приписать сидячей жизни у каминовъ и печей во время зимы, что болѣзни столь часто господствуютъ по веснамъ.

Ежели кто еще не привыкъ дѣлать тѣлодвиженіе, но хочетъ къ нему приучить

себя, то должно начинать сначала слегка, а потомъ ужѣ постепенно привыкнуть къ сильнѣйшему моціону.

Нельзя поправить невыгоды сидячей жизни, какъ нѣкоторые думаютъ, дѣлая одинъ разъ въ недѣлю продолжительной моціонъ — верхомъ или пѣшкомъ; ибо волненіе крови, отъ сего происходящее, отъ непривычки можетъ попрясти нервы, и причинить безпорядокъ, такъ, что можетъ отъ онаго приключиться значительная болѣзнь. Сверхъ того, сіе неправильное тѣлодвиженіе, вмѣсто того, чтобъ придать силы, истощаетъ и разслабляетъ отъ пота, который оно производитъ, и отъ усталости мускуловъ, которая можетъ отъ того послѣдовать.

Послѣ большаго моціона, всегда опасно быть на сквозномъ вѣтрѣ, или сидѣть на сырой травѣ, или утолять жажду холоднымъ питьемъ, отъ чего можетъ остановиться нечувствительная испарина, и произвесть немаловажныя болѣзни. Для утоленія жажды, лучше всего пить какое-нибудь теплое питье, пока потъ пройдетъ. Но послѣ сильнаго тѣлодвиженія, всегда лучше обтереть все тѣло фланелью, или сукномъ, или полотенцемъ сухимъ, и перемѣнить бѣлье, дабы не осталось сырости на кожѣ. Послѣ

сильнаго тѣлодвиженія вредно употреблять пищу: но прежде должно взять отдыхъ.

Когда дѣлаете моціонъ для здоровья, то нужно имѣть спокойствіе душевное: ничто такъ не приводитъ въ усталость тѣло, какъ невеселыя мысли; и потому-то никогда не должно читать прогуливаясь, но имѣть мысли пріятныя, кои бы не обременяли умъ.

Во всякомъ возрастѣ ежедневное тѣлодвиженіе необходимо: съ самаго ребячества и до 20 лѣтъ — для роста и укрѣпленія нервовъ; въ совершенныхъ же лѣтахъ, для поддержанія силы, для предупрежденія болѣзней и для удаленія немощей, происходящихъ отъ старости.

За главное и необходимое правило должно принять въ старости, чтобъ непропускать ни одного дня безъ тѣлодвиженія, когда уже привычка къ нему сдѣлана. Замѣчено, что большая часть тѣхъ, кои доживали до глубокой старости, до послѣдняго дня жизни и ежедневно, по привычкѣ, прогуливались пѣшкомъ. По истинѣ можно увѣриться, что моціонъ ихъ былъ причиною долговременной ихъ жизни.

Жизнь есть условное состояніе, котораго извѣстная мѣра тѣлодвиженія есть условіе; но есть старики, кои предаваясь склонности, натурально имъ свойственной,

т. е. лѣности, не выполняютъ болѣе сего условія, подобно путешественнику, заблудившемуся въ снѣжной степи и застигнутому ужаснымъ холодомъ, которой хотя чувствуетъ уже усыпленіе, происшедшее отъ холода, но не имѣетъ силы совершенно знать, что это будетъ для него сонъ смертельный.

Хотя совершенное спокойствіе необходимо въ острыхъ болѣзняхъ, то есть, горячкахъ и при всякомъ воспаленіи; но — во время выздоровленія, нѣтъ лекарства столь превосходнаго, какъ тѣлодвиженіе; оно очевидно ускоряетъ возвратъ силъ, аппетита и веселости. Одна прогулка въ каретѣ, послѣ болѣзни, можетъ возвратить прежнія силы больнаго скорѣе, нежели употребленіе лекарствъ безъ прогулки.

Подагрикамъ и ипохондрикамъ ежедневное тѣлодвиженіе необходимо: оно должно быть главнымъ ихъ лекарствомъ. Трудолюбивые люди никогда не бываютъ подвержены этимъ болѣзнямъ; но занимающіеся науками и ведущіе сидячую жизнь, часто одержимы бываютъ оными болѣзнями. Они недовольно чувствуютъ опасности сего рода лѣности. Когда предаются ей, то она легко дѣлается привычкою, и даже пріятною. Но не менѣе того справедливо, что отъ оной лѣности всѣ дѣйствія жизнен-

ныя, даже натуральныя, и способности ума неминуемо много терпятъ. Сколько было ученыхъ людей, коихъ здоровье было невозвратно разрушено сею несчастною привычкою! Даже умѣренность и воздержаніе безъ тѣлодвиженія недостаточны, чтобъ избавить ихъ отъ опасности. Съ потерею здоровья тѣлеснаго часто ослабѣваетъ у ученыхъ людей и способность ихъ разума, хотя безпрестанно занимаемаго; но когда бы они поставили себѣ въ обязанность дѣлать всякой день прогулку, пѣшкомъ или верхомъ, соразмѣрную ихъ силамъ, перемѣнять часто тѣлодвиженіе или осанку (позитуру), читая или писавши, никогда неоставаться долго сидящими, чаще питаться свободнымъ воздухомъ, тогда ихъ здоровье укрѣпилось бы, воображеніе ихъ было бы чище и яснѣе, а сочиненія ихъ доставили бъ имъ гораздо болѣе чести; и какъ жизнь ихъ была бы продолжительнѣе отъ сего порядка, то они имѣли бы гораздо болѣе времени сдѣлать большіе успѣхи въ наукахъ.

„Мы замѣчаемъ нынѣ, говорили Французы, что наша армія много истребляется отъ неумѣренныхъ трудовъ солдатъ;“ — однако жъ отъ безмѣрныхъ трудовъ Римляне себя сохраняли: думаю, причина сему есть та, что ихъ труды были безпрестан-

ные; напротивъ, Французскіе солдаты переходятъ часто отъ чрезвычайнаго труда въ чрезмѣрную праздность: и сей-то переходъ погубляетъ ихъ.

Тѣлодвиженіе сильно способствуетъ умноженію откръпія и силы мускуловъ ногъ. Люди упражняющіеся въ бѣганіи, обгоняютъ лошадей, и даже человѣкъ привыкшій много ходить пѣшкомъ, можетъ болѣе въ день пройти въ дорогѣ, нежели лошадь, и выдержитъ гораздо болѣе усталости. — Нѣкоторые путешественники увѣряютъ, будто Готтентоты перегоняютъ львовъ въ бѣганіи, и будто дикіе народы, принужденные питаться добычами своей охоты или ловли звѣриной, гоняются за оными, преслѣдуютъ ихъ и утомляютъ до того, что изловляютъ свою добычу. Лапландцы бѣгаютъ такъ быстро, что обгоняютъ звѣрей самыхъ легкихъ въ бѣгу.

ТЯЖБЫ, *процесы.*

Старинная пословица говоритъ: *и худой мирꙋ лучше доброй брани.*

Два человѣка нашли устрицу, изъ коихъ каждый хотѣлъ ее съѣсть, но не соглашаясь въ этомъ между собою добровольно, они пошли оба къ судьѣ, который, выслушавъ ихъ ссору, раскрылъ устрицу, и —

давши челобитчикамъ каждому по ракошникѣ, самъ проглотилъ устрицу—въ ихъ глазахъ, сказавъ, что онъ это взялъ за работу.

Спаситель нашъ, *Іисусъ Христосъ*, сказалъ: „Когда ты идешь съ соперникомъ своимъ къ судіи, то еще на пути старайся скорѣе примириться съ нимъ, чтобы онъ не отдалъ тебя судьѣ, а судья не отдалъ бы тебя тюремному приставнику, и не ввергли бы тебя въ темницу. Истинно говорю тебѣ: не выйдешь оттуда, пока не отдашь до послѣдней полушки.“ (Читай: Еванг. Матѳея, главу *V*, стихи 25, 26).

„Тщетно надѣются имѣть безпристрастныхъ судей, ежели не дано добрыхъ нравовъ гражданамъ,“ — сказалъ *Фокіонъ*.

Одинъ богатый банкиръ въ Неаполѣ, умирая, отдалъ своего единороднаго сына монахамъ въ нѣкоторую пустыню, дабы воспитать и потомъ постричь его въ монахи, оставя имъ все свое имущество, состоящее изъ 100 тысячъ червонцевъ; но онъ прибавилъ въ завѣщаніи своемъ, что если сынъ его захочетъ принять другое званіе въ жизни, то чтобы они тогда уже ему возвратили то, что они пожелаютъ. Сей сынъ, достигнувъ совершенныхъ лѣтъ, не могъ согласиться остаться въ духовномъ званіи, и потребовалъ имущество своего родителя. Монахи предложили ему только 10 тысячъ

червонцевъ; онъ, будучи въ неудовольствіи, принесъ жалобу Герцогу Оссонъ, Вице-Королю Неаполитанскому. Монахи ссылались на точныя слова завѣщанія; но Герцогъ объявилъ имъ: „Это весьма справедливо, отцы мои, чтобъ завѣщаніе въ точности было исполнено; въ немъ сказано, чтобъ вы отдали сыну то, *что вы пожелаете;* изъ числа жъ ста тысячъ червонцевъ, кои родитель вамъ оставилъ, вы желаете 90 тысячъ, слѣдственно сію сумму должно отдать сыну. "

Три купца, торгующіе мясомъ, находясь вмѣстѣ на ярмонкѣ, вручили свои деньги практикирщицѣ, покуда они сходятъ окончить свои дѣла. Спустя нѣсколько минутъ, пришелъ къ ней одинъ изъ нихъ, и говоря, что имъ нужны деньги для покупки разныхъ товаровъ, взялъ у нее ввѣренную ей сумму. Не успѣла практикирщица отдать ему деньги, онъ тотчасъ скрылся. Прочіе два купца подали просьбу на сію женщину, потому что она отдала деньги одному изъ нихъ, будучи обязана неотдавать до тѣхъ поръ, покуда всѣ трое вмѣстѣ не придутъ и не потребуютъ ихъ отъ нее. Тяжба ихъ была представлена въ судъ, и женщина была осуждена удовлетворить ихъ. Г-нъ *Най*, бывшій также въ судѣ, совѣтовалъ ей взять апелляцію, увѣряя, что защититъ

ее. Когда пришло время оправдываться: „моя челобитчица, сказалъ онъ, получила „деньги отъ трехъ купцовъ соединенныхъ „вмѣстѣ, и она признаётся, что не должна „ихъ отдавать до тѣхъ поръ, пока купцы „не придутъ опять всѣ вмѣстѣ: сумма го„това, имъ лишь только остается явить„ся, и они тотчасъ же будутъ удовлетво„рены.“—Сіе предложеніе совершенно перемѣнило мнѣніе судей, и было первымъ источникомъ чести и славы сего знаменитаго законовѣдца!

УВАЖЕНІЕ КЪ ТАЛАНТАМЪ.

Государи, почитая таланты, пріобрѣтаютъ себѣ великое уваженіе. —

Однажды Императоръ *Карлъ V* призвалъ писать свой портретъ славнаго живописца *Тиціана*. Художникъ сей уронилъ свою кисть: и что жъ? — славный Государь оный не пренебрегъ поднять ее. Изумленный Тиціанъ извинялся ему, сколько могъ; *Карлъ* же отвѣчалъ ему пріязненно: *Тиціанъ очень достоинъ услуги Кесаря.* —Милости Государя привлекли тьму завистниковъ артисту. Но *Карлъ* давалъ имъ чувствовать вмѣстѣ низость ихъ чувствъ, и сколько дарованія превосходнѣе тщетныхъ чиновъ, говоря имъ съ гнѣвомъ: Герцоговъ и Графовъ, какъ вы, могу я сдѣлать, сколь-

ко мнѣ угодно; но одинъ Богъ можетъ сотворить человѣка, подобнаго Тиціану.

У Д А Ч А, *успѣхъ.*

Мы обыкновенно присвоиваемъ всѣ наши счастливыя удачи нашимъ талантамъ, а наши несчастія — Судьбѣ.

УДОВОЛЬСТВІЕ и СКОРБЬ.

Между начальными и общими понятіями *удовольствіе* и *скорбь* суть весьма важны: мы всю жизнь нашу проводимъ, снискивая первое и убѣгая второй. Природа, пщательная о сохраненіи бытія нашего, употребляетъ сіи два способа для привлеченія насъ къ полезнымъ дѣламъ и отвращенія отъ вредныхъ. Одна и та же вещь бываетъ полезна умѣренностью, и вредна излишествомъ. Огонь въ нѣкоторомъ отдаленіи приноситъ удовольствіе; приближеніе къ нему можетъ вредить. Причины удовольствія суть по большой части: новость, соразмѣрность частей, красота, величественность, умѣренное упражненіе нашихъ способностей. Внутреннее чувствованіе увѣряетъ каждаго, сколь непріятно безпрестанное повтореніе тѣхъ же самыхъ предметовъ, несоразмѣрность, безобразіе, совершенный недостатокъ упражненія.

Внѣшняя красота есть только обѣщаніе прекрасной души. Блестящій и свобод-

ный разумъ заслуживаетъ бо́льшее почтеніе. Но благотворительность души нашей, добродѣтель—есть верхъ совершенства. *Нирей* былъ прекрасенъ, *Горацій* остроуменъ, но *Титъ* — другъ человѣческаго рода.

Не могутъ нравиться недостатки тѣлесные и худое обращеніе, глупость оскорбительна, порокъ внушаетъ ненависть. Вѣрнѣйшій же способъ увеличить удовольствія и умалить скорбь, состоитъ въ обогащеніи разума и исправленіи сердца. Нѣтъ ничего пріятнѣе для людей истинно-просвѣщенныхъ и благородныхъ, какъ упражнять способности разума и чувствительность сердца пріобрѣтеніемъ новыхъ знаній, новыя пріятностей въ обществѣ, содружествѣ, оказаніемъ услугъ, исполненіемъ должностей гражданина, успѣхами въ искусствахъ.

Науки придаютъ нѣкоторый цвѣтъ пріятности размышленію и общежитію.

Цицеронъ былъ наукамъ одолженъ сперва своею славою, потомъ утѣшеніемъ, когда республика готовилась къ паденію. Онѣ воспитываютъ юность, сказалъ онъ, подкрѣпляютъ старость, украшаютъ въ счастіи, въ несчастіи утѣшаютъ, съ нами сопутствуютъ и послѣдуютъ въ уединеніе. Чѣмъ выше состояніе, тѣмъ болѣе нужны удовольствія, происшекающія отъ наукъ и свѣдѣній.

Всякое удовольствіе, влекущее за собою раскаяніе, не есть прямое удовольствіе: оно есть отрава, ядъ подслащенный.

Истинное наслажденіе и тогда приноситъ удовольствіе душѣ, когда оно прошло. Соединяй оное съ душевнымъ спокойствіемъ.

Удовольствія надобно вкушать помаленьку, а не глотать цѣликомъ.

Если наслажденіе чувственнымъ удовольствіемъ производитъ въ тебѣ нравственное неудовольствіе: то знай, что ты уже наслаждаешься не по законамъ разума и религіи, пекущихся о твоемъ благосостояніи; ибо законы ихъ суть любовь и благотворность.

Скорбь о прошедшемъ, забота о будущемъ, по большей части причиною, что люди не вкушаютъ настоящихъ удовольствій, или не во всей чистотѣ ихъ вкушаютъ.

Умѣренность въ наслажденіяхъ доставляетъ намъ удовольствіе и спокойствіе совѣсти.

Мірскія удовольствія производятъ въ душѣ нашей разныя безпокойства. Всякой можетъ понять, что тяжелая скука есть не что иное, какъ особливая милость пекущагося о насъ Промысла: это въ порядкѣ правды и премудрости Божіей, чтобы мы, безъ благодатнаго присутствія Его въ

сердцахъ нашихъ, попускающіе одолѣвать себя свирѣпымъ, бурнымъ и неистовымъ страстямъ, дѣлались сами себѣ непримиримыми врагами, и чтобы совѣсть наша дѣлалась строгимъ судіею ничтожныхъ нашихъ наслажденій.

Предѣлъ истинныхъ удовольствій нашихъ — необходимое; какъ скоро мы преступили его, то уже болѣе не наслаждаемся.

УЕДИНЕНІЕ.

Кто полюбитъ свою келью, тотъ найдетъ въ ней миръ, сказано въ книгѣ: О подражаніи Іисусу Христу.

Блаженъ, кто удалясь безпокойныхъ суетъ и шумныхъ забавъ свѣта сего, наслаждается удовольствіями пріятнаго уединенія, и коего лучшая бесѣда въ домашнемъ кругу, или съ самимъ собою. Онъ сперва скучаетъ; но мало по-малу открываетъ, въ уединеніи своемъ, множество удовольствій, о коихъ прежде совсѣмъ не имѣлъ понятія. Созерцаніе Природы представляетъ ему неизсякаемый источникъ живѣйшихъ наслажденій. При томъ же трудъ облегчаетъ скуку одиночества. Гласъ непорочной совѣсти его заставляетъ его взирать съ презрѣніемъ на безуміе и пищету временной

славы. Онъ печется токмо о спокойствіи душевномъ, не боится ни непостоянства счастія, ни своеволія судьбы; гнушается корыстолюбія, пренебрегаетъ тлѣнность сокровищъ земныхъ. Пользуясь настоящимъ временемъ, не безпокоится о будущемъ; не бываетъ никому въ тягость; не случается съ нимъ никогда досадительной нужды противорѣчить своимъ мыслямъ, ни порабощаться прихотямъ вельможъ. Чуждый раболѣпствующаго ласкательства, не тревожится ихъ причудами, не заботится о ихъ благосклонности, не обязанъ никому угождать подобострастіемъ и излишнею учтивостью. Не нанося ближнему обиды, почитаетъ себя счастливымъ. Научается прошедшими обстоятельствами, примѣчаетъ настоящія, и всѣ мысли свои ограничиваетъ только попеченіемъ о самомъ себѣ, не мѣшаясь въ дѣла чужія. Равнымъ образомъ, будучи не причастенъ ни гордости, ни тщеславію, скупость почитаетъ дурачествомъ, роскошь смѣшнымъ сіяніемъ, зависть подлостью, лѣность грѣхомъ. Языкъ его не устаетъ отъ всечаснаго прославленія чудесъ Создателя и не занимается никакимъ суесловіемъ. Не имѣя случая ни оскорбляться, ни гнѣваться, не встрѣчаетъ ничего противнаго. Занятый всегдашнимъ обращеніемъ съ почтенными му-

жами древности, не внемлетъ глупому многорѣчію современниковъ своихъ; трезвъ и воздержень въ пищѣ и питіи, не вредитъ здоровья своего на пиршествахъ ни лакомствомъ, ни пресыщеніемъ. Можетъ имѣть все, что пожелаетъ; ибо и не хочетъ того, чего имѣть не можетъ. Спитъ въ объятіяхъ тишины покойно, и пробуждается съ веселіемъ. Умѣетъ употреблять время въ пользу себѣ. И такъ ведетъ жизнь свою, изъ непрерывной цѣпи невинныхъ и сладостнѣйшихъ отрадъ сплетенную. Разговоръ его часто съ небесами, куда и мысли свои онъ непрестанно устремляетъ. Не желаетъ тлѣнныхъ сокровищъ временности, вѣдая нищету оныхъ; но воздыхаетъ о небесныхъ, по извѣстной ему ихъ нетлѣнности, и къ нимъ духъ свой прилѣпляетъ. Наконецъ, ожидаетъ смерти безъ желанія и безъ боязни.

Спокойствіемъ продолжается жизнь. Свѣтъ отнимаетъ насъ у самихъ себя; уединеніе же возвращаетъ. Свѣтъ есть не иное что, какъ толпа бѣглецовъ, бѣгущихъ собственно отъ самихъ себя.

Въ уединеніи должно жить не для себя только, но быть всегда одушевляему любовію къ добру, и стараться приносить пользу ближнимъ.

Въ людствѣ человѣкъ теряется, а находитъ себя въ уединеніи.

Одинъ Министръ, лишившійся милости Королевской, удалился въ плодоносную долину, которую началъ обработывать своими трудами; какъ онъ не заслуживалъ Государевой немилости, то очень скоро утѣшился, и началъ вкушать удовольствіе въ новомъ родѣ жизни, избранной имъ. Но — Король, уважая очень много дарованія его, вскорѣ почувствовалъ свою потерю, и пришелъ къ нему, просить его — опять возвратиться на свое мѣсто. Твердый же въ намѣреніи своемъ Министръ отказалъ Королю, говоря: „Ты меня возвысилъ до первѣйшихъ чиновъ, я твердо удерживалъ зыбкость моего величія; но ты заставилъ меня удалиться, и — теперь я вкушаю спокойствіе; позволь же мнѣ онымъ наслаждаться. Удалиться отъ свѣта—значитъ вырвать зубы у самыхъ хищныхъ звѣрей, или отнять у злодѣя кинжалъ, у клеветы ядъ ея, и злобныхъ змѣй у зависти.“ — Король неотступно отъ него требовалъ, говоря ему: я имѣю нужду въ человѣкѣ просвѣщенномъ, съ справедливымъ и добрымъ сердцемъ, и который могъ бы поддерживать бремя моего правленія: я лишь въ тебѣ нахожу таковаго. — „Ты можешь вездѣ его найти, отвѣчалъ ему Министръ, если бу-

день искать между людьми, кои тебя не ищутъ.“

Дидеро, говоря съ Великою *Екатериною*, изъявилъ Ей свое удивленіе вразсужденіи Ея великихъ свѣдѣній. „*Умеля были хорошіе учители*, отвѣчала Она: *несчастіе со̀ уединеніемъ̀*.

УМЪ, *разумъ̀*, *смышленость*.

Сколь малымъ кажется умный человѣкъ передъ глупцомъ случайнымъ! Мы обыкновенно смотримъ на умъ съ блестящей только стороны его; по большой части требуемъ отъ него одной остроты, а еще чаще одного велерѣчія. Мы часто и умнаго человѣка почитаемъ тупымъ по тому только, что онъ тяжелъ въ разговорѣ. Такихъ должно бы, кажется, узнавать и цѣнить по ихъ поступкамъ.

Лучше имѣть обыкновенный здравый смыслъ, нежели самый острый и блестящій умъ — безъ разсудка.

Нѣтъ ничего въ мірѣ, чтобы болѣе сушило сердце, повреждало чувствительность, развращало бы и вредило уму, какъ сіи любовныя распутныя наслажденія, какъ это низкое и отвратительное скотство, въ которое погружены самовольство и безпутство нравовъ! Какое бытіе имѣютъ сіи су-

щества уничиженныя, презрительныя, утопающія въ ужасномъ сладострастіи. Воздерживаясь отъ любострастія, можно сдѣлаться способнѣе къ усугубленію ума. Вообще признано, что ничто такъ не противится дѣйствію мыслей, какъ невареніе желудка. И такъ воздержность отъ любовнаго сладострастія и отъ излишества пищи имѣетъ даръ умножать мысленную силу. Посты, Церковію установленныя, устремляютъ умъ къ размышленію о предметахъ божественныхъ.

Живость генія продолжается только съ 30-ти до 60 лѣтъ. Въ это время сохраняется еще крѣпость тѣлесная у того, который преждевременно не истощилъ все свое здоровье. — По мѣрѣ какъ тѣло старѣетъ, прежде память, а потомъ воображеніе умаляются и приходятъ въ упадокъ.

Молодой человѣкъ способнѣе мечтать, выдумывать, а старикъ разсуждать. Большая надежда и довѣрчивость перваго могутъ погубить; недовѣрчивость другаго препятствуетъ достичь до желаемаго: вотъ какъ сіи двѣ крайности лѣтъ менѣе способны, нежели средина между ими, для дѣйствія разума.

Память, воображеніе, сужденіе открываются тѣмъ болѣе, чѣмъ постояннѣе и чаще бываютъ упражняемы.

Сколько справедливо, что познанія и науки исправляютъ наши нравы, столько достовѣрно и то, что наши натуральные нравы перемѣняютъ родъ нашихъ занятій и даютъ новый оборотъ нашимъ мыслямъ.

Если молодой мужчина, или молодая дѣвица, чувствительные и нѣжные, будутъ провождать день и ночь въ чтеніи романовъ, набивать мозгъ странными приключеніями, связями любовными, похищеніями, битвами на сабляхъ, безуміемъ ревности, темницами, смертоубійствомъ и всѣмъ тѣмъ, что можетъ возбудить, пристрастить, ослѣпить или соблазнить воображеніе слабое и нѣжное: то часто сія начинка мозга остается въ нихъ на всю жизнь, мысли романическія овладѣютъ душею, и еще счастлива та, у которой онѣ не воспламенили чувства и не испортили сердца! Но сколько вредные романы могутъ развратить, столько жъ, напротивъ, хорошіе могутъ поощрить къ знаменитымъ дѣламъ и благороднымъ чувствамъ.

Многомощные и богачи присвояютъ себѣ исключительное право умствовать или разсуждать величественно и благородно; они даже высокомѣрно хвастаютъ тѣмъ, что имъ однимъ принадлежитъ познаніе дѣлъ государственныхъ, вкусъ къ изящному, чувство къ благородному и всему тому,

что должно нравиться и не нравиться въ искуствахъ. Ежели сіи блистательныя дарованія ума не суть принадлежность всѣхъ знатныхъ и чиновныхъ особъ (ибо находятся между ними съ слабыми душами, по причинѣ бремени носимаго ими и суетности, по причинѣ ласкательствъ, которыя имъ препятствуютъ образоваться и научиться), то надобно признаться, что вельможи, бояре, благородные, удобнѣе могутъ приобрѣтать всѣ оныя качества. Съ самаго младенчества надуваютъ имъ въ уши, что они совершенны, имѣютъ способность избирать людей и приспособить характеры къ должностямъ, видя съ высоты корыстолюбіе, страсти, кои мучатъ и томятъ слабѣйшихъ подчиненныхъ или низшаго достоинства; возведены будучи на знатныя степени почестей и обращая на себя взоры народа, они сами бываютъ виновны, если не приобрѣтаютъ разсудка и разборчивости, сего благородства мыслей, сей высокости чувствъ, сей тонкости сужденій, кои должны содѣлать ихъ одобреніе лестнымъ, а осужденіе страшнымъ.

Всегда навѣрное можно полагать, что люди рожденые въ низкой долѣ, привязанные къ корыстолюбію и мздоимству, рѣдко могутъ имѣть сію тонкость въ сужденіяхъ, сіе благородство чувствъ, кои

даже рѣдки въ обществѣ первокласныхъ. Они имѣютъ время заботиться только о своемъ прокормленіи необходимомъ, окружены будучи часто худыми примѣрами.

Но въ среднихъ сословіяхъ людей, между людьми съ имуществомъ посредственнымъ, надобно искать истинныхъ умовъ, здравыхъ и свободныхъ понятій и свѣдѣній, возвышенныхъ мыслей и чувствъ. Они будучи свободны отъ подлости низкихъ людей и смѣшной гордости знатныхъ или богатыхъ, могутъ приобрѣсть мнѣнія о вещахъ вѣрнѣе, нежели въ крайнихъ состояніяхъ.

Хорошій умъ состоитъ въ томъ, чтобы выставлять умъ другихъ людей.

Чужой умъ вредитъ иногда нашему.

Ежели есть сила или владычество твердое въ мірѣ, то оно безъ сомнѣнія происходитъ отъ превосходства смысла и разума: посредствомъ его человѣкъ сдѣлался царемъ надъ животными; умѣлъ усмирить слона, бить острогою кита, побѣждать льва, не смотря на превосходство ихъ силы или огромнаго роста; онъ достигаетъ орла въ высотѣ воздуха, и чудовищъ океана на днѣ пропастей; словомъ — властвуетъ на землѣ. — Единственное почетное наименованіе превосходства или владычества самое неоспоримое, даже между людьми, состоитъ

въ умственныхъ способностяхъ, и есть неоцѣненный и превосходнѣйшій даръ, какимъ только Богъ украсилъ превосходнѣйшее изъ земныхъ Его созданій — человѣка.

Когда при *Наполеонѣ* говорили о томъ, что большую часть побѣдъ должно приписать счастію полководцевъ, онъ отвѣчалъ: „правда; но это счастіе приходитъ только къ умнымъ людямъ.“ — *Суворовъ* отвѣчалъ точно также по сему предмету: „сего-дня счастіе, завтра счастіе; помилуй, братецъ, надобно сколько нибудь и ума!“

УМѢНЬЕ ЖИТЬ, *искуство уживаться съ людьми.*

Люди любезнѣйшіе на семъ свѣтѣ бываютъ тѣ, кои менѣе оскорбляютъ самолюбіе другихъ. Терпѣть и переносить все безропотно отъ тѣхъ, съ коими мы обязаны жить, согласоваться съ ихъ вкусомъ, непротиворѣчить имъ, не предпочитать себя ни кому: вотъ вѣрное средство ужиться хорошо въ свѣтѣ.

Стараться какъ можно болѣе дѣлать добро, ни объ комъ худо не говорить, никогда не судить со строгостію: сими добрыми и щедрыми дѣлами, часто повторяемыми, вы пріобрѣтете большую славу и доброе имя. (*Чит. выше, стр.* 250 *и* 251).

УМѢРЕННОСТЬ.

Умѣренность есть воздержаніе себя въ житейскихъ наслажденіяхъ, а особенно въ пищѣ; это вѣрнѣйшій способъ сохранить свое здравіе; безъ здравія же и жизнь бываетъ въ тягость, и превосходныя нравственныя качества наши исчезаютъ. Умѣренность удерживаетъ наши желанія въ своихъ границахъ; научаетъ убѣгать излишняго, и наслаждаться просто дарами Натуры. Должно приучать заранѣе молодыхъ людей, даже избыточныхъ, вести жизнь умѣренную и трезвую; ибо иногда могутъ случиться такія обстоятельства, въ коихъ сія первая привычка можетъ имѣть много вліянія на счастливое ихъ состояніе.

Лучшее лекарство отъ душевныхъ и плѣсныхъ страданій, есть — умѣренность. Нѣтъ мира, нѣтъ счастія на землѣ безъ крайняго умѣренія нашихъ желаній и чувствованій. Человѣкъ долженъ быть терпѣливъ — для того, что онъ слабъ. Умѣренность есть его мудрость. Излишество есть человѣческая глупость. Ничто чрезмѣрное не дѣлаетъ намъ прочнаго счастія: самая возвышенная степень возлагаетъ на насъ безчисленныя несносныя тяжести; необъятное богатство вводитъ въ неисчет-

ныя замѣшательства; умѣренность только составляетъ самое прочное состояніе, какое только можно имѣть на землѣ. Всѣ излишества удовольствій бываютъ совершенно соразмѣрны въ жизни нашей съ печалями. — Если бы мы хотѣли сдѣлаться только счастливыми, то сіе бы весьма легко было исполнить; но, къ сожалѣнію, мы хотимъ всегда быть счастливѣе другихъ, а сіе-то и чрезвычайно трудно; ибо другихъ обыкновенно считаемъ мы счастливѣе, нежели они суть въ самомъ дѣлѣ. (*Монтескье*).

„Природа требуетъ отъ насъ необходимаго, самолюбіе пріятнаго, а страсти излишняго.“ (*Бурдалу*).

Умѣренность есть добродѣтель, побуждающая насъ сохранять во всемъ благоразумную мѣру. Она обуздываетъ въ насъ гнѣвъ и снабжаетъ терпѣніемъ къ перенесенію обидъ, удерживаетъ отъ расточительности или роскоши, и отъ гордости. Умѣренной человѣкъ не гордится въ счастіи и не унываетъ посреди бѣдствій. Душа его есть изображеніе тихаго моря, невозмущаемаго никакимъ вѣтромъ.

Прекрасно изреченіе Сенеки: *Старайся такъ наслаждаться удовольствіями настоящими, чтобы не повредить будущимъ!*

Всякая вещь отъ рѣдкаго употребленія кажется пріятнѣе.

Умѣренность заключаетъ въ себѣ воздержаніе и есть связь физическаго съ нравственнымъ; она состоитъ въ томъ, чтобы умѣрять наши нужды всякаго рода, истреблять зависть, скупость [и всѣ тѣ вредныя страсти, коими измѣняется нравъ и обхожденіе, ослабляются силы нравственныя и духовныя, и приводятся въ безпорядокъ дѣйствія физическія.

Упрекали нѣкогда *Сюлли*, что онъ имѣлъ столъ очень умѣренный. „Если гости мои, отвѣчалъ онъ, честные и воздержные люди, то для нихъ достаточно; если же они негодяи и неумѣренные, то для нихъ и этого уже много.“

Докторъ *Гекетъ*, посѣщая своихъ больныхъ богатыхъ, ходилъ часто на кухню цѣловать поваровъ. *Любезные друзья*, говорилъ онъ имъ, *я вамъ премного обязанъ за всѣ ваши одолженія, кои вы оказываете намъ, врачамъ: безъ васъ и безъ вашего искуства мы бы всѣ пропали.*

Однажды расхвастался Князь *Суворовъ* плохимъ поваромъ своимъ, Мишкою, котораго называлъ первымъ въ Европѣ и возносилъ его блюда. Сидѣвшій за столомъ иностранецъ не вытерпѣлъ, чтобы неулыбнуться: замѣтивъ сіе, Князь тотчасъ къ нему обратился съ сими словами: „столъ мой нравится мнѣ и потому, что всякой, кто

у меня хотя одинъ разъ пообѣдаетъ, удостовѣрится, что я солдатъ и что меня подкупить нельзя.“

УМѢРЕННОСТЬ ВЪ ПИЩѢ И ПИТЬѢ.

Почему примѣры долговѣчной и здоровой жизни древнихъ людей, Аравійскихъ и Египетскихъ пустынниковъ, и столь многихъ другихъ, которые находили здоровье въ нѣдрахъ воздержанія, не могутъ истребить *обѣденія?* не должно ли устрашить его любителей, представя бѣдственныя его послѣдствія?

Потребно такъ мало пищи, чтобъ насытить наше тѣло и сохранить крѣпость его, что кажется очень страннымъ, сколь много люди заботятся, ища ежедневно въ разныхъ приправахъ, пріятной отравы, дабы отяготить пищею свой желудокъ. Одинъ фунтъ или 12 унцій твердой пищи и столько же воды подкрѣпляли древнихъ пустынниковъ до глубочайшей старости, безъ всякихъ болѣзней. Лудовикъ *Корнаро*, знаменитый Венеціянецъ, столь славный своею воздержностью, находясь на 40-мъ году въ ужаснѣйшемъ разслабленіи, употреблялъ пищетно всякаго разбора лекарства: наконецъ утомившись такъ долго искать помощи въ лекарствахъ, которыя не только

не облегчали его, но даже усугубляли его мученія, рѣшился содержать себя на самой строгой и умѣренной діэтѣ: вскорѣ послѣ сего здоровье его поправилось, и жилъ онъ слишкомъ 100 лѣтъ, не чувствуя ни малѣйшей слабости! Сколько людей, которыхъ одно лишь молоко составляетъ ежедневную пищу, и они живутъ очень долго, безъ всякихъ немощей, съ сею легкою пищею?

Невозможно предписать, сколько должно употреблять пищи; потому что сложеніе тѣла (темпераментъ), лѣта, климатъ, годовое время и состояніе должны необходимо различать одного человѣка отъ другаго; каждый долженъ совѣтоваться съ своими силами, и судить себя съ основательностію разсудка, а вѣрнѣйшая основательность состоитъ въ опытности. Всякой разъ, когда чувствуемъ себя послѣ обѣда свободными, неотягощенными, веселыми, это есть вѣрное доказательство, что мы ѣли мало; напротивъ же того, если послѣ обѣда бываемъ отягощены, неспособны къ прилѣжанію, когда имѣемъ безпрестанно кисловатыя, непріятныя отрыжки, (которыя имѣютъ запахъ протухлыхъ яицъ), когда чувствуемъ пученіе и полноту нашего желудка, тошноту, иканіе, рвоту, зѣваніе, жаръ и потъ на лицѣ или на

груди; когда языкъ нечистъ, непріятно во рту, голова обременена, и когда имѣемъ желаніе харкать, особливо проснувшись ночью: это самый вѣрный знакъ, что мы перешли границы въ пищѣ и питьѣ; тогда надобно понемногу убавлять пищу, до тѣхъ поръ, пока ни одного изъ сихъ припадковъ не будемъ чувствовать. Но если полнота нашего желудка столь велика, что даже мы почувствовали бъ отъ нее дурноту, то немедленно надобно выпить теплой воды, слабаго чаю или настойки ромашки, или принять рвотнаго, дабы скорѣе вырвало, и очистить симъ желудокъ. Особы, привыкшіе много ѣсть и желающіе вести родъ жизни гораздо умѣреннѣе, должны сперва нечувствительнымъ образомъ уменьшать количество пищи; потому что внезапная перемѣна можетъ причинить большой вредъ.

Въ мѣстахъ холодныхъ надобно ѣсть болѣе, нежели въ жаркихъ. Всѣмъ извѣстно, что въ климатахъ чрезвычайно жаркихъ, какъ то въ Индіи, въ Южной Америкѣ и проч. говядина была бы пища очень тягостная. Домашнія птицы, баранина, или дичь составляютъ обѣдъ жителей сихъ странъ; вечеромъ довольствуются фруктами и разными другими закусками. По сей причинѣ *надобно употреб-*

лять болѣе пищи зимою, нежели лѣтомъ. Ученые люди, ходожники, которые имѣютъ мало тѣлодвиженія, люди праздные и женщины должны ѣсть мало, и избѣгать какъ можно вещей тяжелыхъ, соленыхъ, и вязкихъ. Восемь унцій мяса, отъ 12 до 15 унцій хлѣба, столько жъ огородной зелени и стаканъ (или не болѣе трехъ) воды съ виномъ, вотъ день тѣхъ особъ, которыя имѣютъ мало движенія. Гораздо здоровѣе покушать нѣсколько разъ въ день, нежели одинъ разъ. Употребляя пищу только разъ въ день, обременяютъ столь много желудокъ, что пищевареніе становится многотруднымъ; и сіе производитъ лишь одни дурные соки, вѣтры и мокроты, отъ чего раждаются завалы и тысяча другихъ болѣзней.

Гораздо здоровѣе во время кушанья пить понемногу, нежели вдругъ напиваться; ничто такъ не разстроиваетъ желудокъ и такъ мало утоляетъ жажду, какъ сія привычка.

Весьма хорошо ѣсть въ назначенные часы; свойственно лишь людямъ крѣпкаго сложенія и тѣмъ, которые дѣлаютъ много моціону, презирать сіе замѣчаніе. Есть еще два правила, которыя должны всѣ люди исполнять. 1, — Не ѣсть, когда чувствуешь желудокъ свой полнымъ, и весьма полезно иногда поститься. 2, — Спарайся, какъ

можно, избѣгать разнообразныхъ кушаньевъ во время обѣда. Возможно ли желать, чтобъ могъ нашъ желудокъ переварить разную пищу, которая сама по себѣ и хороша, но смѣшеніе оной производитъ ужасное броженіе, невареніе, вѣтры, мокроты, слизь и проч. Напрасно жаловаться на худой нашъ желудокъ, когда всякой день за обѣдомъ отягощаемъ его мясомъ, рыбою, горячими и холодными пирогами, салатомъ, сливками, зеленью, конфектами, фруктами, виномъ, пивомъ, мороженымъ и разными наливками и ликёрами.

Скоромное кушанье предпочтительнѣе ли постнаго? Объ сіи пищи очень здоровы, когда будемъ употреблять оныя съ умѣренностію; но надобно какъ можно стараться избѣгать разныхъ приправъ въ постныя кушанья: врачи увѣрены, что болѣе всего насъ безпокоятъ перемѣнныя кушанья. Желудокъ, привыкшій употреблять всѣ свои силы, чтобъ раздробить твердую мясную пищу, находитъ уже постную пищу чрезвычайно легкою; но послѣ постной пищи онъ нечувствительно теряетъ свои силы, и медленнѣе и съ большимъ усиліемъ исправляетъ свое дѣйствіе. Употребляя очень долгое время постную пищу, послѣ поста надобно стараться поберечь себя въ первые дни, когда начнемъ ѣсть скоромное; надле-

житъ почесть себя тогда человѣкомъ лишь только выздоравливающимъ, который долженъ всячески умѣрять свой апетитъ. Что постная пища очень здорова, и безъ сомнѣнія гораздо полезнѣе скоромной, это доказываетъ долгая жизнь древнихъ людей, философовъ, пустынниковъ и отшельниковъ и жителей Азіи, которые не знали иной пищи, кромѣ плодовъ, зелени, растеній, молока и воды.

Желаютъ быть здоровыми, говоритъ Докторъ *Фріерб*, а перемѣняютъ природу; ночь замѣняетъ у нихъ день; человѣкъ, будучи такой же врагъ самъ себѣ, какъ и своему ближнему, употребляетъ десять рукъ въ услуженіе своему брюху. Ему подаютъ на столъ всѣ произведенія земнаго шара, плоды, вина разныхъ частей Свѣта; отягощенный пищею, онъ оставляетъ свой обѣдъ, чтобъ пойти сварить пищу въ своихъ креслахъ, куда приносятъ ему кофе и разныя наливки: онъ прибавляетъ новый огонь къ жизненному огню; но вскорѣ желудокъ, находясь въ большихъ мученіяхъ, начинаетъ урекать его чрезмѣрнымъ излишествомъ; онъ подобенъ огненной пропасти, заключающей въ себѣ матеріи въ большомъ движеніи; жаръ распространяется по всѣмъ его жиламъ, пары подымаются въ голову, и такимъ образомъ обремененный новый

Лукуллъ засыпаетъ; — просыпаясь, жалуется на вѣтры, на вспучливость желудка и проч.; тотчасъ посылаютъ за Докторомъ, который предписываетъ ему употребленіе чая или другихъ разводительныхъ теплыхъ питей, кои насильственно перевариваютъ его пищу. Вотъ образъ нашей жизни! Но тѣ, кои поступаютъ такимъ образомъ, проживутъ очень недолго. Создатель сотворилъ насъ съ страстями, желаніями, съ натуральнымъ апетитомъ: почему же намъ не слѣдовать правиламъ природы? Она довольствуется самою простою пищею, безъ всякихъ пріуготовленій. Возмемъ же ее въ руководство: станемъ исполнять все то, что она намъ показываетъ. Одинъ человѣкъ предается всѣмъ излишествамъ, и стремится за собственною своею погибелью. Славный писатель *Аддисонъ* выразился весьма хорошо на щетъ воздержанія слѣдующими словами: „что касается до меня, когда я „вижу сіи модные столы, покрытые всѣми „богатствами, выписанными изо всѣхъ „пяти частей Свѣта, я думаю видѣть „подагру, водяную, лихорадку, спячку, и „почти всѣ прочія болѣзни, выглядывающія „изъ подъ всякаго блюда.“

Очень желательно, чтобъ всѣ люди послѣдовали совѣту славнѣйшаго Доктора

(*Тиссота*): „какъ можно болѣе стараться — „избѣгать смѣшенія разныхъ кушаньевъ, „и непозволять себѣ никогда болѣе двухъ „блюдъ, или по крайней мѣрѣ трехъ; но „тотъ, который довольствуется однимъ „блюдомъ, дѣлаетъ еще лучше; я знаю (го- „воритъ онъ) одного почтеннаго старца, „который будучи весьма слабаго здоровья, „на 40-мъ своемъ году наложилъ на себя „обѣтъ не ѣсть никогда болѣе одного блю- „да; онъ сдержалъ свое слово и дожилъ до „90 лѣтъ, наслаждаясь наилучшимъ здоровь- „емъ, всею силою своего разума и пылко- „стію своихъ чувствъ.“

Если бы разобрать странную разнообразность кушаньевъ, употребляемыхъ за столомъ, и число различныхъ снадобьевъ, коими обременяемъ нашъ желудокъ въ столь короткое время, то найдемъ, что нѣтъ ничего глупѣе сего обыкновенія, и если разсмотримъ послѣдствія онаго, то увидимъ, что нѣтъ ничего опаснѣе сего.

„Разсмотримъ теперь, говоритъ Гора- „цій, какую выгоду получаемъ мы отъ воз- „держанія? Довольно и того, что съ нимъ „мы здоровы; но чтобъ намъ увѣриться въ „томъ, то припомните какіе-нибудь про- „стые обѣды, послѣ которыхъ вы такъ се- „бя хорошо чувствовали; но когда съ рагу „и съ жаркимъ мѣшаютъ и дичь, и рыбу и

„проч., то самое сладкое мясо претворяется „въ желчь, а липкая влажность приноситъ „величайшій вредъ желудку. “

УПРАЖНЕНІЕ.

Въ хозяйствѣ, въ ученіи, на охотѣ и при всякомъ другомъ упражненіи надобно достигать до послѣдней границы позволительнаго удовольствія; но остерегаться и не заходить туда, гдѣ начинаетъ примѣшиваться къ оному прудъ и болѣзнь. — (*Монтань*).

УПРЯМСТВО, *непреклонность.*

Упрямство или упорство есть обыкновенный порокъ дураковъ.

УСЛУЖЛИВОСТЬ, *угожденіе, угодливость.*

Должно, сколько возможно, угождать людямъ, одолжать всѣхъ людей: часто случается имѣть нужду и въ малозначащихъ людяхъ. Кто жъ услуживаетъ скоро, тотъ пуще одолжаетъ.

Примѣръ.

Королева Французская, имѣя нужду въ значительной суммѣ денегъ, подходитъ однажды къ Генералъ-Контролеру Финансовъ *Калонію:—Я имѣю къ вамъ нѣкоторую просьбу,* говоритъ она ему: *но вы вѣрно обѣлите*

лиѣ, что этаго невозможно сдѣлать.—„Если вещь возможная, отвѣчалъ Калонъ, *я увѣрю Ваше Величество, что она уже сдѣлана или выполнена; но если дѣло невозможное, то оно сдѣлается.“*

УЧЕНІЕ. УЧЕНОСТЬ.

Ученіе есть обращеніе ума къ Наукамъ, къ Словесности, къ Художествамъ. Оно приучаетъ насъ къ трудолюбію, просвѣщаетъ въ отправленіи нашихъ должностей и утверждаетъ наше благоденствіе. Ученіе есть истинное всеобщее лекарство отъ всѣхъ болѣзней; оно облегчаетъ напасти и бѣды, и удаляетъ наклонности порочныя.

Діогенъ сказалъ, что ученіе похвально потому, что оно дѣлаетъ юношей трезвыми, старыхъ утѣшаетъ, нищихъ обогащаетъ, богатыхъ украшаетъ.

Солонъ говаривалъ, что онъ безпрестанно научался и въ самой даже старости.

Человѣкъ благоразумный, желая быть благополучнымъ, не престаетъ до самыхъ преклонныхъ лѣтъ трудиться надъ своимъ воспитаніемъ и совершенствованіемъ или благополучіемъ. Мудрость не иное что, какъ наука добродѣтели и благополучія.

Для человѣка всякое ученіе столь же необходимо, какъ воздухъ, которымъ онъ

дышитъ, какъ пища, коею поддерживаетъ онъ физическое свое существованіе. Пословица говорится: „Не посѣявъ не жнутъ,“— то есть, не должно ожидать награжденія, не потрудившись .... Кто посѣялъ знанія въ юности, тотъ сожнетъ радость и удовольствіе въ старости.

Ученіе раскрываетъ въ насъ способности наши или природныя дарованія, а мудрыя правила подкрѣпляютъ насъ въ любви къ добродѣтели.

Воспитаніе есть, для всякаго человѣка, нѣкоторый родъ повторенія той піэсы, которую онъ долженъ разыгрывать на театрѣ свѣта; и если урокъ не твердъ или репетиція дурна, то трудно, чтобы піэса была хорошо сыграна. *(Баконъ.)*

Но ежели посмотрѣть на ученость новѣйшихъ временъ, то сколько по видимому, она силится истребить и превозмочь ученіе Христово, если не идетъ вмѣстѣ съ образованіемъ сердца: и, къ сожалѣнію, очень рѣдко идетъ она вмѣстѣ; отъ того-то набирается въ голову много знаній, а въ сердце много страстей, а отъ того и развратъ усиливается.

Вопреки всѣмъ суетнымъ системамъ человѣческимъ, Промыслъ воспитываетъ гораздо лучше.

Ученый человѣкъ есть только тотъ, который образовалъ умъ свой истинно полезными знаніями, и сіи познанія употребилъ на облагородствованіе своего сердца; словомъ, которому Науки и искуства послужили средствомъ сдѣлаться благоразумнымъ, добрымъ и для блага согражданъ дѣятельнымъ человѣкомъ. (*Чит. выше, стр.* 329, 330).

Ученѣйшій человѣкъ очень быть можетъ наставленъ неученымъ. Однажды входитъ дитя къ Философу, прося у него огня; сей же, будучи занятъ глубокимъ размышленіемъ, началъ разсматривать сего ребенка, и видя, что онъ не имѣлъ ни щипцовъ, ни другаго инструмента, чтобъ взять огонь, сказалъ ему: *дружочекъ, какъ ты понесешь огонь къ себѣ?* — Тогда ребенокъ, взявъ въ руку холодной золы, положилъ на нее горячіе уголья. Философъ такъ былъ восхищенъ симъ простымъ искуствомъ, что бросивъ свою книгу на полъ, восклицалъ: *никогда со всѣми моими свѣдѣніями и ученіемъ не выдумалъ бы я такое простое и легкое средство, чтобъ брать огонь и его нести.*

Мужъ, разумомъ одаренный, порядоченъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ; въ хозяйствѣ прилѣженъ, гнушается роскошью, удаленъ отъ скупости; въ отправленіи своей должности

непринужденъ, въ обхожденіи пріятенъ, во всякихъ случаяхъ осторожень. Ученіе — въ счастіи украшеніе, въ несчастіи утѣха, въ скудости богатство, въ трудахъ покой, въ затрудненіяхъ совѣтникъ, въ пути товарищъ, въ уединеніи пріятнѣйшій другъ, въ богомысліи вождь къ Богу. Но, не входя въ подробныя похвалы мудрости, заключимъ словами Соломона: *долгота дней и лѣта жизни вѣ десницѣ ея, вѣ шуйцѣ же ея богатство и слава. Отъ устъ ея исходитъ правда; законъ же и милость на языцѣ носитъ. Путіе ея путіе добры, и всѣ стези ея мирны: древо живота есть всѣмъ держащимся ея, и восклицающимся на нго, яко на Господа тверда.*

Излишно было бы доказывать, что науки человѣку свойственны и необходимы; ибо подъ именемъ ученія разумѣемъ мы познаніе истины; а человѣкъ одаренъ разумомъ, то есть, способностію познавать истину: посему, если бъ кто отвергалъ ученіе, тотъ не только бъ отвергалъ разумъ, но долженъ бы отказаться и отъ самаго человѣчества. За просвѣщеніемъ разума слѣдуетъ добронравіе: посему учиться надобно, дабы украсить себя честностію нравовъ; и ежели не предположитъ сей цѣли, то не нужны, по крайней мѣрѣ, суетны были бы всѣ науки.

Примѣтно, что и въ житейскихъ дѣлахъ болѣе дѣйствуетъ примѣръ, нежели правило: ты отецъ — даешь благоразумныя наставленія сыну: но когда сынъ всегда видитъ, что многіе, съ коими онъ обращается, не такъ поступаютъ; онъ болѣе слѣдуетъ примѣру другихъ, а наставленія твои забываетъ. Ты господинъ — даешь своимъ подвластнымъ правила добраго поведенія: но они бывъ окружены иногда развратными людьми, увлекаются болѣе ихъ примѣрами, не думая ужѣ о данныхъ правилахъ. Ты судія — ты видишь законъ, и желаешь по оному поступать: — но примѣчая многихъ подобныхъ себѣ, что они, не меньше зная законъ, мало о томъ думаютъ, а между тѣмъ, по видимому, тебя счастливѣе: ты скоро поколеблешься въ сохраненіи правилъ, и тебя удобно можетъ за собою повлечь примѣръ большаго числа людей. Ты учитель — ученикамъ преподаешь правила благонравія; но онѣ скоро изъ мыслей ихъ вылетаютъ; ибо ученикъ, только что выдетъ изъ училища, тотчасъ встрѣчаетъ множество другихъ правилъ, кои онъ находитъ въ примѣрахъ развращенныхъ товарищей. Ты пастырь церковный — ты съ священной каѳедры возвѣщаешь всѣмъ волю и велѣніе Божіе: но они лишь только выдутъ изъ храма, какъ тотчасъ видятъ, что

люди, по видимому, и благоразумные и почтенные, совсѣмъ не такъ поступаютъ или еще иначе толкуютъ; въ такомъ случаѣ гласъ Божій умолкаетъ, а вопль міра и громкость противныхъ примѣровъ превозмогаютъ. И такъ даютъ благоразумныя правила и отецъ дѣтямъ, и господинъ подчиненнымъ, и учитель ученикамъ, и пастырь христіанамъ: но все то дѣйствуетъ мало; ибо примѣръ бо̀льшаго числа людей, не по тому живущихъ, преодолѣваетъ.

Старинная Русская пословица говоритъ: *вѣкъ̀ живи, вѣкъ̀ учись.*

Люцій, пріѣхавши въ Римъ, встрѣтилъ Императора *Марка-Аврелія*, и спросилъ его, куда онъ идетъ? „Я иду, сказалъ Императоръ, слушать уроки, преподаваемые Философомъ *Секстусомъ*. Люцій чрезмѣрно удивился этому. — „*Весьма похвально во всякомъ̀ возрастѣ*, сказалъ Государь, *учиться тому, чего не знаешь.*“

Цензоръ *Катонъ̀* былъ ужѐ въ пожилыхъ лѣтахъ, когда началъ учиться Греческому языку: „гораздо лучше, говорилъ онъ, быть ученикомъ въ старости, нежели невѣждой въ молодости.“

УЧТИВОСТЬ. — *Чит.* ВѢЖЛИВОСТЬ.

ФИЛОСОФІЯ, *любомудріе.*

Философія — школа добродѣтели и великодушія, которыя пріуготовляютъ сердце человѣка ко всѣмъ великимъ дѣяніямъ и возвышаютъ его превыше предразсудковъ и пороковъ. (*Вирей*).

Философія учитъ насъ побѣждать наши страсти. Человѣкъ, управляемый ими, всегда находится въ крайности, въ напряженномъ состояніи, и не можетъ достигнуть спокойнаго расположенія, которое столь необходимо къ сохраненію жизни.

Должно пріучать духъ свой къ твердости, безстрашію и философскому равнодушію. Сіе будетъ предохранять отъ физическаго вреда мгновенно потрясающихъ впечатлѣній и давать въ непредвидѣнныхъ опасностяхъ спасительную рѣшимость и отвагу.

Истинный Философъ познается презрѣніемъ его къ земнымъ вещамъ; потому что *свобода духа* его никогда не можетъ согласиться съ попеченіями или прихотями мірскихъ суетъ.

Философъ *Анахарсисъ* писалъ нѣкогда къ *Крезу*: „Знай, Крезъ, что въ Аѳинскомъ училищѣ обучаемся мы не повелѣвать, но быть въ повелѣніяхъ и повиноваться; не говорить хорошо, но умѣть молчать; не

спорить, но точно исполнять предписанное намъ; не мстить, но больше прощать; не чужое имѣніе присвоять, но удѣлять изъ своего собственнаго другимъ; не почести искать, но стараться быть добродѣтельными; не богатства домогаться, но умѣть довольствоваться малымъ. Вотъ въ чемъ состоитъ истинная мудрость; а прочее есть одно токмо притворство и лицемѣріе.

Философія способствуетъ къ исправленію нравовъ, усовершенствованію разума и украшенію ума многочисленными познаніями, сколько полезными, столько и любопытными. Она-то исцѣляетъ насъ отъ предразсудковъ, выводитъ изъ заблужденій, приближая насъ къ первымъ началамъ, внушая намъ, что мы рождены для справедливости и добродѣтели, и ощутительными примѣрами показываетъ, что есть верховное Существо, Которое всѣмъ управляетъ и надъ всѣмъ владычествуетъ. Міръ, во всѣхъ своихъ частяхъ, возвѣщаетъ и открываетъ своего Творца; Философія намъ представляетъ вселенную, какъ обширнѣйшую картину, коея каждая часть имѣетъ свое назначеніе, всякая черта свою пріятность и красоту, но въ коей все вмѣстѣ еще чудеснѣе. Показывая намъ столь прекрасное зрѣлище, она заставляетъ насъ замѣчать: какой во всемъ порядокъ и сораз-

мѣрность; съ какою гармоніею сей общій и частный порядокъ наблюдается и сохраняется; а чрезъ то самое заставляетъ насъ признавать верховное Существо и невидимую десницу, всѣмъ управляющую.

Есть одна Философія — возвышающая насъ выше достоинства высокихъ степеней и богатства, которая поставляетъ насъ выше богачей и вельможъ; которая заставляетъ насъ нерадѣть о полученіи чиновъ, не просить тѣхъ, кои ихъ предоставляютъ, которая освобождаетъ насъ отъ желаній, отъ искательствъ, просьбъ, домогательствъ, докучливости, и которая насъ избавляетъ даже отъ содроганія и чрезмѣрной радости быть внимательными къ просьбамъ другихъ. Есть другая Философія, которая заставляетъ насъ устроять благо нашихъ родственниковъ, друзей и ближнихъ; это есть лучшая Философія.

Если мы хотимъ быть истинно Философами, то надобно, чтобъ наша воля приноравливалась и соображалась со всѣмъ тѣмъ, что можетъ случиться; такимъ образомъ, чтобъ мы были всегда довольны и тѣмъ, что сбывается, и тѣмъ, что не сбывается: отъ сего мы получимъ ту большую пользу, что всегда намъ удастся получить желаемое, и ничего не будемъ бояться; отъ того будемъ жить съ нашими ближ-

ними безъ огорченія и соблюдемъ всѣ наши связи, то есть, выполнимъ совершенно должность отца, сына, брата, мужа, гражданина, сосѣда, купца, судьи и подданнаго.

Во-первыхъ надобно познать, что есть единъ Богъ, управляющій все своимъ Провидѣніемъ, и что не токмо наши дѣянія, но и мысли наши, намѣренія и побужденія не могутъ быть отъ него скрыты. Потомъ должно разсмотрѣть его свойства; узнавши хорошо оныя, должно необходимо, чтобъ желающіе ему угодить и ему покориться, употребляли всѣ свои старанія—уподобляться ему; чтобъ они были правдивы, благотворительны, милосерды, сострадательны, великодушны. Да будутъ всѣ твои мысли, слова и дѣянія такія же, какъ у человѣка, подражающаго Богу и желающаго уподобиться Его святости. Не должно страшиться ни бѣдности, ни ссылки, ни тюрьмы, ни смерти. Но надобно бояться упрековъ совѣсти.

Ты видишь играющихъ вмѣстѣ маленькихъ собачекъ; онѣ ласкаются, обнимаютъ другъ друга, и кажутся тебѣ хорошими друзьями: но брось имъ кость, и тогда увидишь! Точно такова жъ дружба бываетъ у нѣкоторыхъ братьевъ и родственниковъ! Какъ скоро они имѣютъ случай оспоривать

землю, домъ, и проч., тогда нѣтъ уже болѣе ни братства, ни родства.

Когда ты приближаешься къ Государямъ и вельможамъ, помни, что есть гораздо выше высочайшій Владыка, который тебя видитъ, слышитъ, и которому ты долженъ стараться еще болѣе нравиться.

Ты надѣешся, что будешь счастливъ, когда получишь то, чего желаешь: но обманываешься; едва только получишь желаемое, то будешь по прежнему безпокоишься, также огорчашся, также скучать, также бояться, и имѣть другія новыя желанія. Счастіе не состоитъ въ пріобретеніи и наслажденіи, но въ томъ, чтобъ не желать; ибо оно состоитъ въ спокойствіи.

Опасайся, чтобъ видя кого осыпаннаго почестями, или возвышеннаго на высокую степень могущества, или въ какомъ нибудь иномъ цвѣтущемъ состояніи, — отъ воспаленнаго твоего воображенія не почесть его счастливымъ; ибо когда истинное счастіе состоитъ въ предметахъ зависящихъ отъ насъ, то ни зависть, ни соревнованіе не будутъ имѣть болѣе мѣста, и ты самъ не захочешь быть ни Генераломъ, ни Сенаторомъ, но — довольнымъ; и одно только есть средство быть довольнымъ, состоящее въ презрѣ-

ніи тѣхъ вещей, кои не зависятъ отъ насъ.

Всегда помни о смерти, и ты никогда не будешь имѣть намѣреній и помышленій презрительныхъ, и ничего не пожелаешь съ нетерпѣніемъ.

Вотъ вѣрный признакъ успѣховъ въ мудрости: мудрый никого не охуждаетъ, никому не льститъ, ни на кого не жалуется, никого не обвиняетъ, себя ни въ чемъ не превозноситъ и не хвастается своими знаніями; когда онъ находитъ въ чемъ препятствія или затрудненія, не огорчается; если кто его хвалитъ, то онъ равнодушенъ, и если его порицаютъ или дѣлаютъ ему выговоры, онъ не озлобляется.

Рано или поздно смерть должна къ намъ придти непремѣнно: въ какомъ упражненіи застанетъ насъ? Земледѣлецъ будетъ заниматься стараніемъ о своей пашнѣ; садовникъ о своемъ садѣ, купецъ о своей торговлѣ; а ты чѣмъ будешь заниматься? Что касается до меня, сказалъ *Эпиктетъ*, то я желаю отъ всего сердца, чтобъ въ сію послѣднюю минуту — смерть застала меня только упражняющимся въ обдумываніи моихъ плановъ, дабы безъ страха, безъ принужденія, я выполнилъ сей послѣдній долгъ.

Ты пріобрѣлъ множество прекрасныхъ вещей; имѣешь много сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ, ты богатъ; но наилучшаго у тебя недостаетъ: твердости, повиновенія велѣніямъ Божіимъ, спокойства, свободности отъ страстей и отъ страха. Что касается до меня, то я какъ ни бѣденъ, но богатѣе тебя: я не стараюсь имѣть покровителя у Двора, не хлопочу о томъ, что могутъ обо мнѣ сказать Государю, и ни кому не льщу: вотъ это самое и замѣняетъ мнѣ всѣ богатства. Ты имѣешь вазы и антики драгоцѣнные, но всѣ твои мысли, всѣ твои желанія, всѣ твои склонности, всѣ твои дѣянія — глиняныя. Дитя опускаетъ свою руку въ кувшинъ узкогорлой, въ которомъ положены орѣхи и фиги; онъ наполняетъ оными свою руку столько, какъ нельзя болѣе, и не могши вытащить ее наполненную плодами, по причинѣ узкаго горла кувшина, начинаетъ плакать: „милой ребенокъ, оставь половину плодовъ, и ты вытащишь свою руку довольно наполненную.“ Вотъ это ты — сей младенецъ: ты желаешь многаго и не можешь получить; желай меньше, и — получишь.

Богъ создалъ всѣхъ людей съ тѣмъ, чтобъ они были счастливы; но они несчастны только отъ своихъ погрѣшностей, прихотей. Откинь твои суетныя желанія,

твои страсти; тогда не будешь имѣть никакого мучителя. Что дѣлаютъ благоразумные путешественники, когда они узнаютъ, что есть много разбойниковъ на той дорогѣ, по которой они должны ѣхать? Они одни не пускаются въ дорогу, но дожидаются попутчиковъ, и съ сею предосторожностью оканчиваютъ счастливо свое путешествіе. Мудрый человѣкъ поступаетъ также въ семъ Свѣтѣ: онъ ожидаетъ вѣрнаго Путеводителя, котораго невозможно обмануть, и сей Путеводитель есть Богъ. Онъ присоединяется къ Богу, ходитъ съ Нимъ, и чрезъ сіе избавляется счастливо отъ всѣхъ опасностей и соблазновъ, бывающихъ въ сей жизни.

Думаешь ли, что я тебя назову трудолюбивымъ, когда ты будешь провождать цѣлыя ночи въ ученіи, въ чтеніи, въ трудахъ? Конечно нѣтъ! Я хочу знать, къ чему относится сіе ученіе и сей трудъ; ибо я не называю того человѣка трудолюбивымъ, который не спитъ ночь, чтобъ увидать свою любовницу; я только скажу, что онъ влюбленъ. Если ты не спишь ночи для славы, тогда я назову тебя высокомѣрнымъ и властолюбивымъ; если проводишь ночи для пріобрѣтенія денегъ, тогда я назову тебя корыстолюбивымъ, скупымъ. Но если ты не досыпаешь ночи для изощренія

и образованія твоего здраваго разсудка, и чтобъ приучить себя повиноваться натурѣ, и выполнять твои должности, тогда только я назову тебя трудолюбивымъ; ибо только сей трудъ достоинъ человѣка.

Стильпонъ Философъ былъ изъ города Мегары. Димитрій, сынъ Антигона, завладѣвъ Мегарою, повелѣлъ не только сохранить домъ Стильпона, но и все то возвратить, что было у него похищено; и чтобъ все ему было возвращено вѣрнѣе, онъ велѣлъ подать себѣ реэстръ тому, что у него похищено. — „У меня ничего „не взяли, отвѣчалъ Стильпонъ, даже и „не прикасались къ тому, что мнѣ прина„длежитъ; я наслаждаюсь еще спокойствіе„мъ, моими знаніями и моею склонностью „къ наукамъ.“

Познаніе самого себя есть наука, для большей части людей менѣе всѣхъ извѣстная. Сколь мало найдете такихъ, которые бы могли дать отчетъ въ причинахъ, управлявшихъ ихъ дѣяніями! Какъ затруднятся они, если будутъ принуждены опредѣлить ихъ! Спросите человѣка, гонящагося за счастіемъ и богатствомъ: для чего онъ такъ безпокоится? Спросите ищущаго почестей: къ чему служатъ всѣ его происки и хитрости? Спросите прочихъ: для чего лгутъ они? для чего клевещутъ, злословятъ?

Какую пользу могутъ принесть имъ всѣ сіи пороки? Можно навѣрное сказать, что всѣ они не въ состояніи оправдать своихъ поступковъ, и что, разобравъ хладнокровно, не упоминая даже ни объ ихъ обязанностяхъ, ни о правилахъ, коими долженъ руководствоваться человѣкъ добродѣтельный, доставилъ ли какой изъ оныхъ пороковъ особливую имъ выгоду, они увидятъ совсѣмъ тому противное.

Всѣ люди постигаютъ болѣе или менѣе, въ чемъ именно состоитъ ихъ собственная польза, и всѣ дѣла жизни ихъ управляются болѣе механическимъ влеченіемъ чувствъ, нежели какимъ-либо особеннымъ разсужденіемъ.

Мы стараемся пріобрести познанія, изучаемся Философіи; но часто все это бываетъ весьма недостаточно, чтобы разрѣшить многосложный вопросъ: въ чемъ состоитъ нравственность и наше благополучіе. Что жъ остается заключить о большей части людей, которые, живучи въ невѣжествѣ, руководствуются по большей части единственно чувственнымъ своимъ побужденіемъ?

Сколь важно для насъ точное опредѣленіе добродѣтели, и сколь мало оно намъ извѣстно! Человѣкъ измѣрилъ разстоянія планетъ, исчислилъ скорость ихъ движе-

нія, постигнулъ многія математическія истины, изобрѣлъ корабли, часы, телескопы, карепы, фонтаны, усовершенствовалъ науки и искуства до высочайшей степени; со всѣмъ тѣмъ не достигъ еще до простаго, яснаго и опредѣлительнаго понятія о нравственности!

Что хотѣли сказать древніе Философы своими разсужденіями о добродѣтели? Что заключаютъ въ себѣ высокія ихъ изреченія? Ничего! Сдѣлался ли я лучшимъ отцемъ семейства, нѣжнѣйшимъ супругомъ, искреннѣйшимъ гражданиномъ, узнавъ изъ *Гезіода* и *Луцилія*, что добродѣтель есть богиня, основавшая престолъ свой на утесистой скалѣ, путь къ коей окруженъ глубокими рвами и бездонными пропастями? Улучшилъ ли я сердце свое, усовершенствовалъ ли я умъ свой, узнавъ изъ *Горація* и *Аристотеля*, что добродѣтель находится посреди двухъ крайностей? Лучшее ли понятіе пріобрѣту отъ ученія гордыхъ Стоиковъ, которые говорятъ, что добродѣтель есть совокупность всѣхъ способностей душевныхъ: слѣдственно способности сіи одинаковой съ нею натуры, что онѣ нераздѣлимы, что кто имѣетъ хотя одну изъ нихъ, долженъ имѣть ихъ и въ совокупности? Что означаютъ блестящія выраженія, что человѣкъ добродѣтельный превыше всякихъ гоненій,

потому что порокъ никогда не можетъ быть сильнѣе добродѣтели; что бѣды и напасти суть тоже для добродѣтели, что облака для дневнаго свѣтила? Сколь тягостна должна быть добродѣтель этой секты, поставляющей оную въ опверженіи всѣхъ удовольствій и въ перенесеніи равнодушно печалей! Равномѣрно можно ли полюбить, безъ нѣкотораго усилія, добродѣтель такъ, какъ ее опредѣляетъ *Платонъ* и многіе другіе, которые, не объяснивъ обстоятельно, что такое добродѣтель, говорятъ, что никогда не слѣдуетъ оставлять пути ея, хотя бы и самый вредъ могъ произойти отъ того? Какой смыслъ заключаетъ въ себѣ слѣдующее изложеніе? „О добродѣтель, достойнѣйшій предметъ трудовъ человѣческихъ, (говоритъ *Аристотель* въ своемъ Гимнѣ,) — о добродѣтель, величайшее благо, какое можетъ только пріобрести человѣкъ! красота твоя, ни съ чемъ несравненная, заставляетъ и на самую смерть взирать хладнокровно; ты наполняешь сердце блаженствомъ, превышающимъ злато, блескомъ своимъ и сонъ своею сладостію; ты подкрѣпляла мужество Геркулеса во время его гоненій; Аяксъ и Ахиллесъ тебѣ пожертвовали своею жизнію; ты побудила дѣтей Леды къ предпріятіямъ великимъ. Музы воспѣваютъ хвалы тому, кто посвятилъ те-

бѣ дни жизни своей!" — Прочтя это поэтическое описаніе, чувствуете ли себя лучше? Можете ли объяснить себѣ опредѣлительно, что̀ такое добродѣтель? Если бы мой портной наизустъ затвердилъ всѣ сіи изреченія, могу ли я быть увѣренъ, что онъ не ушаитъ у меня поларшина сукна моего?

Сдѣлаемъ еще вопросъ: нужно ли, чтобы сдѣлаться добрымъ гражданиномъ, вѣрнымъ другомъ, человѣкомъ щедрымъ и благодѣтельнымъ — пускаться въ лабиринтъ Метафизики, чтобы ощупью отыскивать между громадами мнѣній и противорѣчій обязанности наши и правила, коими должны мы руководствоваться на пути жизни? Пожелаемъ, чтобы всѣ люди были добродѣтельны; но невозможно, чтобы всѣ они имѣли одинаковую степень разсудка; слѣдственно основывать нравственность на высокихъ умствованіяхъ — есть тоже, что предоставить право быть добродѣтельнымъ нѣкоторымъ людямъ съ разумѣніемъ высшимъ, оставляя большую часть человѣческаго рода на жертву пагубнымъ ихъ заблужденіямъ. Съ людьми просвѣщенными разсуждать можно; потому что они, будучи способны поддерживать связь въ своихъ разсужденіяхъ, не увлекутся въ противную сторону и не исказятъ тѣмъ настоя-

щей истины. Но съ людьми обыкновеннаго понятія, всегда опасно входить въ разсужденіе о нравственности, чтобы неподать имъ способа употребить во зло приводимыя вами доказательства. Чтобъ сообщить легчайшимъ образомъ всѣмъ людямъ вообще понятія о нравственности, гораздо лучше — дѣйствовать на чувства ихъ, нежели на разумъ: всѣ люди имѣютъ чувства; но весьма немногіе могутъ разсуждать. Чувства рѣдко насъ обманываютъ; разумъ же часто вводитъ насъ въ заблужденіе.

Желаете ли поощрить людей къ добру? Опишите человѣка дурнаго сильными и ему приличными красками. Представьте всѣ тѣ униженія, коимъ подвергается лжецъ, потерявшій низкими изворотами своими всякое довѣріе. Опишите клеветника презрѣннымъ во всякомъ сословіи; человѣка жестокосердаго, криводушнаго, развратнаго — лишеннымъ друзей, лучшаго блага жизни нашей, оставленнымъ на произволъ гнусныхъ страстей своихъ, единственныхъ спутницъ его. Откройте людямъ истинныя ихъ выгоды, состоящія въ непремѣнномъ постоянномъ благодѣяніи: и вы откроете имъ путь къ добродѣтели. Увѣрьтесь, что одна добродѣтель составляетъ наше настоящее благо, что истинное средство быть счастливымъ и пріоб-

рѣсть непремѣнную и постолнную для себя пользу — есть содѣлаться человѣкомъ добродѣтельнымъ. Разсмотрите всѣ случаи жизни нашей, всѣ дѣянія человѣка: и вы, разсуждая внимательно, найдете, что для сего достаточно будетъ внушать понятіе о добротѣ, великодушіи, признательности, состраданіи и человѣколюбіи.

Нравоучительный писатель долженъ объяснять истинныя выгоды людей; ибо какимъ образомъ можно вселить въ нихъ добродѣтель, находящуюся въ противоположности съ ихъ существенною пользою? Подобнаго практическаго нравоученія, дѣйствующаго, такъ сказать, на чувствованія наши, мы еще не имѣемъ.

Мы блуждаемъ посреди различныхъ мнѣній. Горе намъ, если мы, дабы содѣлаться добрыми, будемъ имѣть нужду въ силлогизмахъ! Горе намъ, если длинныя и систематическія разсужденія потребны для насъ будутъ, чтобы сдѣлаться намъ ревностными гражданами, чувствительными и честными! Хорошая Трагедія, хорошій нравоучительный романъ скорѣе могутъ улучшить сердце наше: и хотя сей родъ сочиненій не пользуется надлежащею славою, но я всегда скажу, что онъ есть лучшій для образованія сердца и ума человѣческаго. *Мольеровы* Комедіи скорѣе могутъ сдѣлать

насъ честными и обходительными, нежели всѣ книги, наполненныя сухими, систематическими и вовсе неубѣждающими правилами нравственности. Желательно, чтобы въ подобныхъ сочиненіяхъ вредныя слѣдствія пороковъ и польза, проистекающая отъ добродѣтели, были описаны живѣйшими красками: тогда не будетъ человѣка, который бы не понялъ своей выгоды; ибо каждый человѣкъ имѣетъ сердце и чувства: и хотя воспитаніе и различный образъ мыслей могутъ иногда заглушить отчасти сіи послѣднія, однако не до такой степени, чтобы Философъ, знающій изгибы человѣческаго сердца, не могъ вновь возбудить ихъ. Даже самое простое разсужденіе заставитъ насъ содѣлаться лучшими, когда мы постигнемъ выгоду быть таковыми, и невыгоду остаться въ порочномъ состояніи. Но если вы къ разсудку не присоедините чувствительности; если не воспользуетесь тѣмъ сердечнымъ ощущеніемъ, которое болѣе или менѣе всякой человѣкъ заключаетъ въ себѣ; если правила ваши не будутъ имѣть основаніемъ тѣхъ влеченій душевныхъ, тѣхъ чувствъ состраданія, коими каждый одаренъ по мѣрѣ своей: то вы никогда не пріумножите числа людей добродѣтельныхъ. Отнимите у человѣка чувство состраданія, отнимите любовь къ самому себѣ, и тогда

на чемъ вы утвердите, говоря просто, вашу нравственную Философію? Сіи-то два начала образуютъ основаніе нравоученія; а всѣ прочія качества непосредственно проистекаютъ отъ нихъ.

Щедрость, человѣколюбіе, любовь къ правдивости и всѣ прочія высокія добродѣтели имѣютъ основаніемъ чувство состраданія. Говоря просто о сихъ качествахъ, вы немногимъ усилите чувство сіе въ такомъ человѣкѣ, который, по несчастію, мало его имѣетъ. Можетъ быть, мало по-малу и тронете его сердце; но дѣйствіе сіе не будетъ продолжительно: потому что сіи скоропроходящія чувствованія не оставляютъ по себѣ глубокихъ впечатлѣній. Гораздо больше успѣете, когда представите ему въ живыхъ краскахъ выгоды добродѣтели и дурныя слѣдствія пороковъ; когда будете стараться соединить, сколько можно, тѣснѣе, благоденствіе съ понятіемъ о добродѣтели, и бѣдствіе съ понятіемъ о порокѣ. Не стоитъ большаго труда доказать, что во всѣхъ сословіяхъ, начиная съ самаго низшаго и до самаго высшаго, справедливость, добросердечіе, признательность приносятъ каждому изъ нихъ существенную пользу. — Пусть узнаетъ ремесленникъ изъ нравственныхъ поученій, какъ умножатся выгоды его малой промышленности, когда онъ рев-

ностнымъ исполненіемъ дѣлаемыхъ ему порученій заслужитъ общее довѣріе; пусть узнаетъ также онъ и все зло, какъ то: общее недовѣріе и наконецъ совершенное разореніе, непремѣнное слѣдствіе предположеній основанныхъ на обманѣ. При семъ смѣло можно сказать, говоря о сословіи торговцевъ, что всѣ добродѣтели его заключаются въ пріобрѣтеніи таковаго довѣрія, и что въ тѣхъ государствахъ, гдѣ торговля процвѣтаетъ, добродѣтель сія должна находиться въ высочайшей степени, безъ которой и обширная торговля никакъ существовать не можетъ. Равномѣрно и прочія сословія имѣютъ также свои преимущественныя качества.

Никогда предметъ не можетъ унизить слога нравоучительнаго: не пренебрегайте ни однимъ сословіемъ; (чит. Ч. I, стр. 270) всѣ люди достойны вниманія ученаго писателя; таковыя поученія не требуютъ слога напыщеннаго: старайтесь быть понятными для каждаго; не оставляйте ни малѣйшихъ подробностей; научайте, а не витійствуйте. Нравственность есть принадлежность каждаго человѣка. Не будемъ краснорѣчивы; но пріумножимъ число людей добродѣтельныхъ. Гораздо меньше сдѣлаетъ добра тотъ, кто опредѣлитъ общія правила нравственности, нежели тотъ, кто приспособитъ

ихъ ко всѣмъ даже мелочнымъ случаямъ. Желая показать отцу семейства обязанности его, скажите ему, что истинная польза его—заслужить любовь своего семейства, и научите его, какимъ способомъ онъ можетъ дойти до сего. Пусть узнаетъ онъ, что собственная его выгода заключается въ томъ, чтобы семейство свое дѣлать счастливымъ; что, будучи главою его, онъ служитъ для всѣхъ примѣромъ; что отъ него жена научается быть и нѣжною супругою и доброю матерью, дѣти быть добрыми гражданами и хорошими семьянинами. Не витійствуйте, но убѣждайте! Опишите счастіе семейства, въ коемъ отецъ, мать, дѣти, мужъ, жена, всѣ—друзья между собою; всѣ единодушно стараются способствовать общему согласію и благоденствію. Объясните обязанности каждаго изъ нихъ въ своемъ отношеніи; объясните вредныя слѣдствія, происходящія отъ ложныхъ понятій, кои большая часть людей имѣетъ о должностяхъ семейственныхъ. Опишите также несчастное семейство, надъ коимъ раздоръ потрясаетъ свой адскій пламенникъ, въ коемъ злоба и ревность основали пребываніе свое, въ коемъ тысяча разныхъ страстей замѣняетъ доброту и чистосердечіе, и поставьте его на ряду съ семействомъ добродѣтельнымъ, отличающимся

чистотою нравовъ своихъ и крѣпко соединеннымъ семейными узами: и вы увидите, найдется ли хотя одинъ человѣкъ, на котораго бъ таковое сравненіе не подѣйствовало.

Поселите въ судьѣ любовь къ правосудію и безкорыстію, и старайтесь къ тому убѣдить его. Пусть увидитъ онъ, какими бѣдствіями сопровождаются лицепріятіе и лихоимство. Потеря чести и уваженія, общее презрѣніе: вотъ удѣлъ, ожидающій его, когда онъ имъ послѣдуетъ; — званіе, до коего старался онъ достигнуть, чтобы поставить себя выше другихъ людей, и которое, чѣмъ важнѣе, тѣмъ болѣе заключаетъ въ себѣ отвѣтственности, будучи имъ унижено, принесетъ ему единственно стыдъ и поношеніе. Пусть узнаетъ онъ, что никогда порочный человѣкъ не можетъ имѣть надлежащей смѣлости, и что благородная твердость души необходима въ такомъ званіи, которое со всѣхъ сторонъ подвержено нападкамъ людей, никогда непрощающихъ превосходства другихъ надъ ними.

Желаете ли показать ученому человѣку его обязанности: скажите ему, что злословіе и острота, сопряженныя со вредомъ ближнему, помрачаютъ даже самую блестящую славу; но скромность и простота, присоединенныя къ высокимъ даро-

ваніямъ, придаютъ имъ еще болѣе блеска и уваженія.

Разсмотрите другія сословія, придерживаясь всегда одного правила и стараясь согласовать языкъ сердца съ голосомъ разсудка: симъ средствомъ вы больше будете имѣть возможности убѣдить въ желаемыхъ вами истинахъ. Я говорю о сихъ добродѣтеляхъ просто; но прочія высшаго рода добродѣтели требуютъ разсужденій, болѣе возвышенныхъ. Говоря здѣсь о нравственныхъ добродѣтеляхъ, я касался только тѣхъ, коимъ причастны всѣ люди вообще, разбирая, могутъ ли они слѣдовать имъ, не будучи побуждаемы къ тому причинами еще большей важности. Если жъ простая человѣческая Философія можетъ внушить таковыя добродѣтели, то сколь умножится сила убѣжденій, когда они почерпнуты будутъ изъ источника, Христіанскою религіею намъ открываемаго!

При подробномъ разборѣ человѣческихъ дѣяній, встрѣтиться можетъ, что въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ быть добрымъ человѣкомъ не всегда, по видимому, бываетъ полезно для насъ самихъ. Въ такомъ случаѣ просвѣщенный писатель долженъ опустить завѣсу на сіе исключеніе изъ общаго правила, чтобы не подать повода людямъ основывать своихъ заключеній на особенныхъ

случаяхъ, и считать полезнымъ зло потому только, что дѣланіе добра иногда кажется вредно. Благо человѣчества требуетъ, чтобы сіи ужасныя противорѣчія, происходящія болѣе отъ неосновательности сужденій, остались навсегда погребены во мракѣ неизвѣстности. Однако жъ сказанное не можетъ помѣшать намъ изслѣдовать здравымъ разсужденіемъ многіе изъ таковыхъ случаевъ. Пороки вообще суть черви, подтачивающіе основаніе общества; добродѣтель же, поддерживая его, приноситъ пользу всѣмъ людямъ. Изъ этого слѣдуетъ, что всякій человѣкъ имѣетъ болѣе существенной выгоды быть добродѣтельнымъ, нежели порочнымъ. Начиная отъ смертоубійства до малѣйшей лжи, очевидно представляется, что наша непремѣнная польза требуетъ не быть убійцами, не быть и лжецами: убійцу наказываютъ законы, предавая его казни, сопряженной съ мученіемъ, болѣе или менѣе равняющимся варварскому удовольствію — убивать себѣ подобныхъ; слѣдствіемъ же лжи бываетъ недовѣріе, посмѣяніе, презрѣніе, зло, которое далеко не вознаграждается пользою, которой отъ порока сего лжецы ожидаютъ. Не нужно быть Философомъ, чтобы въ семъ увѣриться. Таковыя примѣчанія понятны для каждаго.

Возьмите, изъ какого угодно сословія, человѣка счастливаго: и найдете, что счастливъ только тотъ, кто постигнулъ существенную пользу свою и снискалъ добродѣтели, нужныя въ званіи, занимаемомъ имъ въ обществѣ. Какой человѣкъ вообще счастливѣе? Клеветникъ ли, неблагодарный, завистливый, злобный, вѣроломный, криводушный, невѣжливый, грубый, строптивый, гордый, или добрый, простодушный, справедливый, ласковый, кроткій, честный, человѣколюбивый, скромный? Возьми вѣсы, взвѣсь хладнокровно порокъ и добродѣтель: и увидишь, сколь много перетянетъ послѣдняя. Ты спрашиваешь: что есть добродѣтель? Я отвѣчаю: добродѣтель есть рядъ дѣяній, содѣлывающихъ тебя постоянно счастливымъ. — Ты спросишь, что̀ есть порокъ? Я скажу: рядъ дѣяній, кои непремѣнно тебя дѣлаютъ несчастнымъ.

Пороки проистекаютъ больше отъ невѣжества, нежели отъ наклонности. Страсти наши представляютъ намъ все въ превратномъ видѣ. Счастливъ тотъ, кто умѣетъ исчислить подробно выгоды, или невыгоды, могущія произойти отъ нашихъ поступковъ; но обыкновенное человѣческое разумѣніе не имѣетъ столько силы, чтобы обнять всѣ части вообще и извлечь изъ нихъ нравоучительныя для себя правила. Люди боль-

шею частію понимаютъ только то, что обстоятельства, или случай имъ представляютъ, отъ чего весьма часто раскаяніе слѣдуетъ за сими худо избранными правилами. Писатель, который откроетъ намъ самыя дальнѣйшія слѣдствія поступковъ нашихъ, и изслѣдуетъ подробно всѣ дѣянія жизни нашей, избавитъ общество отъ многихъ золъ, единственно отъ невѣжества происходящихъ. Пріучая такимъ образомъ людей къ понятію о первоначальномъ основаніи нравственности, превосходную науку быть честнымъ человѣкомъ и добрымъ гражданиномъ, по убѣжденію собственнаго своего разсудка, можно сдѣлать общею для каждаго. Я говорю по *убѣжденію*, то есть, по правиламъ, ясно опредѣленнымъ. Тогда понятія о добродѣтели и о порокѣ, будучи основаны на простыхъ и весьма немногихъ силлогизмахъ, не будутъ, какъ теперь, смѣшены и не ясны. Средствомъ симъ люди могутъ весьма легко сдѣлаться добродѣтельными; потому что правила нравственности, почерпнутыя изъ природы и сердца человѣческаго, сдѣлаютъ болѣе впечатлѣнія, нежели всѣ холодныя умственныя разсужденія, исполненныя неопредѣлительныхъ выраженій. Правда, что несовершенства, встрѣчающіяся во всѣхъ людскихъ сословіяхъ, происшекающія или отъ слабо-

сти человѣческой, или почти неодолимыхъ заблужденій, могутъ иногда произвести противорѣчія въ обязанностяхъ нашихъ, которыя затруднятъ даже самаго ученаго человѣка; но таковые случаи столь рѣдки, что никакъ не могутъ вредить составу нравственной системы. Очень достаточно будетъ для блага людей, если главныя и обыкновенныя правила, коими слѣдуетъ намъ руководствоваться въ жизни, опредѣлительно объяснены будутъ.

Древніе основывали свои нравственныя ученія на высокихъ и разительныхъ примѣрахъ. У нихъ все было высоко: добродѣтели ихъ были особеннаго рода, разсужденія ихъ были исполнены поэтическаго восторга; въ нашихъ времена напротивъ, вся нравственность заключается въ одномъ какомъ-то строгомъ изслѣдованіи. Можетъ быть, какъ тотъ, такъ и другой способъ равно несовершенны. Ученіе древнихъ образовало гордыхъ Стоиковъ, людей великихъ и, такъ сказать, энтузіастовъ добродѣтели: но, чтобы быть такими, нужно было имѣть особенную твердость духа, которая не есть общій удѣлъ всѣхъ людей; нравственность же должна быть равною принадлежностью каждаго. Между тѣмъ холодныя разсужденія писателей нашего времени имѣютъ то неудобство, что заставляютъ

людей дѣйствовать вопреки собственныхъ чувствъ своихъ, пріучая ихъ разбирать свои поступки по математическому размѣру. Это средство не истребитъ ли тѣхъ чувствъ сердечныхъ, чувствъ, которыя, взяты будучи въ совокупности, составляютъ наше блаженство; но которыя, будучи разбираемы по одиначкѣ, ни какъ не устоятъ противъ холодныхъ умствованій? Кто ни когда не былъ обманутъ сердечнымъ своимъ влеченіемъ, тотъ конечно не будетъ никогда жертвою своей чувствительности, не будетъ обманутъ неблагодарнымъ другомъ, не будетъ раскаяваться въ любви къ предмету недостойному, не будетъ проклинать той минуты, въ которую предался сладостнымъ своимъ мечтаніямъ; но, за то, никогда не насладится онъ, хотя временно, неизъяснимыми удовольствіями, сопряженными съ чувствами дружества, состраданія и всѣми восхитительными ощущеніями сердца нѣжнаго. Холодные умствователи, защитите себя отъ горестей, часто отъ чувствительности истекающихъ; но, вмѣстѣ съ симъ, лишитесь также и очаровательныхъ ея восторговъ! Если вы, по несчастію, рѣшились холоднымъ и систематическимъ разсужденіемъ отыскивать добродѣтель, то обратите взоры на сего человѣка, коварнаго, злобнаго,

криводушнаго, но окруженнаго блескомъ Философіи: какую пользу принесла она ему? Позоръ и презрѣніе: вотъ его стяжаніе! Заключимъ теперь, чѣмъ ближе станутъ люди постигать истинную пользу свою, тѣмъ скорѣе они содѣлаются добрыми и человѣколюбивыми; и чѣмъ болѣе понятія ихъ о добрѣ будутъ запутаны, тѣмъ больше они останутся невѣждами, злобными и слѣдственно несчастными. Блаженно будетъ то время, когда всѣ люди узнаютъ пути, ведущіе къ пороку: тогда-то истинно никто не будетъ желать оными слѣдовать. Люди тогда только могутъ сдѣлаться лучшими, когда познаютъ невыгоду быть порочными. Счастливъ будетъ тотъ вѣкъ, въ который люди злые останутся въ презрѣніи; но еще счастливѣе тотъ, въ которой они будутъ въ посмѣяніи.

Истинный Философъ не долженъ ни слишкомъ возвышать, ни слишкомъ унижать въ своемъ мнѣніи какое-либо званіе. Онъ долженъ наслаждаться удовольствіями жизни, не будучи ихъ рабомъ: богатствомъ, не прилѣпляясь къ оному, почестями — безъ гордости и хвастовства. Онъ долженъ претерпѣвать несчастія безъ боязни и безъ надменности; почитать ненужнымъ все то, чего не имѣетъ, и достаточнымъ все, что имѣетъ.

Философія питаетъ душу умнаго человѣка, даетъ направленіе его разсудку, укрощаетъ страсти, и смиряетъ его гордость, которая есть источникъ всѣхъ заблужденій. Истинный Философъ есть смиреннѣйшій изъ смертныхъ: обширныя свѣдѣнія не заставляютъ его превозноситься: онъ такъ близко видѣлъ Премудрость вѣчную, что убѣдился въ ничтожности своихъ знаній.

Философія открываетъ многое человѣку, когда душа напитана религіею.

(*Лактанцій.*)

ФРАНКЪ-МАСОНСКІЯ *общества.*

Смѣло можно сказать, что отъ сихъ-то обществъ по большей части произошли пагубныя понятія о независимости, подъ пышнымъ предлогомъ привести все человѣчество къ невозможному равенству.

ХВАСТОВСТВО, *похвальба.*

Нѣкоторый путешественникъ разсказывалъ, что — онъ съ своимъ слугою гналъ 50 человѣкъ Арабовъ; но какъ онъ примѣтилъ, что сему весьма удивлялись и никто не вѣрилъ, то сказалъ онъ: *это небольшая диковинка, мы ихъ гнали за собою.*

Одинъ же путешественникъ разсказывалъ, что онъ объѣздилъ всѣ части Свѣта, и изъ всѣхъ рѣдкостей, какія онъ видалъ

въ разныхъ мѣстахъ, нашелъ одну такую, о которой ни одинъ Писатель не упоминаетъ. Сіе чудо, по его мнѣнію, былъ капустной кочень, столь большой, что подъ однимъ только его листомъ 50 человѣкъ вооруженной конницы могутъ установиться въ боевой порядокъ и дѣйствовать, не мѣшая одинъ другому. Нѣкто, слышавшій это, почелъ сіи разсказы недостойными никакого возраженія, и со всею скромностью сказалъ ему, что „онъ также странствовалъ и доходилъ до Японіи, гдѣ съ удивленіемъ видѣлъ болѣе 500 человѣкъ мѣдниковъ, работающихъ около одного большаго котла; а 500 человѣкъ стояли внутри и его полировали.“ „Къ чему жъ бы могъ служить такой ужасный котелъ?“ спросилъ путешественникъ. *Къ тому*, отвѣтствовалъ первый, *чтобы варить въ немъ тотъ капустной кочень, о которомъ вы теперь намъ разсказывали.*

ХИТРОСТЬ, *уловка, ухищреніе, пронырливость.*

Тотъ уже не хитрый, о комъ всѣ говорятъ, что онъ хитрый человѣкъ.

(Суворовъ.)

Англичанинъ *Буттлеръ*, извѣстный по своему остроумію, заѣхалъ однажды зимою въ нѣкоторый трактиръ, гдѣ уже было

много гостей, которые сидѣли вокругъ пылавшагося камина и разговаривали между собою, не обращая вниманія на прибывшаго незнакомца, дрожавшаго отъ холоду. „*Эй! человѣкъ!* вскричалъ Буттлеръ, *отнеси моей лошади блюдо устрицъ.*“ Четверку овса! хотѣли вы сказать, сударь? отвѣчалъ слуга. — „*Я знаю, что говорю*, возразилъ Буттлеръ съ гнѣвомъ: *не овса, а устрицъ дай моей лошади.*“ Слуга пошелъ, и гости, сидѣвшіе около камина, оставили комнату одинъ за однимъ, желая видѣть чудную лошадь, которая ѣла устрицъ. Между тѣмъ Буттлеръ садится къ камину и грѣется. Вскорѣ послѣ сего слуга возвращается назадъ, а съ нимъ вмѣстѣ пришли и любопытные гости. „*Милостивый государь!* сказалъ первый, — *ваша лошадь не ѣстъ устрицъ.*“ — „*Хорошо*—отвѣчалъ Буттлеръ, *такъ насыпь ей овса, а устрицъ-та подай мнѣ, ужь я справлюсь съ ними!*“

ХИЩЕНІЕ, *воровство, кража.*

Похищеніе чужой собственности противно всѣмъ законамъ и естественному порядку: оно нарушаетъ общественную безопасность, и человѣкъ, преданный сему гнусному пороку, не можетъ быть терпимъ въ обществѣ, и возбуждаетъ къ себѣ презрѣ-

ніе всѣхъ честныхъ людей. Зло, проистекающее отъ сего порока, состоитъ въ презрѣніи, уничиженіи, строгости законовъ, и въ судѣ общаго мнѣнія. Всѣ презираютъ вора и бѣгаютъ отъ него какъ отъ чумы.

ХОЗЯЙСТВО, *домоводство, домовитость.*

Если человѣкъ не имѣетъ большаго достатка, то скупость его не можетъ быть предосудительна: ибо не меньше похвалы и въ томъ, чтобъ нажитое сохранить, какъ и нажить. Добраго хозяина почитаютъ всегда благоразумнымъ, и кто по счастію одаренъ такимъ качествомъ, тому не можно обойтись безъ нѣкоторой скупости; а безъ того — прощай и домоводство. *Меценатъ,* говоря Августу о способахъ къ стяжанію имѣнія, сказалъ, что должно радоваться не столько многимъ доходамъ, сколько малымъ расходамъ. Но хотя домоводство и почитаютъ добродѣтелью; однако жъ надобно согласиться, что оно можетъ быть весьма смежно съ сребролюбіемъ; гдѣ хозяйство, тамъ обыкновенно близко и любостяжаніе. Примѣчено, что дѣти, кои рановременно бываютъ домовиты, съ лѣтами дѣлаются сребролюбивы, и что человѣкъ съ бережли-

востью не старѣе двадцати лѣтъ, достигши 30-лѣтняго возраста, часто и за собственнымъ своимъ столомъ жалѣетъ наѣдаться досыта. Впрочемъ кажется, хозяйство, означая дѣйствіе ума, предоставлено совершеннымъ лѣтамъ; а потому и находится только въ старикахъ и въ тѣхъ женщинахъ, которыя будучи подвержены безпричиннымъ страхамъ, боятся современемъ недостатка, какъ въ изобиліи, такъ и въ самой нуждѣ.

Доброе хозяйство есть средина между расточительностью и скупостью, и должно стоять такъ твердо, чтобъ не клониться ни къ той сторонѣ, ни къ другой. И такъ не меньше надобно разума въ поведеніи, сколько знанія въ домоводствѣ; а сіи два свойства рѣдко случаются вмѣстѣ. Разсматривая въ тонкостяхъ добрыхъ хозяевъ моего вѣка, вижу многихъ изъ нихъ порабощенными самому гнусному сребролюбію. Человѣкъ склонный къ вину, сдѣлается современемъ пьяницею; любострастный — преданнымъ женскому полу; равномѣрно кто не щедръ, тотъ со-временемъ будетъ любить всячески пріобрѣтать; не преминетъ употреблять и всякіе происки для накопленія.

Хвала добродѣтельной женщинѣ, которая, посвящая свое время хозяйству, а не

льстивымъ приманкамъ Свѣта, водворяетъ въ домѣ своемъ порядокъ и благоустройство, и выполняетъ во всей полнотѣ обязанности супруги и матери! Миръ и обиліе утверждаются навсегда въ небольшомъ ея владѣніи; тамъ всѣ дни ясны — и, между тѣмъ какъ большая часть женщинъ непрестанно отравляютъ жизнь свою снѣдающими безпокойствами, обыкновеннымъ слѣдствіемъ пышныхъ, шумныхъ обществъ, скромная мать своего семейства, счастливая его благодѣяніемъ, находитъ сладчайшую награду въ сердцѣ своего супруга и въ ласкахъ дѣтей своихъ.

Ничто такъ много не способствуетъ бережливости, какъ чистота и порядокъ, чтобъ имѣть всегда всякую вещь на своемъ мѣстѣ. Сіе правило почти ничего не значитъ; однако оно приноситъ великую пользу, если строго и въ точности будетъ наблюдаемо: имѣете ли нужду въ какой-нибудь вещи, вы не теряете никогда ни одной минуты, чтобъ ее искать; нѣтъ ни замѣшательствъ, ни споровъ, ни остановокъ, ни затрудненій, когда въ сей вещи имѣете нужду; вы тотчасъ ее находите, и когда она вамъ уже не нужна, то въ ту жъ минуту кладете ее на то же мѣсто, гдѣ вы взяли ее. Сей необходимый порядокъ производитъ чистоту и опрятность. Безъ

сего устройства многіе теряютъ много времени, искавши какую-либо вещь, выходятъ изъ терпѣнія, сердятся, особенно когда вовсе не найдутъ нужнаго.

Многіе разоряются болѣе пустыми издержками, отъ небережливости, нежели отъ большихъ расходовъ. Кто умѣетъ въ пользу употребить малыя вещи, тотъ пріобрѣтетъ достаточное имѣніе. Всѣ большія вещи составляются изъ малыхъ, кои рачительно собираются. Кто ничего не теряетъ, тотъ скоро разбогатѣетъ.

Доброе хозяйство есть одна изъ необходимыхъ потребностей для супружескаго счастія. И потому болѣе всего должны мы стараться — быть свободны отъ расточительности, и пріучаться къ хозяйственной бережливости. Человѣку одинакому все легко переносить — нужду, недостатокъ, униженіе, пренебреженіе; весь свѣтъ ему открытъ, лишь бы имѣлъ онъ здоровыя руки; ему нѣчего покидать, онъ легко можетъ пропитать себя трудами рукъ своихъ. Но когда худое хозяйство повергаетъ въ нищету мужа и отца; когда взоры его обращаются на семейство, требующее отъ него пищи, воспитанія, удовольствій; когда онъ часто не знаетъ, гдѣ на-завтра достать кусокъ хлѣба, пріобрѣсть столько, чтобъ одѣть полуобнаженныхъ взрослыхъ

дочерей своихъ; или когда его честь, выгода, обезпеченіе состоянія дѣтей его, зависятъ отъ того, чтобъ онъ съ семействомъ своимъ принялъ пристойную, даже блестящую наружность, и онъ ни къ чему тому не имѣетъ способовъ; когда столовое серебро, заложенное у ростовщика, долженъ онъ занимать на одинъ обѣдъ, для угощенія приглашенныхъ людей, между тѣмъ, какъ въ прихожей дожидается человѣкъ, чтобъ тотчасъ послѣ стола взять оное обратно; когда заимодавцы и стряпчіе тѣснятъ его отвсюду, и жадные ростовщики опустошаютъ и безъ того ужѣ тощій его кошелекъ: тогда уныніе, болѣзни тѣлесныя и душевныя терзаютъ его; несчастный повергается въ отчаяніе, хочетъ заглушить его и впадаетъ въ распутство; внутренно терзается угрызеніями совѣсти; извнѣ преслѣдуютъ его жестокія укоризны жены; вопль дѣтей пробуждаетъ его отъ ужаснаго сна; презрѣніе, съ коимъ взираютъ на него знатные и богатые, погашаетъ послѣдній лучъ надежды; мужество и отрада исчезаютъ; друзья удаляются; адская улыбка враговъ и завистниковъ потрясаетъ каждый нервъ его, и—въ семъ-то ужасномъ положеніи исчезаетъ и самая тѣнь семейственнаго счастія.

Хозяйство предохраняетъ отъ бѣдности.

ХРАБРОСТЬ, *доблесть.*

Смерть, или побѣда, есть удѣлъ людей храбрыхъ.

Древніе съ довольною точностію дѣлали опредѣленіе храбрости, называя ее добродѣтелью, вступающеюся за справедливость. Въ самомъ дѣлѣ, одна глупость будетъ желать грома въ тихую погоду; употреблять же всѣ средства противъ наступившей бури приличнó мудрому человѣку. Когда обстоятельства и необходимость требуютъ, должно жертвовать самимъ собою и предпочитать смерть постыдной жизни. Послѣ сильнаго разбитія Персовъ на Маратонскомъ сраженіи, въ коемъ командовалъ *Мильтіадъ*, и преслѣдуя оныхъ до флота ихъ, *Сицежирб*, Аѳинскій воинъ, ухватился правою рукой за одно изъ судовъ, наполненныхъ бѣгущими, и не выпускалъ оное, пока ему руку отрубили; тутъ взялся онъ лѣвою, и, потерявши также и сію, уцѣпился за судно зубами. Удивительно въ храбрости сего человѣка то, что таковое пораженіе его не устрашило, и что — потерявъ обѣ руки, онъ не оробѣлъ, но наконецъ прибѣгнулъ къ оружію, отъ природы къ употребленію сему не назначенному!

1770 года Іюля 20, нашъ герой, Графъ Петръ Александровичъ *Румянцовъ* - Задунай-

скій, примѣтя движенія въ лагерѣ Турецкомъ при Кагулѣ, обратился къ своимъ Генераламъ и сказалъ: „Если Турки осмѣляпся въ семъ мѣстѣ разбить хотя одну свою палатку, то я въ эту жъ ночь сниму ее.“ Въ слѣдствіе чего на 21-е число, въ часъ по полуночи, и пошелъ онъ съ арміею, изъ 17,000 человѣкъ состоявшею, на Визиря Галиль-Бея, имѣвшаго около 150,000 Турокъ (и кромѣ сего было 100,000 Татаръ при Ханѣ), разбилъ сіе ополченіе, взялъ весь лагерь, обозъ и 140 пушекъ. — Сей герой не спрашивалъ о числѣ непріятеля, но только: гдѣ онъ?

Сраженіе Моргартенское (въ 1315 году) столь же знаменито въ лѣтописяхъ Швейцаріи, сколько и битва при Термопилахъ, въ Греціи. Когда Швейцары сдѣлались независимыми отъ Австрійцевъ, во время царствованія Эрц-Герцога Албрехта, то сынъ его Леопольдъ, желая отмстить, предпріялъ поразить Швейцаровъ, предводительствуя 20-тысячною арміею. Швейцары ожидали его въ числѣ около 1500 человѣкъ при Моргартенѣ, и были гораздо счастливѣе, нежели Лакедемонцы при Термопилахъ, обративъ въ бѣгство всю многочисленную непріятельскую армію, и бросая на нихъ съ горъ великое множество камней, подъ которыми погибло не мало Австрійцевъ.

Въ упорнѣйшемъ сраженіи при деревнѣ *Арколе* (15, 16, 17 Ноября 1796), Французскій Генералъ *Ожеро* оказалъ великіе знаки своей неустрашимости: авангардъ его сражался съ Австрійцами цѣлый день, не могши перейти мостъ, построенный на рвахъ и защищаемый страшною артиллеріею; всѣ Генералы стремились впереди своихъ войскъ; но стрѣльба мушкетеровъ и пушекъ Австрійскихъ останавливала солдатъ; *Ожеро*, пылавшій нетерпѣніемъ превозмочь непріятеля, схватываетъ знамя, бросается къ мосту, не смотря на жесточайшую пальбу Австрійцевъ, призываетъ своихъ воиновъ и словами и тѣлодвиженіями: но его геройскій примѣръ не возбуждаетъ отважности въ солдатахъ его, ибо совсѣмъ не было возможности перейти тотъ ужасный мостъ. Арколе держался противъ многихъ атакъ. Тутъ *Наполеонъ Бонапарте* (*), чтобъ возбудить бодрость въ войскѣ своемъ, которое колебалось, захотѣлъ лично извѣдать послѣднее усиліе: слѣзаетъ съ лошади, — схватилъ знамя и — воскликнувъ: *слѣдуйте за вашимъ Генераломъ!* — взбѣжалъ на мостъ и поставилъ его тамъ. Колонна гренадеръ, которою онъ командовалъ, взошла уже на половину моста, когда фланговый ужасный огонь

(*) Въ это время бывшій отъ роду 26-ти лѣтъ.

и прибытіе свѣжей непріятельской дивизіи помѣшали сей атакѣ; передовые гренадеры, оставленные хвостомъ колонны, пріостановились; но, бывъ увлечены бѣгущими, не хотѣли разстаться съ своимъ Генераломъ: схватили его за руки, за платье и потащили сквозь дымъ — по трупамъ и раненымъ; но—его сполкнули въ болото, подъ выстрѣлами непріятеля, гдѣ онъ увязъ до поясницы, и былъ среди непріятелей: гренадеры, увидѣвъ своего Генерала, юнаго сего героя, въ опасности, вскрикнули: *солдаты! впередъ на защиту Генерала!* И вмигъ сіи храбрѣйшіе люди бросились бѣгомъ на непріятеля, отпихнули его за мостъ, — и Наполеонъ былъ спасенъ: его извлекли, хотя и съ трудомъ. Ужасный день сей былъ ознаменованъ жертвами воинской доблести: *Ланнъ* прискакалъ изъ Милана, раненый при Говерноло и еще страждущій отъ раны; онъ сталъ между непріятелемъ и Наполеономъ, прикрылъ его своимъ тѣломъ, получилъ три раны, и все не хотѣлъ его оставить! *Мюиронъ*, Адъютантъ Главнокомандующаго, былъ убитъ, заслоняя собою своего Генерала. Смерть геройская и умилительная! *Бельяръ* и *Виньоль* были ранены, когда снова повели войска впередъ. Храбрый Генералъ *Роберъ* былъ убитъ: это былъ воинъ, закаленный въ бояхъ! — На другой

день опять битва при *Арколе* возобновилась, 75-й полкъ былъ разорванъ, — и другой Адъютантъ Главнокомандующаго, *Эллiо*, нашелъ также геройскую смерть. Но наконецъ мостъ былъ разрушенъ и — сраженіе выиграно, съ великимъ урономъ для Австрійцевъ.

ХРИСТІАНИНЪ ИСТИННЫЙ.

Нѣтъ ничего славнѣе и полезнѣе для человѣка, какъ быть христіаниномъ. Онъ есть членъ Іисуса Христа, сонаслѣдникъ съ Нимъ небеснаго царствія. Жизнь христіанина должна быть жизнь святая, чистая, безгрѣшная, исполненная добродѣтелей. Христіанинъ соблюдаетъ наставленія Іисуса Христа, выполняетъ Его правила. Евангеліе служитъ ему всегдашнимъ руководствомъ. Онъ любитъ Бога всѣмъ сердцемъ своимъ, всѣмъ духомъ своимъ, всѣми силами своими, всею душею своею, во всю свою жизнь. Онъ любитъ ближняго, какъ самаго себя. Уклоняется отъ зла и творитъ всякому благо.

Онъ умерщвляетъ свои страсти, свои похотѣнія мірскія. Онъ не живетъ въ роскоши, въ мнимыхъ удовольствіяхъ — по чувствамъ и по плоти.

Онъ взираетъ на себя, какъ на странника и путешественника.

Надѣется на Всевышняго, на Него единаго возлагая свое упованіе.

Живетъ благочестно и цѣломудренно.

Онъ пріуготовляетъ себя къ смерти честною жизнію, добрыми дѣлами; на Бога взирая, Ему приноситъ свои страданія, свои злоключенія. Во всемъ покоряется волѣ Божіей; приноситъ покаянія, сноситъ все и отъ всѣхъ терпѣливо.

Онъ съ каждымъ поступаетъ такъ, какъ самъ хочетъ, чтобы съ нимъ поступали; дѣлаетъ добро всѣмъ, и ни кому не причиняетъ ни досады, ни зла.

Сохраняетъ миръ, союзъ, любовь со всѣми. Прощаетъ врагамъ своимъ, дѣлаетъ имъ добро, молится за нихъ и за всѣхъ тѣхъ, которые причиняютъ ему досаду и оскорбленіе. Онъ кротокъ сердцемъ и по наружности, миролюбивъ, милостивъ, терпѣливъ, простосердеченъ, искрененъ, умѣренъ, трезвъ; удерживаетъ въ себѣ порывы гордости, самолюбія, гнѣва, неистовства, ненависти, зависти; во многомъ себѣ отказываетъ; не произноситъ словъ нечестивыхъ, лжи, клятвы; избѣгаетъ излишествъ споровъ, ссоръ, тяжебъ, роскоши.

Христіанинъ усматриваетъ во всѣхъ происшествіяхъ міра сего святую волю

Провидѣнія, и смиренно покоряется ей, шествуя твердо по пути добродѣтели.

Онъ увѣренъ, что государства процвѣтаютъ и благоденствуютъ добродѣтелями гражданъ, что нарушеніе Божіихъ и гражданскихъ законовъ влечетъ за собою гибель народовъ; вѣдаетъ, что не многочисленныя войска и сила оружія, но власть Божія и пламенная любовь къ отечеству воздвигли Марѳонскіе, Саламинскіе и Моргартенскіе трофеи, *) а въ наши времена водрузили Россійскія знамена на высотахъ Парижа.

Онъ становится лучшимъ въ своемъ сердцѣ и примиряется съ своею судьбою, познавъ изъ Исторіи народовъ, что вездѣ и во всѣ времена бѣдствія и страданія были удѣломъ рода человѣческаго. На пространномъ театрѣ Исторіи человѣчества нерѣдко злодѣянія играютъ блистательную роль, а истинная добродѣтель стонетъ въ оковахъ; порокъ часто является въ славѣ и красотѣ, а добродѣтель въ рубищѣ; Калигула и Карлъ IX на престолѣ, а *Сократъ* въ темницѣ; Вителлій пресыщается всѣми благами міра сего, а свѣтильники вѣры и Церкви Христовой томятся въ темницахъ отъ глада! — При таковыхъ зрѣлищахъ не смущается сердце его: вѣра въ Бога, надежда

*) О семъ чит.: Исторію Греціи и Швейцаріи.

на Его Провидѣніе и непоколебимая увѣренность, что истинная награда добродѣтели предоставлена въ другой, совершеннѣйшей жизни, подаютъ ему успокоеніе и отраду. Онъ увѣренъ въ той высокой истинѣ, что судьбы царствъ и народовъ содержатся въ рукѣ Божіей, и только по манію Провидѣнія раждаются царства, возрастаютъ и исчезаютъ въ океанѣ временъ.

Онъ увѣренъ, что высокій санъ не дѣлаетъ человѣка праведнымъ и святымъ; но токмо добродѣтельная жизнь дѣлаетъ человѣка любезнымъ Богу; и что истинная мудрость состоитъ въ презрѣніи суетъ мірскихъ и стремленіи къ царствію небесному; что все въ мірѣ семъ суета суетъ, кромѣ любви къ Богу и служенія Ему. Онъ увѣренъ въ сей истинѣ, что „не насытится око зрѣніемъ, не исполнится ухо слышаніемъ,“ — и что токмо тотъ истинно великъ, кто малъ въ глазахъ своего самолюбія и кто ни во что вмѣняетъ свѣтскія почести; тотъ истинно мудръ, кто все земное считаетъ за уметы, дабы Христа обрѣсти; тотъ истинно наученъ, кто творитъ волю Божію, и оставляетъ свою. Онъ знаетъ, что всякое неумѣренное желаніе ввергаетъ человѣка въ безпокойство, и что гордый и корыстолюбивый никогда не имѣетъ покоя; бѣдный

же и смиренный духомъ провождаетъ дни свои въ пріятной тишинѣ.

Онъ не надѣется на собственныя свои знанія, ни на искуство другихъ; но уповаетъ на благодать Всемогущаго, помогающаго смиреннымъ и унижающаго гордыхъ. Не превозносится ни богатствомъ, если имѣетъ оное, — ни друзьями, если они сильны; но полагаетъ всю славу свою въ Богѣ, Который все даруетъ; не тщеславится ни доблестью тѣла своего, ни красотою; ибо малѣйшій недугъ измѣняетъ ихъ и безобразитъ.

Онъ всегда употребляетъ время на пользу, убѣгаетъ праздности, трудится и проводитъ время въ упражненіяхъ душевныхъ или тѣлесныхъ.

Богатый Христіанинъ не прилѣпляется къ богатству, не дѣлается отъ него ни надменнымъ, ни честолюбивымъ; не одѣвается пышно; скромность и простота христіанская видны въ его одеждѣ, въ его домѣ, мебели, въ его столѣ. Онъ употребляетъ избытокъ на вспоможеніе бѣднымъ, на благотвореніе. Все вниманіе истиннаго христіанина устремлено на то, чтобъ раздѣлять алчущимъ хлѣбъ, вводить нищихъ и безпріютныхъ въ домъ свой, и давать сребро свое безъ лихвы. Часто освѣдомляясь о нуждахъ бѣдныхъ, дабы помочь имъ, онъ всегда готовъ дѣлать имъ добро. Онъ не уснетъ

безъ того, чтобъ не сдѣлать добра; здѣсь онъ наставляетъ, тамъ утѣшаетъ, въ одномъ мѣстѣ врачуетъ болящаго, въ другомъ избавляетъ отъ темницы, въ третьемъ насыщаетъ, и всюду дѣлаетъ добро для души и тѣла. Онъ опасается завладѣть чужимъ добромъ. Исправно и скоро платитъ свои долги, ни на минуту не удерживая мзды у наемниковъ и работниковъ.

Бѣдный христіанинъ не иначе взираетъ на свое состояніе, какъ на назначенное ему Богомъ и опредѣленное по вышнему милосердію; онъ никогда на него не ропщетъ; ибо это состояніе избралъ и самъ Іисусъ Христосъ, освятивъ бѣдность собственнымъ примѣромъ. Онъ не желаетъ благъ сего Свѣта, но покоряется волѣ и опредѣленію Божію, не завидуя чужому имуществу. Ни кому не дѣлаетъ обиды, ни кого не обманываетъ, не бранитъ и не злословитъ, не произноситъ словъ безчестныхъ. Бѣдный, но честный христіанинъ говоритъ своей женѣ и дѣтямъ: „Мы ведемъ жизнь бѣдную, многотрудную, прискорбную; но будемъ имѣть великія блага, если будемъ имѣть страхъ Божій, убѣгать всякаго грѣха и творить добрыя дѣла.“

Добрый господинъ-христіанинъ видя въ себѣ недостатки, слабости, снисходитъ во всемъ и подчиненнымъ своимъ, и пѣмъ

паче, что знаетъ ихъ неблаговоспитанность, недостатокъ въ хорошихъ примѣрахъ и часто встрѣчающіеся имъ случаи къ соблазнамъ.

Вѣрный слуга-христіанинъ исполняетъ волю своего господина съ удовольствіемъ, съ любовію; повинуется ему съ почтеніемъ, съ смиреніемъ, простосердечіемъ, усердіемъ, поспѣшно и вѣрно; избѣгаетъ ссоръ, брани, злобы, сквернословія, лжи, ухищреній, притворства, насмѣшекъ, обидъ, излишняго любопытства, ложныхъ доносовъ, невѣрности, пьянства и кражи.

Ремесленникъ-христіанинъ — бываетъ доволенъ своимъ состояніемъ, въ которомъ промыслъ Божій назначилъ быть ему; не желаетъ гордиться или возвышаться предъ другими нижними его сословіями, не желаетъ скоплять богатства путями неправедными, не завидуетъ своимъ собратіямъ; но почитаетъ себя счастливымъ, что можетъ пропитать себя въ потѣ лица своего и въ трудахъ рукъ своихъ. Онъ не ропщетъ на безвременье, ни на свою трудную работу, ни на кого не сердится, ни кому не дѣлаетъ упрековъ и укоризнъ, и каждаго недостатки и ошибки сноситъ терпѣливо. Все у него въ порядкѣ, все дѣлается въ свое время; онъ не ходитъ въ питейные домы, въ мѣста азардныхъ игръ, разврата, распут-

ства, ни куда, гдѣ можетъ соблазниться и впасть въ грѣхъ. Онъ посѣщаетъ бѣдныхъ, больныхъ и заключенныхъ въ темницѣ, и, по мѣрѣ силъ и состоянія, помогаетъ имъ. Поощряетъ свою жену и дѣтей къ терпѣнію всѣхъ горестей и прискорбій настоящей жизни, въ надеждѣ будущей вѣчно-блаженной. Онъ также увѣренъ, что не должно дѣлать другимъ того, чего не хотимъ, чтобъ намъ самимъ дѣлали.

Добрый земледѣлецъ-христіанинъ живетъ мирно и согласно съ своею женой, со своими домашними и сосѣдами; ни съ кѣмъ не ссорится, ни на кого не сердится; не ропщетъ ни на неурожай, ни на продолжительное ненастье, ни на долговременное вёдро, ни на ранніе морозы и частыя непогоды, словомъ — ни на какія воздушныя перемѣны; но онъ всегда равнодушенъ, всегда покоенъ; онъ весь преданъ Промыслу: — не его дѣло судить о шомъ; но его дѣло — во всемъ покоряться волѣ Божіей. Онъ ни кого не обижая, ничего чужаго себѣ не присвоиваетъ; трудами рукъ своихъ питаетъ себя и семейство; — *въ потѣ лица снѣдая хлѣбъ свой*, и среди трудовъ, укрѣпляющихъ его тѣло, хвалитъ и благодаритъ Бога за свое состояніе. — Терпѣливо сноситъ всякаго рода труды, заботы, невыгоды, прискорбія, непріятные слу-

чая; все относя къ Богу и зная, что на все это Его воля. — Онъ убѣгаетъ суевѣрій, волшебства, предразсудковъ, и всѣ дни почитаетъ счастливыми и къ начинанію или продолженію дѣла способными.

Честный купецъ-христіанинъ — избѣгаетъ въ торговлѣ божбы, клятвъ, обмана, вѣроломства въ данномъ словѣ, просрочки. Онъ не обѣщаетъ того, чего исполнить не можетъ. Главное его правило — ни кого не обижать. Онъ совершенно покоренъ волѣ Божіей при неудачахъ, при банкротствѣ, когда нѣтъ продажи; за то не ропщетъ на Бога; доволенъ, покоенъ, и при всѣхъ происшествіяхъ жизни одинаковъ.

Воинъ-христіанинъ — увѣренъ, что въ призваніи его на службу отечеству была воля Божія. Онъ вѣренъ клятвѣ, данной предъ Крестомъ и Евангеліемъ, — служитъ безропотно и благодушно, и, еслибъ случилось умереть съ честію на полѣ брани, то это есть его цѣль и конецъ. Онъ послушенъ начальникамъ не только благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ. На полѣ битвы онъ храбръ и отваженъ, въ своемъ отечествѣ тихъ и кротокъ. Мечъ его караетъ упорнаго врага, безоружнаго жъ и просящаго пощады щадитъ и защищаетъ. Въ непріятельской землѣ, доставшейся по праву войны, не дѣлаетъ онъ насилія,

грабежей и убійствъ, пожаровъ и разореній. Война и безъ сихъ бѣдствій ужасна. Онъ доволенъ своимъ состояніемъ, и, сколь ни мало его содержаніе, не ропщетъ на него. Онъ увѣренъ, что свѣтъ управляется не своенравіемъ людей, но премудрымъ промысломъ Божіимъ. Всячески удаляется пьянства, ссоръ, обидъ, сквернословія.

Больной христіанинъ, въ немощи своей безпрестанно прибѣгаетъ къ Богу, и говоритъ Ему: *да будетъ воля твоя!* Онъ не ропщетъ на свою болѣзнь, не безпокоится и не огорчается излишне; покоряется предписаніямъ врачей, и охотно принимаетъ лекарства.

Истинный христіанинъ ежедневно исправляетъ что-либо порочное или худое въ себѣ, а особливо худой нравъ, страсти, обуздывая наипаче господствующую страсть. Безъ сего способа не льзя достигнуть совершенства въ добродѣтели. Онъ любитъ то званіе, въ которомъ находится, и не полагается на свои собственныя силы. Убѣгаетъ сообщества злыхъ. Подражаетъ житію Іисуса Христа, повинуется своимъ начальникамъ, и увѣренъ, что безъ власти Божіей, волосъ съ головы его не пропадетъ. Онъ не имѣетъ привязанности къ міру; точенъ во всѣхъ своихъ должностяхъ и обязанностяхъ; старается всячески о своемъ совершенствѣ; твердо увѣренъ,

что если Господь не созидаетъ дома, то напрасно трудящіся строящіе его; если Господь не стережетъ града, напрасно не спитъ стражъ; также увѣренъ, что надѣющіеся на Господа, какъ гора Сіонъ, не колеблются, пребываютъ вѣчно. Онъ не ругаетъ никогда своего ближняго и ни кого другаго, ибо Іисусъ Христосъ сказалъ: Всякой, гнѣвающійся на брата своего напрасно, подлежитъ суду.

Совершенный христіанинъ выполняетъ въ полной мѣрѣ десять заповѣдей Божіихъ, изъ коихъ:

1-я Заповѣдь требуетъ, чтобъ вѣровать въ Бога, поклоняться Ему, любить Его и уповать на Него. Грѣхи противъ сей заповѣди суть: сомнѣніе о Богѣ, о безсмертіи души, презрѣніе святыни, насмѣшки надъ вѣрою, роптаніе на промыслъ Божій, непокорность волѣ Его въ противныхъ случаяхъ, болѣзняхъ или ущербахъ, чародѣйство, вѣрованіе снамъ, суевѣріе.

2-я Заповѣдь требуетъ истиннаго поклоненія Богу — духомъ и истиною. Грѣхи противъ оной суть: поклоненіе не Богу, а кумирамъ, надѣянность на князей міра сего — паче надѣянности на Бога, поклоненіе Богу лицемѣрное, расколы или отпаденія отъ Церкви, чтеніе книгъ еретическихъ.

3-я Заповѣдь требуетъ, чтобъ имя Божіе употребляемо было только въ нужномъ случаѣ. Грѣхи противъ оной: кляпва ложная, безъ нужды, произношеніе имени Божія безъ благоговѣнія, въ случаѣ непристойномъ, шуточномъ, кольми паче беззаконномъ, есть кляпвопреступленіе, злословіе, хула на Бога, на Церковь, на вѣру.

4-я Заповѣдь требуетъ священія дней воскресныхъ и праздничныхъ. Грѣхи противъ оной: провожденіе сихъ дней въ работѣ или въ принужденіи къ оной другихъ, неслушаніе въ сіи дни литургіи, развлеченія мыслей при стояніи въ храмѣ, стояніе въ немъ неблагочинное, въ разговорахъ проводимое.

5-я Заповѣдь требуетъ повиновенія законной Власти, родителямъ, учителямъ и старшимъ. Грѣхи противъ оной: неповиновеніе Монарху, неуваженіе его велѣній, несоблюденіе данной ему присяги, непокорность власти духовной и гражданской. Сія заповѣдь требуетъ, чтобъ дѣти своимъ родителямъ и нижшіе высшимъ оказывали повиновеніе, любовь, почтеніе, вѣрность, помощь и защиту въ случаѣ нужды. Они не должны ихъ презирать, хулить, злословить, ненавидѣть, роптать и жаловаться на нихъ. Родители и высшіе должны дѣтямъ подавать собою примѣръ, промышлять имъ пи-

щу и питье, и вообще все содержаніе до извѣстнаго времени, давать имъ физическое и нравственное воспитаніе, стараться объ ихъ здоровьѣ, не имѣть ни къ кому ненависти, или бо́льшей къ кому-либо изъ дѣтей любви предъ прочими, исправлять ихъ недостатки, обходиться ни слишкомъ благосклонно, ни слишкомъ строго, и — ничего не щадить, чтобъ сдѣлать ихъ умными и добрыми. Мужья должны женамъ своимъ оказывать любовь, вѣрность, ласковость и кротость. Жены своимъ мужьямъ обязаны почтеніемъ, любовію, вѣрностію и раздѣленіемъ съ ними трудовъ и попеченій о домѣ или семействѣ. Слѣдственно невыполненіе помянутыми лицами взаимныхъ другъ къ другу обязанностей — есть грѣхъ.

6-я Заповѣдь требуетъ — ни какъ не вредить ближнему, ничѣмъ его не обижать. Грѣхи противъ оной суть: желаніе ближнему несчастія или смерти, довожденіе его до смерти медленно или скоро, отрава, побои, драки, ненависть, вражда, злоба, мщеніе, поединки, ревность, подозрѣніе, презрѣніе, вѣрованіе ложнымъ слухамъ — обиднымъ для чести другаго, насмѣшки, клеветы, лесть, ссоры, брань, соблазны, худой примѣръ, открытіе чужихъ таинъ, пьянство и самоубійство, кулачные бои, измѣны, бунты, войны неправедныя, отягощеніе рабо-

тами, жестокія наказанія, памятозлобіе, наглость, свирѣпость нравовъ и безчеловѣчіе.

7-я Заповѣдь требуетъ храненія вѣрности въ супружествѣ и цѣломудрія въ безженствѣ и во вдовствѣ. Грѣхи противъ оной суть: нескромность въ нарядахъ, слова безчестныя, неблагопристойныя, излишняя роскошь, жизнь праздная и изнѣженная.

8-я Заповѣдь требуетъ соблюденія выгодъ ближняго, безъ всякаго ущерба или вреда. Согрѣшенія противъ ея суть: хищеніе, присвоеніе чужой вещи хитрымъ образомъ, лихоимство, азардныя игры, неотдача долгу или заклада, неправедная тяжба, обида, притѣсненіе, обманъ, непомѣрная цѣна въ продажѣ товаровъ, фальшивые вѣсъ и мѣра, неправосудіе въ судѣ, непомѣрное отягощеніе работою, принужденіе, насиліе, коварство и хитрыя уловки ко вреду ближняго, дѣланіе фальшивой монеты, словомъ: все то, что сколько-нибудь умаляетъ имущество или вредитъ чести и доброй славѣ ближняго.

9-я Заповѣдь требуетъ, чтобъ мы говорили правду, только ей вѣрили, а не клеветѣ и злословію. Грѣхи противъ оной суть: ложь, поносительная двусмысленность, скрытность или нечистосердечіе въ разговорахъ, ложные доносы и свидѣтель-

ства, злонамѣренное защищеніе неправаго дѣла, вниманіе всякимъ слухамъ безъ изслѣдованія, сужденіе по пристрастію, а не по законамъ, — по доносамъ, а не по точнымъ изслѣдованіямъ дѣла; обезчещеніе и осужденіе ближняго, ругательство заочное, насмѣшки надъ недостатками своего ближняго, нанесеніе безпокойства и заведеніе ссоры между другими.

10-я Заповѣдь пребуетъ довольства нашимъ состояніемъ и чтобъ не имѣли мы желаній, клоняющихся къ вреду ближняго. Грѣхи противъ ея: зависть, недоброжелательство, похоть, питаемая въ мысляхъ и сердцѣ къ предметамъ чуждымъ, алчность къ богатству, рѣшимость на всѣ предпріятія — для достиженія конца своихъ желаній — къ ущербу ближняго. Сія заповѣдь учитъ: не токмо худаго не дѣлать, но о худомъ и не думать, и въ сердцѣ своемъ худаго ни кому не желать; ибо отъ дурныхъ мыслей можетъ весьма удобно послѣдовать и худое дѣло.

Вотъ четыре средства къ спокойствію нашему: 1) Старайся болѣе исполнять волю другихъ, нежели свою. 2) Избирай всегда лучше имѣть мало, нежели много. 3) Ищи всегда послѣдняго мѣста и быть покорнымъ всѣмъ. 4) Желай всегда и моли, да исполнится въ тебѣ совершенно воля Божія.

Только одними сими средствами можно приобрѣсть истинную свободу. Это краткое наставленіе заключаетъ въ себѣ сугубое совершенство. Въ немъ мало словъ, но много разума и пользы.

Если бы въ цѣлый годъ успѣли мы истребить хотя одинъ порокъ, то мы скоро бъ достигли совершенства.

Богъ устроилъ такъ, чтобъ мы поучались взаимныя тяготы носить: ибо нѣтъ никого безъ недостатка, никого безъ своего бремяни, никого безъ нужды въ другихъ, никого довольно для себя мудраго; посему мы должны взаимно другъ отъ друга сносить, другъ другу помогать, другъ друга утѣшать, наставлять и увѣщавать.

Какимъ образомъ Христіанинъ вѣруетъ въ Провидѣніе. Всевѣдѣніе Божіе, Его премудрость, благость, блаженство человѣка, дѣйствительный порядокъ и совершенство всей Природы: вотъ причины, на коихъ основывается христіанинъ въ упованіи своемъ на особенное Провидѣніе! Если онъ хотя мало въ томъ усомнится, тогда надобно ему отвергнуть всѣ оныя совершенства Его; надобно отринуть всю моральную натуру высочайшаго Существа, и даже отринуть бытіе Его. Тутъ Онъ для каждаго произносилъ всемогущее слово свое — да будетъ! Каждому назначалъ точ-

ку бытія, опредѣлялъ состояніе его, учреждалъ его связи; тутъ Онъ видѣлъ добро и зло, избралъ первое, и съ премудрымъ намѣреніемъ попустилъ другое. Онъ далъ злу ходъ, но положилъ ему границы, чтобы оно никогда не одерживало верха, но всегда оканчивалось бы самымъ большимъ совершенствомъ для цѣлаго. Тутъ Онъ съ свободною властію, но и съ неограниченною премудростью, призвалъ — поселянина къ плугу, героя къ мечу, Государя къ престолу. Тутъ онъ опредѣлилъ участь престоловъ и хижинъ, положилъ предѣлы океану и завоевателямъ, сдѣлалъ планъ, въ какое время появиться въ Свѣтѣ Траянамъ, Антонинамъ, Петрамъ I, для блага народовъ; но тутъ же видѣлъ и ту точку, когда народу, погруженному въ сладострастіе и злодѣйства, нужно было дать жестокаго властителя — Домиціана. Тутъ Онъ видѣлъ и назначилъ тѣ періоды, когда государствамъ умѣреннымъ и справедливымъ возвышаться, а предавшимся роскоши и разврату, въ примѣръ Свѣту, упадать надлежитъ. Тутъ Онъ и каждому отдѣльно человѣку опредѣлилъ мѣру способностей и силъ, указалъ каждому свое назначеніе, взвѣсилъ со всею премудростію и благостію мѣру его счастія и несчастія. Онъ видѣлъ причины, для чего должно попустить несправедливымъ — умно-

жать сокровища сокровищами, а великодушнымъ не выполнять желаній своихъ — быть щедрыми; для чего — здѣсь заслугѣ оставаться безъ должнаго вознагражденія, — тамъ, напротивъ, пороку явно торжествовать надъ добродѣтелью и невинностію. Однако жъ вмѣстѣ учредилъ и премудрые способы, по которымъ бы люди ужаснувшись несчастія безбожника, почитаемаго ими счастливцемъ, и пронувшись благоденствіемъ праведника, коего честность они считали забвенною, — всегда помнили, что Богъ всегда есть мудрый и справедливый Правитель міра, не смотря на то, что по высочайшимъ намѣреніямъ попускаетъ кажущіеся безпорядки.

Примѣръ.

Графъ Кирила Григорьевичъ *Разумовскій* былъ первымъ при Дворѣ вельможею; милостивая Монархиня знала его человѣколюбивое сердце, его неславолюбивый духъ и неутомимую, разсудительную дѣятельность и уважала его достоинства. Онъ былъ первымъ при Дворѣ Министромъ и первымъ вельможею. По докладу его, основанному на нѣкоторыхъ, весьма важныхъ обстоятельствахъ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ никто изъ Гвардейцевъ не просился въ домовой отпускъ. Одинъ мо-

лодой вахмистръ, чрезвычайно хотѣвшій побывать въ Москвѣ, весьма негодовалъ на приказъ такой, а еще болѣе на своего начальника, Графа Разумовскаго, по докладу коего послѣдовалъ онъ. Въ присутствіи знатныхъ чиновниковъ, этотъ вахмистръ шутилъ однажды очень колко на счетъ Графа, какъ надъ самымъ послѣднимъ офицеромъ. Въ тотъ же день Графу пересказали это. Графъ, вмѣсто строгаго изслѣдованія, ѣдетъ на другой день во дворецъ, испрашиваетъ у Императрицы для обидчика своего отпускную, призываетъ его къ себѣ и, отдавая бумагу, говоритъ ему ласково: „молодой человѣкъ! не грѣшно ли вамъ не любить того начальника, который васъ любитъ? и нестыдно ли вамъ говорить такъ колко на счетъ мой? вѣрно, кто слушалъ, васъ же осудилъ. Прошу васъ, какъ отецъ, будьте поскромнѣе! Государыня увольняетъ васъ. Дай Богъ вамъ счастливаго пути! Только постарайтесь возвратиться къ сроку. Прошу васъ, будьте поскромнѣе! Прощайте!“ Онъ поцѣловался съ нимъ и ушелъ въ кабинетъ свой. Кто можетъ поступить такъ, какъ поступилъ сей высокій начальникъ съ подчиненнымъ своимъ, столь малозначащимъ и такъ его обидѣвшимъ? Вахмистръ и Фельдмаршалъ— какое различіе!

ХРИСТІАНСТВО.

По пришествіи своемъ ожидаемый всѣми вѣками Спаситель, сей небесный Учитель когда разверзъ уста свои, и какъ истина Его освѣтила вселенную, падаютъ идолы, сокрушаются жертвенники, открывается горнее Богословіе и показывается истинный путь Богопознанія; гдѣ прежде нечестивому Сатурну убиваемы были младенцы, тамъ истинному Божеству приносится жертва истинная, духъ сокрушенный; гдѣ дымъ возносился къ небу отъ сожженія множества скотовъ, тамъ Церковь Христова проливаетъ свои молитвы, восходящія до престола благодати.

Ученіе Божественнаго Искупителя, обновивъ духъ человѣчества, озаривъ его лучемъ небесной Премудрости, дало твердое основаніе и прочный видъ нашимъ познаніямъ, правиламъ и добродѣтелямъ.

Если ты ненавидишь кого, то ты не Христіанинъ.

ЦАРСТВІЕ БОЖІЕ.

Истинный путь въ Царствіе Божіе заключается въ пламенной любви къ Богу и въ дѣятельномъ, душевномъ расположеніи ко всѣмъ нашимъ ближнимъ; наши ближніе не тѣ только, съ которыми мы соединены

вѣрою, кровію, отечествомъ или дружбою, но всѣ люди, какого бъ они состоянія ни были, хотя бы даже и враги наши. Если мы обязаны помогать всякому человѣку, то тѣмъ паче страждущимъ.

ЦАРЬ.

Что есть Царь? Онъ есть помазанникъ Божій, защитникъ слабаго, преграда нечестію, верховный судія мнѣній, образецъ нравственности. Царь есть человѣкъ, коего обязанности столь же велики, какъ и власть его, человѣкъ отвѣтствующій Господу за народъ свой и участвующій своими добродѣтелями во всѣхъ почестяхъ, которыя предоставляются умамъ высочайшимъ, человѣкъ, коего блаженство есть благо подданныхъ. Его дѣянія суть *примѣры*, слова — *милости* и самые взоры — *награда*. Онъ поставленъ выше всѣхъ другихъ съ тѣмъ, дабы легче узнавать несчастныхъ. Царь есть Ангелъ-хранитель общественнаго благоденствія, которому Провидѣніе даровало вмѣсто семейства народъ, вмѣсто свидѣтелей вселенную, и потомство — судію.

ЦѢЛОМУДРІЕ.

Зависть и клевета такъ сильно вооружаются противъ красоты, что прекрасной женщинѣ гораздо легче быть въ самомъ дѣлѣ цѣломудренною, нежели слыть такою.

Сенека говоритъ, что непригожество женщинъ есть лучшая порука за ихъ цѣломудріе.

Баярдъ — знаменитый Рыцарь *безъ страха и упрека* — не всегда былъ образцемъ строгаго воздержанія и цѣломудрія, не всегда уподоблялся *Сципіону*, — но, при всемъ томъ, уважалъ невинность и добродѣтель. Сколько разъ встревоженная стыдливость прибѣгала подъ его покровительство, и находила у него надежное убѣжище! Нѣкогда одна женщина, болѣе мачиха, нежели мать, принудила дочь свою идти къ Баяру, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ получить хорошую плату за пожертвованіе невинностью. (Таковыхъ примѣровъ — къ стыду человѣческаго рода — мы видимъ не мало)! Красота дѣвицы прельстила храбраго; пламень страсти возгорѣлся въ сердцѣ его; — но мысль, что онъ поразитъ безчестіемъ нищету и юность, освѣтила мракъ ума его и удержала отъ преступленія: великій не сдѣлался малымъ. Какъ скоро любезная дѣвица увидѣла Баяра, тотчасъ бросилась къ ногамъ его, и, орошая ихъ слезами, сказала: „Позвольте мнѣ быть увѣренною, что вы, „милостивый государь, не лишите чести „несчастную жертву бѣдности. Я ничего „не имѣю, кромѣ невинности. Захотите ли „вы отнять у меня драгоцѣннѣйшее мое

„сокровище? Нѣтъ! вы будете защитни-
„комъ и покровителемъ моимъ!“ — „Встань,
милая моя! сказалъ ей Баяръ: ты возвратишь-
ся столь же невинною, какъ и была, но
гораздо счастливѣе.“ Послѣ того онъ не-
медленно препроводилъ ее въ надежное мѣ-
сто; а на другой день, призвавъ къ себѣ
мать ея, сдѣлалъ ей строгой выговоръ. Ве-
ликодушіе его простерлось далѣе: онъ по-
дарилъ 600 франковъ на приданое дочери,
прибавя къ тому 100 ефимковъ на свадебныя
издержки. Вскорѣ послѣ того сія любезная
дѣвушка имѣла счастіе выдши за-мужъ за
добраго и умнаго человѣка. Благородство
Баяровой души награждено было удоволь-
ствіемъ, которое онъ чувствовалъ, сохраня
честь бѣдной дѣвицы, которая, сдѣлавшись
доброю женою и почтенною матерью се-
мейства, осталась навсегда образцемъ доб-
родѣтели.

Публій Корнелій *Сципіонъ* (Африкан-
скій) посланъ былъ отъ Римлянъ въ Испа-
нію 24-хъ лѣтъ отъ рожденія своего; за-
воевалъ оную въ 4 года, истребивъ всю
непріятельскую армію, и завладѣлъ въ одинъ
день богатымъ Новымъ Карѳагеномъ. Между
плѣнными, взятыми въ немъ, приведена
была къ Сципіону прекрасная дѣвица (невѣ-
ста *Аллюція*—Князя Цельтиберскаго),
красоты необыкновенной; юный Римскій ге-

рой, увидѣвъ ее, былъ пораженъ ея прелестями: онъ тогда былъ только 27-ми лѣтъ, холостъ и — завоеватель непобѣдимый. Но Сципіонъ умѣлъ, по видимому, равно побѣждать непріятелей Рима и свои собственныя страсти; онъ тотчасъ велѣлъ призвать къ себѣ Аллюція и сказалъ ему: *Ваша невѣста находилась теперь въ моемъ домѣ, какъ бы у своихъ родителей; я поступалъ съ нею такъ, чтобъ мнѣ возможно было сдѣлать вамъ подарокъ ею, достойный васъ и меня: и за это самое не требую отъ васъ ничего, кромѣ вашей дружбы къ Римлянамъ.* Сципіонъ послѣ сего послалъ за родителями невѣсты, кои принесли великую сумму денегъ для выкупа своей дочери; но когда они положили къ ногамъ Сципіона золото и серебро, то онъ, оборотясь къ Аллюцію, сказалъ: *сіи деньги я прибавляю къ тому приданому, которое вы должны получить за вашею невѣстою.* Можно ли не удивляться великодушному поступку сего юнаго Римлянина, который не имѣлъ другаго просвѣщенія, кромѣ естественнаго закона!

Когда *Генрихъ IV* (Французскій Король) склонялъ къ любви *Катерину Гонзаго*, то она сказала ему: „я столь знатнаго происхожденія, что не могу быть вашею любовницей, и не такого высокаго состоянія, чтобъ быть вашею женою.“

Одинъ Капитанъ изъ Маргига, маленькаго городка въ Провансѣ, управляя кораблемъ купеческимъ, имѣлъ на немъ одного матроса, земляка своего, который женился на молодой, прекраснѣйшей и добродѣтельной дѣвушкѣ. Сія жена, истративъ мало помалу деньги, оставленныя мужемъ ея при отъѣздѣ его на кораблѣ, прибѣгла просить помощи къ одному жителю города Маргига, покровительствовавшему ей! Сей человѣкъ, прельстясь вдругъ красотою сей женщины, осмѣлился поставить ей за просимую помощь такую цѣну, въ которой честная жена, раздосадованная, ему отказала рѣшительно, въ надеждѣ, что мужъ ея скоро пріѣдетъ. Но матросъ не пріѣзжаетъ, и вскорѣ всѣ способы сей женщины истощились; она терпѣла жестокую нужду, имѣя груднаго ребенка; и потому, опасаясь погубить его отъ голода, между тѣмъ какъ другой немного постарѣе просилъ хлѣба, она идетъ къ своему притѣснителю, въ надеждѣ умилостивить его; представляетъ ему ужасное свое положеніе и хочетъ тронуть его чувствительность; утопая въ слезахъ, бросается къ его ногамъ; но просьбы и слезы не могли ни чего получить отъ варвара; она была принуждена сдаться; и будучи побѣждена нуждою, позволяетъ ему притти ужинать, чтобъ провести ночь съ нею.

Послѣ ужина печальнаго, злодѣй понуждаетъ ее выполнить условія ихъ. Несчастная женщина береть соннаго своего ребенка, и прижимая его къ своей груди, проливая обильныя слезы, говоритъ ему: „соси мою грудь, мой миленькой, и напитайся болѣе; ты теперь питаешся еще молокомъ честной женщины, которую крайность сокрушаетъ; завтра... если бъ я могла, увы, отнять тебя отъ груди! завтра ты будешь сосать молоко несчастнѣйшей.... Слезы ея окончили. Соблазнитель, тронувшись таковымъ зрѣлищемъ, въ смятеніи бѣжитъ, воскликнувъ: „невозможно сопротивляться таковой добродѣтели!“

ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЕ.

Нѣтъ ничего драгоцѣннѣе и любезнѣе, какъ человѣкъ благодѣтельствующій другимъ. Онъ подобенъ Богу, изливающему свои щедроты на всѣ твари изобильно.

Мы родились не для себя токмо, но и для другихъ. Весь человѣческій родъ есть какъ бы единое тѣло, а мы всѣ онаго члены: члены же другъ другу помогать должны, чтобъ все тѣло было цѣлое и сохранено.

Примѣры.

Многія знатныя особы въ Вѣнѣ съ большимъ негодованіемъ видѣли, что про-

стой народъ гулялъ съ ними вмѣстѣ, и просили *Іосифа II*, чтобы входъ сего гулянья въ саду былъ позволенъ только для дворянства, дабы оно не было смѣшано съ чернью: но сей Императоръ далъ имъ отвѣтъ, послужившій урокомъ: „если бъ я пожелалъ быть только съ моими равными, то долженъ былъ бы запереться въ монастырскіе погреба, гдѣ покоится прахъ моихъ предковъ; но — я люблю людей безъ различія, и предпочитаю особъ добродѣтельныхъ и великодушныхъ тѣмъ, кои только тщеславятся знаменитостью своихъ предковъ.“

Послѣ сраженія на высотахъ Монмартра, когда заключена была капитуляція о сдачѣ Парижа, Александръ I, обнявъ Короля Прусскаго, съ восторгомъ сказалъ ему: *наконецъ перестанетъ проливаться кровь человѣческая.*

ЧЕЛОВѢКЪ.

Человѣкъ рѣдко бываетъ тѣмъ, чѣмъ кажется.

Кто великъ между людьми, тотъ не всегда великъ самъ съ собою.

Сколько есть людей, которые вдали нѣчто, а вблизи ничто!

Свойство человѣка можно узнать по его друзьямъ и книгамъ.

Самый слабый человѣкъ можетъ быть нуженъ самому сильному.

Человѣкъ есть минутный гость міра.

Пороки, которымъ человѣкъ порабощенъ, навлекаютъ на него гнѣвъ и наказаніе Всевышняго; сребролюбію его наслѣдуетъ ненасытная жадность къ стяжанію, сладострастію — печали и сердечныя сокрушенія, досадамъ — болѣзни, обжорству — разслабленіе, зависти мученія, а лѣности убожество.

Безумныя суеты занимаютъ его юность, пустые замыслы суть участь зрѣлыхъ лѣтъ его, а сожалѣніе и раскаяніе предоставлены въ удѣлъ старости его.

Человѣкъ проводитъ свою жизнь въ умствованіи о прошедшемъ, въ сѣтованіи о настоящемъ и въ страхѣ о будущемъ. Человѣкъ скучаетъ хорошимъ, ищетъ лучшаго, находитъ худое, и покоряется тому — опасаясь худшаго.

Великій человѣкъ есть ничто, если онъ только великъ для одного себя.

Но человѣкъ-Христіанинъ есть — чудо природы, зерцало Божіей премудрости, подобіе и лучъ Божества.

ЧЕСТНОСТЬ. — *Чит.*: ПРАВОДУШІЕ.

ЧЕСТОЛЮБІЕ.

Страсть господствующая надъ всѣми классами людей, начиная отъ чертога до хижины. Между сильными произвела она жестокія и смертоносныя брани, набѣги, похищенія, и все принадлежащее къ властолюбивой системѣ побѣдителей. Между слабыми, сія страсть, долженствующая быть только благороднымъ соревнованіемъ, превратилась въ зависть, раздоры и злобу; отдалить совмѣстника, поносить невинность, обвинить добродѣтель,—вотъ средства употребляемыя честолюбіемъ втораго рода для достиженія своей цѣли. Честолюбивый, будучи помрачаемъ достойнымъ, чувствуетъ зависть и скоро потомъ ненависть.

Низость есть большая дорога, по которой честолюбіе бѣжитъ ко славѣ.

Человѣка не утѣшитъ завоеваніе цѣлой вселенной, если не сопряжено съ симъ понятіе о безсмертіи его имени; ему нужна гораздо обширнѣйшая будущность, нежели земное его существованіе. Казалось бы, что одной чувствительности довольно для обузданія мірскаго честолюбія: человѣкъ, заслуживъ удивленіе, увѣнчавшись лаврами, возбуждаетъ зависть... Слава дорого ему стоитъ. Пожалѣемъ о честолюбцѣ: онъ получилъ лавровый вѣнокъ, но—можетъ быть, потерялъ

друга. Дивятся и рукоплескаютъ ему люди равнодушные; но что ему въ этомъ пользы, если его другъ въ тайнѣ ему завидуетъ?

ЧЕСТЬ.

Честь подобна глазу, нетерпящему ни малѣйшей соринки, могущей помрачить весь глазъ, — и такъ же драгоцѣнному камню, котораго самой малый порокъ убавляетъ много цѣны. Она такое сокровище, которое, будучи по несчастію однажды потеряно, навсегда уже невозвратно.

Тѣло безъ души значитъ одинъ трупъ; а человѣкъ безъ чести не иное что, какъ мертвецъ, котораго всѣ удаляются съ презрѣніемъ; ибо кажется, будто отъ него воняетъ.

Честь есть одна изъ важнѣйшихъ пружинъ человѣческихъ дѣяній. Сколько великихъ подвиговъ, сколько благородныхъ и полезныхъ трудовъ произошло отъ сего благодѣтельнаго побужденія! Свѣтъ довольно видѣлъ великихъ мужей — ихъ славныя дѣла и пожертвованія: честь была ихъ руководителемъ; — сіе волшебное слово производило чудеса. *Генрихъ* Великій, предъ сраженіемъ при Иври, объѣзжая свои полки, и показывая солдатамъ шишакъ свой съ бѣлыми перьями, сказалъ имъ: „дѣти! если вы лишитесь знаменъ, то вотъ знакъ,

по которому вамъ должно собираться; во всякое время увидите вы его на пути чести и славы.“

Молодые люди, ищите чести, но будьте разборчивы! Не ослѣпляйтесь звукомъ сего слова, часто имѣющимъ пустое значеніе; повѣряйте ваше чувство, влекущее васъ къ отличіямъ: истинная честь всегда подруга добродѣтели. Безъ добродѣтели же нѣтъ истинной чести.

Честь есть честность, правота душевная, непорочность нравовъ, исправность въ должности, и жертвованіе собою и всѣмъ своимъ имуществомъ для услуги и благодѣтельства другимъ. Таковую честь любить, всѣмъ сердцемъ желать ее, и всѣми силами искать, есть праведно и похвально. Любя же таковую честь, непремѣнно должно любить и средства, къ ней приводящія, и безъ коихъ до нее достигнуть не можно. Сіи средства суть труды, подвиги, великодушное преодолѣніе трудностей, терпѣливое сношеніе противностей, и имѣнія своего нещаденіе.

Истинная слава не въ томъ состоитъ, чтобъ наружнымъ сіяніемъ всѣхъ ослѣплять; не въ томъ, чтобъ въ роскоши утопать; не въ томъ, чтобъ гордо взирать на другихъ подобныхъ себѣ, и услаждаться ихъ уничиженіемъ, принужденнымъ ласкатель-

ствомъ, постыднымъ для человѣчества ползаніемъ. Истинная честь и слава состоитъ въ услугахъ другимъ, въ радѣніи о пользѣ общей, въ подкрѣпленіи немощныхъ, въ заступленіи безсильныхъ, въ снабденіи бѣдныхъ, въ покровительствѣ утѣсняемыхъ.

Императоръ *Іосифъ II*, будучи въ своей главной квартирѣ, узнаетъ, что одинъ офицеръ его арміи далъ пощечину своему товарищу: и потому повелѣлъ разспросить о семъ обстоятельно, и тотчасъ собрать полкъ передъ себя; оба офицера являются предъ Императора, и тотъ, который далъ пощечину, былъ разжалованъ, — сняли съ него мундиръ, и палачъ далъ ему пощечину, а потомъ выгнали его изъ лагеря. Императоръ же послѣ сего поцѣловалъ обиженнаго публично, и пригласивъ его за свой столъ обѣдать, сказалъ ему: „я думаю, милостивый государь, теперь вы должны быть очень покойны касательно вашей чести!“

ЧИНЫ.

Кто въ большомъ чинѣ не имѣетъ большой души, тотъ не возбудитъ никогда къ себѣ внутренняго почтенія.

Въ породѣ и въ чинахъ высокость хороша:
Но что въ ней прибыли, когда низка душа?

(*И. Крыловъ.*)

ЧИСТОПИСАНІЕ.

Одинъ Министръ прислалъ Князю *Суворову* секретную бумагу, собственною своею рукою такъ связно и нечетко написанную, что Князь только нѣсколько строкъ могъ разобрать, да и сіи строки ему не понравились. Наконецъ онъ съ досадою сказалъ своему правителю канцеляріи: „напиши ему: непроникнутая тайна возвращается. Суворовъ любитъ и въ дипломаціи и въ политикѣ чистописаніе и математическую точность. Мистическій Дельфійскій языкъ ему чуждъ. Отъ него спрадала Греція.“

ЧТЕНІЕ.

Плавтъ, Стихотворецъ и Философъ, въ молодости своей былъ очень страстенъ къ суетностямъ свѣта, и по излишней природной своей живости, былъ весьма непостоянен въ поведеніи. Онъ началъ жизнь свою солдатскою службою, послѣ испыталъ счастіе на морѣ, потомъ научился пекарному, и перенялъ портное мастерство; былъ купцомъ и, Богъ знаетъ, какого искуства не извѣдалъ. Когда спросили его: въ какомъ состояніи онъ болѣе находитъ покою и удовольствія?—онъ отвѣчалъ: „нѣтъ

состоянія, въ которомъ бы не хотѣлось перемѣны; нѣтъ честнаго званія безъ труда и безпокойства; нѣтъ благоденствія столь твердаго, которое не кончилось бы; ни веселья столь пріятнаго, чтобы оное наконецъ не наскучило; и если я ощущалъ нѣсколько тишины и спокойствія, то съ того только времени, какъ прилѣпился къ чтенію." Плавтъ имѣлъ основательную причину признаться въ сей истинѣ; ибо пока занимаемся мы суетами свѣтскими, то только мучимся, желаемъ, ищемъ, просимъ; а получа и испытавъ все, довольно только нѣсколькихъ часовъ услажденія, чтобы внушить намъ отвращеніе. Главная вина оному та, что мы никогда не цѣнимъ достойно того, что имѣемъ; а поставляемъ за великое только то, чѣмъ другіе владѣютъ.

Графъ *Оксенштирнъ* говоритъ: — „Могу сказать со всею искренностью, что я хотя впрочемъ безмѣрно былъ страстенъ къ обхожденію съ живыми людьми, но никогда не находилъ такого совершеннаго удовольствія, какое нынѣ ощущаю, бесѣдуя съ славнѣйшими мертвецами древности! Напримѣръ, нынѣшняго утра, не выходя изъ покоя, былъ я при столѣ Антіоха—Царя Сирійскаго, гдѣ находились Посланники разныхъ земель. Разговоры тутъ происходили самые

любопытные; ибо каждый изъ сихъ Министровъ старался выхвалять свое государство: Римскій утверждалъ, что ни въ которой части свѣта служеніе богамъ не отправляется съ такимъ благоговѣніемъ, какъ въ Римѣ; — Карѳагенскій Министръ хвасталъ, что у нихъ перваго разбора люди неутомимы въ битвахъ, народъ въ работѣ, и Ученые въ наставленіи юношества; — Сицилійскій весьма возносилъ нелицепріятіе, съ каковымъ судъ производится въ его отечествѣ, и что истина у нихъ столь любима, что нѣтъ никакихъ раздоровъ между гражданами; — Родосскій сказывалъ, что у нихъ старые люди живутъ разумно, молодые цѣломудренно, женщины молчаливы. Я отверзъ было уста обличить ложь его; но Аѳинскій Посолъ поспѣшно начавъ рѣчь, началъ убѣждать, что въ ихъ республикѣ законы не терпятъ первенства въ богатыхъ, лѣности въ народѣ, пышности въ начальствующихъ. Лакедемонскій Посолъ излагалъ, что зависть въ землѣ ихъ незнаема: ибо въ ней всѣ равны, сребролюбіе изгнано общественностью имѣнія, и — весь народъ тамъ въ непрестанномъ упражненіи. Послѣдній былъ Сципіонинъ, который, чтобы больше привлечь себѣ вѣроятія, божился, что въ отечествѣ его никогда не допускаютъ иноземцевъ — для того, что они все-

гда вводятъ съ собою новости; что всѣ стряпчіе отпуда изгнаны за то, что они въ тяжбахъ защищаютъ неправыхъ. — Такое обхожденіе кажется мнѣ гораздо занимательнѣе того, которое я прежде имѣлъ съ своими пріятелями, когда упоенные, за рюмками и закусками, говаривали все, что только распутство и своевольство выдумать могутъ, за что раскаяніе велитъ мнѣ нынѣ проклинать большую часть обращенія съ живыми: ибо почти не проходило дня безъ того, чтобъ Бахусъ не изрыгнулъ какого нечестія, или Венера не вернула слова, ея достойнаго. Наконецъ: кромѣ того, что сіи Вакханскія общества прогнѣвляютъ Бога, — и самое время, будучи въ винѣ потопляемо, дѣйствительно погубляется; а тѣ часы, кои въ удовольствіе Венеры тратятся, должно равнять съ такимъ же числомъ годовъ, отъ жизни отнятыхъ, кромѣ множества болѣзней, чрезъ то себѣ приготовляемыхъ. И такъ нынѣшнее мое состояніе отнюдь не кажется мнѣ несноснымъ; ибо примѣчаю съ *Сенекою*, что: сколько разъ я ни былъ между людьми, всегда отходилъ худшимъ; если жъ иногда и задумываюсь въ уединеніи моемъ, то конечно не о непріятностяхъ настоящаго времени, но о худомъ употребленіи прошедшаго и о неизвѣстности будущаго. Милосердый Богъ

да проститъ мнѣ минувшее, и да облегчитъ будущее!“

Читай не многое, но много. (Чит. II, 87).

Невозможно сыскать книгу назидательнѣе Библіи. Библія есть книга для всѣхъ состояній, для всѣхъ умовъ, для всякаго возраста, свойства, и для всякаго случая въ жизни. Никакая другая книга не нужна столько для всеобщаго свѣдѣнія.

ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ.

Чувствительность есть расположеніе души, которое дѣлаетъ оную способною умиляться, трогаться. — Но есть многіе, которые проливаютъ слезы въ театрѣ о несчастномъ жребіи семейства Агамемнонова, и оставляютъ безъ помощи нищаго, лежащаго у воротъ ихъ дома.

Чувствительность, худо управляемая, есть преступная слабость и источникъ несчастій.

Примѣръ.

Графъ П—, впавши въ большое несчастіе, открылся своей женѣ въ трудныхъ обстоятельствахъ, въ коихъ они находятся: „другъ мой, сказалъ онъ ей, несчастіе нами незаслуженое, заставляетъ насъ отказаться отъ всего того, что позволялъ намъ достатокъ, котораго мы лишились; теперь нашъ слуга долженъ исправлять двѣ

должности, поварскую и камердинерскую; вы имѣете дѣвку, къ коей вы очень привязаны: не подосадуйте на меня, если попрошу васъ — пожертвовать оною: этого требуетъ необходимость.“ — Сколь ни горестна сія необходимость была Графинѣ Р—, она рѣшается и предлагаетъ дѣвкѣ — съ нею разлучиться. „Милостивая государыня, сказала ей служанка, вы знаете, что я умѣю хорошо работать, и очень могу прокормить себя моею работою, бывши у васъ въ услугахъ — изъ одной моей преданности къ вамъ.“ Слезы полились съ обѣихъ сторонъ. Графъ былъ увѣдомленъ обо всемъ происшедшемъ. Нѣсколько минутъ спустя, входитъ онъ въ залу, видитъ на столѣ только два прибора, и приказываетъ поставить третій.—Вы ожидаете кого-нибудь? спросила его жена. — „Нѣтъ, другъ мой, отвѣчалъ онъ ей; велите позвать дѣвицу Н. —“ Сія дѣвушка входитъ, и Графъ, взявъ ее за руку, говоритъ ей: „сударыня, благородство вашихъ чувствъ равняетъ васъ съ нами; чувствительность вашего сердца дѣлаетъ васъ нашимъ другомъ; отнынѣ возьмите мѣсто съ нами.“ — Очень трудно найти поступокъ благороднѣе и чувствительнѣе сего! Провидѣніе позволило въ послѣдствіи времени дому сему придти въ прежнее состояніе.

ЧУДЕСА.

Чудеса суть событія, совершенно превыщающія порядокъ естественный, и своею необычайностью всѣхъ въ удивленіе приводящія.

Но есть нѣкоторыя особеннаго рода дѣла, коими человѣкъ возносится выше прочихъ подобныхъ ему человѣковъ, или даже и выше себя самаго. Хочешь ли ты быть необыкновеннымъ человѣкомъ? преодолѣй склонности, которыя другихъ порабощаютъ себѣ, и открой надъ ними торжество побѣды своей. *Гнѣвъ* воспаляетъ тебя противъ того, который причиняетъ тебѣ обиду, и воспаленный яростію ищешь ты отмстить ему. Великодушнымъ сердцемъ перенеси сей ударъ, и, подражая Господу твоему, прости ему обиду, какъ Онъ распинателямъ своимъ. Таковое богоугодное расположеніе достойно быть помѣщено въ числѣ чудныхъ дѣлъ. *Страсть плотская* помрачаетъ твой разумъ, и склоняетъ отяготить совѣсть, или нарушить обѣты, данные Богу: собери въ себѣ столько силъ, чтобъ мужественно стать противу сего искушенія, и не уступить усилію борьбы плотской. Таковая побѣда будешь чудная. *Скупость* и *алчба* стѣсняютъ

твою душу, и не допускаютъ тебя не только снисканное имѣніе обратить на благодѣтельство другимъ, но еще на умноженіе онаго побуждаетъ употреблять всякое насиліе и неправду; сними самъ съ себя сіи жесточайшія узы: расположи сердце твое къ привлеченію всѣхъ любовію и благодѣяніями своими. Сіе тебѣ доставитъ славу, какъ дѣло чудное. *Упоенный счастіемъ*, чувствуешь искушеніе, что ты вознесенъ выше жребія человѣческаго, и сіе заставляетъ тебя почитать другихъ, подобныхъ тебѣ, нѣкоторыми малыми тварями, предъ тобою ползать долженствующими: отвергни сіе человѣку несвойственное мечтаніе, и, сравнивъ себя со всѣми прочими людьми, потщись отъ нихъ отличнымъ быть одною добродѣтелью. Сіе всѣхъ удивитъ, какъ дѣло чудное. *Лѣность* и *праздность* льстятъ твоимъ чувствамъ и, отводя отъ труднаго, но честнаго упражненія, приводятъ духъ твой въ разслабленіе, а тѣло въ изнеможеніе: напряги силы свои и взявъ орудія бодрости и мужества, стань непобѣдимымъ противъ всего того героемъ. Сія благородная твердость будетъ дѣло чудное. *Несчастіи* тебя сокрушаютъ и приводятъ духъ твой въ уныніе, а иногда въ отчая-

ніе: поставь противу ихъ благоразуміе и, утвердивъ себя упованіемъ на благій промыслъ Божій, возьми въ примѣръ *Іова*, всѣ роды несчастій претерпѣвшаго, и докажи ихъ нападенія противъ тебя несильными: таковое мужество, какъ слабымъ смертнымъ необыкновенное, предспавится чуднымъ въ очахъ нашихъ.

ЧУЖОЕ МНѢНІЕ.

Даже самые честные люди почитаютъ доброе о себѣ мнѣніе другихъ любезнѣйшимъ и драгоцѣннѣйшимъ изъ всѣхъ человѣческихъ благъ.

Примѣръ.

Филиппъ Македонскій не слишкомъ былъ разборчивъ въ средствахъ къ пріобрѣтенію хорошаго о себѣ мнѣнія, и домогался всякаго рода славы. Онъ, какъ декламаторъ, прославился силою своего краснорѣчія; считалъ побѣды, одержанныя его колесницами на Олимпійскихъ играхъ, и изображалъ ихъ на своихъ монетахъ; давалъ наставленія музыкантамъ, и думалъ, что можетъ въ томъ поправлять знатоковъ; что заставило одного изъ нихъ дать сей остроумный отвѣтъ, который, безъ оскорбленія его чести, могъ вывесть его изъ заблужденія: *не дай, Боже,*

чтобъ несчастіе довело тебя когда-либо, Государь, знать музыку лучше меня. Подобное наставленіе и самъ онъ далъ сыну своему, когда при одномъ пиршествѣ показалъ Александръ слишкомъ много искуства въ музыкѣ: *не стыдно ли тебѣ,* сказалъ онъ ему, *пѣть такъ хорошо?*—Дѣйствительно, есть предметы, совершенное познаніе коихъ дѣлаетъ честь частному человѣку, но о коихъ долженъ имѣть одно токмо понятіе тотъ, у кого есть гораздо важнѣйшія занятія, и кто обязанъ употреблять свое время на дѣла полезнѣйшія.

ШУТКИ.

Тѣ только шутки позволительны, кои не нарушаютъ правилъ Нравственности и — не вредятъ ближнему.

ЩЕГОЛЬСТВО, *франтовство.*

Щегольство и франтовство суть самые жалкіе недостатки въ мущинѣ.

Держись существеннаго, а жалкое счастіе выказывать себя, предоставь глупцамъ.

ЩЕДРОСТЬ.

Изъ всѣхъ притворныхъ подражаній самое труднѣйшее есть подражаніе щедролюбію.

Если быть щедрымъ для всѣхъ, то не льзя будетъ благодѣтельствовать *нѣкоторымъ*.

Даютъ всегда очень поздно, когда даютъ послѣ просьбы: надобно угадывать желаніе, и предупредить нужду.

ЩЕДРОТА.

Дидеро былъ въ необходимости, по случаю небогатаго своего состоянія, объявить о продажѣ своей библіотеки. О семъ предложено было всѣмъ иностраннымъ Дворамъ; но Россійская Императрица, Екатерина Вторая пожелала купить оную за назначенную продавцемъ цѣну: и при покупкѣ постановила условіе, чтобъ Дидеро сохранялъ библіотеку у себя во всю его жизнь и за сіе жъ сохраненіе онъ получалъ ежегодный пенсіонъ, тысячу ливровъ, кои были ему заплачены за первый годъ впередъ, съ означенною полною суммою за библіотеку!

Когда Императоръ *Антонинъ* былъ именованъ Кесаремъ, тогда онъ раздалъ большую часть своего имѣнія друзьямъ своимъ: жена его, будучи скупа, дѣлала ему за то упреки; — „знай, отвѣчалъ онъ ей, что съ самой той минуты, въ которую мы взошли на тронъ, все то, чѣмъ мы владѣли, ужѣ не принадлежитъ намъ.“

ЭГОИЗМЪ. (*Себялюбіе*).

Я самъ! — Я лучше всѣхъ! — Я все сдѣлаю! — это голосъ и мысли эгоиста. Человѣкъ, зараженный симъ постыднымъ порокомъ, видитъ въ мірѣ только себя одного. Для удовлетворенія своихъ прихотей, для выполненія своенравныхъ желаній, онъ готовъ пожертвовать женою, дѣтьми, родственниками, друзьями и всемъ. Никогда несчастный не обратитъ на себя его благосклоннаго взора; пусть онъ испуститъ духъ у ногъ его — окаменѣвшее сердце эгоиста ни мало тѣмъ не тронется!

Въ эгоистѣ много малоумія съ бо́льшимъ самолюбіемъ.

Эгоистъ охотно согласится жжечь нашъ домъ — для сваренія себѣ двухъ яицъ.

ЭКОНОМІЯ, *бережливость*.

Бережливость лучше прибытка.

Легкіе умы часто смѣшиваютъ скупость съ экономіею, сею способностію или склонностію къ порядку, который нуженъ бываетъ по необходимости въ стѣсненномъ положеніи, и который соразмѣряетъ расходъ съ доходомъ. Сіе качество необходимо нужно для упроченія домашняго нашего благополучія, внутренняго спокойствія и здравія.

Трудъ, работа, воздержаніе, приведеніе дѣлъ въ порядокъ, презрѣніе предразсудковъ роскоши, пышности, лѣности, доставляютъ пособіе и средство иногда, когда другіе оныхъ болѣе не находятъ; они служатъ пособіемъ въ маломъ состояніи, средствомъ въ избыточномъ положеніи, подпорою уваженія, и часто къ защищенію цѣломудрія и честности.

Безпорядокъ или разстройка нашего состоянія разслабляетъ душу посредствомъ безпокойствъ и заботъ; мы ожесточаемся отказами, и тогда приходимъ въ презрѣніе и униженіе мало по-малу, чрезъ разныя посрамленія самихъ себя, ухищренія наши, обольщенія, лукавства, коварства въ изворотахъ, къ коимъ доведены бываемъ въ разстройствѣ; и—сверхъ несчастной старости, ими приготовляемой, неосновательная, безпутная или развратная жизнь можетъ иногда въ юности довести человѣка до большихъ злодѣяній и преступленій. Одинъ наблюдатель, который испытывалъ натуру человѣческую въ славной темницѣ Ньюгетской (въ Лондонѣ), и который разговаривалъ откровенно болѣе нежели съ 50 человѣками, осужденными на смерть, удивился, узнавъ, что главныя причины ихъ безпутствъ происходили наиболѣе отъ заблужденій или тщеславія, хвастовства и отъ

недостатка благоразумной бережливости. *Еслибъ я зналъ не много поболѣе Ариѳметику*, сказалъ ему одинъ, *то завтра не былъ бы я повѣшенъ!*

Экономія и бережливость въ женщинахъ есть истинная ихъ добродѣтель; ихъ любовь къ порядку имѣетъ не малое вліяніе на семейственное благополучіе.

Нынѣ образъ нашей жизни представляетъ непрестанный соблазнъ, отъ котораго надобно бѣгать какъ отъ огня: это, напримѣръ, карточная игра, страсть самая гибельная, которую должно истреблять въ началѣ; она истощаетъ всѣ наши способности мысленныя, уничтожаетъ понятія, нарушаетъ иногда честь, причиняетъ ссоры, ненависть и безпрестанныя опасности. Нѣтъ ни одного игрока, который бы былъ въ себѣ довольно увѣренъ, что можетъ отвѣчать за себя, что не придетъ такая несчастная минута, въ которую, огорченный проигрышемъ, не проигралъ бы онъ во сто разъ болѣе, желая отыграться, и не разорился бы невозвратно.

Молодой человѣкъ долженъ поставить себѣ за правило, чтобъ никогда прежде времени не надѣяться на будущія богатства или ожидаемое наслѣдство: надобно жить смотря на нынѣшнее свое имѣніе, а не на будущее.—Одинъ молодой человѣкъ, платя

заимодавцамъ большіе проценты, совершенно промоталъ вѣрнѣйшее наслѣдство, ожидаемое отъ одного больнаго и престарѣлаго своего родсіівенника, который имѣлъ болѣе 60 лѣтъ: нынѣ дядѣ исполнилось 90 лѣтъ, и — онъ похоронилъ ужѣ своего племянника, который умеръ отъ болѣзни, причиненной огорченіемъ и разстройкою дѣлъ своихъ.

Средство предотвратить большіе долги, состоитъ въ томъ, чтобъ не дѣлать малыхъ. Долги, какъ дѣти, начинаются пріятно, а рождаются ужѣ съ болью. — Безпорядокъ или разстройку состоянія можно сравнивать съ комомъ снѣжнымъ, коего величина прибавляется по мѣрѣ его обораживанія или катанія по снѣгу.

Благоразуміе велитъ думать о будущемъ. Для сего расходъ долженъ быть употребляемъ изъ двухъ третей дохода, а не цѣлыхъ трехъ: безъ этого жъ возможные непредвидимые случаи могутъ лишить насъ нужнѣйшаго. Также полезно всегда имѣть нѣкоторую сумму денегъ на несчастный случай: это доставитъ намъ спокойствіе и безопасность.

Всякое состояніе можетъ быть подвержено неожидаемому потрясенію своего богатства. Мало людей, умѣющихъ переносить сіи несчастія съ твердостью: многіе

огорчаются болѣе по гордости, нежели отъ существа самой потери: и когда бы у нихъ осталось еще нѣсколько имущества, чтобъ дожить остатокъ дней своихъ въ умѣренномъ довольствѣ, то они и тогда пожертвовали бъ онымъ для поддержанія еще на нѣсколько времени мнимаго достоинства, которое могли бъ они оставить съ честію, но которое, вмѣсто того, оставляютъ со срыдомъ. Потому каждый долженъ предполагать непредвидимое разореніе, и расчитывать впередъ свои изворотцы, средства и свой планъ жизни.

Хотя богатство бываетъ мѣрою уваженія людей въ свѣтѣ, и хотя бѣдность непріятна и несносна; однако жъ это потому только, что она приводитъ людей, непричастныхъ къ ней, въ посмѣяніе. Но разберите сію насмѣшливость, и увидите, что она происходитъ отъ тщетныхъ и суетныхъ предразсужденій, чтобъ скрыть истинную свою бѣдность и запутанность своихъ обстоятельствъ. Если ваши доходы уменьшились и пришли въ упадокъ, то старайтесь своею умѣренностью уменьшить расходы уже изъ того, что у васъ осталось; и обнаружьте то, чего не можете скрыть. Сохраняйте ту же благонадежность, упованіе и смѣлость; оказывайте ту же высокость чувствъ, ту же рѣ-

шительность въ правилахъ благоразумія и докажите, что счастіе не можетъ лишить оныхъ. Вамъ нечѣмъ поддержать свою роскошь и пышность: поспѣшите тотчасъ ихъ уменьшить. Прежде вы жили въ великолѣпномъ домѣ: нынѣ живите въ маленькомъ домикѣ, украшенномъ простотою. Ваши мѣбели были изъ Индѣйскаго дерева и богатѣйшаго штофа: замѣните оныя мѣблями изъ сосноваго дерева, соломы и толстой шерстяной матеріи; вы будете имѣть такія жъ выгоды, и онѣ будутъ также полезны. Вы пресыщались на серебрѣ и фарфорѣ: нынѣ употребляйте фаянсовую или глиняную посуду; она хотя и не такъ блистательна, но—за то и стоитъ дешево, и также чиста. Ваши шумные пиры изобиловали искромешными заморскими винами и кушаньями утонченнѣйшими: теперь пейте чистую воду съ малымъ количествомъ вина, въ пищу употребляйте зелень, овощи огородные и менѣе мяса; припадки вашей подагры и ваша безсонница сдѣлаются гораздо рѣже; умѣренность въ пищѣ и питьѣ возбудитъ болѣе вамъ апетитъ и сохранитъ лучше ваше здоровье, нежели все искуство прежняго вашего повара и вашего Доктора. Вы имѣли платье шелковое: предпочтите ему саржевое; но — старайтесь превзойти другихъ опрятностью, чистотою, хоро-

шимъ вкусомъ, чтобы оно было къ лицу. Отвыкните и избавьте себя отъ всѣхъ безполезныхъ дорогихъ вещей, отъ всѣхъ украшеній излишнихъ: солнечные часы довольно вѣрно вамъ покажутъ, который часъ; дубовая палка послужитъ вамъ также хорошо, какъ и драгоцѣнная трость; и вашъ табакъ будетъ также свѣжъ въ оловѣ, какъ и въ табакеркѣ съ брильянтами. Вы имѣли множество людей для услуги: теперь откиньте прихоти, кои заставляли въ нихъ нуждаться: вы будете болѣе спокойны, и менѣе будете имѣть досадъ! — Имѣя дарованія, — не краснѣйте употребить ихъ для вашего содержанія: *черной хлѣбъ и честность* — должны быть девизомъ вашей бѣдности. Не гнушайтесь никакимъ средствомъ, чтобъ выдти изъ убожества, только бы это средство было честное. Устройте все такъ, чтобъ у васъ все, одно другому, соотвѣтствовало: не было бъ ничего отличнаго, и ничто бы не разнилось; чтобъ вашъ домъ болѣе походилъ на домъ ремесленника въ благоустройствѣ, нежели на домъ богача разореннаго; чтобъ была въ немъ пристойная чистота и особенный родъ изобилія, хотя бы то состояло въ картофелѣ и хлѣбѣ. Для убранства сберегите только нѣсколько *избранныхъ* книгъ; а для великости вашей — тихую жизнь, не-

порочность нрава, обширныя познанія и вѣжливость вашего обхожденія. Вы почувствуете въ короткое время, что одна честность, одна правота дѣлаетъ почти всѣ состоянія равными: вы найдете новыя пріятности и наслажденія, о коихъ въ большомъ свѣтѣ вы не имѣли понятія, и будете имѣть болѣе выгодъ въ тихой, скромной жизни, болѣе можете быть въ свободѣ, нежели въ томъ, что вы потеряли въ прежнемъ блескѣ. Сначала будете казаться странны; но скоро будутъ удивляться вашей основательности. Вы прежде были только богаты, теперь васъ будутъ почитать мудрымъ. Найдете истинныхъ друзей вмѣсто ложныхъ; они возставятъ васъ, можетъ быть, въ прежнее состояніе: но привыкнувъ однажды къ простымъ истиннымъ удовольствіямъ, вѣроятно уже въ мнимыхъ не будете находить болѣе прелестей, и — вы полюбите умѣренность и простоту.

Тѣ, которыхъ многіе боятся, не всегда бываютъ счастливы. Недостатокъ въ порядкѣ и умѣренности дѣлаетъ то, что люди имѣющіе превосходные чины и достоинства не больше изобилуютъ какъ и нуждающіеся богачи, кои живутъ въ безпокойствахъ, въ недостаткахъ, и коихъ пышный нарядъ есть не что иное, какъ бѣд-

ность прикрытая. Расточительность и затѣйливая пышность многихъ ослѣпленныхъ людей сходствуютъ съ роскошью сихъ грубыхъ мѣщанокъ, кои чванятся по праздникамъ въ дезабилье шелковомъ, въ богатомъ головномъ уборѣ, но коихъ одно неосторожное движеніе открываетъ ихъ худые чулки и дурную рубашку.

Это нынѣ обыкновенно: дѣлать большіе расходы изъ тщеславія, и дрожать отъ скупости по мелочамъ, дабы поддержать первые. Иные заставляютъ своихъ лакеевъ имѣть недостатокъ въ нужномъ, торгуются до излишества съ бѣднымъ ремесленникомъ, у коего уторгованныя двѣ копейки достаточны бъ были для насыщенія щами жены его и дѣтей; заставляютъ дожидать уплаты бѣдному купцу или бѣдному работнику, который только работой питается, и отъ сей проволочки доходитъ до изворотовъ разорительныхъ; и наконецъ они дѣлаются презрительными, унизивъ себя, чрезмѣрно желая заставить себя почитать. Людское невыгодное мнѣніе о скупомъ происходитъ болѣе отъ его скупости въ малыхъ вещахъ, нежели отъ сбереженія важнѣйшихъ. Надобно убавить расходъ на большіе предметы, и поступать бережливо въ малыхъ; платить за услуги нашимъ подчиненнымъ исправно и щедро:

это вѣрнѣйшій способъ — выиграть ихъ уваженіе. Щедрость въ пособіяхъ есть первый знакъ величія душевнаго и доброты сердца; но это уже будетъ заблужденіе — думать, чтобъ быть щедрымъ, надобно быть богатымъ: щедрость всегда можетъ быть соразмѣрна со всякимъ состояніемъ, какое бы кто ни имѣлъ. Кто имѣетъ сто копеекъ и изъ нихъ даетъ двѣ, для смягченія горестнаго положенія бѣдняка, щедрѣе того, который, имѣя сто рублей, отдаетъ только одинъ. — Какіе мы скряги! Въ нашихъ Журналахъ объявляютъ съ восторгомъ, какъ о дѣйствіяхъ благотворительныхъ, объ 10 или 20 рубляхъ, пожертвованныхъ нами! — и когда богатѣйшій человѣкъ въ Европѣ жертвуетъ, въ жестокую зиму, десяти-тысячную часть своихъ доходовъ, дабы обогрѣть множество бѣдныхъ, умирающихъ отъ холоду, то всѣ Газеты кажутся тогда преисполненными удивленіемъ! Между тѣмъ Турки, коихъ мы называемъ варварами, обязаны по своему закону, отдавать бѣднымъ десятую часть своихъ доходовъ; и сію обязанность большая часть ихъ выполняетъ довольно точно, иногда и превышая оную.

Можно быть вмѣстѣ весьма расточительнымъ и очень скупымъ, весьма бережливымъ и очень щедрымъ. Одинъ издер-

живаетъ много, даетъ рѣдко и безъ разбору; другой тратитъ мало, даетъ часто и кстати употребляетъ свои благодѣянія. Надобно бы гордому быть менѣе тщеславнымъ, скупому меньше корпѣть надъ деньгами, а сластолюбцу быть воздержнѣе.

Иной отъ ложнаго и безумнаго воображенія жертвуетъ ежегодно большую сумму денегъ на щегольство и наряды; онъ не прибавляетъ ничего чрезъ это къ своимъ моральнымъ удовольствіямъ; онъ чрезъ это внушаетъ къ себѣ почтеніе только нѣкоторыхъ глупцовъ; но дѣлается смѣшнымъ для благоразумныхъ, и почитается часто за скрягу и негодяя большимъ числомъ людей. Если бъ онъ употребилъ десятую часть своихъ издержекъ на подарки и малыя благотворенія, то ему бы равно одни удивлялись, а отъ другихъ былъ бы уважаемъ, и тѣмъ бы приобрѣлъ хвалы людей благородныхъ и щедрыхъ. Одно превосходство какого-нибудь излишняго украшенія, мебели, драгоцѣнной вещи, (коей великолѣпіе конечно не болѣе для васъ полезно, еслибъ она была и простѣе), могло бъ быть достаточнымъ, чтобъ исторгнуть изъ нищеты цѣлое томящееся семейство, извлечь честнаго человѣка изъ отчаянія, должника изъ тюрьмы, невиннаго удалить отъ порока, больному прекратить страданія.

Несчастный спесивецъ, высокомѣрный человѣкъ! ты тоскующій, печальный, отъ омерзѣнія къ простой пищѣ, отъ скуки, отъ пресыщенія, ты ищешь напрасно забавъ для заглушенныхъ твоихъ чувствъ и прелестей твоей гордости! твой умъ изнуренъ, тѣло твое истощено; но душа твоя еще нова, потому что она не была у тебя въ употребленіи, и ты не думалъ о ея чистѣйшихъ удовольствіяхъ: ты не встрѣчалъ, можетъ быть, никогда взгляда строгаго отъ уваженія къ тебѣ, не видалъ дружбы, улыбавшейся около тебя; твое сердце не трепетало отъ наслажденія, вкушаемаго отъ благополучія ближняго твоего, которое было его произведеніе; оно не содрогалось отъ движеній чувствъ человѣколюбивыхъ, не потрясалось съ очаровательнымъ умиленіемъ, вспомнивъ о благодѣяніи. Ты не видѣлъ никогда благодарности, смиренно повергшейся у ногъ твоихъ; не видишь людей, сомнѣвающихся — Ангелъ ли ты, или человѣкъ; не видишь возведенныхъ къ Небу слезящихся очей, просящихъ благословенія Господня на тебя. Поспѣшай дѣлать добро, быть совѣстнымъ, исправь протекшія безполезныя свои дѣянія; время летитъ, жизнь столь кратковременна, случаи столь рѣдки, и способы находить оные столь мало извѣстны! И что жъ на-

конецъ останется у тебя отъ всѣхъ твоихъ богатствъ? Одно соболѣзнованіе — видѣть ихъ перешедшими въ другія руки. Употреби ихъ лучше на пособія умоляющимъ тебя, и для вѣчности; безъ этого ежегодный твой доходъ послѣдуетъ за тобою въ гробъ твой. Утѣшительныя воспоминанія о благотвореніяхъ пребудутъ вокругъ тебя въ послѣдній твой часъ, и гласъ тайный скажетъ тебѣ: *Не страшись ничего, я тебя сопровождаю: скоро твои дѣянія великодушныя возвысятъ тебя на степень небеснаго совершенства.*

Вотъ способъ сдѣлаться богатымъ. На Бога надѣйся, но самъ не плошай (будь благоразуменъ), т. е. уповая на Него, не должно предаваться безпечности и лѣности душевной; или — Богу молись, и будь дѣятеленъ. — Мы бы устрашились, если бъ сложили подъ одинъ итогъ всѣ тѣ часы, кои проводимъ, ничего не дѣлая, или занимаясь бездѣлками, незначащими вещами.

Праздность есть причина всѣхъ пороковъ; она производитъ болѣзни, а отъ нихъ и жизнь наша сокращается.... Потерянное же время никогда не возвращается. Лѣность находитъ всё труднымъ; дѣятельность же — все легкимъ и удобнымъ. На пути жизни, лѣность влечется такъ мед-

ленно, что нищета или бѣдность всегда ее настигаютъ, какое бъ ни было разстояніе сначала между ими.

Ложиться спать и вставать рано — есть одно изъ правилъ мудраго человѣка, чтобъ быть здоровымъ и счастливымъ. — Безъ труда ничего нельзя имѣть; и тотъ весьма хорошо дѣлаетъ, кто упражняетъ свои десять пальцевъ, дабы имѣть хлѣбъ. — Иное ремесло доставляетъ дохода не менѣе оброку и поземельной подати.

Трудолюбіе и дѣятельность суть лучшее наше богатство и счастіе, знаки покровительства Божія, что вообще надежнѣе и вѣрнѣе, нежели всѣ наслѣдственныя имѣнія.

Настоящій день всегда имѣетъ болѣе цѣны, нежели два будущіе. Имѣете ли какое намѣреніе или предпріятіе для завтрашняго дня? исполните оное сего-дня съ постоянною неутомимостью — и получите исполненія удивительныя. Извѣстно, что въ продолженіе времени водяныя капли пробиваютъ жесткій камень, и что частые хотя и слабые удары топоромъ могутъ повергнуть крѣпчайшій дубъ. — Хотите ли, чтобъ какое-либо дѣло въ точности исполнилось? Подите сами, и присмотрите своимъ глазомъ. Желаете ли, чтобъ оно

не сдѣлалось? Пошлите кого-нибудь вмѣсто себя.

Если не хотите присматривать за вашими работниками, то это все равно, что вы позволите имъ вынимать деньги изъ вашего кошелька. Ничего нѣтъ разорительнѣе, какъ показывать излишнюю довѣренность къ другимъ въ томъ, что касается нашего собственнаго интереса. Въ дѣлахъ на семъ свѣтѣ часто совсѣмъ противное дѣлается, нежели что должно; здѣсь осторожность, недовѣрчивость, сомнѣніе бываютъ нерѣдко спасительны.... Хотите ли, чтобъ я отрекомендовалъ вамъ вѣрнаго, знающаго, расторопнаго слугу, и котораго вы вѣрно полюбите? — Это *вы сами. Служите сами себѣ.* — Желаете ли вы, чтобъ ничего не потерять изъ плодовъ вашего трудолюбія? Присоедините къ вашимъ домашнимъ добродѣтелямъ — *воздержность, умѣренность, трезвость* (ибо онѣ дѣлаютъ тѣло здоровымъ и крѣпкимъ) и *бережливость.* Безъ сихъ удивительныхъ добродѣтелей, вы будете, такъ сказать, вертѣть жерновъ во всю вашу жизнь, и умрете, не оставя копейки.

Не довольно того, чтобъ умѣть пріобрѣтать и наживать имѣніе; но главнѣйшее состоитъ и въ томъ, чтобъ умѣть сберегать. То, что служитъ для пита-

нія одного порока или распутства, достаточно бъ было для уплаты за воспитаніе двухъ дѣтей.

Вы будете стараться дѣлать и извинять зло, обманывая самихъ себя; вы не можете вообразить, чтобъ было большое худо иногда пить *не много* чаю, и попотчивать онымъ *малый* кругъ пріятелей, имѣть за своимъ столомъ *не много* болѣе того, что нужно, одѣваться *не много* лучше проспаго народа, позабавиться *не много*, и проч... Какъ же вы не почувствуете, что соединя вмѣстѣ всѣ сіи *не много*, вы уже потребляете много?

Начните покупать излишнія вещи, и послѣ этого скоро будете продавать самыя нужнѣйшія. Для отвращенія сего, оберните копейку два раза прежде, нежели выпустите ее изъ рукъ.... Вещи, почитаемыя очень дешевыми, часто кажутся такими только по наружности. Сколько людей разорились, прельстясь дешевыми покупками, или дѣлая малыя частыя издержки! Вещей же необходимо нужныхъ весьма мало.

Безразсудно расточать и проматывать свое имѣніе — чтобъ послѣ доставить себѣ досады, сожалѣніе, раскаяніе. Благоразумный человѣкъ научается несчастными опытами другихъ, а глупый едвали и своими соб-

ственными опытами можетъ успѣвать въ наученіи себя.

Шелковыя матеріи, атласы, бархаты, галантерейныя вещи, совсѣмъ не составляютъ истиннаго благополучія нашего. Земледѣлецъ, стоя на ногахъ, ѣстъ гораздо болѣе инаго разнѣженнаго барина, отдыхающаго отъ бездѣйствія на богатомъ диванѣ.

Когда вы купили одну драгоцѣнную вещь, тогда вамъ понадобится еще купить подобныхъ десять, дабы не было ничего несоотвѣтственнаго въ вашемъ нарядѣ или костюмѣ. Но не гораздо ли легче утушить первое пламенное желаніе, нежели удовлетворять многимъ другимъ? Какъ жалки сіи обезьяны небогатые люди, кои хотятъ подражать богачамъ! Они также смѣшны, какъ (въ баснѣ) лягушка, вздумавшая имѣть ростъ быка. Впрочемъ часто тщеславіе въ одинъ день завтракаетъ у изобилія, обѣдаетъ у бѣдности, а ужинаетъ уже у безславія или подлости!

Какую жъ истинную пользу получаютъ отъ роскоши или пышности, для которой столь много подвергаютъ себя опасности, и отъ коей послѣ страдаютъ столь жестоко? Она не доставляетъ ни здоровья, ни достоинства, ни утѣшенія въ безпокойствахъ душевныхъ, ни въ трудахъ тѣлес-

ныхъ; но производитъ завистниковъ и ускоряетъ паденіе богатѣйшихъ фамилій.

Человѣкъ, который входитъ въ долги, дѣлаетъ для нихъ всё то, что можетъ лишать его свободы, — и кажется, будто онъ самъ желаетъ лишиться своей независимости и готовитъ себѣ тысячи оскорбленій, униженій и посрамленій. Если онъ не можетъ заплатить долгу въ назначенный срокъ, тогда ужѣ старается убѣгать присутствія своего заимодавца, или по крайней мѣрѣ краснѣть, трепетать передъ нимъ и, наконецъ, унижать себя постыдными обманами. — Сбросьте сіи срамныя оковы, придерживайтесь вашей независимости, и ищите своего благоденствія въ прудахъ и бережливости; въ нихъ найдете свободу и спокойство. Вы скажете, можетъ быть, что не отягощая себя, можете сдѣлать какую-нибудь шалость или невоздержность въ молодости, и при томъ все-таки наслаждаться вашимъ изобиліемъ. Но это худое разсужденіе! ибо быть дѣятельнымъ и іщапельнымъ должно дотолѣ, пока вы еще въ силахъ, чтобы выработать нѣкоторый запасъ на случай нужды, бѣды и старости вашей. Наилучшія утреннія времена весны очень не долго продолжаются! — Гораздо полезнѣе ложиться спать безъ ужина, нежели вставать утромъ съ долгами.

Употребите всѣ честныя средства для пріобрѣтенія денегъ, дабы разжиться, и не предавайтесь послѣ искушеніямъ и суетнымъ желаніямъ, чтобъ издерживать ихъ безполезно. Вотъ истинный философскій камень, вотъ тайна, столь превозносимая хвалами, чтобъ добывать золото!..... (Чит. статью: *Деньги.*)

ЮНОСТЬ.

Юность любитъ болѣе забавы, нежели здравіе. Молодые люди, подобно безразсудному, который въ рѣшетѣ несетъ воду, не думаютъ о томъ, что дни ихъ исчезаютъ. А опытность всегда уже поздно открываетъ имъ истину.

Правила, нами выученныя въ дѣтствѣ, говоритъ *Квинтиліанъ*, слѣдуютъ за нами даже и въ старости, и впечатлѣніе, ими произведенное надъ умомъ, хотя слабымъ, простирается на нравы и имѣетъ вліяніе на поведеніе. Дѣтскіе умы подобны новому сосуду, который надолго сохраняетъ запахъ сперва влитой въ него жидкости: подобнымъ образомъ трудно изгладить первыя впечатлѣнія, нами полученныя въ юныхъ лѣтахъ.

ЯБЕДА, *подбяческія уловки.*

Нѣкоторый несчастный Римскій жи-тель, будучи жертвою ябедъ, поручилъ свои дѣла двумъ плутамъ, изъ коихъ одинъ былъ Прокуроръ, а другой приказный; сіи два кровопійцы продолжали тянуть дѣло 20 лѣтъ, ибо они также имѣли сношеніе съ противною стороною въ тяжбѣ, и совершенно разоряли защищаемаго ими. Сей же несчастный, обремененный большимъ семействомъ, видя, что нечувствительно истощали все его имѣніе, и утомленный вѣчными отсрочками, пошелъ жаловаться къ Папѣ *Сикету V.* Сей послалъ немедленно за Прокуроромъ и приказнымъ и велѣлъ имъ окончить дѣло подсудимыхъ ими въ три дни; и оно было рѣшено на другой же день поутру; а Прокуроръ съ приказнымъ были повѣшены послѣ обѣда. Сколько есть несчастныхъ, кои желали бы на семъ свѣтѣ такого правосудія!

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ
ВТОРОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
Набожность, *благочестіе.* - - -	1.
Наглость, *дерзость, бійство, безчинство.* -	6.
Надежда, *упованіе.* - - - - - -	7.
Надменность. — *Чит.*: Гордость.	
Назойливость, *докучливость, настойчивость.*	9.
Наружность человѣка. - - - - -	—
Наслажденія. - - - - - - -	—
Насмѣшки, насмѣшливость. - - -	11.
Неблагодарность. - - - - - -	17.
Невѣжда. *Изображеніе невѣжды или худо-воспитаннаго человѣка.* - -	19.
Невѣжество, *невѣжливость, глупость, дурачество.* - - - - - -	31.
Недовѣрчивость. - - - - - -	35.
Недоразумѣнія. - - - - - -	36.
Независимость. - - - - - -	39.
Неловкость. - - - - - - -	40.
Ненависть. - - - - - - -	41.
Неосторожность, *непредусмотрительность, неблагоразуміе.* - - -	42.
Непоколебимость духа. - - - -	43.
Непостоянство, *вѣтреность.* - - -	—
Нескромность. - - - - - -	47.
Нестяжательность *и упованіе на Бога.* -	—
Несчастія, *бѣдствія, бѣды.* - - -	48.
Неумѣренность желаній. - - - -	55.

Неутомимость, *непрыпность, дѣятельность.* 58.
Нечестивость, *нечестіе.* - - - - 59.
Низость души, *униженіе.* - - - - 60.
Ничтожество, *ничтожность.* - - - 61.
Нравоученіе христіанское. - - - - —
Нравственность, *Мораль.* - - - 65.
Нужда. - - - - - - - 89.
Обида. — *Чит.*: Оскорбленіе.
Обманъ. - - - - - - - —
Обхожденіе съ людьми. - - - - 91.
Объѣденіе, *пресыщеніе.* - - - - 92.
Обязанности братьевъ. - - - - 93.
Обязанности бѣдныхъ людей и нищихъ. - 95.
Обязанности воспитателей и наставниковъ. - 98.
Обязанности всякаго человѣка въ отношеніи къ гостепріимству. - - - 102.
Обязанности господъ. - - - - 107.
Обязанности друзей. - - - - 113.
Обязанности дѣтей. - - - - 114.
Обязанности жены. - - - - 125.
Обязанности къ бѣднымъ людямъ и къ нищимъ. 129.
Обязанности мужа. - - - - 135.
Обязанности родителей. - - - - 138.
Обязанности родителей и дѣтей къ воспитателямъ и наставникамъ. - - 147.
Обязанности слугъ. - - - - - 149.
Ограниченность ума *человѣческаго.* - - 155.
Оскорбленіе, *обида.* - - - - 154.
Осторожность, *предусмотрительность, прозорливость.* - - - - 155.
Остроуміе. - - - - - - 158.
Откровенность. - - - - - 162.
Отличность, *знаменитость.* - - - —
Отчаяніе. - - - - - - 165.

Охота псовая. - - - - - - - 164.
Память. - - - - - - - 165.
Патріотизмъ, *любовь къ отечеству*. - - 169.
Печаль, *грусть, тоска, уныніе, сокрушеніе*. - 174.
Писатели. - - - - - - - 180.
Повиновеніе, *послушаніе, покорность*. - —
Подозрѣніе, *недовѣрчивость*. - - - 181.
Поединки. — *Чит.*: Дуэли.
Познаніе самаго себя, *самопознаніе*. - - —
Покаяніе. — *Чит.*: Раскаяніе.
Покорность Божественному порядку. - - 188.
Покровительство, *защищеніе, заступленіе*. - 190.
Политика. - - - - - - - —
Помощь, *вспомоществованіе, пособіе*. - - 191.
Порода. - - - - - - - - 194.
Пороки. - - - - - - - - —
Порядокъ. - - - - - - - 195.
Послабленіе. - - - - - - - 196.
Посольство опасное. - - - - - —
Посредственность. - - - - - 197.
Постъ. - - - - - - - - 198.
Правила для сохраненія здоровья. - - 199.
Правленіе. - - - - - - - —
Правовѣдѣніе. - - - - - - 200.
Праводушіе, *правота, честность*. - - 201.
Правосудіе. - - - - - - - 202.
Праздность. — *Чит.*: Лѣность.
Преданность Богу. - - - - - 215.
Предназначеніе человѣка. - - - - 219.
Предопредѣленіе. - - - - - - 220.
Предубѣжденія породы. — *Чит.*: Порода.
Предусмотрительность. — *Чит.*: Осторожность.

Презрѣніе богатствъ, *безкорыстіе.* - - 222.
Препровожденіе времени *за картами.* - - 223.
Привычка. - - - - - - - 226.
Примѣръ подражанія. - - - - - 227.
Присутствіе Божіе. - - - - - - —
Прихворство. - - - - - - 233.
Провидѣніе, *промыслъ Божій.* - - - 235.
Промыслъ. — *Чит.*: Провидѣніе.
Проницательность, *прозорливость, свѣтлость.* - - - - - - 239.
Просвѣщеніе. - - - - - - - —
Простодушіе. - - - - - - - 241.
Прямодушіе. — *Чит.*: Безпристрастіе.
Путешествія, *странствія.* - - - 242.
Пышность. — *Чит.*: Богатство.
Пьянство. - - - - - - - 243.
Работа. — *Чит.*: Трудъ.
Равенство. - - - - - - - 246.
Равновѣсіе. - - - - - - - —
Равнодушіе, *хладнокровіе.* - - - - 247.
Радость, *удовольствіе.* - - - - - 248.
Разговоры, *говорливость, разговорчивость.* - 250.
Размышленіе. - - - - - - - 252.
Разумъ, *здравый разсудокъ.* - - - —
Раскаяніе, *покаяніе.* - - - - - 261.
Распутство, *развратъ.* - - - - - 263.
Ревность. - - - - - - - 264.
Религія. - - - - - - - - 265.
Ремесло, *промыслъ.* — *Чит.*: Должность.
Робость, *трусость, застѣнчивость.* - - 266.
Родственники. - - - - - - - 270.
Романы. - - - - - - - - —
Роптанія. — *Чит.*: Безполезность роптаній.
Роскошь, *расточительность, мотовство.* - 271.

Румяны. - - - - - - - 287.
Рѣчи привѣтственныя. - - - - - 288.
Самоблюденіе. - - - - - - - —
Самолюбіе. - - - - - - - 289.
Самоубійство. - - - - - - - —
Свобода нравственная. - - - - 291.
Своевольство. - - - - - - 294.
Свойства людскія. - - - - - - —
Святость. - - - - - - - 295.
Сердце человѣческое. - - - - - —
Сила или могущество религіи. - - - 296.
Сила нравственная, *мощность*. - - - 297.
Скромность, *простота*. - - - - 299.
Скука, *грусть*, *горесть*. - - - - 301.
Скупость. - - - - - - - 305.
Слабости, *недостатки*, *погрѣшности*. - - 310.
Слава истинная и величіе. - - - - —
Слезы. - - - - - - - - 314.
Слово, *даръ слова*. - - - - - —
Слогъ лаконическій. - - - - - 318.
Смерть. - - - - - - - - —
Смиреніе, *скромность*, *кротость*. - - 321.
Смѣлость, *неустрашимость*, *отважность*. - 322.
Совѣсть. - - - - - - - 326.
Сокращ. - - - - - - - 328.
Сонъ. - - - - - - - - 331.
Соревнованіе. - - - - - - - 332.
Состраданіе, *соболѣзнованіе*, *сожалѣніе*. - 333.
Спокойствіе душевное. - - - - - 336.
Споры, *противорѣчія*, *преніе*. - - - 345.
Способъ много знать. - - - - - 347.
Справедливость. - - - - - - —

Чит.: Истина.

Ссоры, *распри, вражда, сварливость, побранка, раздоръ, разгласіе.* - - 350.
Спихотворство. - - - - - - —
Страсти. - - - - - - - 351.
Страсть къ вину, *запой.* - - - - 364.
Страсть къ завоеваніямъ и побѣдамъ. - - 370.
Страсть къ собакамъ. - - - - 372.
Страхъ. — *Чит.*: Боязнь.
Страшный судъ. - - - - - 374.
Строптивость. - - - - - 439.
Судьба, *рокъ, жребій, участь.* - - - —
Суевѣріе, *предразсудокъ.* - - - - 380.
Суетность жизни *человѣческой.* - - - 385.
Супружество. - - - - - - 388.
Счастіе, *благополучіе.* - - - - 400.
Табакъ. - - - - - - - 423.
Таланты. — *Чит.*: Дарованія ума.
Твердость характера, *непоколебимость духа, присутствіе духа въ опасностяхъ.* 425.
Театры. - - - - - - 462.
Терпѣніе. - - - - - - - —
Трезвость. - - - - - - 468.
Трудъ, *работа, упражненіе, занятіе, трудолюбіе.* - - - - - 469.
Трусость. — *Чит.*: Робость.
Тщеславіе. - - - - - - 475.
Тѣлодвиженіе. - - - - - - 476.
Тяжбы, *процессы.* - - - - - 518.
Уваженіе къ талантамъ. - - - - 521.
Удача, *успѣхъ.* - - - - - - 522.
Удовольствіе и скорбь. - - - - —
Уединеніе. - - - - - - - 525.
Умъ, *разумъ, смышленость.* - - - 529.

Умѣнье жить, *искусство уживаться сь людьми.* 534.
Умѣренность. - - - - - - - - - 535.
Умѣренность въ пищѣ и питьѣ. - - - - 538.
Упражненіе. - - - - - - - - - 546.
Упрямство, *непреклонность.* - - - - - —
Услужливость, *угожденіе, угодливость.* - - —
Ученіе. Ученость. - - - - - - 547.
Учтивость. — *Чит.*: Вѣжливость.
Философія, *любомудріе.* - - - - - 553.
Франкъ-масонскія *общества.* - - - - 580.
Хвастовство, *похвальба.* - - - - - —
Хитрость, *уловка, ухищреніе, пронырливость.* - - - - - - 581.
Хищеніе, *воровство, кража.* - - - - 582
Хозяйство, *домоводство, домовитость.* - - 583.
Храбрость, *доблесть.* - - - - - 588.
Христіанинъ истинный. - - - - - 592.
Христіанство. - - - - - - - 611.
Царствіе Божіе. - - - - - - - —
Царь. - - - - - - - - - 612.
Цѣломудріе. - - - - - - - - —
Человѣколюбіе. - - - - - - 617.
Человѣкъ. - - - - - - - - 618.
Честность. — *Чит.*: Праводушіе.
Честолюбіе. - - - - - - - - 620.
Честь. - - - - - - - - - 621.
Чины. - - - - - - - - - 623.
Чистописаніе. - - - - - - - 624.
Чтеніе. - - - - - - - - - —
Чувствительность. - - - - - - 628.
Чудеса. - - - - - - - - - 630.
Чужое мнѣніе. - - - - - - - 632.
Шутки. - - - - - - - - - 633.

Щегольство, *франтовство.* - - - - 633.
Щедрость. - - - - - - - —
Щедрота. - - - - - - - - 634.
Эгоизмъ. (*Себялюбіе*). - - - - - - 635.
Экономія, *бережливость.* - - - - - —
Юность. - - - - - - - - 653.
Ябеда, *подъяческія уловки.* - - - - 654.

ИМЕНА ОСОБЪ,

ДѢЙСТВОВАВШИХЪ НА ТЕАТРѢ СВѢТА, ПОМѢЩЕННЫЯ ВЪ СЕЙ КНИГѢ.

Части и Стран.

Агазиклесъ. . . . . II, 65.
Агезилай . . . . . II, 284. 482.
Адріанъ. . . . . II, 168.
Александръ Великій. . I, 96. 150. II, 158. 280. 312. 314. 370. 371. 459.
Александръ I. . . I, 345—345. II, 43. 301. 322. 618.
Альфонсъ *Кастильскій*. . . . . II, 314.
Альфонсъ V. . . . . II, 324.
Анаксименъ. . . . . II, 459.
Анахарсисъ. . . . . II, 553.
Аннибалъ. . . . . II, 481.
Анталцидъ. . . . . I, 275.
Антонинъ. . . . . II, 634.
Арахъ. . . . . I, 59.
Аристидъ. . . . . I, 81. 248.
Аристотель. . . . . I, 329. II, 16.
Аттилій Регулъ. . . . . I, 352.
Бакопъ. . . . . II, 300.
Баяръ. . . . . I, 61. 134. 613.
Боало. . . . . II, 160.
Бонапарте (Напол.). . . I, 6. II, 158. 169. 175. 191. 371. 534. 590.
Бопуръ. . . . . II, 160.
Букингамъ (Герцогъ). . . . . II, 287.
Бутилеръ. . . . . II, 581.
Винкельридъ. . . . . II, 171.
Виргилій. . . . . II, 594.
Вольтеръ. . . . . II, 159.
Вуашоръ. . . . . I, 284.

Части и стран.

Габріель. - - - - - - II, 310.
Газель. - - - - - - II, 347.
Гарлс. - - - - - - II, 190. 251.
Гекепъ. - - - - - - II, 537.
Геліогабалъ. - - - - - - II, 276. 499.
Генрихъ IV. - - I, 351. 379. II, 214. 272. 288. 310. 497. 615. 621.
Генрихъ VIII. - - - - - II, 196.
Георгъ Лудовикъ. - - - - - II, 176.
Гераклитъ. - - - - - II, 176.
Гидеръ-Алп. - - - - - - II, 214.
Гольсъ. - - - - - - I, 189.
Гомеръ. - - - - - - I, 82.
Гонзаго (Катерина). - - - - II, 615.
Горацій. - - - - - - II, 523.
Горацій Коклесъ. - - - - - II, 171.
Гуссепъ. - - - - - - II, 296.
Густавъ-Адольфъ. - - - - - I, 281.
Дамонъ и Пиоілсъ. - - - - - I, 276.
Дезульеръ. - - - - - - II, 268.
Демокритъ. - - - - - - II, 176.
Де Саксъ (Графъ). - - - - - II, 372.
Десженетъ. - - - - - - II, 158.
Дидеро. - - - - - - II, 529. 634.
Діогенъ. - - - I, 82. 229. 341; II, 268. 547.
Діонисій Тиранъ. - - - - - II, 513.
Долгорукій (Князь Я. Ѳ.). - - - II, 324. 449. 453.
Дюкессль. - - - - - - II, 32.
Дюмулепъ. - - - - - - I, 74.
Екатерина II. - - - - II, 210. 529. 634.
Жанъ-Барпъ. - - - - - - II, 241.
Жонсопъ. - - - - - - II, 246.
Зенопъ. - - - - - II, 268. 426. 443.
Нлій. - - - - - - - II, 144.
Іоаннъ *Милостивый*. - - - - II, 132.
Іовъ. - - - - - - II, 466. 468. 632.

Части и стран.

Іосифъ. - - - - - - II, 378.
Іосифъ II. - - - - - I, 283. 618. 623.
Калигула. - - - - - - II, 594.
Калифатъ. - - - - - - II, 18.
Калонь. - - - - - - II, 546.
Камбель (*Миссъ*). - - - - - II, 168.
Камбизъ. - - - - - - I, 367.
Камоэнсъ. - - - - - - I, 83.
Карлъ V. - - - - - - II, 521.
Карлъ IX. - - - - - - II, 594.
Карлъ XII. - - - - II, 245. 247. 314. 371. 484.
Катонъ. - - - - - - II, 480. 552.
Кауницъ. - - - - - - I, 19.
Кимонъ. - - - - - - I, 58.
Киръ. - - - - - - II, 168. 501. 505.
Киръ младшій. - - - - - II, 367.
Коломбъ. - - - - - - I, 312.
Кондильякъ. - - - - - - I, 269.
Корнаро. - - - - - - II, 538.
Корнелія. - - - - - - II, 285.
Кранторъ. - - - - - - I, 248.
Кратесъ. - - - - - - II, 223.
Ксантиппа. - - - - - - II, 328.
Курій. - - - - I, 97. 393. II, 286. 434.
Лазарь. - - - - - - II, 97.
Ланнъ. - - - - - - II, 591.
Ливія. - - - - - - II, 400.
Лизандръ. - - - - - - I, 82.
Ликургъ. - - - - I, 155. 217. II, 395. 478.
Лудовикъ XIV. - - - - I, 379. II, 288.
Лукуллъ. - - - - - - II, 274. 286.
Мандоа. - - - - - - II, 18.
Марій. - - - - - - II, 174. 312.
Маркеллъ. - - - - - - II, 480.
Маркъ - Аврелій. - - - - - II, 552.
Меценатъ. - - - - - - II, 583.

Части и стран.

Минин (Козма). - - - I, 151. 221. II, 171.
Митридатъ. - - - - - - II, 168.
Мольеръ. - - - - - I, 41. II, 567.
Монтань. - - - - - II, 154.
Моисей. - - - - - II, 104. 378. 466.
Моцартъ. - - - - - - I, 234.
Муцій Сцевола. - - - - - II, 171.
Мюпронъ. - - - - - - II, 591.
Най - - - - - - - II, 521.
Невтонъ. - - - - - - II, 5. 153.
Нероцъ. - - - - - II, 276. 312. 499.
Нума Помпилій. - - - - I, 217. II, 314.
Ожеро. - - - - - - II, 590.
Окспшпиръ. - - - - - II, 625.
Окшавій. - - - - - - II, 400.
Олимпія. - - - - - - II, 397. 398.
Оссонскій Герцогъ. - - - - II, 262. 520.
Павла. - - - - - - II, 198.
Пелопидъ. - - - - - - II, 483.
Периклъ. - - - - - - I, 179.
Петръ Великій. - I, 221. 385. II, 205. 314. 372. 449. 460.
Пикъ-Мирандола. - - - - - II, 15. 168.
Пноагоръ. - - - - - - II, 484.
Плавтъ. - - - - - - II, 624.
Платонъ. - - - - - - I. 329.
Плиній *младшій*. - - - - - I, 59.
Пожарскій. - - - - - - II, 171.
Полиньякъ. - - - - - - II, 34.
Помпей. - - - - - - II, 480.
Потемкинъ (Князь Г. А.). - - - - I, 332.
Пріоръ. - - - - - - II, 161.
Разумовскій (Графъ). - - - - II, 609.
Распнъ. - - - - - - II, 251.
Рецъ (Кардиналъ). - - - - - II, 314.
Роберъ. - - - - - - II, 591.
Розе. - - - - - - II, 307.

Части и стран.

Ромулъ. - - - - - - II, 505.
Румянцовъ. - - - - - - II, 588.
Руссо. - - - - - - I, 269.
Сенека. - - - - - - II, 168. 283.
Сенгимій Северъ. - - - - - II, 384.
Сертюрій. - - - - - - II, 480.
Сигизмундъ. - - - - - I, 87. II, 379.
Сикстъ V. - - - - - I, 33. II, 654.
Силла. - - - - - - II, 312.
Симеонъ Столпникъ. - - - - II, 148.
Синезиръ. - - - - - - II, 588.
Скифъ. - - - - - I, 126. II, 371.
Сократъ. - - I, 81. II, 32. 268. 328. 483. 507. 594.
Соломонъ. - - - - - - II, 384.
Солонъ. - - - - - - II, 547.
Спинльпонъ. - - - - - - II, 561.
Суворовъ. - I, 222. II, 16. 34. 55. 58. 162. 171. 193. 194. 227. 318. 460. 476. 484. 500. 534. 537. 624.
Сусанинъ. - - - - - - I, 151.
Сципіонъ. - - - - - I, 60. II, 312. 614.
Сюлли. - - - - - I, 351. II, 537.
Телль. - - - - - - II, 171.
Типъ. - - - - - I, 329. II, 312. 523.
Тиціанъ. - - - - - - II, 521.
Томсонъ. - - - - - - I, 83.
Траянъ. - - - - - - I, 186.
Тюренъ. - - - - - I, 267. 280. 362.
Фабій. - - - - - - II, 479.
Фабрицій. - - - - - I, 7. 14. 86. II, 170.
Фарнезъ (Кардин.). - - - - - II, 201.
Фенелонъ. - - - - - - I, 41.
Филиппъ. - - - - - II, 397. 449. 632.
Филиппъ II. - - - - - - II, 176.
Филопеменъ. - - - - - I, 59. II, 282.
Флакилла. - - - - - - II, 130.
Фонтенель. - - - - - I, 188. II, 351.

Части и стран.

Франклинъ. . . . . I, 341. II, 332.
Фридрихъ II. . . . . I, 381. II, 120. 458.
Хеопсъ. . . . . II, 385.
Цинцинатъ. . . . . II, 435. 477.
Цицеронъ. . . . . II, 481. 523.
Шапелень. . . . . II, 309.
Шапель. . . . . II, 369.
Шекспиръ. . . . . I, 40. 82.
Өемистоклъ. . . . . II, 390.
Өеодосій Великій. . . . . II, 147.
Өеопомпъ. . . . . I, 179.
Эвельйонъ. . . . . I, 35.
Элеасъ. . . . . I, 377.
Эллio. . . . . II. 592.
Эпаминондъ. . . . . I, 82. II, 223. 345. 483.
Эпикшетъ. . . . . I, 329. II, 415. 441. 558.
Эскандеръ. . . . . I, 138.
Юлій Цезарь. . . . I, 286. II, 91. 168. 481. 497.
Юлій II. . . . . II, 176.